

Donal Bartelmi

Учение Дона Б.

Сатиры, пародии, басни,
рассказы в картинках и пьесы

Предисловие Томаса Пинчона

Доналд Бартелми (1931–1989) — американский писатель, один из столпов литературного постмодернизма XX века, мастер малой прозы. Автор четырех романов, полутора десятков сборников рассказов, очерков, пародий. Лауреат десятка престижных литературных премий, его романы — целые этапы американской литературы. Впрочем, не стоит сводить прозу Бартелми к одному лишь постмодернизму как жанру: Бартелми вообще предлагает альтернативный способ самого восприятия текста и показывает, как меняется природа чтения.

В 2017 году в серии «Скрытое золото XX века» мы опубликовали его роман «Мертвый отец» (1975), а в этом сезоне намерены познакомить вас со сборником «Учение Дона Б.» — никогда прежде не издававшейся по-русски умной, смешной и едкой журналистикой Доналда Бартелми, разных лет, с предисловием Томаса Пинчона. С восторгом рекомендуем всем поклонникам самого Бартелми, а также влюбленным в Беккета, О'Брайена, Ионеско.

Литература Бартелми — это прежде всего неожиданности: от сатиры и лиризма до каменно-ликой обыденности, и все это в одном абзаце... «Учение Дона Б.» — краткий курс обучения смеху, меланхолии и английскому языку.

The New York Times Book Review

Доналд Бартелми повлиял на развитие малого литературного жанра своей эпохи в той же мере, в какой Хемингуэй и О'Хара — своей.

New York Times

Так уж вышло, впрочем, что Бартелми остается в той горстке американских авторов, в сравнении с которыми все мы выглядим неважно: они инстинктивно знают, как складывать товар, морочить голову проверяющим и проносить свою ночную контрабанду мимо КПП дневной «реальности».

Томас Пинчон

Никому так настойчиво не подражают авторы малой прозы в Америке, как Доналду Бартелми и Реймонду Карверу.

The Guardian

Donald BARTHELME

THE TEACHINGS OF DON B.

Satires, Parodies, Fables, Illustrated Stories,
and Plays of Donald Barthelme

Доналд БАРТЕЛМИ

УЧЕНИЕ ДОНА Б.

Сатиры, пародии, басни,
рассказы в картинках и пьесы

Москва
2018

УДК 820(73)
ББК 84.7(США)
Б24

Donald Barthelme
THE TEACHINGS OF DON B.

Satires, Parodies, Fables, Illustrated Stories, and Plays of Donald Barthelme
Copyright © 1992 by The Estate of Donald Barthelme
Foreword and editing copyright © 1992 by Kim Herzinger
Introduction copyright © 1992 by Thomas Pynchon

Издательства «Додо Пресс» и «Фантом Пресс»
сердечно благодарят литературное агенство «Уайли», Лондон,
за неоценимую помощь в приобретении прав
на русскоязычное издание этой книги.

Все права защищены.
Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе
на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме
для частного или публичного использования возможны
только с разрешения владельца авторских прав.

Бартелми, Доналд

Б24 Учение Дона Б.: Сатиры, пародии, басни, рассказы в картинках
и пьесы. — М.: Додо Пресс; Фантом Пресс, 2018. — 336 с.

Доналд Бартелми (1931–1989) — американский писатель, один
из столпов литературного постмодернизма XX века, мастер малой
прозы. Автор четырех романов, около двадцати сборников рассказов,
очерков, пародий. Лауреат десятка престижных литературных
премий, его романы — целые этапы американской литературы.
В 2017 году в серии «Скрытое золото XX века» мы опубликовали его
роман «Мертвый отец» (1975), а в этом сезоне намерены познакомить
вас с сборником «Учение Дона Б.» — никогда прежде не издававшейся
по-русски умной, смешной и едкой журналистикой Доналда Бар-
телми разных лет, с предисловием Томаса Р. Пинчона. С восторгом
рекомендуем всем поклонникам самого Бартелми, а также Беккета,
О'Брайена, Ионеско — и Лоры Белоиван, Дмитрия Горчева, Ромы
Воронежского.

© The Estate of Donald Barthelme, 1992
© Максим Немцов, перевод с английского, 2017
© «Додо Пресс», оформление, издание, 2018

Содержание

Ким Хёрзингер. Введение	7
Томас Пинчон. Предисловие	11

САТИРЫ, ПАРОДИИ, БАСНИ
И РАССКАЗЫ В КАРТИНКАХ

Учение Дона Б.: Путь познания янки	20
Я написал письмо.....	27
Вызов	28
Три превосходные трапезы	31
Томьясь, полупогрузившись в лето... ..	35
Дворец.....	37
Дневник м-ра Дурферма	40
Естественная история	44
Звездный час Джокера	49
Автор	56
На этой неделе я с удовлетворением.....	59
Когда я не выиграл.....	60
Возвращение	62
Пора бы уже наконец.....	67
Инаугурация	71
Искусство бейсбола	75
«Игры — враги красоты, истины и сна», — сказала Аманда.....	82
Сомнение на берегу Делавэра	87
Мне уже некоторое время.....	89
Великие прения	90
Чик-чик.....	94
Мин.	99
Прекрасные самодельные супы Доналда Бартелми	102
Приключенье.....	103
Гелиотроп	109
Сердитый молодой человек	111
Корнелл	116
Я, в данный момент.....	117
Теперь, повзрослев.....	119
Говоря о человеческом теле.....	120
Женщина, сидящая на простом деревянном стуле... ..	121
Тот парень в подсобке.....	124

ISBN 978-5-905409-20-2
ISBN 978-5-86471-788-2

Потребовали больше структуры...	125
Нация колес	127
Целование президента	133
А теперь давайте похлопаем «Шоу Эда Салливэна»!	135
Блаженство...	141
Повреждение мозга	142
Многие замечали...	150
Глотание	152
Молодые визитыры	154
Возлюбленная сказала мне...	157
Та космополитная девушка	160
The Тмение	164
Побольше нуля	169
История до сих пор	172
Образ зайки, утрата оного: случай Битси С.	179
Два часа до занавеса	183
Королевское обращенье	186
Лик человеческий	189
Пустошь!	193
Учебно-воспитательный опыт	196
Дракон	202
Информационный бюллетень	205
Фотографии	207
Мы заглянули в «Стэнхоуп»...	213
Что ж, у нас всех были пластинки Уилли и Уэйда...	215
По всему фронту с «Ежегодником»	216
Монументальное недомыслие	220
Приз Дассо	224

ПЬЕСЫ

Друзья семьи	232
Консерватория	251
Белоснежка	269
Благодарности и примечания	304
Комментарии переводчика	312

Ким Хёрзингер ВВЕДЕНИЕ

Произведения Доналда Бартелми не подвластны категоризации. Вообще-то, широко и печально известно: не подвластны они ей настолько, что отсутствие категорий для них замечаешь чуть ли не первым делом. Категории — способ обозначить смысл заблаговременно, а Бартелми никаких авансов никому не раздает, его произведения игриво противостоят решительному фиксированию. «Потребовали больше структуры, — написал он как-то раз, — поэтому мы внесли из дальнего сарая здоровенные занозистые брусья и приколотили их на место железнодорожными костылями».

Самого Бартелми часто спрашивали, как он различает, скажем, «рассказ» и «сатиру» или «сатиру» и «очерк», — и столь же часто ответы его бывали вполне намеренно двусмысленны. Его просто-напросто не слишком заботили правила, какие в подобных случаях применимы. Написанная работа, сказал он однажды, — «сама по себе, если удалась». И все же в 1974 году Бартелми внес некоторые свои работы из дальнего сарая и опубликовал в «Постыдных наслаждениях» — книге, где, как сам сказал в интервью, «приложил некоторые усилия к навешиванию ярлыков на... публицистику, чтобы отделить ее от рассказов». Черту, признал он, «провести было трудновато», но тем не менее провел ее в разумных пределах четко. «Книгу [“Постыдные наслаждения”] я считаю журналистикой. Какая-то часть была написана в гневе — очевидно, это весьма плодотворная эмоция — на правительство. У меня просто такое ощущение, что [эти произведения] следует считать отдельными от художественной литературы».

Работы эти, утверждал Бартелми в кратком предисловии к сборнику, были «написаны по разнообразным случаям и в ответ на всевозможные стимулы и чрезмерные раздражения». По большей части «Постыдные наслаждения» состояли из пародий («позорное занятие, лишь немногим выше плагиата на шкале литературной деятельности») и сатир («простых выражений ошеломленного изумления от полноты и загадочности нашей политической жизни»). Прочие произведения имели отношение к тому,

что «вас дергают за рукава, часто — пять человек в шесть разных сторон. Некоторые — басни со сломанной спиной, а кое-что — ублюдочные репортажи и кое-какие поводы для удовольствия нарезать и подклеить друг к дружке картинки: тайный порок, ставший явным».

«Сатиры, пародии и басни» Бартелми стали направляющим принципом при составлении этой книги, и читатель отметит, что понятия «сатира», «пародия» и «басня» все приводятся в предисловии к «Постыдным наслаждениям». Также читатель отметит, что они не столь уж четко определены, как того пожелал бы редактор, которого хлебом не корми — дай поруководить, не говоря уже — что-нибудь поназывать. И все же это живучие понятия со своими живучими историями — об их природе было написано некоторое количество бодрых книжек и огромное число очень унылых, — да и, в конце концов, ими пользуется сам Бартелми. К счастью, по крайней мере то-сё из того, что мы хотели включить в этот сборник, совершенно ясно представляло собой пародии и сатиру, некоторые произведения, вероятнее всего, были также и баснями, какие-то, вероятно, можно достоверно считать рассказами, а еще какие-то идеально смотрелись бы в книге очерков, вот уж спасибо-то. В корпусе работ Бартелми навалом непокорных произведений, которые не так-то просто разместить даже в той изумительно растяжимой структуре, какую предполагают сатира, пародия и басня.

Да и это полезное предисловие к «Постыдным наслаждениям» не совсем выполняет задачу — как назвать произведения в настоящем сборнике. Издатели, рассудил составитель, могут заупрямиться издавать книгу с названием «Сатиры, пародии, басни со сломанной спиной, ублюдочные репортажи и тайные пороки Доналда Бартелми». А читатели, обратившись непосредственно к разделу «Тайные пороки», могут несколько разочароваться от того, что не найдут там никаких разрекламированных пороков, а вместо них отыщется серия изобретательных прозаических произведений, проиллюстрированных равно изобретательной серией картинок. В интервью «Радио Пасифик» в 1976 году Бартелми представился случай назвать одно из таких произведений «приблудным бычком... как-его-там». В какой-то головокружительный миг это показалось выходом из затруднительного положения. Но отчего-то вышло, что книга под названием «Приблудные бычки и как-его-тамы Доналда Бартелми» не отдаст должного качеству работ, в ней собранных.

Перебаламученный, но усталый составитель сдался. Вопрос решился, и название этой книги, ну или подзаголовок — «Сатиры, пародии, басни, рассказы в картинках и пьесы Доналда Бартелми». Составитель не шутит, когда это говорит, хоть может быть и не вполне уверен, что понимает, о чем толкует. У тех, кто жаждет точности, он просит снисхождения. Да и как бы то ни было, тут виноват сам Бартелми. Именно Бартелми в конечном счете отказывает нам в вере в то, во что нас бы заставлял верить мир. Именно Бартелми постоянно являет в своих произведениях неограниченную свободу структурной изобретательности. Бартелми сам дробит все правила до единого. И сам показывает нам, что правила больше неприменимы — а может, и никогда не были применимы. Вот это и делает его одним из самых значительных и влиятельных писателей нашего времени. Это он виноват.

Решать, что именно из работ Бартелми можно оправданно считать пародией, сатирой или басней — в отличие от рассказа, очерка или как-его-тама — было само по себе трудно. Но лишь к этому все трудности отнюдь не сводились.

У читателей могут иметься все причины верить, что литературное произведение возникает из разума его автора полностью рожденным, каждая работа отдельна от любой другой, снабжена симпатичным заголовком, который, так сказать, неким манером ограничивает ее, не допускает протечки и не позволяет совершенно никакой путаницы. Но методы работы Бартелми очень сильно от такого отличались. Во-первых, он знал то, что известно любому хорошему писателю: все написанное когда-нибудь может быть использовано где-нибудь еще. В целом ряде случаев части опубликованного произведения либо части не опубликованного обретали себе дом довольно далеко от тех мест, где родились. Во-вторых, Бартелми часто работал методом вдохновенного сопоставления — таким способом работают хитрые коллажисты: редактировал, изменял, перекомбинировал и перемонтировал, создавая тем самым из освеженных фрагментов старых работ совершенно новые произведения. В-третьих, некоторые произведения перемещались почти целиком, а единственная значительная перемена в них — совершенно новая рама. А нам известно, что благодаря новым рамам частенько возникают новые картины. Один из неподписанных материалов Бартелми под рубрикой «Заметки и комментарии», к примеру, появился в «Нью-Йоркере» в 1975 году. Еще раз, в слегка измененном виде,

он был напечатан в его сборнике «Тут, в Деревне» (*Here in the Village*), вышедшем ограниченным тиражом в 1978-м, а потом еще раз — слегка измененный ради контекста — появился в его очерке «Не-Знание», впервые опубликованном в 1985-м. Это чудесное произведение, очень милое, и оно уютно встраивается в любой контекст, который Бартелми для него измыслил. Но куда, должен спросить истерзанный составитель, ему следует поставить его сейчас? Хотя оно обрело бы в этом томе совершенно счастливый дом, вы его здесь не найдете. Но не отчаивайтесь. В будущем сборнике очерков вам представится возможность прочесть его — дважды.

Сатиры, пародии, басни, рассказы в картинках и пьесы же, которые вошли в эту книгу, — четырех разновидностей: (1) неопубликованные работы; (2) работы, не входившие в авторские сборники; (3) работы — не романы, само собой, — которые не печатались ни в одном томе его избранной прозы, то есть ни в «Шестидесяти рассказах», ни в «Сорока рассказах»; и (4) работы, которые, хоть и публиковались потом в авторских сборниках, сначала выходили в значительно отличном виде. Информация от редактора сведена к минимуму, но определенные важные данные (вероятное время написания ранее не публиковавшихся работ, даты публикаций работ, не входивших в авторские сборники, сведения о вариантах текста и так далее) предложены в конце книги в разделе «Примечания». Некоторым опубликованным и неопубликованным работам сам Бартелми названий не давал. Те короткие заголовки по первым строкам, которыми их снабдили мы, никакого значения не имеют. Они существуют лишь для удобства определения иначе не озаглавленных работ.

Мы, разумеется, надеемся, что у читателей собранные здесь произведения вызовут улыбку. Доналд Бартелми, если цитировать Роберта Кувера¹, был «одним из величайших граждан современной мировой литературы». Тех, кто не знаком с его работой, этот сборник, мы надеемся, познакомит с ее замечательными сторонами: блистательными и неожиданными наложениями регистров, выговором, темпом и интонацией его прозы, невозможностью ее упростить, ее взаимодействием с неувязками окружающего мира, ее сиротливой занимательностью, ее могучим влиянием на целое поколение писателей, появившихся уже после Бартелми. Для тех же, кто уже знаком с творениями Бартелми, эта книга станет добавкой к канону. И к тому же напомнит им, что они пропустили.

Томас Пинчон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя по всем видимым признакам перед нами собраны всякой всячины, на самом деле сборник этот предлагает полный ассортимент марочного «бартелмизмо» — фикций совершенно вымышленных и удобно расположившихся вне пределов времени, реакций, менее подверженных срокам сдачи и арендным выплатам, на новости былых мгновений, что вместе с тем остаются нашими собственными, не говоря уже о литературных дразнилках, интригующих рецептах, авторитетно развернутых метафорах, программах телевидения, которого никогда не существовало, странно раскрашенных снах, элегантных тирадах, добродушном бреде и еще гораздо, гораздо большим.

Гипертекстуалисту-самоделкину выпадет возможность порыться здесь и пересобрать что-нибудь, часто — с поразительными результатами. По всей книге, к примеру, разбросано с полдюжины или около того кусков, которые, если взять их в совокупности, определяют единую раздраженную медитацию на Уотергейтское дело 70-х, а та может выгодно послужить будущим историкам, стремящимся понять эту византийскую телевизионную драму для домохозяек. Если допустить то есть, что к Бартелми она пришла через Ящик, теми же боковыми коленчатыми галсами, что и ко всем остальным нам, в каком-то случае читателям может быть полезно ознакомиться с «А теперь давайте похлопаем "Шоу Эда Салливэна"!» — хорошим общим обзором процедур телепросмотра у Дона Б., равно как и доказательством сияющего качества его внимания.

Пытаться описать политические убеждения Бартелми — задача такая же хитрая, как попытки наклеить ярлык на его произведение, но Уотергейт уж точно его раззадорил. Никсон к тому времени уже мутировал в отчаявшуюся и обезличенную силу, перестал быть обычным традиционным Президентом человеческой разновидности, а превратился в какого-то безликого мелкого божка недомыслия. Бартелми, вероятно, в виде какого-то анархистского проклятия, просто зовет его «этот Президент». Ярость, кроющаяся за таким обозначением, спровоцированная

нескончаемым зрелищем национальной политики в США, председательствовать в которой может кто угодно, достаточно естественна, если вы посмотрите на те режимы, при которых Бартелми выпало работать. Среди множества печальных последствий его кончины — и то, что мы никогда не узнаем, как бы он поступал, стань его персонажем Буш, хотя «Целование Президента» с его размышлениями о Рейгане и может послужить продромальной подсказкой.

Еще одна интересная комбинация — вставной материал из «Ночным ко многим дальним городам», который предлагает пример того, как Бартелми взаимодействовал с материалом сновидений. Одна из нескольких униженных особенностей зарабатывания себе на жизнь сочинением художественной литературы: здесь в конце концов почти все прочие по всему капиталистическому спектру, от перевозчиков фортепиано до системных аналитиков, бодро торгуют своими телами или частями тел согласно освященным временем обычаям и привычкам, тогда как лишь писатели, вытесненные за края развлекательного сектора, жалкие и презираемые, вынуждены более сокровенно и болезненно на самом деле торговать своими снами — да, сны, как вы сами убедитесь, нынче стали точно таким же товаром, как свиные фьючерсы на финансовой странице газеты. Хотя бодриться по этому поводу в большинстве случаев бывает нравственно нетрудно, ибо сны все равно редко попадают в набор хоть с чем-то, напоминающим первоначальную стоимость продукции. Даже если вы умеете быстро приходить в сознание, научились разборчиво писать в темноте и так далее, все равно никуда не денется необходимость записать все это такими словами, что сумеют вернуть вам чуточку ясности и охвата, силы эмоции, трансцендентной жути этого первобытного опыта. Поэтому можно смело спорить, что снам большинства писателей, возможно даже включая лучших, удастся остаться в конечном итоге непереверденными и глубоко личными.

Так уж вышло, впрочем, что Бартелми остается в той горстке американских авторов, в сравнении с которыми все мы выглядим неважно: они инстинктивно знают, как складывать товар, морочить голову проверяющим и проносить свою ночную контрабанду мимо КПП дневной «реальности». То, что он называл своим «тайным пороком» — «нарезать и склеивать картинки», — подобно по крайней мере тому, что происходит в снах, где образы из общественного достояния, говорят, сочетаются так же — уникально,

лично, а если повезет — и духовно полезно. Как именно, стало быть, удалось Бартелми протащить их в печать или, уж раз на то пошло, облечь в форму картинок, вынудить перерождения происходить так, как они происходят у него, и тому подобное — для меня слишком загадочно, хотя из цеховой солидарности я б, вероятно, не стал ничем подобным делиться, если б даже знал. Как бы то ни было, воздействие всякий раз таково, что мы оказываемся в присутствии чего-то зловеще знакомого... это напоминает нам, что мы уже жили в тех воображаемых городах и призрачных лесах, что древние лица, в которые мы смотрим, — лица нам знакомые...

Конечно, Бартелми умел работать и в более дневных режимах. Пародии на те работы, какие почему-либо его раздражали, хоть и озорны, но вполне прямолинейны. «Два часа до занавеса» — внимательный и нежный образец репортажа. Радиопьесы и такие произведения, как «Звездный час Джокера», наводят на мысль, до чего много чистого удовольствия, должно быть, получал он, сочиняя диалоги. Иногда чувствуется, как у него от этого кружится голова. Возможно, это поколенческое — результат того, что рос он в «золотой век» радиодрамы, когда речи, музыки и звуковым эффектам приходилось занимать собой все внимание публики и тащить на себе весь спектакль. Воображаю, как он писал ту вещицу о Бэтмене, стараясь по ходу дела не покатываться со смеху, поскольку это могло бы помешать удерживать идиотски медленный пульс, который ему хотелось создать, — во все не его обычный темп повествования, мечущийся в диапазоне между лихорадкой и нуль-транспортировкой.

Есть к тому же и произведения, слишком свободные от формы, чтобы называться пародиями, слишком смешные, чтоб быть простыми инвективами, — они выражают глубокую досаду Бартелми на произвольное число того, что для него избирательно оскорбительно: федеральное правительство, День благодарения, примерно все из Калифорнии — вероятно, не столько географической, сколько психологической Калифорнии, с ее репутацией убежища, скажем так, всем, принимающим желаемое за действительное, стремящимся самыми неортодоксальными способами отвергать ход времени, отказываться от того, что время несет с собой в смысле старения, от зол истории, от поворотов Фортуны. Как большинство писателей, всерьез относящихся к тому, чем занимаются, Бартелми не мог себе позволить такой роскоши, а потому не переваривал тех, кто, как ему казалось, этим роскошеством потакал.

Взгляните, к примеру, на «Учение Дона Б.». Хотя по виду это писательская реакция на какие-то цеховые слухи о сделке Карлоса Кастанеды с «Саймоном-и-Шустером» насчет первой книги о Доне Хуане, тут Бартелми еще и с удовольствием поддается раздражению на вовлеченные стороны, саму книгу и культуру вечной юности, что позволила ей процветать. Знаковым текстом тут, похоже, будет Второе послание к Коринфянам: «Ибо вы, люди разумные, охотно терпите неразумных»². Мудрая сатирическая практика требует чувствительности и навыков повара, готовящего рыбу фу-гу, потребных для пригляда за ядовитостью, — то есть необходимо знать, сколько страдать, с какой готовностью, а когда уже сдать ярости и наслаждению наконец-то накинуться на рассматриваемых неразумных. Временное чутье у Бартелми в этом отношении безупречно, хоть нашему автору, к сожалению, и не довелось стать брызгой мирового уровня, сопоставимым, скажем, с Эмброузом Бирсом³, посредством упрямых контрритмов того органа, что продолжал оставаться незлобивым сердцем, полным надежды. Почти всё в нетерпимости идиотизма этим мастером своего дела таило в себе нежность и сердечность, какие всегда пробиваются, стоит Бартелми сбросить покров иронии, даже на минутку. А сверх этого еще и, разумеется, его неизбывная печаль. Этот элегичный голос — «Жены рассерженных молодых людей в настоящее время замужем за другими людьми — преимущественно врачами». Это вот «преимущественно». Так и думаешь о музыке Дица и Шварца, о Фреде Астэре, поющем Дица и Шварца⁴ — просто вот об этом сочетании изящества и разочарованности, мрачноватых слов и минорных тональностей.

Меланхолия. Как вам мог бы сообщить любой елизаветинец, если бы все они уже не умерли, меланхолия — заболевание намного богаче и сложнее, чем простая депрессия. В ней щедрый размах возможностей, шансы на продуктивное поведение, даже то, что можно определить как чувство юмора. У Бартелми меланхолия была особенной городской разновидности — она связана с тем выражением иммунитета к радости или даже удивлению, какое видно на лицах таксистов, барменов, уличных торговцев, газетных редакторов отделов городской жизни, устало взятый на себя обет терпеть бремя дня и ужасы ночи. Юмор в таких условиях склоняется к антитрансцендентному — он сродни юмору тюремному, военному и юмору родео, для него высшее развлечение — неудача и утрата, и он изо дня в день, от одного бедствия к другому радуется выживанию.

Но за собственной личиной гладкого городского утонченного интеллектуала Бартелми все равно томился, как это ни тревожно, по этому старому доброму завсегдаю «Молочной королевы»⁵ в какой-нибудь приметной шляпе, на заднем сиденье у кого, как было некогда известно, перекачивались открытые коробки, где укрывались шаловливые трезы техасского вертопраха, не говори уже о протяженном отрезке ДНК, посвященном лишь тому, чтобы засекал разнообразные чрезвычайно маринованные продукты свиноводства и наслаждаться ими. Согласно принципу, что мальчишку из деревни вывезти можно, но не наоборот, Хьюстон, штат Техас, его родной город прежде Нью-Йорка, должно быть, будил в Бартелми некое живое внутреннее беспокойство, а его любовь-ненависть с этим местом меж тем длилась, похоже, почти всю его жизнь. Судя по тому, что о Хьюстоне примерно в то время помню я, он мог вызывать одни чувства с такой же легкостью, как и другие, — и к тому же порциями техасского размера. В те дни «Астрокупол»⁶ стоял совсем новенький. Кондиционирование воздуха в городе было повсеместным. Существовали планы возвести купол над частью центра города и аэрокондиционировать его, создав то, что теперь мы бы назвали «торговым центром». Целые бульвары отводились под церкви — бок о бок, одна за другой, можно переключить семейный автомобиль на низкую передачу и буквально объезжать места поклонения с экскурсией. Ближайшей точкой шмали, секса и рок-н-ролла — и тогда, и сейчас — был Остин. Новый космический центр НАСА в Буйволином байю нанимал по-тяжелой⁷, а из болот вокруг москиты сосредоточенно разносили эпидемию энцефалита. Из Хьюстонского симфонического оркестра сэр Джон Барбиrollи⁸ изваял изошренно первоклассный инструмент, а подростковая музыкальная ересь сосредоточивалась на калифорнийской культуре серферов — хотя в Заливе прибой имел место лишь в ураганы, все равно можно было видеть, как всевозможные детки разъезжают повсюду с какими-нибудь дровами в деревянных кузовах, напропалую хлещась досками, ни разу не словившими волны, словно бы стараясь все это превратить в Калифорнию. Во что угодно, только не в то, что есть.

Какие бы психологические следы Хьюстона в Бартелми ни задержались, он, к счастью, привез с собой в Нью-Йорк свое юго-западное пищевое сознание, хотя теория еды «текс-мекса», какую он тут нашел, должно быть, его встревожила — она зиждется на томатном соусе и на вкус неотличима от итальянской,

только с «Табаско». Рецепты, напечатанные в этом томе, тем самым могли развиться из некой ностальгической необходимости.

Ох уж эти рецепты. Ох уж эта смесь для супа из бычьих хвостов. Это «рагу» с замороженными утками в нем? Достопримечательный миг в поварской психопатологии как пить дать — однако гениальность Бартелми такова, что даже у самых свинофобных или утконетерпимых из нас к концу рецепта начинают бесстыже течь слюни. Ингредиенты у него поступают скорее не из Нью-Йорка, откуда-то из США, названия торговых марок всегда полезны для какого-нибудь припоминания его родины, они по большей части в жестянках или как-нибудь иначе законсервированы — еда, предназначенная, чтобы стоять на полке или в морозилке много месяцев до того, как ее применят в пищу, и каждая трапеза, открытие каждой банки или разморозка обеда — повод для грусти, поскольку это все равно что использовать сон или воспоминание в литературном произведении, возвращать в ход времени такое, что иначе могло бы длиться дальше, подвешенное, освобожденное. Это кухня одиночества, она намекает на избыток ночей скуки без семьи, когда ешь над раковиной, а такой стиль жизни точно был не для Дона Б. Ему не нравилось оставаться одному, он предпочитал общество, каким бы несуразным оно ни было, отсутствию какого бы то ни было общества. В больших городах такая готовность общаться способна увести человека и впрямь по весьма причудливым улицам, к чему угодно — от мизантропии с узи наперевес до полного Дикензова принятия всего людского многообразия, со всею его глупостью и прочим. Но двигаться в такую сторону, раскрываться, а не замыкаться, означало бы рисковать возможностью обрести духовные измерения, что рано или поздно прячутся в том пространстве, которым он, по его мысли, владел и которое знал, — а каким неизбежно станет следующий шаг после этого? Травы, кристаллы, астрология? Калифорния?

Тем не менее здесь есть два иллюстрированных рассказа: «Фотографии» — о научном открытии души — и «Премия Дассо» — о состязательных поисках Бога, — и как нам их понимать? Два британских ученых, впутавшись в очередную ошеломляюще затянутую беседу, договариваются уничтожить полученные фотографии души. Их французские коллеги, которым не удастся обнаружить Бога, создают побочный продукт этих поисков — целый музей оборудования безумных ученых. В обеих историях распадаются устремления

к трансфинитному — на колкие диалоги, эксцентричные технологические грезы, заново переплетенные с Землей и приземленные. У писателя, менее присущего данному миру, такое могло бы стать поводом для некоего дешевого злорадства. Но поскольку такова еще одна роскошь, какую Бартелми не мог себе позволить, ему пришлось придерживаться надежной меланхолии — не такой драматичной тональности, а той, которой он мучительно добивался и нащупал ее достойно.

Не то чтоб это были попытки раздуть Бартелми как какого-то матерого метафизика. Боже упаси. Он был слишком уж привязан к календарным датам и поименованным улицам, его слишком занимало каждодневное — как волшебника Мелькиадеса у Гарсии Маркеса в романе «Сто лет одиночества»: «Однако, несмотря на свою безграничную мудрость и ореол таинственности, он был человеком из плоти, вес ее притягивал Мелькиадеса к земле, делая его подвластным неприятностям и заботам повседневной жизни»⁹. Потому что все его поддающиеся проверке чудеса по природе своей литературны и Бартелми, вероятно, ни в каком обозримом будущем святым не сделают. Но вместе с опубликованным корпусом работ другой его важный дар нам — именно эта меланхолия, представленная, стоит лишь в нее взглянуть, как практика и конкретный пример, как способ протащить нас насквозь, обменяв время на зрелище, то и дело даже даруя, как пели некогда в конце «И-го-го», «улыбку и разок-другой ха-ха»¹⁰. Если это и не вполне наставленье для озадаченных, то вполне годное честное сопротивление силам, у которых в фаворе трагедия, — а кому из нас не хотелось бы оставить по себе нечто такое же?

В любом случае все встанет на свои места, когда в эфир наконец выпустят биографическую кинокартину или «Историю Доналда Бартелми». Это будет минисериал, снятый специально для кабельного телевидения, где в главной роли снимется двойник Бартелми Льюк Перри¹¹. Впервые появившись на малом экране, Пол Ньюмен сыграет эпизодическую роль Нормана Мейлера, за которую получит «Эмми». В этой картине Бартелми вернется — где-то в последней серии — в Хьюстон. Давние его соседи принесут ему судки с едой, Кири Те Канава и Уилли Нелсон¹² приедут спеть ему попури из классики кантри в зрелищно освещенном «Астрокуполе» перед аншлаговой толпой зрителей. На самого Дона Б. накинута шикарная тexasская помидорка всех форм и размеров, сыгранные начинающими

актрисками, считающими, что нужно быть полюбезней с ассистентом режиссера, они станут ворковать и визжать, обеспамятев. Бармены в жалких с виду придорожных салунах, где все пластинки в музыкальных автоматах — времен юности самого Бартелми, смешают ему идеальные городские коктейли вроде мартины и «сингапурских пращей», и все это будет за счет заведения.

Он пойдет сидеть в мексиканских едальнях где-нибудь на задворках, целыми днями и вечерами лопаая особые блюда шеф-поваров, недоступные для средней клиентуры, в которых будут присутствовать перцы чили, даже для посадки которых нужно разрешение Министерства энергетики, и так далее. Ему вручат ключи от города и покатают на пожарной машине. Все рецензенты, громившие его произведения много лет назад, слетятся теперь в город, оплачивая полную стоимость билетов из собственного кармана, чтобы смиренно извиниться. Все его книги снова появятся в списках бестселлеров. Майк Овиц из АХТ¹³ позвонит из Голливуда, с планами на высокобюджетное кино по мотивам какого-нибудь рассказа, о котором и сам автор уже не помнит, что когда-то его писал, и Бартелми поставит его звонок на паузу, а сам прогуляется к холодильнику за следующим пивом.

Как катастаз уступает место катастрофе, изображения Бартелми постепенно сменяются изображениями людей, говорящих о нем, изображениями города, парковой территории, закатов, больниц и тому подобного. Последнее, что мы видим: Бартелми едет на некоем сером, загрунтованном «транс-аме»¹⁴ — мечте изгоя, — выкатывается на скоростную трассу, мягко рочочет вдаль в вечерней духоте и влажности, Молния Хопкинз фоном пост «Детка, прошу, не уходи»¹⁵, камера отъезжает на вертолете, вьется все выше, пока ползут титры: производство, техники, вторые съемочные бригады в Хьюстоне и Нью-Йорке, репетиторы диалогов, укротители уток. По всей людной прерии зажигаются огни. Альбом выпущен фирмой «Пластинки Вертопраха»¹⁶. Две секунды спокойной, нейтральной темноты. За ними — анонс выпуска новостей в десять.

Сатиры, пародии, басни и рассказы в картинках

УЧЕНИЕ ДОНА Б.: ПУТЬ ПОЗНАНИЯ ЯНКИ

Несколько лет назад, занимаясь антропологическими полевыми исследованиями в Манхэттене, на Западной Одиннадцатой улице я познакомился с янки мужского пола и неопределенного возраста, чье имя, как мне сообщили, было Дон Б. Когда я его обнаружил, он опирался на здание в глубокой апатии — вероятно, глубочайшей апатии, какую мне доводилось видеть. Человеком он был довольно высоким, с неубедительной бородой, а одет, по деревенской моде¹⁷, в джинсы и синюю рабочую рубашку. Нас представил друг другу общий знакомый, и затем я объяснил: мне говорили, будто ему известны тайны неких галлюциногенных веществ, свойственных культуре янки, а я в этом профессионально заинтересован. Я выразил желание научиться тому, что знает он, и спросил, нельзя ли мне с ним на эту тему поговорить. Он просто воззрился на меня, ничего не отвечая, а затем произнес:

— Нет. — Вместе с тем, отметив смятение, какое, должно быть, отчетливо нарисовалось у меня на лице, он сказал, что я волен вернуться, если пожелаю, через два года. За это время он обдумает мое предложение. После чего снова закрыл глаза, и я его покинул.

Вернулся я летом 1968 года и обнаружил, что Дон Б. по-прежнему опирается на то же самое здание. Апатия его теперь весьма приближалась уже к явному унынию, но приветствовал он меня достаточно учтиво. И вновь спросил я у него, не примет ли он меня к себе в ученичество. Он долго смотрел на меня, после чего вымолвил:

— Да. — Но, предупредил он, состояний неординарной реальности кто угодно достичь не может, а если кто угодно случайно и забредет в состояние неординарной реальности, кто угодно может и будь здоров об этом пожалеть. Культура янки — штука пугающая, сказал он мне, в нее нельзя вступать легко, для такого нужно готовить свое сердце. Согласен ли я, спросил он, претерпевать боль, восторг, потрясение, ужас и скуку такого опыта? Не боюсь ли я, к примеру, щекотки? Я заверил его, что готов и щекотки не боюсь — ну, или боюсь не чересчур. После чего он завел меня в здание, на которое опирался. Пригласил меня в маленькую, но скверно обставленную квартирку, содержащую сотни книг, сложенных случайными стопами. Посреди комнаты ярко пылал огонь. Подбросив в костер еще несколько книг, Дон Б. пригласил

меня сесть, и у нас начался первый из, как впоследствии оказалось, долгой череды разговоров. Нижеследующий материал, воспроизведенный по моим полевым заметкам, был несколько сокращен: скучные части изъяты, — но в общем и целом он точно передает происходившее в тот период, пока я был учеником Дона Б.

При взаимодействии с любой системой толкования мироздания, отличной от собственной, необходимо применять метод восприятия без суждения. Я его применял и призываю читателя поступить так же.

11 июня 1968 г.

Мы сидели, скрестив ноги, на полу квартиры Дона Б. лицом друг к другу, а между нами горел костер, невзирая на лето. Я решил спросить у Дона Б. об этом огне, поскольку в комнате было заметно жарко.

— Зачем горит огонь, Дон Б.? Здесь жарко.

Дон Б. некоторое время смотрел на меня, ничего не отвечая. Затем сказал:

— Огонь горит затем, что гореть — его природа. Огонь — друг. Но следует знать, как с ним обращаться. В нем содержится тысяча незримых *brillos*¹⁸ — если выпустить их на волю, они могут нанести значительный урон жизни и имуществу. Именно для этого у нас есть пожарные машины. Пожарные машины поливают Огонь водой и топят незримые *brillos*. Те боятся воды.

— Что есть *brillo*, Дон Б.?

— Некий бес, он незрим.

— Но почему ваш огонь не прожигает дыру в полу?

— Потому что я понимаю Огонь и знаю его тайны, — сказал Дон Б. — Когда я был маленьким мальчиком в городе Филадельфия, Огонь захватил много домов, магазинов и прочих зданий и сжег их дотла. Но моего дома он так и не захватил, потому что я знал его тайны, а он знал, что я знаю его тайны. Потому-то и не приближался.

— Каковы же его тайны, Дон Б.?

Дон Б. громогласно расхохотался.

— Ты глупец, — сказал он. — Ты не человек знания. Только человек знания способен понимать тайны. Если б я даже рассказал тебе тайны Огня, они б тебе негодились.

— А я могу стать человеком знания, Дон Б.?

Дон Б. умолк. Несколько мгновений он не отрывал взгляда от своих коленей. Затем пристально посмотрел на меня.

— Возможно, — сказал он.

Я ушел, исполненный могучего и глубокого ощущения тепла.

15 июня 1968 г.

Мы сидели, как и прежде, на полу в квартире Дона Б.

— Что есть человек знания, Дон Б.? — спросил у него я.

— Человек знания, — ответил Дон Б., — это тот, кто знает.

Он не только знает — он знает, что знает. У него есть союзник, который помогает ему знать.

— Что этот союзник делает, Дон Б.?

— Союзник помогает человеку знания знать, а еще помогает ему знать, что знает.

— У вас есть союзник, Дон Б.?

— Конечно.

— Кто ваш союзник, Дон Б.?

— Индея, — сказал он и громогласно захохотал.

Я ушел, исполненный ощущения, что услышал его неверно.

17 июня 1968 г.

Я принес Дону Б. немного еды. Мы сидели на полу и в молчании ели феттучини на ржаном хлебе. Я заметил, что, хотя Дон Б., как правило, ел очень мало, если на полу было два сэндвича, он съедал две половинки своего и половинку моего, что я считал немного странным.

Ни с того ни с сего он сказал:

— Тебе неудобно.

Я признал, что мне и впрямь как-то неудобно.

— Я знал, что тебе неудобно, — сказал он. — Это потому, что ты не нашел свою точку. Подвигайся по комнате, пока не отыщешь ее.

— В каком это смысле — подвигайся по комнате?

— В том смысле, как посидеть в разных местах.

Дон Б. встал и вышел из квартиры. Я попробовал посидеть в разных местах. Сказанное им не имело для меня никакого смысла. Это правда — в том месте, где я сидел, мне было отчасти неудобно. Но ни одно другое место в комнате ничем лучше мне не казалось. Я экспериментировал, сидя на различных участках, но так и не сумел обнаружить точку, которая ощущалась бы лучше любой другой точки. Я вспотел, мне стало неудобнее прежнего. Прошел час, затем два. Я сидел изо всех сил сначала в одном месте, потом в другом. Но ни одно не казалось желанным или

особым. Интересно, где Дон Б.? И тут я заметил, что некая точка неподалеку от южной стены испускает нечто вроде желтого свечения. Я мучительно стал переседать к ней, одна присядка за другой, — процесс этот занял около двенадцати минут. Да! Так и есть. В точке, занятой желтым свечением, мне стало гораздо удобнее, нежели в моей первоначальной точке. Открылась дверь, и с улыбкой вошел Дон Б.

— Где вы были, Дон Б.?

— Кинцо глядел. Вижу, ты нашел свою точку.

— Вы были правы, Дон Б. Эта точка гораздо лучше моей прежней точки.

— Разумеется. Ты сидел слишком близко к огню, идиот.

— Но Дон Б.! Что это за желтое свечение, которое, похоже, парит над той конкретной точкой?

— Это лампа, тупица.

Я поднял взгляд. Дон Б. был прав. Непосредственно над моей новой точкой размещался светильник, содержащий в себе две 150-ваттные лампочки. Он был включен.

Я ушел, исполненный могучего ощущения, имевшего отношение к электричеству.

18 июня 1968 г.

Вновь спросил я у Дона Б. о знаменитых галлюциногенных веществах, используемых янки.

Не ответив, он тщательно возложил на огонь еще одну книгу. То была «*Theatrum chemicum Britannicum*» Элайаса Эшмоула¹⁹.

— Когда я чихаю, земля дрожит, — произнес через некоторое время Дон Б.

Я принял сие заявление с известной долей скепсиса.

— Покажите мне, Дон Б., — сказал я.

— Человек знания не чихает по команде, — сказал он. —

Чихает он, лишь когда поступать так подобающе и правильно, иными словами — когда его *brillo* — у него в носу, щекочет.

— Когда же подобающе и правильно чихать, Дон Б.?

— Подобающе и правильно чихать, когда твой *brillo* — у тебя в носу, щекочет.

— А у каждого человека есть свой личный *brillo*, Дон Б.?

— Человек знания как располагает *brillo*, так и сам есть *brillo*.

Именно потому он способен чихать настолько мощно, что, когда чихает, дрожит земля. *Brillo* есть нос, руки, ноги, печенка — вся эта лабуда.

— Но вы же сказали, что *brillo* — это бес, Дон Б.

— Кое-кому бесы нравятся.

— Как же человеку знания отыскать своего личного *brillo*, Дон Б.?

— Применением определенных галлюциногенных веществ, свойственных культуре янки, — сказал Дон Б.

— Можно мне их попробовать?

Дон Б. глядел на меня долго — пристальным взглядом. Затем сказал:

— Возможно.

Я отбыл с сильным ощущением эпистемологической спутанности сознания.

20 июня 1968 г.

— Четыре естественных врага человека знания, — сказал мне Дон Б., — суть страх, сон, секс и Служба внутренних доходов²⁰.

Я слушал внимательно.

— Прежде чем стать человеком знания, человек должен их всех победить.

— Вы победили четырех естественных врагов человека знания, Дон Б.?

— Всех, кроме последнего, — ответил он, скривившись. — Эти выблядки никогда не сдаются.

— Как же победить страх, Дон Б.?

— Берешь лягушку и пришиваешь к ботинку, — сказал он.

— Правому или левому?

Дон Б. поглядел на меня с жалостью.

— Ну, препотешно ж ты будешь выглядеть, разгуливая по улице лишь с одной лягушкой, пришитой к ботинку, а? — сказал он. — По лягушке на каждый ботинок.

— А как лягушки, пришитые к ботинкам, помогают победить страх, Дон Б.?

Но Дон Б. уже заснул. Меня раздирало изнутри. Мои глубже всего лелеемые ценности, как то: доброта к лягушкам — попали под сомнение. Мне действительно хотелось стать человеком знания. Но такой ценой?

21 июня 1968 г.

Сегодня Дон Б. смотрел на меня долго. Взгляд его, обычно столь пронзительный, был пропитан некой влажной иронией.

— Ксаверий, — сказал он, — мне в тебе кое-что нравится²¹. Думаю, дело в твоём легковерье. Вера очень важна, если кто-то

желает стать человеком знания — поистине «видеть». Сдается мне, ты, быть может, когда-нибудь сумеешь «видеть». Но «видеть» очень трудно. Лишь после самой прилежной подготовки сердца ты сможешь «видеть». Хоть ты и не янки, может статься и так, что ты сумеешь должным образом подготовить свое сердце. Не знаю. Я ничего не гарантирую.

— Как же нужно готовить сердце, Дон Б.?

— Его очищают либо желтой теплотой, либо розовым свеченьем. Мне неведомо, что будет правильно в твоём случае. Все зависит от личности. Каждый должен выбирать сам. Поэтому испробуем и то, и другое. Но должен тебя предупредить, опыт сей опасен и липуч. Вся твоя жизнь может зависеть от того, как поведешь ты себя в следующий час. Ты должен выполнять все в точности, как я тебе говорю. Это тебе не детские шалости, дружок.

Меня наполнило ощущением трепета и ужаса. Могу ль я, человек Запада, погрузиться в темнейшие таинства янки, не подвергая опасности себя и свои самые глубокие убеждения? Меня окутала глубочайшая печаль, а за нею последовало неопишное томление. Я их подавил.

— Ладно, Дон Б., — сказал я. — Если вы правда считаете, что я готов.

После чего Дон Б. поднялся и подошел к буфету. Открыл его и извлек два сосуда, которые поставил на пол, подле огня. Открыл второй буфет и вынул два обычных стакана для питья, которые тоже поставил на пол. Затем вышел в другую комнату и вернулся с некой кринкой, закрытой крышкой, маленьким круглым желтым предметом и ножом. Все это сложил на пол у огня. Сам опустился рядом на колени и завел странное, довольно злое песнопение. Я не мог разобрать всех слов, но среди них звучали «город», «пони» и «перышко»²². Я не понимал, надо ли петь мне, но не осмеливался прервать его и спросить. Я принялся подтягивать, робко, это «город-пони-перышко».

Неожиданно Дон Б. умолк и принялся обстругивать маленький желтый предмет. Это ли, стало интересно мне, то самое, что создает «желтую теплоту», о какой он говорил? Вскоре перед ним выросла горка желто-белых стружек. Затем он потянулся к одному сосуду, который вытащил из буфета, и налил из него в каждый питьевой стакан бесцветной жидкости, унции по четыре. Затем скосил глаза и несколько мгновений посидел так, со скошенными глазами. Я тоже скосил глаза. Так мы просидели четыре минуты, взгляды наши промахивались мимо друг друга, однако

встречались, как я чувствовал, где-то в нейтральном пространстве по обе стороны от нас. Ощущение было странное, жутковатое.

Дон Б. раскосил глаза, моргнул, улыбнулся мне.

Протянул руку ко второму сосуду и налил в каждый стакан второй бесцветной жидкости, но гораздо меньше: где-то с полунции на стакан, по моей оценке. После этого снял крышку с крынки и вынул из нее шесть мелких бесцветных предметов, каждый где-то дюйма полтора в поперечнике, положил по три в каждый стакан. Затем взял одну желто-белую стружку и потерю каждый стакан по ободу. А после размешал содержимое каждого стакана указательным пальцем и протянул один мне.

— Пей до дна, не останавливаясь, — сказал он, — ибо, если помедлишь при питье, *brillo*, которого питье вызывает, не появится. И все это ни к черту не пригодится.

Я сделал, как мне велел Дон Б., и осушил стакан одним глотком. Тут же члены мои сотрясла жуткая дрожь, а мозг съезжился в ошеломительной тошноте. Я надолго забился на полу. Осознал (слева направо) глубокую печаль, желтую теплоту, неопишную муку и розовое свечение. Дон Б. наблюдал за мной с презрительной улыбкой на лице. Я потел, мне сводило живот, и мне требовалась сигарета. Слева от себя увидел я, как глубокая печаль сливается с желтой теплотой, а справа неопишная мука перемещивается с розовым свеченьем, как вдруг, встав одной ногой на глубокую печаль / желтую теплоту, а другой — на неопишную муку / розовое свечение, предо мной воздвиглась исполинская фигура, получеловек-полуживотное и высотой в сотню футов (по грубой оценке). Поистине чудовищная тварь! И в необузданнейших фантазиях вымысла не встречал я ничего ей подобного. Я взирал на нее в полном, совершенном изумлении. Она была странна и зловеща, однако — знакома. Тогда, содрогнувшись от ужаса, кошмара и зловещести, осознал я, что это Издатель, и движется он ко мне, чего-то от меня хочет. Я лишился чувств. Когда же пришел в себя, он повел меня на обед в «Лютес»²³, и мы уговорились на аванс чуть за пятьдесят, который я принял, хоть и понимал, что еще не стал, в истиннейшем смысле этого слова, человеком знания. Но впереди и другие книги, рассуждал я, в которых можно стать человеком знания, а если я вдруг застряну, то всегда можно будет вернуться и повидать старого доброго Дона Б.

Я НАПИСАЛ ПИСЬМО...

Я написал письмо Президенту луны, спросил его, есть ли там у них зоны штрафной эвакуации транспорта. Легавые увезли мою «хонду», и мне это не понравилось. Вернуть ее мне стоило семидесяти пяти долларов, плюс душевное здоровье. Вы когда-либо замечали, как буксировочные тягачи отыгрываются на крохотных машинках? Видели когда-нибудь, как они уволокивают «крайслер-империал»? Нет, не видели.

Президент луны ответил весьма учтиво, что на луне никаких зон штрафной эвакуации нет. Душевное здоровье на луне, добавил он, стоит всего доллар.

Ну, мне на той неделе душевное здоровье ух как не помешало бы, поэтому в ответ я написал и сказал, что смогу, наверное, добраться туда к весне 81-го, если космический челнок исполнит свои фарфоровые обещания, и чтоб они там не давали остыть душевному здоровью для меня, кому оно не мешает, а взамен не могу ли я его заинтересовать ведерком ребрышек в красном соусе? Каковое я с радостью отволоку ему туда, если он пожелает?

Президент луны ответил мне, что с восторгом примет ведерко ребрышек в красном соусе, а почтовый индекс у него, если мне вдруг понадобится, такой, — 10011000000000.

Я отбил ему телеграмму, что заодно прихвачу несколько шестериков пива «Перекати-Камень»²⁴, запивать ребрышки в красном соусе, а кстати, как у вас там с квартирным вопросом?

Скверно, ответил он посредством зануд-катодной платины, квартиры идут где-то по доллару в год, он в курсе, что это дорого, но что ж поделать? Эти квартиры с четырьмя спальнями, сказал он, тремя ванными, библиотекой, бильярдной, овощным погребом и террасой с видом на Море Процветания. Может, ему удастся выхлопотать для меня арендную скидку, сказал он, раз я друг луны.

Луна уже начала мне казаться довольно миленьким местечком. Я перевел доллар в фонд «Космический челнок, давай быстрее!».

Яростно колотя в полое бревно с продольной прорезью, настроенное на лунные частоты, я осведомился у него о наиме, медицинском страховании, пенсионных льготах, налоговых укрытиях, потребительских картах и счетах «Рождественского клуба»²⁵.

Все схвачено, луноизлучил он мне в ответ, доллар покрывает все, а если у вас нет доллара, мы ссудим вам доллар через Механизм Развития Луны и Области.

Как у вас насчет войны и мира, поинтересовался я посредством завитых маленьких контуров Алгола²⁶, какие собственно ручно напелл на своем компьютере «Яблочко».

Президент луны ответил (метафорикой боеголовок индивидуального наведения), что в этом направлении они дошли примерно лишь до крестиков-ноликов, а дальше заходить, если получится, не станут.

Через стаи особо проинструктированных ангелов я сказал ему, что, сдается мне, он там все держит в ежовых рукавицах и не согласится ли он случайно подумать и стать Президентом нас? На полставки, если необходимо?

Нет, ответил он (дождем астероидов из подержанных автомобилей с сине-зелеными наклейками на бамперах), наши Президентские кампании, судя по всему, как-то портят кандидатов, вредят им. Кандидаты принимаются колотить друг друга по головам надувными русскими или произносить убийственные глупости о деревьях. Но он бы не против стать Головокружительным Гиллеспи²⁷, сказал он.

ВЫЗОВ

В 1981 году превосходство книжных рецензий японского изготовления на проседающую отечественную продукцию, давно ставшее источником озабоченности для цеховых аналитиков («Паблицерз Уикли», 10 июня 1979 года, «Этот шикарный новый импорт»), радикально поддержали восторженные американские потребители: доля Японии на рынке США возросла до потрясающих 47%. Повсюду возникали глянцевые, экономичные японские рецензии, и стало ясно, что крупные неуклюжие американские рецензии, чья принципиальная конструкция не пересматривалась со времен Орвилла Прескотта²⁸, захали в Город Несдобровать.

Сама душа японской рецензии, коренящаяся в представлении о «маэ»²⁹ — пространстве, связанном со временем, — обширна,

откровенна, ультрасовременна, однако тепла. Именно душу потребители считали приятной — когда расстелишь ее по всему журнальному столику воскресным утром, — эта душа легко носила на себе всю технику, словно синтетический дождевик. В то же время стендовые испытания новых японских рецензий выявляли лютую результативность.

«Накамити Модель 500», к примеру, оказалась способна подвергнуть деконструкции книгу средней протяженности за семь секунд, с искажением в 0,5%, отношением сигнал/помеха 124 дБ и коэффициентом затухания 60: это техническое достижение, превышающее возможности любой американской рецензии. Американские заметки оказывались написанными от руки, как правило, Джоном Кеннетом Гэлбрейтом или Джойс Кэрл Оутс³⁰; новые японские рецензии, напротив, вырабатывались бригадами специалистов в белых халатах под руководством компьютера в промежутках между исполнением гимна компании («Вперед, «Накамити», навеки»). Также в импортных моделях присутствовали многочисленные усовершенствования, с которыми медлительным лобастым американским рецензиям тягаться было совершенно не под силу. В «Санье Модель 350» «всплески» — чрезмерная восторженность — подавлялись особым блоком микропроцессора, который сам по себе умел исполнять гимн компании («Величие, «Санье», доступно»). В марте 1981 года «Ямаха» вывела на рынок крайнюю степень политеса — рецензию с сенсационным «глушением», она же — функция самоотмены (хотя если по чести, то следует отметить, что эта разработка зиждилась на оригинальных исследованиях, проводившихся в компании Леманном-Хауптом³¹ и другими). «Модель 770» компании «Никко» была оборудована трехфутовым пристегивающимся зондом, который на самом деле дотягивался и касался читательских струн сердца при содействии спаренных ЖК-экспонетров сердечных струн.

В японской продукции, разумеется, существуют варианты. Внимательные читатели («маньяки рецензий») могли бы распознать некоторую рыхлость в среднем диапазоне рецензий «Мицубиси»; верхние регистры рецензий «Ямахи» у некоторых моделей бывают чересчур пронзительны; заметки «Субару» считаются «доброжелательными». (Использование компанией «Сансуй» промышленных роботов при сборке книжных рецензий само по себе не считалось инновационным: «Нью-Йорк Ревью оф Букс» уже много лет задействует роботов, обычно — британского

производства.) Но все равно, от очерка к очерку, от доллара к доллару, японские поступления на рынок оказывались стильным полированным хромом, а отечественные попытки — прискорбной, убогой сучковатой сосной.

Этот экспортный вызов к тому же не ограничивается американским рынком. В Англии «Таймс Литерэри Сапплмент», которой никогда не был свойственен либерализм в отношении оплаты рецензентов: «Я согласен принимать птичий корм», как знаменито объявил некогда один брит-критик, — мгновенно переключилась в полностью ниппонский режим, и японцы умело модифицировали основные модели, которые теперь позволяют и невнятное бормотанье — такова излюбленная в Альбионе тактика рецензирования. Импортные модели рентабельны — иначе сказать, дешевы. Один английский романист, известный своим умением выдавать на-гора по два длинных материала в «Санди Обзёрвер» в час, одновременно сочиняя пальцами ног симфонию³², со ссылкой на источник сказал: «Это же просто несправедливо, так его растак!» — и подобная жалоба вновь и вновь озвучивается его коллегами во всем мире. От «Айриш Таймс» до «Коррьере дела Сера» и «Ле Монд», до влиятельной стокгольмской «Афтонбладета» одна капитуляция следует за другой, а большая иена неуклонно плывет к Гиндзе.

В этой стране достигнуты высокие уровни роста безработицы среди рецензентов. «Служба Кёркэс»³³ закрыла свои заводы в Нью-Рошелли, штат Нью-Йорк, и Лордзтауне, штат Огайо. «Паблицерз Уикли», уже испытав на себе давление Министерства труда из-за исключительного найма на работу тринадцатилетних девочек, уволил всю свою рабочую силу, выплатив выходное пособие синей пузырчатой жевательной резинкой. «Бук Уорлд», лит. прил. к «Уошингтон Пост», пошатнулся, а затем рухнул — начиная с номера от 18 сентября, напечатанного на рисовой бумаге и читаемого задом наперед. Великолепные четвертьлобые страницы «Сзтердэй Ревью» выглядели множеством тарелок с суси; держалось лишь «Нью-Йорк Таймс Бук Ревью», где редактор-сан думал тяжкую думу за стеклянными стенами своего кабинета, а перепуганные младшие редакторы репетировали чайную церемонию.

Хотя Национальный круг книжных критиков под водительством Фримот-Смита³⁴ мужественно поддерживает у публики убежденность в глобальной свободе выражения, Президенту

в частном порядке засылались его представители с требованиями введения жестких импортных квот: делались намеки на то, что членам круга будет что сказать по поводу мемуаров Рейгана (по оценкам — 8-миллионнодолларового блокбастера для «С-и-Ш»³⁵), когда он соберется их написать. Известный оценщик «Таймс» объявил, что отныне он посвятит себя исключительно занятиям по икэбане, которые проводит в «Новой школе»³⁶, а знаменитый критик «Ньюзуик» был замечен при входе в здание в превосходно сложенном оби поверх камвольного костюма от Пола Стюарта³⁷.

Неизбежно в декабре рухнуло и «Бук Ревью» — контракт перешел к промышленному гиганту «Хитати» из Осаки. Пока удрученные «таймс»-овцы набивали свои дипломаты вырезками старых рецензий и недоеденными упаковками «Фигурок»³⁸, управляющего директора «Хитати» И. Ямагути представители прессы спросили о тайне успеха его компании.

— Ма лучше знает, — ответил он.

ТРИ ПРЕВОСХОДНЫЕ ТРАПЕЗЫ

В этой статье я намерен рассказать вам, как приготовить три превосходные трапезы из стандартных ингредиентов. Под «стандартными ингредиентами» я имею в виду то, что можно отыскать в любом супермаркете от одного края страны до другого. Я собираюсь называть вещи своими именами и сообщить вам, какие марки я применяю³⁹, не потому, что эти конкретные торговые марки мне платят или я выступаю их доверенным лицом, а потому, что пользуюсь ими каждый день и убедился, что они изо дня в день годятся. Во всяком случае вы заметите, что трапеза подстроена под человека, у которого не слишком много времени рассоливать, но он желает добиться великолепных результатов — лучших, чем если вы попросту употребите эти прекрасные продукты бесхитростно, без наставлений или тонкостей из уст знатока.

Это правда — все эти превосходные трапезы в общем и целом попадают в категорию «Южная кухня», но я подчеркиваю, что ингредиенты их продаются по большей части по всей стране,

и если что-то происходит с Юга, это само по себе не значит, что от него можно отмахнуться как от чего-то «низкобюджетного» или не стоящего даже презрения. Открытый навстречу кухням различных регионов ум — первый признак образованного вкуса.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЗАВТРАК

Для Замечательного Завтрака, предполагаем мы, накануне вечером вы вышли из дому и приобрели 8–10 порций «Жареной Курицы Пучеглаза» в окне самовывоза местного «Пучеглаза» вместе с 6–8 «Пресными Лепешками Пучеглаза». Вообще-то, я не очень уверен, общенациональна ли сеть «Пучеглазов», но на Юге их можно найти повсюду, а потому для нас это будет достаточно общенационально. Можно заменить «Полковником Сэндерзом», если угодно. Средняя семья за первоначальной трапезой употребит около семи кусков курицы и, возможно, четыре лепешки, поэтому остатков на Замечательный Завтрак вам хватит.

По пробуждении возьмите одну упаковку «Смеси для соуса к курице Маккормик» и поместите ее в кастрюльку, добавив половину банки «Прозрачного куриного бульона Суонсона». В этом заключается первая тонкость. Инструкция к смеси для соуса диктует добавлять холодную воду, но добавка «Куриного бульона Суонсона» сделает подливу гораздо гуще. (Тем самым вы удваиваете расходы, но поскольку «Смесь для соуса» обычно стоит около 63 центов за упаковку, а «Бульон» — около 49 центов за банку, это не так уж и много.)

Далее: мелко нарежьте свежую луковицу — очень-очень мелко, где-то на две столовые ложки. Закиньте в подливу. После этого можно добавить белого вина Соаве Болла и довести до кипения, чтобы выпарить алкоголь. Если ваши религиозные убеждения не позволяют принимать алкоголь на завтрак, им можно пренебречь, но что же вы будете делать, когда дойдете до черепахового супа, — исключите херес? Пока подлива кипит на медленном огне, возьмите оставшиеся «Лепешки Пучеглаза» и, накрошив их, поместите в небольшом контейнере в духовку, разогретую до 425 градусов*, приблизительно на восемь минут.

Теперь снимите куриное мясо с оставшихся порций «Пучеглаза» и добавьте его в подливу — при этом тщательно избегайте толстой зажаристой кожицы, которая послужила для вас

* По Фаренгейту. -218°C. — Здесь и далее примеч. перев., кроме случая, оговоренного особо.

изначальным мотивом к приобретению «Курицы Пучеглаза». После чего извлеките из духовки лепешки, полейте их подливой и посыпьте тмином «Острова Специй», стараясь тщательно раздавливать тмин большим и указательным пальцами, чтобы выпустить побольше аромата. Результат — курица с пампушками, которая не сравнится ни с чем по эту сторону от того заведения под жестяной крышей, что располагается на проселке под Тэллэдигой, штат Алабама, о котором мы столько всего слышали, но никто ни разу его не отыскал. Фирменная черта здесь, конечно, лук.

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ОБЕД

Такой обед возможен, когда наступает сезон зеленокожих мексиканских томатов. К счастью, для зеленокожих мексиканских томатов в консервированной версии сезон всегда — их выпускает «Эрдес», — куда также входят перцы чили. Возьмите банку «Тамале Гебхардта» и поместите ее содержимое в емкость, пригодную для духовки. Сверху — слой резаного лука. Добавьте одну банку «Зеленой сальсы с мексиканскими томатами Эрдес». Сверху укройте «Острым измельченным чеддером Крафт», продающимся в запечатываемых целлофановых пакетах стоимостью около \$2,09 за 10 унций. Поверх блюда отсыпьте примерно одну треть пакета и гладко разровняйте сыр ладонью. Запекайте при температуре 425 градусов пятнадцать минут. В более развитых регионах страны будут доступны тамале местного производства (обычно они подразделяются на «острые» или «мягкие»), изготавливаемые одаренным персоналом из местных уроженцев, — ими можно заменить разновидность «Гебхардта». Также можно использовать томаты и чили марок «Знаменитый» и «Ро★Тел», то и другое превосходно, хоть и не зелено. Такой обед наделен сильным мексиканским оттенком вкуса, поскольку в его приготовлении используются ингредиенты, ассоциирующиеся с Мексикой; хотя такая еда ни в коей мере не аутентична, она необычайна.

НЕДЮЖИННЫЙ УЖИН НА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРСОН

Вероятно, вы не знали, что недюжинный ужин на шестьдесят персон можно приготовить из консервированных продуктов, но это правда. Начните с пяти «Полностью готовых к употреблению окороков без костей Дым-А-Рома». Извлеките окорока из упаковок и нарежьте кусками, каждый размером примерно с сигаретную зажигалку «Бик». Отставьте в сторону. Затем возьмите тридцать 15-унцевых банок «Спаржевой фасоли

с ароматом плитного бекона Трэппи», откройте их и оставьте в сторону. Далее подрумяньте тридцать фунтов «Маленьких копчушек Оскара Майера» — это очень хорошие копченые колбаски на один укус. Разрывать их упаковки утомительно, но обычно это можно поручить детям. На том же жире сделайте заправку из муки — всыпьте туда десять фунтов «Муки универсальной Золотая Медаль». Так у вас получится около двенадцати фунтов заправки (мука плюс масло). Отставьте в сторону.

Далее в несколько галлонов воды, налитой в громадные испанские кастрюли, установленные на шесть четырехконфорочных плит, опорожните произвольное количество банок «Томатов Прогрессо, чищенных, по-итальянски с базиликом (*Pomodoro Pelati Tipo Italiano con Basilico*)». Если берете банки крупнее, меньше придется открывать. Добавьте сорок восемь зубков мелко нарезанного «Чеснока Слона», который продается в сеточках в магазинах «Фрида Калифорнийская» и обладает нежной взрывчатостью вкуса, придающей пикантности.

Теперь вы окажетесь в легком смятении, оглядывая могучие силы, которые уже обуздали, но все проще, чем представляется с виду. Следует понимать, что нам и самим не нравится этим заниматься, но, может, у вашей дочери свадьба или еще что-нибудь, и перед вами стоит выбор: доверить решение задачи какому-нибудь ненадежному ресторатору, который просто навешает розовых рюшечек на листья латука по кошмарным расценкам за голову, — или же сделать все самому со свойственным вам напором и доброй волей. Поместите по полфунта заправки в каждую кастрюлю и размешивайте ее, покуда жидкость не достигнет густой темно-бурой расцветки, после чего добавьте окорок, колбаски и спаржевую фасоль. Немного поварите на медленном огне; у вас все прекрасно получается.

Свинина — мотив, что покамест доминировал в общем букете, и у свинины должен быть контрастный вкус. Единственное, что здесь можно сделать, — это зафигачить туда пять «Мороженных утят Ферм Кленового Листа». Разморозьте и нарежьте уток, быстро подрумяньте их на «100 %-ном чистом и натуральном арахисовом масле Лу-Ана», головная контора, Опелусас, штат Луизиана, разложите по кастрюлям, и пусть варятся на медленном огне один час. Насолите (соль «Мортон»), наперчите (перец «Лори») и напетрушите все двадцать четыре кастрюли до чертиков — и можно подавать. Хорошим дополнением также послужат около двадцати фунтов нарезанного репчатого лука, хотя

их, возможно, добавлять нужно было раньше. Если хотите как-то назвать эту превосходную трапезу, вероятно, лучше всего будет считать ее рагу. (Мне бы хотелось отметить вклад Отдела пищевого обслуживания Арканзасского управления исправительных заведений в этот рецепт.)

Другие великолепные рецепты с применением американских консервированных продуктов можно отыскать в моей 64-страничной брошюре, предоставляемой по требованию. Но я не пытаюсь продать вам брошюру, я лишь стремлюсь подчеркнуть приличествующее уважение и любовь к американским консервированным благам, кои не японски и никогда таковыми не станут.

ТОМЯСЬ, ПОЛУПОГРУЗИВШИСЬ В ЛЕТО...

Томьясь, полупогрузившись в лето, исстрадавшийся душою и с нехваткою друзей, решил я отыскать любовь. И потому рванул в магазин новых костюмов и приобрел себе обновку Джорджо Армани, бесподкладочную, а к ней тощенький галстучек-ничто и бронзовую тонировку для лица от «Укрощенья». Рассуждая: овозлюбленная моя, где же ты прячешься? В Музее ль ты Уитни, щекой к щеке с ретроспективой Джорджа Сигала?⁴⁰ Иль ты у «Чокнутого Эдди», склоняясь над ларем с Гровером Уошингтоном-мл.⁴¹ Или в «Спортивных товарах "Образец"», в отделе убийственных ножей? Увяз ли твой большой палец в темно-зеленом авокадо среди фруктов и сельхозтоваров «Балдуччи»?⁴² Едешь ли с подругами на японском десятискоростном против движения по Шестой авеню? Со свистком во рту? Свистя, свистя, свистя сумасбродно?

И вот я ответил на объяву на последних страницах литературного обозрения — рекламная рамка 222, если точнее, — и заполучил себе хорошенькую, бодрую, преуспевающую, энергичную проф. жен. пола, французский, немецкий свободно, остроумную нежную заботливую, триктрак, ракетбол. Когда мы встретились на Пятой-Один в баре⁴³, она приметно трепетала, но я остудил ее примерно полугаллоном «кира»; она и впрямь оказалась хорошенькой, бодрой, остроумной, а звали ее Минди Сью.

Она спросила меня, шел ли дождь в моем районе города, и я ответил, что нет, костюм так и должен выглядеть, это бесподкладочный Джорджо Армани. Какое-то время мы разглядывали мои кредитные карточки, а потом она показала мне свои, робко — свой «Америкэн Экспресс», свой «Эйвис», свой «Бергдорф». Мы обсудили триктрак, ракетбол, три сотни кинофильмов и кризис городов. Затем я произнес:

— Минди Сью, вы хорошенькая, бодрая, преуспевающая жен. пола, свободно говорите по-французски и по-немецки. Вы профессионалка, но также *sportif*. Заботливы, как из ведра, это я вижу. Как же вы оказались в такой жуткой незавидности? Как стали четырехстрочным рекламным объявлением по семьдесят пять центов за слово на задних страницах «Нью-йоркского книжного обозрения»?

— Пит, — ответила она, — нас таких тысячи. Истинный кризис городов, если взглянуть с моей точки зрения, — это брак. Женаты все хорошие мужчины и большинство плохих. Не осталось почти никого, кроме слабаков, детворы да нищевродов. Что тут поделать? Считаете, мне нравится описывать себя как «культурную, чувственную»?

Я ответил, что такого в объявлении не было.

— Ой, — сказала она. — Должно быть, тогда в «Субботнем обозрении». Или, может, в «Хрониках высшего образования». Иногда трудно уследить.

Я сказал, что строкаж она, похоже, гонит хоть куда.

— Ну, какие-то затейки срабатывают, какие-то — нет, — ответила она, немного поплескав себе «киром» за ушами. — Ведь ищешь себе определенную личность, ну? Запечатываешь записку в бутылку и надеешься на лучшее. Вы б видели, что выскакивает из «семиотекста». Или «праксиса 4»⁴⁴. Я вам так скажу, если у журнала логотип набран в нижнем регистре, никаких высот вам и не видать. С розовато-лиловыми зубчиками к тому ж.

Жуть какая, сказал я.

Минди Сью смотрелась чуточку неистово — все дело было в опускании прелестных бровей.

— Кроме того, я, — сказала она, — отвечала на некоторые из этих публикаций. Сама. «Динамичный, привлекательный профессор ищет дополнительных отношений с превосходящей лисой, до 40». Свинство с моей стороны. Типа вот этого рубежа отсечки? Нравится? Типа вот этого «дополнительных»? Что ж, меня наказали. Он привел меня в такое вульгарное заведение,

что, когда я заказала «Вишневый юбилей» фламбе, метрдотель сказал: «Мы никому не поджигаем». Вы это слышите? «Мы никому не поджигаем»?

Я сказал что-то в том духе, что ход периодической любви редко бывает гладок и что некоторое утешенье можно извлечь из превосходного редакционного наполнения — петрушки, так сказать, среди всех этих мясных прилавок.

— Ну, я виню в этом саму чертову себя, — сказала Минди Сью. — Могла б, наверное, сидеть дома и бегло разговаривать сама с собой на свободном французском и немецком. Могла б быть остроумной, нежной, заботливой с кошкой. Могла б пойти на ретроспективу Джорджа Сигала в Уитни и подумать о состоянии человечества или о гипсовых повязках. У меня есть десяти-скоростной японский велосипед и свисток. Никто не вынуждает меня встывать в задние страницы чертова «Нью-йоркского книжного обозрения»...

Похоже, она расстроилась; я лучился ей поддержкой сквозь собственный свежезабронзовелый фасад.

— Но я не сдамся! — произнесла она, стукнув по столу кулачком, отчего в пепельнице заплясали мертвые «Сэлемы». — Я выдюжу. Я проверю, что там за привлекательный, мозговитый проф-отличник, молодежавый, 42, любит музыку, балет, марки и монеты. Я разберусь с приземленным, открытым, высоким гуманистом-идеалистом почти на пенсии, парусный спорт, теннис, хороший кофе. Я встречу, предположительно, стоматолога, 28, искреннего, интеллигентного. Потрачу вечер на душевного, смышленного, типичного ньюйоркца, уверенного, но не озлобленного любителя книг, прогулок, разговоров, концертов. Необходимо пробовать.

Я взял ей вурста и анисовки и сказал, что она храбрая.

ДВОРЕЦ

Я стоял в очереди в банк («Чейз-Манхэттен» на Четырнадцатой улице) в прошлую пятницу, и мне случилось заметить сумму, какую получала по чеку низенькая пуэрториканка передо мной: \$84,06. Я очень быстро отвел взгляд, чек был желт, и я заметил, что в очереди стоит множество белых, черных и пуэрториканских женщин, держащих в руках точно такие желтые чеки

выплат. И я подумал: \$84,06 — это же не так много за неделю работы. Затем попробовал вспомнить, каков минимальный федеральный уровень оплаты труда, — и вспомнил, и попробовал умножить \$1,60 на сорок часов, и вышло у меня неверно, а в банк все входили и входили женщины с этими желтыми чеками в руках (было время обеда), и я взялся прикидывать покупательную способность \$84,06. Это одна сессия у аналитика за \$50 в час, и еще останется \$34,06 на кофе, кексы и квартплату. А одна моя знакомая дама поставила меня в известность, что ее колготки стоят \$2,50 за пару, а один мой знакомый владелец псарни предлагал мне чистопородного родезийского риджбека за \$350, а за \$4385 можно купить себе «понтак-жар-птицу». И домик в деревне...

Но за \$84,06 можно приобрести довольно пристойную теннисную ракетку, и вдруг ни с того ни с сего моему внутреннему взору явилась сцена, в которой все эти дамы, белые, черные и пуэрториканские, несутся в «Эберкромби» или еще куда и отстегивают свои кровные \$84,06 за новенькие теннисные ракетки. И на мгновение в той банковской очереди каждый желтый чек у меня в уме превратился в теннисную ракетку хорошего качества, все эти дамы помахивали теннисными ракетками хорошего качества, а что еще можно сделать с этими теннисными ракетками — только забить меня ими до смерти? Что, если со всеми этими дамами одновременно случится Революция? Что, если они сопоставят одно с другим, всё вычислят, разубьют истинные цифры, все сразу, и затем, вооружившись своими смертоносными «Бэнкрофтами» или «Уилсонами» — у меня же для обороны лишь маленькая карточка, утверждающая, что я член АСГС⁴⁵, — кинутся на меня? Чек же у меня не желт, и выписан он не на \$84,06, а я хоть в принципе и за Революцию, но в последнее время ничего практического не предпринимал. Поэтому, чтобы не думать о такой тревожной ситуации, я стал думать о дворце.

Дворец — вполне чудесное место, там полно кресел Имза и барселонских кресел⁴⁶, и еще картин Поллока и скульптур Дейвида Смита⁴⁷, и прочих координат культурной сетки высшего класса. Отчасти дворец строил Брейер⁴⁸, а потом однажды пришел Мис, пока вся эта штука еще строилась, и сказал что-то в смысле, не будет ли мило, если травертин, каким отделана западная стена, будет идти сюда, а не туда (размахивая в воздухе руками — так архитекторы осуществляют мышление), и Брейер, человек скромнее некуда, сказал:

— Мис, просто смеху ради, давай ты построишь его часть, и я построю часть — и поглядим, что получится? — Ну, Мису играть тоже нравилось, поэтому он согласился, а потом, когда на стройку пришел Корбю⁴⁹, ему тоже захотелось поучаствовать, поэтому на самом деле все восточное крыло строил Корбю. Потом заинтересовались Нерви и Аалто, Нойтра и Сааринен, Луис Кан⁵⁰ и всякие разные другие люди, все сплошь гении — они вносили свою лепту, замыслы, всякие элементики, поскольку никто из них дворцов раньше не строил, в смысле — настоящих, честных дворцов, в отличие от корпоративных штаб-квартир. Король выходил на стройку каждый день в сильнейшей каске и был сам не свой. Никогда не доводилось мне наблюдать, чтобы король, даже ограниченный конституцией монарх, получал от чего-либо такое удовольствие. Самое чудесное — в том, что все это получалось, все прекрасно сочеталось друг с другом, никто из архитекторов не пытался затмить другого: дворец казался творением одной руки. Башни Кана из темно-красного кирпича смотрелись поразительно и мило на фоне обнаженной стали Миса (в данном случае — кортена, который ржавеет до приятного глазу красновато-бурого оттенка, а не смотрится его обычной сталью, крашенной в черный, — и это лишь один пример деликатности, такта и добродушия, что там господствовали). Аалто применял темные древесные породы, а не светлые, Ле Корбюзье не настаивал на опорных колоннах, и все задавались вопросом, что бы сделал Райт, доживи он и поучаствуй, а Вентури неугомонно подпрыгивал и в ликование хлопал в ладоши, а еще отбил телеграмму Паоло Солери⁵¹ куда-то там в пустыню и заказал сорок дюжин ветряных колокольчиков, а еще спросил, не будет ли интересно Солери отделать парадную бальную залу. Солери эта мысль заворожила — отделать парадную бальную залу, — и на завтра воздушной экспресс-почтой прибыла модель вместе с чертежом длиной сорок футов, и по замыслу столь великолепным, что все согласились: у понятий «парадный» и «бальная зала» возникли новые значения. А тронный зал, отделанный Симонном Родиа, который построил Башни Уоттса, — удивителен, как Гауди, а королевские кухни Эдварда Дарелла Стоуна⁵² так и затягивают, чтобы в них готовить себя не помня.

Королевские теннисные корты тянутся на множество миль во все стороны — травяные, устроенные на полянах и в ложбинах (каждая поляна и ложбина — дело рук правнука самого

Фредерика Ло Олмстеда⁵³), и я вдруг закричал, во весь голос, прямо в той очереди в «Чейз-Манхэттене» на Четырнадцатой улице:

— Кто-нибудь в теннис? — И все закричали мне в ответ:

— Да, да, теннис! — И все мы вышли оттуда, белые, черные и пуэрториканские женщины со своими теннисными ракетками, и служащие, и кассиры, тоже со своими ракетками, и даже управляющие банком в темных костюмах, с ракетками, протяженной компашкой — или дружелюбной толпой, — и двинулись ко дворцу. Дворец существует; нужно только до него добраться — то есть достаточно упорно идти. Это прекрасная мысль, я всегда ею очень дорожил. Истина же в том, что дворца не существует — в отличие от крепостных.

ДНЕВНИК М-РА ДУРФЕРМА

М-р Дурферм, широко известный эрудит, снова нынче не явился. На Челноке Он отправился в Вашингтон разобраться со своим Посланничеством. Пост Полномочного Представителя на Северной Минерве (симпатичном и живеньком атолле в Южной части Тихого океана) был предоставлен ему не как Следствие его вклада в кампанию на сумму \$1,95, как о сем шептались злые Языки, а скорее в признание его пожизненной службы Нации, равно как и его великих талантов Поглаживания и Умственной Сдержанности. Также известно, что он бесподобен в Раздаче Пощечин, за что и удерживает мировой Титул с рекордом 34 часа 20 минут (Киев, СССР, 1961).

М-ра Дурферма снова сегодня нет. Он в Вашингтоне, Столице Страны, консультирует Важное Лицо по поводу Расслабона. Важному Лицу было предложено Расслабиться На Всю катушку, однако м-р Дурферм не вполне Уверен в Успехе Следствий такой Политики. Известный Эрудит, как утверждается, предложил целый Букет Вариантов, включая Частичный Расслабон, Получастичный Расслабон, Получастичный Обратимый Расслабон, Более-Менее Полный Расслабон и Совершенно Окончательный Ввешенный Плюс-или-Минус Расслабон. Важное Лицо взвешенно рассматривает эти Альтернативы, как они того Заслуживают.

М-р Дурферм, Всесторонний Мыслитель, сегодня опять отсутствует. Он в Вашингтоне, Столице Страны, учится играть в Теннис. Яростным прочтением Газет он постиг: если его когда-либо упрячут в одну из тех правительственных Каталажек, что по-лучше, он тогда будет Способен по крайней мере вернуть подачу Мяча через сетку — или же претерпит общественное Поношение. Гольфом он уже овладел.

Было замечено, что вчера вечером огни в доме м-ра Дурферма горели допоздна, а сегодня его снова нет. Надежные источники информации сообщают, что он в Вашингтоне, Оплоте Правительства, консультирует Службу Доходов касаясь Того, Что Следует Предпринять. Утверждается, что они неистово благодарны. Прославленный Толковник настаивает, что к первой странице Формуляра следует добавить Секторную Диаграмму, дабы радостный Налогоплательщик имел возможность указывать *pristiniae virtutis memores*⁵⁴, как он желает расточать свою Капусту. Тем самым, если гражданин желает меньше платить за Войну, к примеру, он сумеет соответственно урезать ломтик Войны; а если он желает приобрести больше Бухла, ему представится возможность подсластить ломтик Бухла. М-р Дурферм Предусмотрел (дабы не приняли его за блистающего Простофилю), что внимание будет обращаться не более, чем на 12 % людских желаний, выраженных подобным манером. Оставшиеся 78 % процесса принятия решений сохраняются за Прежней Старой Публикой. Публика выдвинула м-ра Дурферма на Национальную медаль и банковский чартер.

М-р Дурферм, уважаемый Умник, вчера вечером около полуночи сбежал со своей хазы на Бархатной улице, потому дома его сегодня опять не было. Он в Вашингтоне, Столице Страны, с целью отклонить с благодарностью свое назначение Генеральным Прокурором. «Существуют мои, вероятно, более настоятельные обязанности на Северной Минерве, — сообщил он в подготовленном заявлении, вылепленном в весьма похожем на Вафлю виде, — а кроме того, в этой работе чувствуется какая-то бяка. Вы меня поняли? Б-я-к-а». Ожидается, что он приложит усилия к тому, чтобы эту должность сократить и заменить на ведомственно-го объема канистру «Драно»⁵⁵.

Сообщается, что состояние здоровья м-ра Дурферма далеко от Лучшего, и считается, что Причиной сего может служить

вчерашний Конкурс на Замещение Вакантной Должности Генерального Прокурора. Или же, возможно, — Дешеси с Северной Минервы, где не Очень Успешно происходит битва с Ресничным Червем. Как бы то ни было, сегодня м-р Дурферм в Вашингтоне, где консультирует Вице-Президента м-ра Форда относительно некоторых условий Закона Хэтча⁵⁶. М-р Дурферм выдвинул предложение, чтобы Вице-Президент считал цыплят только по осени, когда они сами захэтчат. Вице-Президент якобы отреагировал на это Пароксизмами Сердечности.

«*Ich dien*»⁵⁷, — просто сказал м-р Дурферм и отвернулся. С этими словами знаменитый Мунши⁵⁸ снова покинул дом и очаг ради Вашингтона, дабы совладать с новым Кризисом. Судя по всему, прибыли «Оксидентального Петролеума»⁵⁹ Возросли на 716% за первый Квартал, а все прочие нефтяные компании тоже Прилично заработали, и сей факт вызвал Озабоченность в некоторых Кругах. Предложение м-ра Дурферма заключается в том, чтобы Правительство присуждало Бонус в 125% Прибылей любой Компании, чей Недомолот произвел столько же в означенный Период Времени. «Прибыль следует вознаграждать, — сказал м-р Дурферм, — ибо без прибыли кому была б охота возиться в земле, *mon cher?*» В траве одержимо захмыкали Черви (эта фраза принадлежит покойному Брайану О'Нолану⁶⁰), но то были наши черви, благодарение Богу живому, а вовсе не тот жуткий Ресничный Червь, что устроил эдакий Разор на Северной Минерве.

Сегодня м-р Дурферм в Вашингтоне на обнародовании своего долгожданного Романа. Это Весьма Передовая Работа, в которой три почти неощутимых персонажа, определяемые лишь как «П», «Э» и «Х», бродят по некоему подобию Эпистемологической Преисподней, стараясь установить, что им надлежит Сказать.

Образец диалога:

П: Что мне тогда удалось?

Э: Вы поняли, что в невнятно было неразборчиво.

П: Когда мне это удалось?

Э: Вы поняли это утром невнятно.

П: А, ясно. Мне удалось это потому, что невнятно уведомило меня, что неразборчиво.

⁵⁷ Мой дорогой (фр.)

Х: Верно, верно. Но если вы это поняли, на том самом рубеже, то нам придется дать им тамале-гранде. Другого выхода тут нет.

П: Что?

Х: Большую тамале.

П: А, ясю.

Э: Можем дать им узвос-ранчерос.

Х: Или можно курицу под моле.

Э: Мне бы просто хотелось как бы вбросить это, вроде как предложение, но что же с нопалес-кон-куэсо?

П: Что?

Э: Нопалес-кон-куэсо.

П: А по-английски это как будет?

Э: Кактус.

Х: На такое они рот нипочем не разинут. Нет, мне кажется, тут должно быть что-то вроде фрихолес-рефритос.

П: Как мы это сделаем?

Х: Толчете много фасоли, а потом жарите со, знаете, всякими разными приправами.

П: Но не будет ли это выглядеть как бранное вычеркнуто?

Х: Это будет выглядеть так, будто вы хотя бы знаете, что неразборчиво прежде невнятно, и кишка не тонка быть невнятно.

П: Мне никогда не было страшно быть невнятно.

Э: Нам никогда не было страшно быть невнятно.

П: Вот именно. Я всем вокруг давал совет быть неразборчиво.

Э: И мы были! Мы были! Вот что нам следовало донести.

Х: Честность — вот лучшее невнятно. Всегда.

П: Когда же это мне не удавалось быть неразборчиво?

Э: Вам всегда удавалось быть неразборчиво.

П: Что?

Э: Неразборчиво.

П: А, ясно.

Х: Стало быть, вы были невнятно тогда, тою датой, а теперь вы неразборчиво.

П: Верно! Верно! Так вот что мы и скажем. И только не забывайте одного. Что же это?

Э: Что же что?

П: То одно, что вам не следует забывать.

Э: Не помню. А может, оно невнятно.

П: И впрямь невнятно! Единственное, что есть у нас для невнятно, есть само невнятно.

Х: Это верно.

П: Ладно, ребятаки. Благодарю вас и доброй ночи невнятно вам.

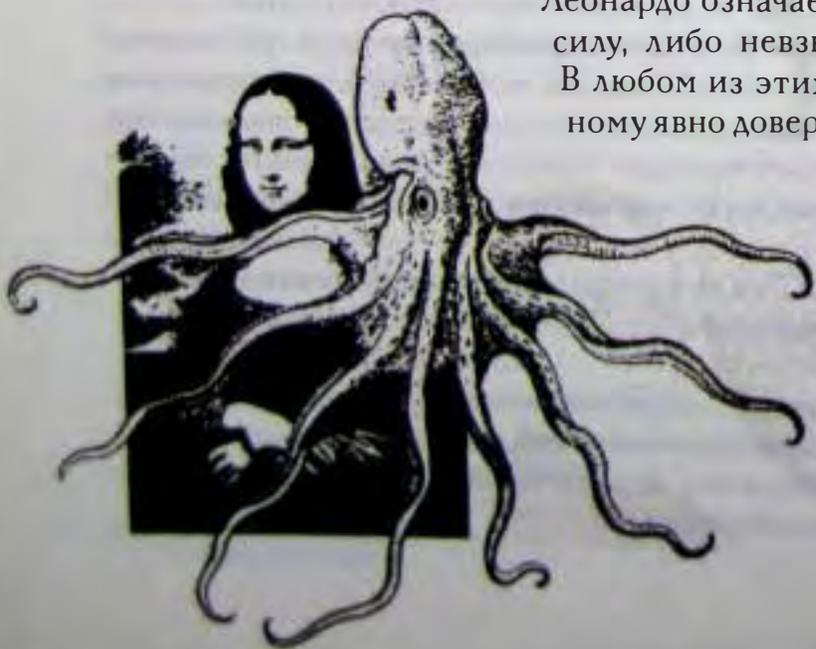
М-ра Дурферма так опечалило чтение его собственного Произведения, что он созвал Пресс-Конференцию и провозгласил себя Неисправным, а с тех пор помалкивал, как Пастернак⁶¹.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Анималистицизм, сиречь практика чрезмерной веры в животных либо догадки или ощущения, возникающие при созерцании оных, докучал человеку с 902 г. до н. э., а то и раньше. Его не следует путать с анималитаризмом, каковое понятие применяется Лавджоем⁶² для обозначения веры в то, что животные счастливее нас, но анималистицизм, похоже, особенно изводил некоторых выдающихся людей мира. При сем, извлеченные из Мусорки истории, несколько образчиков.

Первоначальное полотно «Ла Джоконды» (1503–1505?) изображало, если верить Кассоле⁶³, осьминога, поспешно покидающего плоскость картины справа. Во время Фризбийских войн (1661–70) осьминога либо соскребли, либо он отпал сам. Винкельманн⁶⁴ утверждает, что осьминог в иконографии

Леонардо означает либо мужскую силу, либо невзысканные долги. В любом из этих случаев животному явно доверять не следовало.

Плен Дифтонгский (536–410 до н. э.) полагал не что мир покоится на спине гигантской черепахи — этот взгляд разделяло большинство разумных людей его времени, — а что мир, напротив, подвешен на челюстях исполинского морского конька. «Спина черепахи округла и неустойчива, — доказывал он, — в то время как сама форма морского конька весьма напоминает крюк». За эту ересь его приговорили к питью смертельного напитка «КóКА КóЛá».

Луиза М. Олкотт (1832–1888)⁶⁵ так обеспокоилась при виде боа-констриктора, поглощающего маленького ребенка в Бостонском зоологическом саду, что села и написала роман «Большие женщины». В «Больших женщинах» Джо, Эми и остальные питаются только пророщенной пшеницей и макробиотическим рисом. Они вырастают до восьми футов и повсеместно захватывают управление зоологическими садами. Роман, как того и следовало ожидать, был запрещен издателями — мужскими шовинистами.

Последним оригинальным замыслом Эрцгерцога Максимилиана Австрийского в его краткий период пребывания в должности Императора Мексики (1864–1867) стал ввоз в страну шестидесяти четырех африканских носорогов, каковых он намеревался использовать в духе современных бронетанковых войск против сил Бенито Хуареса⁶⁶. Носороги, однако, почти незамедлительно перешли на сторону неприятеля и отправились на шашлык в Керетаро, Мексика, 19 июня 1867 года — в тот же день, когда казнили Максимилиана. Они оказались восхитительно вкусны.

Палтус послужил непосредственной причиной возвращения с Эльбы. Подслушав однажды, как караульный распевает «Никто не знает, сколько палтусов я повидал»⁶⁷, Наполеон тут же мучительно припомнил палтуса

в шампанском, подаваемого во дворце. Засим быстро последовали Сто Дней. Вот рецепт «Палтуса-Наполеон»: замаринуйте рыбу в шампанском и бульоне на два часа. Добавьте две ст. л. мелко нарезанного шалота, укроп и чуточку крупной картечи. Тушите на медленном огне от восьми до двенадцати минут.

Исследователь Себастьян Кабот (1474–1557)⁶⁸ привез с собой из Америки танцующего медведя. Это животное радикально сбило его с толку, когда он писал трактат о медведях Америки, которые в большинстве своем не танцуют.

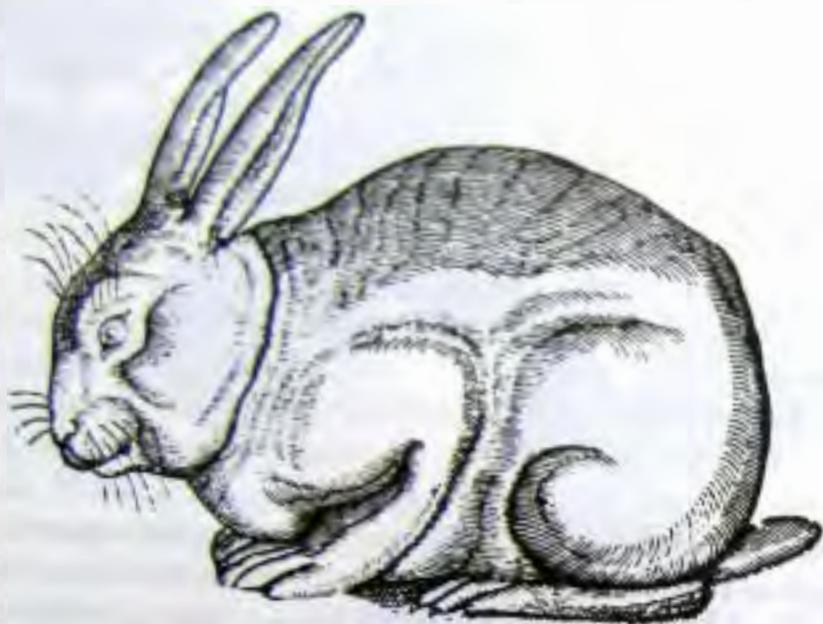
Роберт Э. Ли⁶⁹ высоко ценил дикобраза. «Лиса умеет много гитик, а вот дикобраз всего одну»⁷⁰, — рассуждал он. Ли быстро распорядился, чтобы

иглы дикобраза были розданы всем у него в армии. Однако знаменитая своей некомпетентностью квартирмейстерская служба Армии конфедератов пренебрегла предоставлением инструкции по их использованию. Солдаты писали этими иглами письма и чистили ногти. Юг проиграл войну.

Сестры Бронте — Шарлотт и Эмили — твердо верили, что все их книги вдохновлены кошкой. Иными словами, они считали, будто кошка по имени Табита служила чем-то вроде контролера духов или спиритического медиума. Эмили не могла сочинять, когда кошка была у Шарлотт, а Шарлотт была не в состоянии писать, если кошка

уходила к Эмили. За кончиной Табиты (1843) последовал период бесплодия, прервавшийся лишь когда Энн Бронте появилась с корзинкой ясновидающих пингвинов⁷¹.

С другой стороны, в нашей повседневной жизни существует множество примеров того, как люди взбадриваются или же вскармливаются иным образом от мысли о кролике обыкновенном. Лапка кролика, в особенности левая задняя, принесла обещанье доброй удачи тысячам. Кроличий мяч и кроличий удар оживляют те виды спорта, в которых применяются, и ни один телевизионный приемник не будет полон без комплекта кроличьих ушей на нем. «Валлийский кролик» особенно вкусен, хоть и не кролик⁷². Робость кролика преподает полезный урок слишком дерзким, а кроличий энтузиазм к размножению предоставляет живописное сравнение кассандрам «Нулевого прироста населения»⁷³. Господа и дамы — кролик! Да вострепещет он!

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ДЖОКЕРА

Фредрик ходил домой к своему другу Брюсу Уэйну по вечерам почти каждый вторник. Брюс обычно сидел у себя в кабинете и пил стаканчик чего-нибудь. Фредрик заходил, садился и озираал кабинет, где имелось множество трофеев былых подвигов.

— Ну, Фредрик, что поделывал? Что-нибудь?

— Да нет, Брюс, все как-то вприскокку.

— Что ж, сегодня вечер вторника, а по вечерам вторника обычно что-то да происходит.

— Я знаю, Брюс, иначе я бы не стал выбирать вечер вторника для визита.

— Включить радио, Фредрик? Обычно по радио бывает что-нибудь интересное, или хочешь какой-нибудь музыки из моей стереосистемы?

Радио у Брюса Уэйна было особой коротковолновой модели со множеством дополнительных функций. Когда Брюс его включал, раздавался визг, после чего они слушали Токио или еще где-нибудь. Над радио на стене висел трофей подвига: длинное африканское копье с жестяным наконечником.

— Скажи мне, Брюс, что это ты там пьешь? — спросил Фредрик.

— Извини, Фредрик, это томатный сок. Налить тебе стаканчик?

— А в нем что-нибудь есть, или это просто томатный сок?

— Томатный сок и немного водки.

— Да, я бы не отказался от стаканчика, — сказал Фредрик. — И на водку не сильно, пожалуйста, налегай.

Пока Брюс ходил на кухню готовить выпивку, Фредрик встал и пристальнее осмотрел африканское копье. На кончике он заметил темноватое ржавое пятно какого-то вещества, возможно, редкого экзотического яда.

— Что это за штука на кончике этого африканского копья? — спросил он, когда Брюс вернулся в комнату.

— Должно быть, еще одну бутылку водки я оставил в бэт-мобиле, — сказал Брюс. — О, это кураре, смертельнейший из южноамериканских ядов, — подтвердил он. — Поражает двигательные нервы. Ты там осторожнее, не оцарапайся.

— Ничего, я выпью неразбавленного томатного сока, — сказал Фредрик, усаживаясь в кресло и выглядывая в окно. —

Ой-ей, в небе высветился силуэт летучей мыши. Должно быть, вызов комиссара Гордона из штаб-квартиры.

Брюс выглянул в окно. Длинный луч желтоватого света с четким силуэтом летучей мыши на конце рассекал вечернее небо.

— Говорил я тебе, вечер вторника — обычно хорошее время, — сказал Брюс Уэйн. Он поставил водку с томатным соком на пианино. — Подожди секундочку, я переоденусь.

— Конечно, не торопись, — сказал Фредрик. — Кстати, Робин до сих пор в Андовере?

— Да, — ответил Брюс. — Домой вернется на День благодарения, наверное. Французский ему никак не дается.

— Что ж, не хотелось тебя отвлекать, — сказал Фредрик. — Иди переодевайся. А я пока журнальчик полистаю.

Брюс переоделся, и оба вышли в гараж, где их ждали бэтмобиль и бэтоплан.

Бэтмен мурлыкал мелодию, которую Фредрик узнал, — «Варшавский концерт»⁷⁴.

— Какой возьмем? — спросил он. — Очень трудно выбирать для таких смутных и неопределенных заданий, как это.

— Давай подбросим монетку, — предложил Фредрик.

— У тебя есть четвертачок? — спросил Бэтмен.

— Нет, только дай. Должно сгодиться, — ответил Фредрик. Они подбросили: орел — бэтмобиль, решка — бэтоплан. Монета выдала орла.

— Что ж, — сказал Бэтмен, когда они забирались в комфортабельный бэтмобиль. — По крайней мере теперь можешь выпить водки. Она под сиденьем.

— Не люблю я ее в чистом виде, — сказал Фредрик.

— Нажми вон ту кнопку на приборной доске, — сказал Бэтмен. Фредрик нажал, панель скользнула вбок, и открылся маленький бар: лед, стаканы, вода, содовая, хинин, лимон, лаймы и проч.

— Спасибо, — сказал Фредрик. — Тебе смешать?

— Не на работе, — ответил Бэтмен. — Довольно ли там хинной воды? Забыл вчера купить, когда вечером заезжал в винную лавку.

— Довольно, — сказал Фредрик. Он с наслаждением потягивал водку-тоник, пока Бэтмен искусно вел бэтмобиль по темным улицам Готама.

В кабинете комиссара Гордона в полицейском управлении комиссар сказал:

— Рад, что вы наконец-то добрались до нас, Бэтмен! Кто это с вами?

— Это мой друг Фредрик Браун! — ответил Бэтмен. — Фредрик, комиссар Гордон! — Мужчины пожали руки, а Бэтмен спросил: — Ну, комиссар, в чем дело?

— Вот в этом! — ответил комиссар Гордон и поставил на стол перед собою миниатюрную модель корабля. — Пакет доставил посыльный, адресован вам, Бэтмен! Боюсь, ваш старый враг Джокер снова на свободе!

Бэтмен помычал престранную мелодию, которую Фредрик узнал — «Корнуоллская рапсодия»⁷⁵, записана на обратной стороне «Варшавского концерта».

— Хм-м-м-м-м! — произнес Бэтмен. — Похоже на очередной вызов Джокера потягаться умами!

— «Летучий голландец!» — воскликнул Фредрик, прочитав название на носу модели. — Имя знаменитого древнего корабля-призрака! Что бы это значило?

— Хитро замаскированный ключ! — сказал Бэтмен. — «Летучий голландец» в данном случае, возможно, означает голландского ювелирного торговца Хендрика ван Ворта, который прилетает сегодня вечером в Готам с партией драгоценных камней!

— Ловко мыслите, Бэтмен! — сказал комиссар Гордон. — Я бы сам, вероятно, и за тысячу лет не догадался!

— Что ж, надо спешить в аэропорт! — сказал Бэтмен. — Как отсюда туда лучше добраться, комиссар?

— Что ж, на вашем месте я бы поехал по 34-й улице до Военного мемориала, затем свернул на Мемориальный проезд, пока он не вольется в Готамскую автостраду! А по автостраде — полный вперед! — объяснил он.

— Минуточку! — сказал Бэтмен. — Не быстрее ли выехать на Дуганскую трассу, где она вливается в город на 11-й улице, а затем двинуть по Северной окружной до Ричардсоновского шоссе? Разве так мы не сэкономим время?

— Что ж, я сам так езу на работу! — ответил комиссар. — Только на Северной окружной прокладывают две новые полосы движения, поэтому придется объезжать по Набережной, затем сворачивать на 99-ю, чтобы вернуться на трассу! Крюк в две лишние мили! — сказал он.

— Хорошо! — сказал Бэтмен. — Значит, едем по 34-й! Спасибо, комиссар, и ни о чем не беспокойтесь! Поехали, Фредрик!

— А, кстати! — сказал комиссар Гордон. — Как там Робин в Эксетере?

всегда начеку, схватился за трос, спущенный с зависшего над ними вертолета, и быстро поднялся в небо! Робин задержался у броневика и снова натянул маску на лицо Бэтмена!

— Привет, Робин! — окликнул его Фредрик. — Я думал, ты в Андовере!

— Я и был там, но меня внезапно посетило чувство, что я нужен Бэтмену, вот я и прилетел сюда на бэтоплане, — ответил Робин. — Как у вас дела?

— Прекрасно, — сказал Фредрик. — Но мы оставили бэтоплан в гараже, в Пещере Бэтмена. Я не понимаю.

— У нас всего по два, — объяснил Робин. — Хоть широко об этом и не известно.

С помощью Фредрика Робин отнес оглушенного Бэтмена к поджидающему бэтмобилю.

— Ты веди бэтмобиль обратно в Пещеру Бэтмена, а я полечу за вами на бэтоплане, — сказал Робин. — Хорошо?

— Понято, — ответил Фредрик. — Тебе не кажется, что ему стоит дать чуточку бренди или чего-нибудь?

— Это хорошая мысль, — согласился Робин. — Нажми вон ту кнопку на приборной доске. Это кнопка бренди.

Фредрик нажал на кнопку, и вбок скользнула панель, явив ему бутылку «Б-и-Б» и нужное количество стаканов.

— Довольно вкусно, — сказал Фредрик, пробуя «Б-и-Б». — Сколько за квинту?

— Примерно восемь долларов, — ответил Робин. — Смотри, похоже, это приводит его в чувство.

— Великий Скотт, — сказал Бэтмен. — Что произошло?

— Джокер разбил бронированный автомобиль, и тебя оглушило, — объяснил Фредрик.

— Привет, Робин, а ты что тут делаешь? Я думал, ты еще в школе, — сказал Бэтмен.

— Я и был там, — ответил Робин. — С тобой уже все в порядке? Домой доехать сможешь?

— Наверное, — сказал Бэтмен. — Что стало с Джокером?

— Удрал, — сказал Фредрик, — но сперва снял с тебя маску, пока ты лежал оглушенный в обломках разломанного бронеавтомобиля.

— Да, Бэтмен, — серьезно сказал Робин. — Мне кажется, он увидел твое подлинное лицо.

— Великий Скотт! — сказал Бэтмен. — Если он объявит об этом целому свету, настанет конец моей карьере борца с преступностью! Н-да, вот незадача.

Они серьезно поехали назад в Пещеру Бэтмена, обдумывая эту задачу. Позже, в кабинете Брюса Уэйна, Брюс Уэйн, Фредрик и Робин, переодетый в консервативный андоверский костюм Дика Грэйсона, подопечного Брюса Уэйна, обсудили все это еще раз между собой.

— Где у Джокера слабое место, интересно? — сказал Фредрик. — То есть каковы его истинные мотивы?

— Рассмотрим его на любом уровне поведения, — медленно произнес Брюс, — дома, на улице, в межличностных отношениях, в тюрьме — и повсюду будет какое-то необычайное противоречие. Он грязен и маниакально чистоплотен, отчужден — и отчаянно компанейск, полон энтузиазма — и угрюм, щедр — и прижимист, щеголь — и пугало, джентльмен — и хам, склонен к крайностям как восторга, так и уныния, равно способен применить себя к чему-то дельному и промотать жизнь на бытовые увлечения, воспитан и непристоен, добр и жесток, терпим, однако привержен самым вопиющим проявлениям фанатизма, замечательный друг и неумолимый враг, любовник и женоненавистник, велеречивый оратор и сквернослов, повеса и пуританин, надуто спесив и одержим комплексом неполноценности, изгой и карьерист, негодяй и филантроп, варвар и меценат, он обожает новшества и неколебимо консервативен, он философ и дуралей, республиканец и демократ, широк душой и невыносимо мелочен, сдержан и бурлит дружелюбием, закоренелый лжец и скрупулезен даже в медяках на сдачу, авантюрист и рохля, изобретателен и косен, он злобно разрушителен и вкапывает деревья на весенний праздник посадок; честно вам говорю, в человеке этом — полная неразбериха.

— Это крайне хорошо сказано, Брюс, — постановил Фредрик. — Мне кажется, ты дал нам очень глубокий анализ.

— Я лишь перефразировал то, что Марк Шорер сказал о Синклере Льюисе⁷⁷, — ответил Брюс.

— Что ж, все равно это блистательно, — отметил Фредрик. — Мне, наверное, уже пора домой.

— Нам всем немного поспать не помешает, — сказал Брюс Уэйн. — Кстати, Фредрик, как движутся продажи «Гравия»? У тебя уже много подписчиков?

— Да, довольно-таки есть, Брюс, — ответил Фредрик. — Особенно удачно идут дела в более зажиточных кварталах Готама, хотя полную силу «Гравий» обретает, как правило, в сельских районах. Кстати, Дик, если хочешь, могу ссудить тебе

свои аудиокурсы иностранных языков на пластинках, которые помогут тебе с французским, если ты ко мне зайдешь в субботу.

— Спасибо, Фредрик, так и сделаю, — сказал Дик.

— Ладно, Брюс, — сказал Фредрик. — Наверное, увидимся в следующий вторник вечером, если ничего больше не случится.

АВТОР

Моя неменяемая мать написала еще одну книгу. Эта называется «Ветвь» и еще хуже предыдущих. Я имею в виду не ее качество — она являет собой все признаки обычного «блистательного остроумия» и «проницательный взгляд на общество», — а тот масштаб, в каком она применяет, словно кучу компоста, жизни своих детей.

Эта, как я уже сказал, еще хуже остальных (две номинированы на Американскую книжную премию и одна — в выборе Литературной гильдии). Мой бедный брат Сэмпсон, выведенный под именем «Рейф», в первой же главе обнаруживается за проведением лапароскопии пациентке, пребывающей в убеждении, что она платила за совершенно другую процедуру. Брат мой — очень занятой и востребованный врач, и за эту объяснимую, хоть и прискорбную путаницу несет ответственность лакуна в персонале его приемной. В книге же не говорится вот чего: лапароскопия выявила значительное количество эндометриоидной гетеротопии, с которой затем справились крайне умело и высокопрофессионально, тем самым отворотив значительное недовольство пациентки. Мать никогда не упоминает в своих книгах ничего хорошего.

Отношения «Рейфа» с «Молли» (следует читать «Кэлли», жена Сэма), как вы можете себе вообразить, не обойдены. Какое-то время назад у Сэма и Кэлли произошла мелкая размолвка относительно его поведения на конференции по акушерству и гинекологии в Майами: на докладе по ультразвуку он отсутствовал несколько часов, и Кэлли выяснила, что все это время он выпивал с кучкой сильно вооруженных специалистов по выживанию, которым нравилось расстреливать фанерные силуэты Горбачева в человеческий рост из своих (более-менее незаконных)

инструментов M11 — они умеют стрелять из них одной рукой, держа в другой банку «Штро»⁷⁸. Также присутствовали девушки-выживалки. Допустим, мой брат Сэм повернут на огнестрельном оружии. Зачем же сообщать об этом всем на свете? Хирурги — они вообще руками и ногами за вмешательство. Как моя мать прознала обо всех этих подробностях, меня бежит, поскольку никто из нас не разговаривает с ней с 1974 года, когда вышел в свет «Мореный дуб».

Изображение матерью моей сестры Вирджинии — в новой книге она «Алабама» (личины моей матери прозрачны, как стекло) — прямо-таки злобно. У Вирджинии в последнее время кое-что не ладилось — после несчастного случая и его следствий. В «Ветви» показатели алкоголя в крови «Алабамы» сразу после аварии достигают 0,18 %, и это, как признали многие друзья Вирджинии, достоверная цифра. Порицания же тут поистине достойно другое — анализ (мучительно точный) характера моей сестры. Вирджиния писала диссертацию по Эмерсону; «Алабама» тоже. А вот то, что некоторые пассажи в диссертации «Алабамы» поражают своими параллелями с недавними работами Джоэла Порте (издательство Гарвардского университета) и Эрика Хейфица⁷⁹ (издательство университета Джонса Хопкинза), впервые разглашается в «Ветви»; я и не думал, что мать — такой крупный исследователь. Строка из книги «Им не следовало пускать меня в бар без дополнительных колесиков для равновесия» — чистая Вирджиния.

Другой мой брат Денис («хороший брат» в книге) проконсультировался у своих адвокатов насчет юридических аспектов. Ему сообщили, что подавать в суд на собственную мать — дело в лучшем случае неловкое, а видимость сыновнего непочтения для присяжных более-менее отменяет любые достоинства, каковыми подобный иск может обладать. Также они отметили — весьма разумно, — что публичная природа подобного судебного разбирательства с участием хорошо известного автора скорее привлечет внимание к чему-то как раз из того, чего мы всеми силами стремимся не подчеркивать: например, к практике Дениса приобретать шприц-тюбики Армии США с морфием у недовольных существующим положением мастер-сержантов Медицинского корпуса и изобретательно подбираемым тайникам для их хранения у себя в конторе (полые сигары, сетевой фильтр его компьютера), а также к последствиям такового для его посреднической фирмы, что в мельчайших подробностях

описано в «Ветви». Должен сказать, мне никогда не доводилось читать более откровенного отчета о *jouissance*⁷⁹, производимом высококачественным морфием. Какая шустрая птичка принесла ей в клювике эти вести?

«Ветвь» на этой неделе — № 9 в списке «Дос-Анджелесских времен». Тем самым Стэмфорд щекочет Санта-Барбару посредством материна гула пчелиного по опушкам⁸⁰ Старого Лайма. Ей как-то удалось вскрыть подробности моей «кражи» нескольких пустяковых магических связок (ткань, раскрашенная древесина, перья)⁸¹ из Института коренных американцев, которому я прихожусь бывшим внештатным куратором. Я говорю «кража», поскольку желаю относиться к себе в этом вопросе как можно суровее; иные назвали бы это «находчивым списыванием из фондов», а материалы Пляски Духа⁸² (барабанные диаграммы, нотация танца), полученные взамен, чья ценность никогда не будет признана советом попечителей, станут мне памятником. Да, комиссионные посредника, назначенные за эту транзакцию, были вполне солидны, достигали верхнего предела шестизначных сумм, как это не преминула отметить мать, но мы с Уилли Скачущим Оленем заработали каждый пенни этой комиссии. Никто, полностью понимающий Пляску Духа, чья цель — сообщить участникам неуязвимость от поползновения белого человека (включая ружейные пули), не усомнился бы ни на миг. У «Марка» нелепые отношения с дакотским шаманом двусмысленного пола, и в этом все неправда за исключением сцены транса; более того, песнопения по тому поводу не подразумевали ничего опьяняющего, за исключением «Передника»⁸³, которому я обучал Вокоду, а он получал от этого огромное удовольствие.

Не то чтоб мы, дети моей матери, вели — или претендовали на то, что ведем, — образцовые жизни. Но не могла бы она хоть немного расширить свои горизонты?

— Мать, зачем ты так со мной? — не так давно поинтересовался у нее я.

Мать по-прежнему привлекательна и тщательно поддерживает в себе сходство с Вирджинией Вулф.

— Что? — спросила она. — Как?

Я держал экземпляр «Ветви».

— Так, — ответил я, более-менее тыча им в нее.

— Но ты же мой, — сказала она.

⁷⁹ Наслаждение, утехы (фр.).

НА ЭТОЙ НЕДЕЛЕ Я С УДОВОЛТВОРЕНИЕМ...

На этой неделе я с удовлетворением узнал, что я — Трудовой Ресурс. Узнал я это из письма, которое получил от корпорации «Институт исследований двухсотлетия Америки» из Далласа, штат Техас. Письмо начиналось так:

Институт исследования двухсотлетия Америки с удовольствием обращает Ваше внимание на то, что Вы [здесь вписано мое имя] были избраны представлять собой опорный источник в БИБЛИОТЕКЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ Института. Его первоначальная цель — признать и методично классифицировать лица или группы лиц, кои... Для осуществления этой деятельности Институт исследований двухсотлетия Америки готовит к публикации БИБЛИОТЕКУ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ — объединенный свод справочников на микрофишах, предназначенный для... Поскольку Ваше включение в БИБЛИОТЕКУ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ осуществлено благодаря Вашей ценности как выдающейся личности по завершении Первого двухсотлетия Соединенных Штатов Америки, мы подготовили для Вас красивый сертификат на пергаменте, персонализированный Вашим именем...

Красивый сертификат на пергаменте обошелся бы мне, как я выяснил, в пятнадцать долларов, и я мог бы заказать себе одну штуку (только одну) дубликата красивого сертификата на пергаменте за дополнительные десять долларов.

Ну, разумеется, я пришел в восторг от того, что сертифицирован как Трудовой Ресурс, хоть и не совершил в последнее время ничего особо ресурсного, разве что отправил Рэмзи Кларку⁸⁴ взнос на кампанию на сумму \$101,00. Трудовой Ресурс — это очень похоже, если не лучше, на звание Исторического Района или Национального Достояния, а нужно мне для этого всего-то отправить свои двадцать пять долларов по адресу: Техас, Даллас, Северная Центральная Автотрасса, 6116. Затем в самом низу письма я заметил строку, напечатанную тем же изящным шрифтом, что и шапка, — она гласила: «Не аффилирован с Правительством Соединенных Штатов». Это поставило меня в тупик. Означает ли это, что корпорация «Институт исследований двухсотлетия Америки» неким образом

недовольна Правительством Соединенных Штатов? Или же ИИДА размежевалась с Пр-вом США? Да еще и в такое время — в тот момент, когда всем нам двухсотлетие следует взяться за руки и устроить праздник? И не виновен ли в этом неким образом я сам? (Я принимаю и хвалы от любой стороны, не только хвалы.) Неужто камнем преткновения между ИИДА и США стало конкретно присвоение мне высокого звания Трудового Ресурса, когда ИИДА поддерживал мою кандидатуру, а США говорили: «Ну послушайте, если вы собираетесь впускать сюда таких людей, персону такого сорта, какой мы, как правительство, рассматриваем скорее как неуспевающего — в ресурсно-трудовом смысле...» Переполошившись всем этим делом уже враздрызг, я взял свои двадцать пять долларов и инвестировал их в банки куриного супа с лапшой, цена на которые повышается, как я замечаю у себя на местном рынке, со скоростью около 13% в год — это нечто вроде государственной облигации со значительно большим доходом, нежели обычные. 1976 год я встречу без сертификата, но моя вера в Америку останется нетронута. Где еще можно получить выгоду, либо ухкотлетничая на повышение с супом, либо духсотейничая с пергаментом?

КОГДА Я НЕ ВЫИГРАЛ...

Когда я не выиграл на прошлой неделе в Лотерею штата Нью-Йорк сорок один миллион долларов, пришлось немножко поменять планы. Я ж попросту вроде как робко выписал несколько чеков. (Я их, конечно, не подписал, чтобы какой-нибудь случайно не угодил в почтовый ящик до срока, — я был осмотрителен.) Но теперь, когда стали известны результаты, я как бы просто сижу тут, глядя на чеки. И, разглядывая их, думаю, что они представляют собой умеренно здравый комплект решений — ничего грандиозно чудесного, но и не худшее, что я когда-либо сделал. Короче говоря, я не потерял голову или как-то. Со всем этим я справился неплохо, по-моему, без адвоката или финансового консультанта — и даже без суровой, бережливой супруги.

Тридцать пять тысяч долларов «Аудиогоризонтам» за пару колонок «Стандартный Образец "Вечность"» — главная статья

личных расходов, если не считать пятисот пятидесяти долларов «Лукейси» из Сан-Антонио⁸⁵ за новую пару сапог и двадцати трех долларов и восьмидесяти четырех центов «Балдуччи» в Деревне за два фунта вешенок обыкновенных. Если поджарить вешенки на сливочном масле и безудержно посыпать ими пасту, люди сочтут вас великодушным кулинаром, но вешенки чуточку дороговаты, поэтому покупаю я их нечасто. Никто (насколько мне известно) не изготавливает ковбойских сапог лучше, чем м-р Лукейси, а у колонок в каждой по двенадцать СЧ-динамиков, несравненные басы, а верха такие, что могут отскакивать от космических челноков. Сибаритство, да — но, если брать пропорционально, то, вероятно, и не слишком.

Все, чьи цитаты я видел в газетах, утверждали, что, если они выиграют — построят новый дом своим матерям. Ну, у моей-то уже и так есть неплохой дом в Дикейтере, штат Иллинойс, — не думаю, что ей захочется еще один. Ей может понадобится новый муж, поскольку отец мой в последнее время ведет себя довольно своенравно — особенно после того, как она запретила ему носить сувенирную бейсболку «Джона Диэра»⁸⁶ в общественных местах, но уж с этим я ничего поделаться не смогу. Однако мне показалось, было б мило, если бы она посудачила с А. Дж. Изром, британским философом — она его поклонница с тех пор, как прочла «Язык, истину и логику», опубликованную в 1936-м⁸⁷. Поэтому вот чек, выписанный на имя сэра Алфреда Джулза Изра с непроставленной суммой, поскольку я не знал, каков может оказаться его гонорар за такого рода личную встречу. Мне очень жаль, что этого не случится. Профессор Изр, вероятно, потрясно провел бы время с матерью — может, даже тому-сему у нее научился.

И все, кого цитировали газеты, также собирались, если выиграют, отправить деньги в Африку на нужды голодающих. Я уже послал двадцать пять дубов; так что здесь более-менее уже пронесло. Но я прикинул, что, если ты Максимальный Победитель, здесь подразумевается некая клятая филантропия — она по крайней мере облегчит муки совести. Поэтому я выписал двадцать чеков, каждый на пятьсот тысяч долларов, датированные 1985-м, 1986-м, 1987-м и прочими годами, на имя одного моего знакомого фермера, выращивающего в Монтане пшеницу, вместе с сопроводительным письмом, в котором выписывал ему инструкцию отправлять пшеницу — того тоннажа, какой можно приобрести за эти деньги, к тому же тщательно упакованную, — в Африку. Не думаю, что кризис разрешится

за двадцать лет. Друг мой человек молодой, но очень надежный. Это избавило меня примерно от половины моего состояния после вычета налогов, и я себя почувствовал — ну, легче.

Замечу в скобках: большие цифры не пугают современного гражданина. Я это заметил. К примеру, число собак по всему миру, как считается, составляет от ста двадцати до ста пятидесяти миллионов. Это довольно много собак. Количество людей на Земле, согласно самым недавним цифрам, — что-то около четырех миллиардов семисот шестидесяти шести миллионов трехсот двадцати четырех тысяч. Национальный долг достигает почти триллиона восьмисот миллиардов. Цифра в сорок один миллион меня не испугала. В смысле, с ней, конечно, трудно, но трудность эта преодолима.

Среди моих тридцати двух неподписанных чеков есть и мелкие, обыденные: несколько долларов Биллу, чтоб он смог поставить новую коробку передач на свой «шеви» (его коробка полетела только в июле, а он — тот, кто буксировал меня тридцать две мили, когда в Мэне пару лет назад у меня сдох радиатор), и круглую тыщонку Национальному фонду искусств — эти средства выделены многообещающему кантри-скрипачу, который никак не может пробиться. В среду вечером я посмотрел по телевизору, как в машинке лото подскакивают и бурлят пластмассовые шарики, и сверил цифры, возникавшие на экране. Билет мой, когда я сравнил его с цифрами на экране, нельзя было считать симпатичным — он был, прямо скажем, скуден. Но я сохранил рассудок — и даже безмятежность.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я вышел на Тропу азалий⁸⁸ и подстрелил одну, прямо в сердце. Принес мертвую азалию домой и поместил в морозилку — и меня тут же охватила глубокая и пугающая меланхолия. Совершил ли я что-то не то? Я так давно не был в Техасе, жил в гнусных, грешных городах Востока — быть может, я больше не понимаю, как принято в Техасе, вероятно, рев и лязг Города Нью-Йорка навсегда повредили нежные ткани моего флабеллума. Неужто я превратно понял Тропу азалий?

Но я отставил свою меланхолию в сторону и бодро взялся налаживать связи. Я наладил связь с «Юго-западным Беллом», «Энтексом», «Световой компанией» и кабельным телевидением, длинные линии вновь объединили меня с общиной. Я подписался на две из наших великих городских газет — американскую и канадскую — и купил мангал «Старый дымок».

Я отправился в плавание по Буйволиному байю на листе фанеры в три четверти дюйма толщиной и размерами четыре на восемь, приводимом в движение восемью мощными «Травоедами»⁸⁹, и видел множество странного и чудесного. Видел белую цаплю, а потом еще одну белую цаплю и черепаху, и холодильник без единой дверцы, и серую цаплю, и опоссума, и перевернутый «понтиак» 1952 года. И я сказал себе: «В этом благословенном потоке содержится много странного и чудесного». Уже темнело, взошла луна, и я увидел, как на дереве сидит старая мудрая сова. Поэтому я сбросил обороты своих восьми могучих «Травоедов» и заговорил с совой — сказал:

— Ну как оно у тебя, мальчоночка?

А потом присмотрелся пристальней и увидел, что вовсе это не старая мудрая сова; то был Филип Джонсон⁹⁰ — он охотился на новых заказчиков при свете луны. Поэтому я его поздравил со всеми его замечательными высокими новыми зданиями, и мы вместе уставились на сияющую башню города, на все замечательные высокие новые здания, сиявшие, словно чудесные башни страны Оз, мы смотрели на них и были довольны.

Но тут меланхолия моя обрушилась на меня с удвоенной силой, и я решил предпринять дополнительные меры. Поэтому я вступил в Первую баптистскую церковь Олдина, Первую баптистскую церковь Олвина, Первую баптистскую церковь Френдзвуда, Первую баптистскую церковь Золотых Акров, Первую баптистскую церковь Хасинто-Сити и Первую баптистскую церковь Лесных Угодий. После чего принялся за методистов. Не успел я закончить, как стал уже в доску своим членом порядка двух сотен двадцати конгрегаций, и меня назначили в несколько важных комиссий. Тут я был в Комиссии старой одежды, там — в Комиссии картофельного салата, где-то еще — вице-председателем Товарищества комиссии песен, а еще где-то — казначеем Комиссии по полному погружению при крещении. Прекрасно это — быть при связях.

Но к тому времени я уже несколько устал быть хорошим, не все же время им быть, от этого немного устаешь. И вот

я решил стать плохим и отправился искать Совершенно Обнаженных Девушек Живьем. И нашел, представьте себе, — прямо на Южной Главной, целыми акрами. Совершенно Обнаженные Девушки Живьем. И должен вам сказать, что были они совершенно милы, редко мне приходилось видеть Совершенно Обнаженных Девушек Живьем настолько милых, поэтому я сел и снял ботинки, и взялся с ними беседовать.

День тянулся медленно, в том баре было, должно быть, штук сорок или шестьдесят Совершенно Обнаженных Девушек Живьем, и все они начали мне верить свои секреты, рассказывать о своих надеждах и страхах, о том, как они себе представляют свое будущее, о чем сожалеют в своем пестром прошлом. Одна Совершенно Обнаженная Девушка Живьем сообщила мне, что родом она из Секокуса, Нью-Джерси, и работает Совершенно Обнаженной Девушкой Живьем всего месяц, но это лучше, чем быть почтальоном, кем она и была в Секокусе, Нью-Джерси, поскольку тебя все время пугают собаки, она понимает, что вроде бы должна любить собак, но на самом деле нет, и тому подобное. Она была очень славная. Мне понравилась.

Мы выпивали — я и сорок или шестьдесят Совершенно Обнаженных Девушек Живьем — мартини и маргариты, то и се, пили целыми ведрами, во все стороны была милота, насколько глаз хватало, и тут на меня вновь нахлынула меланхолия, ибо ничто так не вызывает в вас меланхолию, такую муку сердечную, как сорок или шестьдесят взбудораженных, доверчивых, прелестных и частично пьяных Совершенно Обнаженных Девушек Живьем. Посему с сожаленьем я вновь надел ботинки и оставил их, пообещав писать.

Вот же что я такое, вспомнил я, — писатель, судьба странная, но отнюдь не чуждая мне по духу. Я вспомнил, что много лет назад неостесненным юнцом работал я в хьюстонской газете, которая теперь канадская. Было это вскоре после Гражданской войны. Редакция газеты населена была нагонявшими жуть редакторами отделов городской жизни, чьими взглядами можно было резать латунь, и яростными метранпажами, от чьего презренья двадцатилетний мальчишка начинал жалеть, что его отец и мать когда-то познакомились. Я обожал там работать. Платили нам, конечно, солеными крендельками — я зарабатывал около сорока соленых крендельков в неделю, а затем, когда вернулся с Испано-американской войны, жалованье мне щедро повысили, до пятидесяти. Соленых крендельков.

Когда меня наняли, мне показали мой стол — старый, ободраный, испрамленный деревянный письменный стол — и сказали, что это был стол О. Хенри, когда О. Хенри работал в этой газете, как оно одно время и было⁹¹. И я с готовностью этому поверил. Я видел то место, куда О. Хенри яростно тыкал ручкой, гоняясь за склизким прилагательным, избегавшим его хватки, а также какую-то вроде бы вмятину, куда О. Хенри бился бедной гениальной головой от отчаяния, что не в силах поймать то существительное, кое олененком выпрыгнуло у него из-под руки... И вот я уселся за тот стол и сам взялся гоняться за бесами — танцующими существительными и манящими прилагательными, какая радость.

Но у меня не было времени долго мусолить эти драгоценные воспоминания. В Техасе меня долго не было, следовало заново окультуриться — и быстро. Поэтому я вступил в АМХ, ААА, Американский легион, Лигу искусств, Общество папоротника, Клуб канареек, Турнверейн, АФТ-КПП, Совет великих книг, Собрание за чистый воздух, Верный орден лося номер 2106, Планирование семьи, Гомосексуальную коалицию, Ассоциацию торговцев Онъ Леон, Клуб матерей близнецов и в Менсу⁹². Все эти новые ассоциации значительно обогатили мою жизнь. Я закружился в вихре деятельности, так сказать: неся то в Общество папоротника осмотреть новое поступление миленьких листовидных отростков, то в Клуб канареек взглянуть на нового дерзкого мейстерзингера, утром я протестовал против безобразий со своими братьями по Гомосексуальной коалиции, а днем тетешкал грудничков со своими сестрами по Клубу близнецов — и все это время мыслил долгие, долгие мысли о Менсе.

Однако меланхолия облекала меня, будто сезон без чемпионата, и я осознал, что мне требуется помощь профессионала. Поэтому я отправился на консультацию к истинному специалисту по несчастью — Горбуну из «Галлерии»⁹³. Горбуна я обнаружил у беговой дорожки — он зачарованно наблюдал за тем, как на льду далеко внизу крохотные изящные конькобежцы выписывают амперсанды.

— Горбун, — сказал я ему, — что со мною не так? Изнемогаю ль я под неким проклятьем? Может ли быть так, что все дни мои проникнуты какой-то глубокой и пугающей болезнью, коя есть результат того, что я застрелил ту чертову азалию?

— Горе, — произнес Горбун, — горе тому, кто...

— Горбун, — сказал я, — что это еще за дела — «горе-тому-кто»? Ты можешь ответить мне прямо или нет?

— Горе, — отвечал Горбун, — горе тому, кто, — или возьмем другой случай, горе той, кто...

Он видел, что меня это уже несколько раздражает, поэтому сказал как сумел мудро:

— Ты почему к себе так беспощаден? — а после делся — улизнул, сиганув на веревке через все громадное соборное пространство «Галлерии», и мне почудился звон колоколов, — а может, и не было его. Короче говоря, я не обрел удовлетворенья — любой мозгоправ мог бы мне сказать: «Почему ты к себе так беспощаден?» — и многие говорили, я был разочарован.

Я разочаровался, а потому взбодриться отправился в Оперу. То был великолепный вечер, много блеска и сверканья, там были «кадиллаки» и «роллз-ройсы», тыквы и «мерседес-бенцы», все они подкатывали к блистательному фасаду Оперы. Я оставил на стоянке своего мула и стремглав вбежал внутрь, все мы пребывали в возбужденном состоянии очень приятного напряженья, поскольку шли в Оперу, мы намеревались ухватить весь опыт культуры за его ядро, которым выступает Опера, заполучить тот несократимый минимум непреложной душевности, каким служит Опера.

И пока я пробирался к своему месту в ряду ГГ — увидел, как в тених таится фигура в маске и плаще. Боже мой! — подумал я, — это же Призрак оперы! То был всего-навсего Филип Джонсон — он разыскивал себе новых заказчиков в коридорах Оперы, и я сказал ему:

— Благородный архитектор! Не могли б вы разработать для меня некую азалию, которую я смогу высадить где-нибудь на поверхности этого изумительного города и тем самым искупить в какой-то мере тот поспешный и непродуманный акт азалиецида, каковой я бы нипочем не совершил, не задержись я так надолго в коварных, грешных городах Востока и не скособошь себе все ценности? — И великий архитектор выхватил из рукава волшебный карандаш «Эберхард Фабер» твердости «2В», и взмахнул им в воздухе, и набросал прекраснейшую азалию из нержавеющей стали девятисот футов в высоту. Меланхолия моя немедленно от меня отпала, и я стал доволен. А однажды, если угодно будет Господу и «Интересам Джералда Д. Хайнза»⁹⁴, вы увидите, как эта азалия из нержавеющей стали девятисотфутовой высоты займет свое место вместе с прочими великими монументами этого города в саду творческого воображения.

ПОРА БЫ УЖЕ НАКОНЕЦ...

Пора бы уже наконец сказать правду о Дне благодарения. Правда такова: вообще-то это не очень хороший праздник. Задумайтесь над образностью. На двери висит сухая обертка кукурузы! Жуткое вино! В мисочках — клюквенное желе крайне сомнительного происхождения, с которым всем предписано обращаться с величайшей осторожностью! Рассмотрите участников, гуляк. Мужчины и женщины (также дети), сносно пережившие годы, преимущественно — в результате того, что жили на значительном удалении от своих дорогих родителей и возлюбленных братьев и сестер, кои очевидно должны съехаться на сей пир пиров (словно их приманила пошедшая по кривой дорожке фея-крестная), обычно — окольными путями, через пробки на дорогах, в общее место сбора, где самим настроеньям, хандрам и бесцеремонным личным привычкам, что счастливо не сводили их вместе с тех пор, как они повзрослели, здесь и сейчас позволяется медленно вызревать под кукурузными обертками и медленно подыматься при помощи жуткого вина, а в итоге вырываться на волю от воздействия клюквенного желе! Нет, это насмешка над праздником. К примеру: «Благодарим тебя, Господи, за то, что мы сейчас получим». Это уж явно не гала-концепт. Подарков тут нет, если не считать подарком сладкие рулетки тети Берты, каковым их никто и не считает. В смысле костюмирования тут тоже кот едва наплакал: миниатюрные пластмассовые индюшки и эти дурацкие шляпы первых колонистов. Секса нет. И впрямь, Благодарение — единственный день в году (факт, известный всем), когда все мысли о сексе совершенно пропадают, испаряясь из квартир, домов, жилтовариществ и жилищ на колесах, словно конденсат с зеркала в ванной.

Также вдумайтесь в никчемность этого времени года. Где-то последняя неделя ноября. Очевидно, с одной стороны, что это еще не зима — зима с ее смертоносными метелями и девушками в крохотных юбочках, чертящими на льду пируэты. С другой стороны, и как осень это время без толку: никакой золотой листвы, никаких Октоберфестов и прочего. Вместо этого — ничейная земля между временами года. В холодной и степенной северной половине страны это смутно тревожащее междуцарствие долгих скорбных прогулок под голыми деревьями: долгие скорбные прогулки следуют за дневной трапезой с унылой неизбежностью пируга, следующего за индейкой, а голые деревья маячат или торчат

повсюду, как ячмень на глазу, и почва либо тверда, как железо, либо слегка чавкает под ногой, и легкий снежок всегда начинает сеяться на полпути к старой зеленой калитке — чешуйки холодного, водянистого вещества западают между шеей и воротником по той причине, что, раз у нас еще не зима, вы забываете или предпочитаете не брать кашне. Следствие долгой, скорбной прогулки на День благодарения состоит в том, что отсутствие кашне не остается незамеченным, и четыре или около того недели спустя, под Рождество, вместо «Сони-Бетамакса» — вы втайне надеялись, что дети скинутся и вам его приобретут, — вы получаете еще одно кашне, теперь уже тридцать третье по счету. Тридцать три кашне! Ну и прогулочка! Конечно, все гораздо веселее в теплой и полоумной южной части страны. Там нет никакого снега. Кашне не нужны. К тому же — никаких долгих, скорбных прогулок, потому что в теплой и полоумной южной части страны все ездят на машинах. Поэтому все едут домой к дяде Джасперу смотреть, как «Пумы» играют с «Аллигаторами» — это не вполне уж несущественное столкновенье, которое определит, смогут ли «Аллигаторы» претендовать на кубок или же им придется еще раз отправиться в послесезонное показательное турне по Северной Корее. Но не успевают «Пумы» ввести в игру мяч (эту поразительную кувыркающуюся вихляющую штуковину, что лениво парит над ареной, после чего низвергается к К. Ч. Маккою и лупит его по каске), как тетушка Эм принимается шустрить с индюшкой. Вскоре двоюродная сестрица Мэй уже с грохотом расставляет тарелки и миски, а сестрица Бернис охает и ахает про «всю вкуснятину», и дядя Боб издает тихие, неискренние звуки, призванные изображать оценку:

— Ням-ням, тетушка Эм, я себе этого вкусенького ямсу еще положу, пожалуй!

Вкусенький ямс? Глаза дяди Боба дико закатываются. Билли Джо Куоглино пуляет длинную бомбу среди благословений дедушки Морриса, а дедушка Моррис говорит так тихо, что его никто не слышит — что и неплохо, по сути, ибо он декламирует все, что может вспомнить из своего последнего профсоюзного договора; а потом, как только Дж. Б. (Шустряк) Рях пыром отбивает мяч на девяносто два ярда, тетушка Эм принимается раздавать всем добавки своей знаменитой начинки, как будто из-под полы впаривает рецептурные вещества, чем начинка эта запросто и может оказаться, поскольку в ней нет легко определяемых ингредиентов, различимых невооруженным глазом.

Задумайтесь на миг о самой трапезе Благодарения. Она стала неким прибежищем для разновидностей крахмала, которым грозит вымирание: сладкого картофеля, цветной капусты, тыквы, фарша (чем бы тот «фарш» ни был), благословенного ямса. Миски вырвиглазно окрашенного ямса вообще без всякого вкуса онемело лежат под потоками лавы маршмэллоу! А затем — священная индейка. С таким же успехом можно попытаться сконструировать праздничное пиршество вокруг рыбы — скажем, доброго куска вареной пикши. В конечном счете, индейка на вкус весьма напоминает пикшу: та же консистенция, то же вполне примечательное отсутствие какого бы то ни было вкуса. Но опять же, если б *pièce de résistance*¹ Благодарения был славным куском вареной пикши, а не индейки, папа б не испытал такого удовольствия, когда мама вручает ему комплект для нарезки из серебра 925-й пробы с костяными ручками (свадебный подарок от ее родителей — и с тех же пор не точился), а потом все стоят кругом, делая вид, будто не смотрят, как он пилит и кромсает птицу так, словно пытается вкопаться в некую гротескную тюрьму, похожую на дичь, либо выкопаться из нее.

А что хорошего есть в Благодарении, спросите вы. У всего же всегда бывает и хорошая сторона. А у Благодарения нет. У него сторона есть только плохая — и вторая, еще хуже. Например, лучшая льняная скатерть бабушки — это плохая сторона: сам факт того, что она достается каждый год на манер красного флага, извлекаемого перед быком, а после на нее что-то проливается тем ребенком, который хуже всех успевает в той четверти, а потому его больше прочих требуется и ободрять. Отсюда:

— О боже мой, Вероника, ты только что разлила виноградный сок [или «сливовое вино», или «деготь»] на бабушкину лучшую льняную скатерть! — Но тут наступает худшее. Ибо этот миг двоюродный братец Билл — тот, что три года назад спустил все деньги двоюродной сестрицы Эдвины в автомагазине и, очевидно, непрерывно пьет со Дня всех святых, — несуразно выбирает для того, чтобы сказать:

— Мне кажется, эти старые бокалы вечно опрокидываются. К чему тетя Мег слышимо прибавляет:

— Что-то я не помню, как мне дарили эти старые бокалы.

¹ Коронный номер (фр.).

На что дядя Фред отвечает:

— Это потому, что вы с Джорджем решили отправиться в отпуск на Гавайи тем летом, когда умирал дедушка Сэм. — И вот уже бабушка всхлипывает, хоть и не столь безутешно, чтобы удержаться и не пробормотать:

— По-моему, ту картину с вулканом, что я по ошибке выбросила, прислали мне с Гавайев, бог знает, зачем.

Но боги милостивы — даже бог кукурузной обертки и клеклой начинки, что носит шляпу первого колониста, и конец настает всему, даже Благодарению. И действительно: есть некое величие в ощущении конечности и злого рока, какое обволакивает дом по окончании празднования Благодарения, ибо с завершением Дня благодарения должным образом завершается и весь год — ему простреливают череп высокоскоростным карамелизованным ямсом. В сем календарном надире вся энергия на планете пропадает, все веселье с нее сбегает, все жуткое вино выпито.

Но затем, всего за ночь, жизнь слова начинает шевелиться, возникая из первобытной трясины универмагов нации уже к следующему утру в виде японских витринных украшений и тайваньской рождественской иллюминации. Так настает заря нового года, неся с собою безотлагательные и бодрящие возможности отсроченных задолженностей по потребительским кредитам, флиртов на корпоративных вечеринках, хорошего — ну или на худой конец посредственного — вина и видений о скупердяйских тарифах на экскурсии в Монтего-Бей. Следует отметить, быть может, что этот поистине новый год всегда начинается с той же безгласной могучей мифической церемонии: украдкой выбрасываются, рано поутру, кошмарные упаковки в алюминиевой фольге — ямс и цветная капуста, начинка и красная клюквенная субстанция, — втиснутые в холодильник, словно ожидается инсценировка осады Парижа. Вскоре после можно наблюдать, как, бия куриными ножками, в воздух медленно подымается феникс Рождества — вновь вытаращив зенки с надеждой и непомерными упованиями.

ИНАУГУРАЦИЯ

Теперь, когда избран очередной великолетный, чарующий и мудрый Президент, самое, по нашему суждению, время начать беспокоиться об инаугурации. В уме следует держать главное: мы желаем, чтобы пышность церемонии прогремела, а не погрязла в недостатках. Многие из последних — в человеческом облике — соответствующие власти могут минимизировать заблаговременно, если их подобающе распознать, пока они не начали доставать собою всё. Ниже приводится несколько примеров.

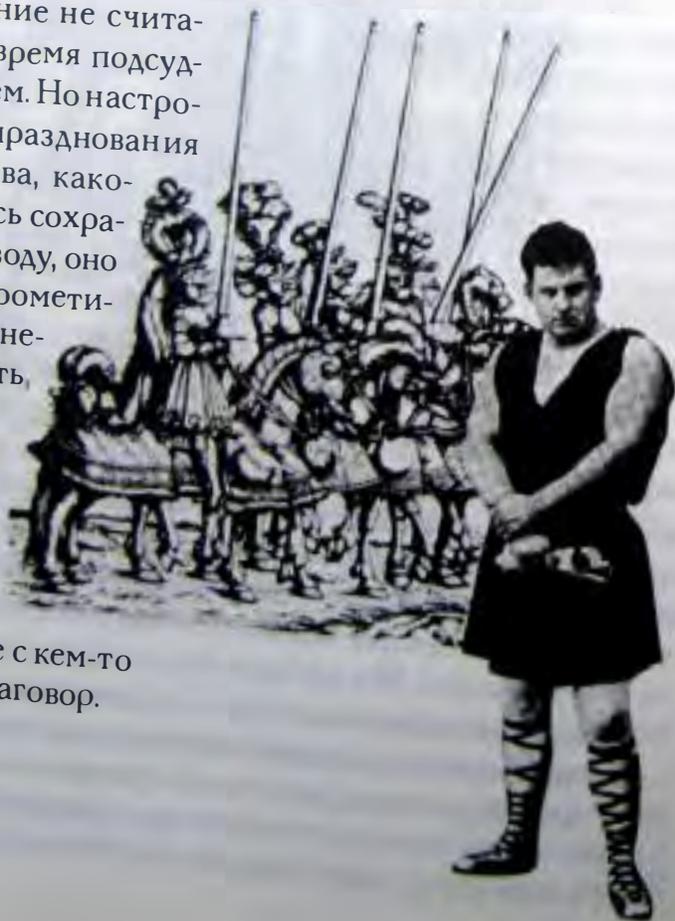
У некоторых имеется пагубная, неестественная и непропорциональная приверженность миру, каковую они не стесняются проявлять на общественных улицах, зачастую — в такие времена, когда все остальные пытаются быть счастливыми, к примеру — на инаугурации. Им ни при каких обстоятельствах не следует позволять кататься на слонах — и даже оных кормить.

Существуют отдельные личности, программным путем идущие против течения, даже если течение это — основной поток. Скорее всего, они будут выражены в одежду причудливого вида. Зайти они могут даже так далеко, что предложат вам опасный

наркотик. Будьте начеку. Мы не желаем видеть подобных личностей на инаугурации.

Честное сомнение не считается в настоящее время подсудным преступлением. Но настроение радостного празднования и нового творчества, какое нам бы хотелось сохранить по такому поводу, оно испортит и скомпрометирует. Честное сомнение трудно подавить, и оно довольно быстро омрачается сомнением бесчестным, каковое, если сомневающийся сомневается вместе с кем-то еще, известно как заговор.

Некоторым никогда не угодишь, как бы ни обстояло дело. Они носят озлобленно черный траур и издают громкие завывания в хорошо заметных местах вдоль движения демонстрации. Вероятно, вокруг таких можно размещать какие-то крупные растения, чтобы их не видели другие.

Отдельная проблема — негодяи. Инаугурация всегда выглядит пошло и *déclassé*, если вокруг шляется чересчур много хорошо известных негодяев, — особенно истинно это для трибуны

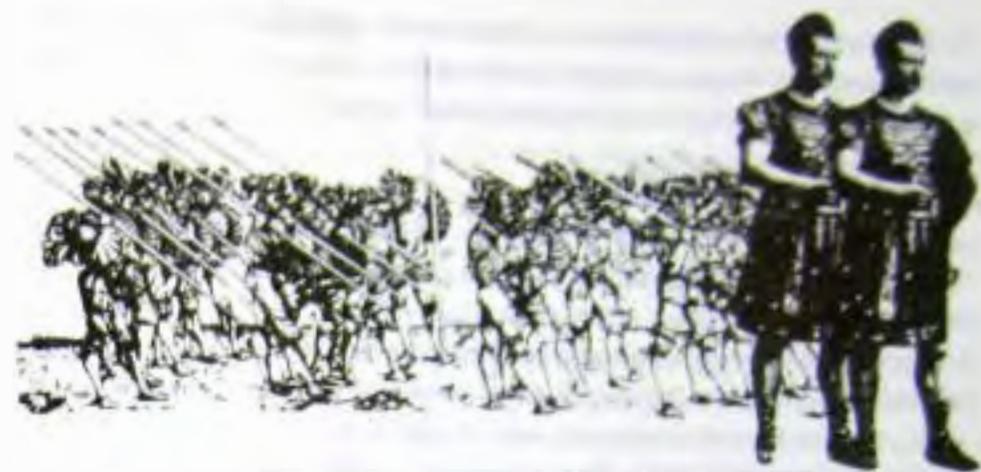
* *Зд.*: вульгарно, нравственно низко (*фр.*)

на параде, бала и частных приемов с ужином. Но прежде чем негодаев собрать в кучу и упечь, необходимо определить, к какой партии они принадлежат. Они могут оказаться нашими негодаями.

Восхищение с преклонением допускается и даже поощряется. Слишком много преклоняющихся поклонников одной и той же разновидности, собравшихся в одном и том же месте, есть скверное планирование.

Крупный жертвователь — потенциальный источник неловкости. Здесь требуется тщательное обдумывание. С одной стороны, он очень обидчив в том, что касается его размещения и обращения с ним, а с другой — мы не хотим, чтобы люди считали, будто... Его следует помещать не слишком близко к трону, но и не слишком от него далеко.

Да, выставление напоказ вооруженной мощи способно внести свой вклад в пышность — это в некотором смысле и есть пышность, — однако его очень, очень легко неверно и толковать. Мы рекомендуем развертывать не более двух дивизий, притом — не наших лучших, а каких-нибудь неопятных и любительских с виду: люди там должны быть стойкие, но не беззаветно убежденные. И не более трех дюжин генералов, будьте любезны.

ИСКУССТВО БЕЙСБОЛА

Искусство есть — на некоем важном уровне — игра, как это отмечали теоретики от Хэйзинги до Роже Кайуа⁹⁵. Искусство есть игра, в которой возможно выиграть, проиграть или добороться до изнурительной, отчаянной ничьей. Посему неудивительно, что некоторое количество самых знаменитых художников этого века также — в случайные моменты своих карьер — играли в бейсбол. В качестве противоядия от трудов в студии и за письменным столом титаны эти обычно играли сезон-другой, а затем возвращались, освежившись, к своим художественным занятиям. Как ни парадоксально, они почти не оставили следа в общепринятой истории этой игры. Как будто хронисты бейсбола боялись таких призраков из другого мира, чей вклад в тот спорт частенько бывал той разновидностью, что провоцировала включение механизма отрицания, знакомого читателям текстов по психологии.

Недавние исследования, однако, выявили некоторые примечательные случаи волшебного сочетания искусства и бейсбола, и кое-какие примеры тому приводятся ниже.

Т. С. ЭЛИОТ, ШОРТСТОП

«Бесплодная земля» Т. С. Элиота — несомненно, самое тщательно изученное, бережно аннотированное и скрупулезно откомментированное стихотворное произведение в языке. А упущено в нем (чередой неверных прочтений, настолько чудовищных, что в анналах качественного литературоведения этой страны им нет аналога), что поэма эта — по сути, о «Сент-Луисских Бурых»⁹⁶ 1922 года, команде, в которой Элиот, вернувшись в тот год из Британии, кратко играл шортлом.

Элиот, как припомнят, проживал в Соединенном Королевстве с 1914 года (гражданство получил в 1927-м). После публикации «Стихов» (1920) он ощутил, что его творчество покинул некий творческий порыв, угасло какое-то жизненное горенье. Выходом для него стало вернуться в Сент-Луис своей юности и записаться на какое-то время в «Бурые», что стало, как мы убедимся, судьбоносным решением для поэзии. «Бурые» ввели его в игру шортстопом, и он поражал равно болельщиков и товарищей по команде тем, что являлся на поле не только в стандартном сент-луисском обмундировании, но и в черном котелке, к которому присовокупил, как полагается по английской моде, сложенный зонтик того же оттенка. На подобные причуды закрывали глаза: молодой Том неизменно выступал так, что от его игры было не оторваться, а его сектор ромба, пока он за ним присматривал, бывал безопасен, как капитальное строительство.

Но если сам поэт был блистателен, то «Бурые» образца 1922 года — отнюдь: это обстоятельство решительным образом повлияло на грядущее главное произведение Элиота. Внутренние свидетельства ошеломляют, как это продемонстрирует непредвзятое рассмотрение приводимых ниже цитат.

Пункт первый. Самая первая строка поэмы — «Апрель жесточайший месяц»⁹⁷ — первоначально звучала «Август жесточайший месяц». Здесь аллюзия на кошмарную череду матчей, которые «Бурые» проиграли «Янки» в Сент-Луисе в августе 1922 года: проигрыш этот действительно вывел их из состязаний в серьезной лиге. Эзра Паунд, чья авторитетная редакция поэмы выковала из нее тот великий артефакт культуры, который произведение представляет собою ныне, с успехом доказал, что

всем — и не только в Сент-Луисе, но и в мире окрест — отлично известно, что август месяц жуткий, а потому его упоминание делает поэму слишком уж доступной пониманию.

Пункт второй. Строка (в Части I) «А вот — Трехжелезный»⁹⁸ — не придерешься, это предвестие движения ужасающего Детки Рута⁹⁹ к дому отбивающего: так и видишь, как Бамбини покручивает три биты, ковыляя к домашней базе. В первый месяц сезона Рута отстранили от игры (это сделал судья Кенисо Маунтин Лэндис, первый Уполномоченный по бейсболу¹⁰⁰) за нелегальные турне в провинции, но против Сент-Луиса он все же сыграл, и тревога, какую он внушал, ощущается в поэме повсюду.

Пункт третий. Строка в Части III «Я, слепец Тиресий... зрю»¹⁰¹ явно относится к судье.

Пункт четвертый. Также в Части III — строки:

А я удил в безжизненном канале
За газовым заводом в зимний вечер¹⁰², —

предрекают «Банду Газового завода»¹⁰³ середины тридцатых годов, в то время как сам Король-Рыбак — очевидно, Джордж Сизлер¹⁰⁴, серьезнейший игрок «Бурых» (в том сезоне он выбивал в среднем .400), считавший, что усилия его несовершенно поддерживаются товарищами по команде, и горькие слова:

И удил, за спиною — безводная пустошь¹⁰⁵, —

очевиднейшее тому подтверждение.

Пункт пятый. Строки из Части V «Но красные мрачные лица с ухмылкой усмешкой из дверей глинобитных домов»¹⁰⁶ есть непосредственный отклик на игру, ушедшую в дополнительные иннинги — в галлюцинаторные сумерки, чреватые опасностями. Вот вы б стали подавать мяч (со скоростью девяносто миль в час) на домашнюю базу, с которой смотрят с ухмылкой усмешкой красные мрачные лица? Нет, вы б усомнились, а сомнение, вообще говоря, — и здесь, и где угодно — ключ ко всему Элиотову канону.

Можно продолжать, но стоит ли? Все доказано.

ДЖАНГО

Немногим из нас известно больше одного человека по имени Джанго. Стало быть, более чем вероятно, что Джанго, подававший «Кардиналам» на Мировом чемпионате 1931 года (против

«Филадельфийских атлетиков»¹⁰⁷), был трехпалым французским цыганским джазовым гитаристом Жанго Ренартом, звездой многочисленных дисков «Жаркого клуба Франции», на которых его часто совмещали с ныне еще живущим коллегой, элегантным Стефаном Граппелли¹⁰⁸.

Слухи того времени намекали, что «Карды», до смерти испугавшись состава «Филли», куда входили Левша Гроув, Джимми Фокс и Мики Кокрен¹⁰⁹, контрабандой ввезли великого француза в страну, спрятав его в исполинском эклере, который предназначался как главное блюдо ежедневного обеденного буфета на судне «Королева Мэри» компании «Кьюнард», ходившем в ту пору из Гавра дважды в месяц по расписанию. Как бы то ни было, устрашающий джазмен выступал на поле неотразимо.

— Он много французского в удар вкладывал, — вспоминает один наблюдатель-современник. Трехпальцевая хватка Жанго действовала ничем не хуже каких угодно уловов обычного питчера, считающихся незаконными: жевательная резинка на (тогда еще) лошадиной шкуре мяча, царапанье мяча лезвием сабли, запрятанной в шаровары. Она была смертоносна для несчастного будущего подающего; мяч, пересекая пластину, подпрыгивал вверх на высоту от двух до четырех дюймов. Сент-луисский Перчик Мартин¹¹⁰, один из героев Чемпионата и сын суверенного штата Оклахома, подытожил это так:

— Словно дорогу тебе ремонтируют Жуткие Уильямсоны. — Он имел в виду цыганское племя, которое в ту эпоху скиталось по Техасу, Оклахоме и Арканзасе на целой флотилии ветхих автомашин и подряжалось ремонтировать дороги: уложенный ими асфальт имел обыкновение исчезать после первого же легкого дождика.

Воспоминания о Жанго на питчерской горке можно различить в его композициях «Промях», «Вилка» и «Перчик», все они есть на релизе «Вокс» 3084.

СОНТАГ ПОНАЧАЛУ

Выдающийся романист и критик Сьюзен Сонтаг единственный сезон — в 1959-м — блистала в Чикаго. В трудных обстоятельствах Сонтаг играла в бейсбол в колледже — в Университете Чикаго, школе, знаменитой тем, что долгие годы у нее не было своей футбольной команды; часто забывают, что бейсбольной команды там тоже не было. Не смущаясь этим, Сонтаг и группа так же безумно увлеченных бейсболом дипломников

образовали печально известную Лигу зубрежки, проводившую матчи в громадных отопительных тоннелях под студгородком университета на Южной стороне. Рекрутер «Белых носков»¹¹¹, пытавшийся выкупить своего сына с факультета физики, где мальчик неразумно задержался на тринадцать лет, идя по следу уннилегексия (искусственного радиоактивного трансуранового элемента, в действительности полученного лишь в 1974 году в Беркли, так уж вышло), однажды вечером открыл не ту дверь и наткнулся на игру. Поначалу зачарованный блистательными движениями темноволосой красотки, он тут же подписал с ней договор «Носков».

Как бы ни мучила ее бесстыжая (и никуда не девшаяся) предвзятость бейсбола к женщинам на поле, Сонтаг пришлось выходить, хорошенько забрав волосы под кепку и под чужим именем: в списках она значится как «С. Выходной». Болельщики с отчетливой ясностью помнят ее позу на внутреннем поле — человека задумавшегося, кулак глубоко погружен в правую щеку, бросает косые взгляды на человека с битой: воплощение того, кто грезит о Грегори Бейтсоне¹¹² и той путанице понятий, каковой она намерена заморочить указанного человека с битой, если ему повезет добраться до первой базы.

В последующие годы ее опыт пребывания в Ветреном Городе отразился в хорошо известном эссе о «Первости». «Носки» в 1959 году отправились на Чемпионат с большими надеждами, тремя умелыми аутфилдерами — Джимом Лэндисом, Джимом Риверой и Элом Смитом — и такими выдающимися игроками, как Луис Апарисио¹¹³ по прозвищу Багдадский вор баз, но проиграли в шести встречах «Хитрецам»¹¹⁴. «Первость» с ее спаренными темами превосходства и утраты — развернутое размышление о том, как быть первым: это первое препятствие на пути бегуна (вовлеченность в состязание негативным, жизнеотрицающим манером), — и в то же время, как это ни парадоксально, она предоставляет первую возможность возвысить группу, к которой принадлежишь (и расширительно все человечество), до апофеоза.

Примечание к вышесказанному: на конференции международного ПЕНа¹¹⁵ 1967 года в Бледе, Югославия, было замечено, как Сонтаг оставляет автограф на ношенной перчатке первого базового игрока Юрио Кавабате, знаменитому японскому торговцу редкими перчатками.

ДВА ГОЛЛАНДЦА

Виллем «Большой Билл» де Кунинг¹¹⁶, вероятно, замахи-вается самой крупной кистью в мире современного искусства, и его нахрапистый, бесшабашный стиль у мольберта уже долго служит предметом изумления и зеленой зависти для его коллег. Вопрос, насколько турне голландского масте-ра с «Хитрецами» повлияли на него, обсуждается часто как в манхэттенских модных ресторанчиках, так и в захудалых притонах Восточного Хэмптона. Это одна из тех тайн, какие неподвластны пристальнейшему критическому вниманию. Действительно ли художник хоть отчасти выучился своему яростному натиску у бруклинцев или же принес его на «Поле Эббетса»¹¹⁷ уже полностью сложившимся? Как бы то ни было, в памяти остается лишь его поразительная дуэль с земляком и коллегой-художником в августе 1939 года.

То был год, когда Пит Мондриан¹¹⁸, еще один нидерландец, взял отпуск от чистоты своих строго геометричных полотен, чтобы подавать за Цинциннати¹¹⁹. Великий неоклассик насто-ял на том, чтобы собственноручно разработать себе спортив-ную форму — великолепие крупных красных, синих и желтых прямоугольников, безупречно размещенных на ослепитель-ном белом фоне. Когда настал миг де Кунинга на пластине, два художника недружелюбно воззрились друг на друга — их раз-деляли 18,4 метра.

— Пит, — завопил де Кунинг в отношении формы, — крас-ный — он слишком близко к желтому.

— Билл, — закричал в ответ Мондриан, — откуда тебе знать?

— Это и ребенку видно, — ответил де Кунинг, покрепче сжимая биты.

— Билл, — спокойно и ясно провозгласил Мондриан, — ты над моим пространством нависаешь. — И, чтоб не отвлекался, шваркнул по груди роттердамца такой подачей, что Боль-шой Билл отлетел назад и столкнулся с ловцом «Красных» Эрни Ломбарди¹²⁰.

При следующей подаче Мондриан совершил замах (пред-приятие зрелищное, учитывая его форму) и выпустил идеаль-ный мяч. Де Кунинг могуче срезал и промахнулся. Третья по-дача Мондриана была низкой, но в пределах правил; де Кунинг пропустил ее мимо ради второго удара. Доблестный абстракт-ный экспрессионист теперь впал в заметное раздражение и за-ступал в пластину палкой так, что это никак невозможно было

принять за дружелюбие. Следующую подачу Мондриан осу-ществил ровно по незримой линии, отделяющей внутреннее от внешнего, и де Кунинг вышел ей навстречу, напрягши ком-плект плеч, нарастивших себе массивность за много лет швы-ряния краски на холст. Мяч взмыл в воздух, как из миномета, и Курт Швиттерс*, центрфилдер Цинциннати, стал от него пятиться, пятиться, пятиться, чтобы перехватить, вскинул руку и — промахнулся на добрые двенадцать футов. Де Кунинг рысцой обежал базы под неумеренные аплодисменты, а Монд-риана, уже сильно после того, как другие игроки покинули стадион, обнаружили с мерной лентой в меркнувшем свете охайоского вечера: он измерял ромб в попытке доказать, что виноват здесь был ромб, а вовсе не его ощущение того, где что нужно размещать.

СТРАСТЬ

Наконец, не следует упускать из виду, что обмен между искус-ством и бейсболом — вовсе не улица с односторонним движе-нием. Одаренные атлеты забредают на территорию художника почти с такой же частотой, как и наоборот. Вот памятный слу-чай: в 1977 году многообразно талантливый Билли Мартин вы-ставил в шикарной галерее «Темп» на Пятьдесят седьмой улице Манхэттена¹²¹ поразительную серию дверец от выброшенных на свалку холодильников, разбитых до физиономического по-добия его патрона Джорджа Стайнбрэннера¹²². Критики высо-ко оценили поверхностное напряжение Мартина, структурную целостность, оригинальность в выборе материалов и примене-ние кувалды, но выше всего — страсть, без которой ни искус-ство, ни бейсбол не будут означать ничего.

* Швиттерс, немецкий коллажист, почти все начало своей творческой биографии провел в Швейцарии и научился играть в бейсбол в Базе-ле, где эту игру называют «базельбол». — *Примеч. автора.*

«ИГРЫ — ВРАГИ КРАСОТЫ, ИСТИНЫ И СНА», — СКАЗАЛА АМАНДА

Я играл в «Пароль», «Твистер», «Прорыв», «Бонанзу», «Стратего», «Растрату» и «Гамбит». А еще в «Квинто», «Барахтах», «Брокера», «Тактику» и «Акции и облигации». Все сразу. На полу. Мой ход. Когда я играю один, всегда мой ход. Это разумно. Сначала я стою на коленях по одну сторону доски, затем по другую. Немного раздумываю. Изучаю свой ход, чтобы наверняка убедиться, что он правильный. Поздравляю себя. Затем ковыляю к другой доске, на коленках.

Полмоего кабинета покрыт настольными играми, и доски разложены в спальне, на кухне, в ванной. «Конестога», игра в Орегонскую тропу». «Геттизбёрг», «Сталинград», «Мидуэй», «День Д», «П-лодка», «Бисмарк» и «Ватерлоо». «Ле Ман». «Управление», «Приговор» и «Диспетчер». «Слияние», игра на манипуляцию акциями автомобильной промышленности». «Кьюбик», трехмерные крестики-нолики». Мой ход. Мой ход настает, когда утром я ухожу в контору, и мой ход — когда вечером возвращаюсь. Я делаю ходы до, во время и после ужина, ковыляя от доски к доске. Мой ход — когда я ложусь спать, и мой ход — когда просыпаюсь.

Я вытянул руку в желтой виниловой домашней куртке. Сделал ход. Затем доковылял до другой стороны доски оценить ход с точки зрения противника. Ход дурацкий. Теперь я в силах себя уничтожить. Следует ли мне уничтожить себя?

Тут прозвонил звонок. То была Аманда. Вся в слезах.

— Аманда, — сказал я. — В чем дело? — На ней было платье-палатка, двухслойный коричневый брезент с отделкой для колышков. Глаза ее полнились шутихами и слезами.

— О Хектор, — сказала она. — Ты один можешь мне помочь. Ужас такой...

— Опять то же самое?

— Нет, — сказала она. — Кое-что новое. Хуже ты и представить себе не можешь.

— Заходи, — сказал я. — Побудь со мной. Возьми этот бизоний халат и накинь на свое платье-палатку. И хлебни абрикосового бренди, и сядь-ка вот в это удобное кресло перед термостатом.

— Я играла в «Африканский корпус», — сказала она. — Ты же знаешь «Африканский корпус». Воссоздание прославленных

подвигов фельдмаршала Роммеля. Целая Группа армий переменилась с фигурками от моего «Водного поло». А линкоры от «Мидуэя» заплыли на свидетельскую трибуну «Приговора», и все акции «Слияния, игры на манипуляцию акциями автомобильной промышленности» перепуталась с фишками «Депрессии», и... Хектор, зачем я играю во все эти игры? Карточные, словесные, настольные, образовательные, игры, в которые играют люди?¹²³ Что это, Хектор? Во мне что-то странное? Я какой-то жуткий чокнутый маньяк? Похоже, я все свое время трачу на...

Я взял ее за руку — с четырехдюймовым оранжево-желто-синим кольцом Комитета по рыбной ловле и охоте из папье-маше.

— Аманда, — сказал я. — Ты не одинока. В эти игры все играют. Все, кого я знаю. — Я подвел ее к окну и открыл его. Мы высунули головы в ночь из папье-маше. — Послушай, Аманда.

Она послушала.

— Что это за странный звук, фримп-фримп? Фримп фримп фримп фримп фримп фримп фримп фримп?

— Это звук, издаваемый пульсацией обалденных и гигантских электронных компьютеров страны, — сказал я. — Из коих в данный момент используется, вероятно, тридцать пять тысяч, от моря до сияющего моря¹²⁴. По оценкам, к 1975 году их будет использоваться восемьдесят пять тысяч. И значительная доля этих компьютеров играет в игры, Аманда, совсем как ты и я. Предприниматели играют в игры «Папаши Военжоха»¹²⁵ — в «Потерявшуюся лошадь», к примеру, чтобы установить паттерны, которые позволяют им раскатать конкурентов. Военные играют в военные игры — например, «Эскалацию», чтобы проверить действенность альтернативных откликов на провокации противника. И завести себе новых противников, насколько мне известно. Ученые играют в научные игры, а некоторые люди — в обычные шашки. А Маршалл Маклюэн¹²⁶ утверждает, что игры суть предельные режимы наших психологических жизней, предоставляющие освобождение от тех или иных напряжений в общественных группах. А Хейзинга говорит, что игровые элементы в культуре выполняют цивилизующую функцию, сочетая агонистический принцип состязательности с игровым лудическим, сиречь чистой игрой. А Шуб в «Теории игр и связанных с ней подходах к общественному поведению»¹²⁷...

— Да, — сказала Аманда. — но как же я? У меня голова полна «Дипломатии», а сердце переполнено «Карьерами». На руках у меня сплошь «Охмурез», а на банковском счету — одни деньги

из «Монополии». Я истощена, Хектор. Я устала играть в игры. Мне хочется...

— Я знаю, — сказал я. — Расслабься, Аманда. Мы эту штуку обведем вокруг пальца. Только доверься мне.

— Что ты предлагаешь? — спросила она, ее блестящие акваринные глаза — сплошная приязнь и тени для век. — Что?

— Новые игры, — сказал я. — Новые игры, Аманда, чтобы запустить индейку умственного возбуждения в воздух интеллектуальной безответственности.

— Новые игры? — Я заметил, как от ее лица отхлынула кровь. Но не увидел, куда именно. — В смысле — люди могут придумать себе собственные игры? Это разве не... гордыня?

— Выпей еще бренди, — сказал я. — Выпей еще бренди, и мы сыграем в «Некстати», игру светского замешательства. И в «Кессон», и в «Двойной бойлер», да и в «Гордыню», если угодно. Послушай только, как называются эти великолепные новые игры: «На лево», «Коробка передач», «Прием у стоматолога» и «Инсульт». Мы будем изобретать их вместе, дорогой друг.

— А как в нее играют? В «Некстати» или как ее там?

— Я рад, что ты задала мне этот вопрос, — сказал я, — потому что ответ мне известен. Начинаешь с ситуации — светской ситуации. С той, какая чревата замешательством. С той, где ты немного не в своей тарелке, так сказать. Затем ее потенциал актуализируется. Вообрази, к примеру, что присутствуешь на роскошном приеме при Сент-Джеймском дворе. Ты только что конвертировала свои сбережения в стерлингах, вполне значительные, в сиамские баты. Как следствие пособие Королевы сократилось. Ты замечаешь, что на ней прошлогодняя тиара. Подходишь представиться. Замечаешь, что она смотрит на тебя со странным выражением на лице.

— Неплохо, — сказала Аманда. — Давай еще.

— Ладно. Тут похитрее. Ты на роскошном приеме при Сент-Джеймском дворе. Также присутствует лорд Сноудон, супруг принцессы Маргарет и знаменитый фотограф. Еще там редактор цветного — хотя правильнее будет «полноцветного» — журнала «Санди Таймз». Лорд Сноудон выполняет задание этого журнала. Он готовит фоторепортаж о...

— «Камнях»¹²⁸.

— Очень хорошо. Он готовит фоторепортаж о «Камнях». Лорд Сноудон показывает оттиски редактору. Ты заглядываешь им через плечо. А вышло так, что недавно ты сама фотографи-

ровала «Камней» в цвете. Своим старым ящичным фотоаппаратом.

— Своим старым ящичным фотоаппаратом, который раньше принадлежал твоей прабабушке, а ты нашел его в старом сундуке на чердаке, и камера вся склеена малярной лентой, — сказала Аманда.

— Превосходно. Тогда как лорд Сноудон снимал спаренным «Хассельбладом» с объективами по четыре тысячи долларов. Ты рассматриваешь снимки лорда Сноудона через плечо редактора. Затем суешь руку к себе в ридикюль и достаешь собственные фотографии. «Эти ужасны, — говоришь ты, — но я подумала, может, вам...» Редактор пристально рассматривает твои снимки. Фотографии лорда Сноудона бросает на пол. «Ей-богу, — говорит редактор. — В смысле, вы... бабушкиной камерой, склеенной малярной лентой...» Лорд Сноудон пристально смотрит на тебя со странным выражением на лице.

— *Quelle horreur!** — пробормотала Аманда.

— Такова игра «Некстати», — сказал я. — Чем дальше, тем ситуации становятся изощреннее и кошмарнее. В особенности игра хороша для наказания самого себя, если ты жаждешь именно такого. Ситуация в студии знаменитого художника — того, что пишет жалких маленьких девочек с большими глазами¹²⁹, а твое собственное дитя, когда дело доходит до ее портрета, отказывается открывать их вообще — вот это довольно-таки бодрит, я бы сказал. Есть и другие. Ты на операционном столе. Тебя покрывает белая простыня. Ты заняла у подруги почку. Теперь пора ее возвращать. Врач...

— Еще игр, — сказала Аманда. — Еще игр и еще бренди.

— Можно сыграть в «Бродуэйский провал», — сказал я, — «игру непродуманной музкомедии». Кто-нибудь пытается соорудить определенное произведение, которое, вероятнее всего, не выберется из Нью-Хейвена живьем. Оперетта Лайонела Барта по мотивам «Бесплодной земли», к примеру. С названием «Пустошь!». В финале Алберт и Лил решают покинуть Крысиный Лаз и начать жизнь заново в Америке. Или можно сыграть в «Заглушку», игру об истории джаза». Конфликт нам предоставляют злодейские интересы коммерческой музыки, которые желают остановить распространение Нового звука. Злодейские интересы коммерческой музыки на доске представлены...

* Какой ужас! (фр.)

— Квадратами, — торжествующе объявила Аманда, и я прижал ее к груди. Потом мы сыграли в «Цыпят по осени считают — игру предсмертных изречений», не расцепляя любовных объятий на пожарной лестнице. Люди внизу стояли, разинув рты, ловя каждую фразу нашего скупого диалога.

— «Довольно», — сказал я.

— Иммануил Кант, — сказала она¹³⁰.

— «Если нет вопроса, нет и ответа».

— Гертруд Стайн.

— «Это переменчивое и вероломное поколение».

— Капитан Кидд¹³¹.

— «Берти».

— Королева Виктория.

— «Не понимаю, что мне нужно сделать».

— Лев Толстой¹³².

— «Держись за Несравненный — он опять принесет миллионы».

— Не помню, не помню!

— Табор, Серебряный король, — сказал я. — Ты что, не смотрела «Балладу о Маленькой Важенке»?¹³³

— Великолепные это игры, — сказала Аманда. — Мне они нравятся особенно потому, что бессмысленны и скучны, а также банальны. Качества эти, что некогда расценивались как нежелательные, ныне возвеличиваются повсюду как ключевые элементы нашей психологической жизни, что отражено в искусстве этого периода, равно как...

— Да, — сказал я. Затем мы сыграли в:

«*Crise du Cinéma*», где один участник усовершенствует существующие фильмы, предоставляя новый актерский состав и варианты окончаний (Дорис Дей вместо Ингрид Бергман в «По ком звонит колокол»; после того как уничтожают отряд Глухого, Мария убеждает Роберта Джордана поселиться с нею в славном пригороде Барселоны).

«Дзэн-дзэн» (на простые вопросы даются бессмысленные ответы. «Где административный корпус?» — «Ха-ха. У тебя шляпа сползает». Следует обмен ударами).

«Бей мяч» (собрание мячей от разных игр — футбола, бейсбола, баскетбола, тенниса, крикета — истребляется при помощи двенадцатифутовой кувалды).

— Что идет после «Бей мяч»? — спросила Аманда.

* Кризис кино (фр.).

— После мяча идет «После бала». Утопичная игра, в которую играют при помощи пустой чаши для пунша и четырехсот палыто. В куче верхней одежды пытаешься отыскать свое палыто. Руками, ногами или зубами пользоваться запрещено. Или чьими-то чужими руками, ногами или зубами.

— Игры — враги красоты, истины и сна, — сказала Аманда. Бренди почти допили.

— Остается еще одна игра.

— Какая?

— «*Ennui*», — сказал я. — Самая легкая. Никаких правил, никаких досок, никакого снаряжения.

— Что такое «Аньюи»? — спросила Аманда, обустроивая мне ее.

— «*Ennui*» есть отсутствие игр, — сказал я, — современный мир в самом уязвимом своем состоянии. — Но она уже свернула свое платье-палатку и молча ускользнула прочь.

СОМНЕНИЕ НА БРЕГЕ ДЕЛАВЭРА

— Что ж, генерал Вашингтон, сударь, мы уже совсем готовы форфировать Делавэр. Люди готовы. Боевой дух у них хороший. Лодки подготовлены. Давать команду?

— Минуточку, майор Кинсолвинг. Должен прибыть вестовой с известием о фотоянии отопительной уфтановки в моем доме в Виргинии. Она себя вела до ужаса капризно. А еще должен прибыть другой вестовой с известием о том колодце, что роют у меня в имении на Фиговом острове у берегов Каролин. Мы углубились на сорок три фута, а до воды еще не добрались. И я ожидаю еще одного пофланца с данными о моем летнем доме в Георгии. У нас там были неполадки с фенестрацией. Неотесанные мальчишки били окна, швыряя в них громадных речных раков. Фтрашно раздражает.

— Но, генерал, если мы не спустим лодки вскорости, наступление утратит элемент фюрприва. Быфтро приближается рассвет. Хотя должен признать — кому ж понравится, если ковры ему будут пачкать мокрые, грязные громадные раки.

* Скука, тоска (фр.).

— А еще стоит вопрос о противомоскитных сетках для моей крохотной дачки-убежища на Луизианской территории. Комары там фтрафты какие яростные, Кинсолвинг.

— У вас и впрямь множефство домов, генерал. Хотя я и не критикую. Я понимаю. Все понимают. Четыре миллиона фунтов, которые эти пофтройки фтоили новорожденной Республике, нас ничуть не тревожат. Хотя большинству из нас пришлось продать свою корову, чтобы за них расплатиться. Корова нам все равно была ни к чему. Корова — для большинства из нас — обременительная роскошь. Фпокойфствие вашего ума и личности, равумеетфя, важнее всего.

— Вы действительно понимаете, Кинсолвинг. Вы явили это, когда выбирали обои для моей уфадьбы в Энгле, Вермонт. Славные то были обои.

— Не более, чем вы заслуживаете, генерал, раз вы у нас Отец Нации и все такое. Никто не способен вести патриотов в битву без сплошь серебряных обоев у себя в уфадьбе. Или в одной из уфадеб. Управление общих флужб¹³⁴, равумеетфя, взвыло.

— А разве Управление общих флужб стоит сейчас на бреге этой реки, готовясь начать одно из фамых решительных сражений войны? Нет. Нет, не стоит. Но — к делу. Моя лодка. Вырезанное вручную сиденье из палисандра установлено?

— Так точно, генерал. Его установила Фекретная флужба. Хотя должен отметить, что вам полагаетфя фтоять. Закутавшись в плащ от ледяных ветров. На фивиономии — фтрогое и решительное выражение.

— Славные они ребятки, Фекретная флужба. Как насчет дна лодки из чеканного золота?

— Сделано и готово. Чеканщики золота закончили свои тяжелые труды.

— А дорогостоящие вофточные ковры на месте — на дальнем берегу?

— Да-ф.

— А поле для гольфа?

— Восемнадцать лунок, генерал, каждая вместе с подходами к ней прекрасно облагорожена частными вкладчиками, избранными из благодарного и почти полностью обнищавшего населения. У вас назначена игра пара на пару с Корнуоллисом и прочими вскорости-разгромляемыми асейскими генералами ровно в три-тридфать¹³⁵.

— Очень хорошо, Кинсолвинг. Стало быть — к лодкам. Но погодите! Я только что вспомнил. Как насчет уфадьбы для моего фкакуна? Выделены ли средства?

— Сударь, с сожалением вынужден вам сообщить, что уфадьбы для вашего фкакуна быть не может. Ее отклонили как Комитет по ассигнованиям уфадеб, так и Комитет по ассигнованиям фканунов.

— Не будет уфадьбы для моего фкакуна?

— Континентальный конгресс¹³⁶ постановил, что вашим знаменитым профтоте и фкромнофти повредит, если станет известно, что уфадьба для вашего фкакуна оплачена из общецфвенного кошелька.

— Не будет уфадьбы для моего бедняги фкакуна! О, низость! Мой фкакун — и бевдомен! Меня вдруг обуяло фомнение, Кинсолвинг, — жуткое, жуткое фомнение. Велите армии выйти из лодок. И отправьте Конгрессу ваявление: один переход реки в опасных условиях — две тысячи фунтов, оплата авансом. Мы не дрогнем, пока не получим фыллинги.

— Две тысячи фунтов! В точности стоимость уфадьбы для вашего фкакуна!

— Смею надеяться, господа в Филадельфии поймут смысл фообщения. Если юной нации предстоит выстоять, важна безмятежность моей головы, Кинсолвинг, крайне важна. А чтобы в голове все уселось, нужна целая куча уфадеб.

МНЕ УЖЕ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ...

Мне уже некоторое время не терпится «слить» что-нибудь в какой-нибудь национальный журнал, и вот наконец у меня лопнула труба, которая вас может заинтересовать. Штука годная, поэтому внемлите. Президентскому законопроекту об энергетике приходится непросто в Сенате, как вам известно, и у президента накопилось некоторое количество сердитых слов об «узколобых нападках заинтересованных сторон... на национальный план энергетике». О ком он это конкретно говорит? Проверенная инфа от моего знакомого парня, который очень, очень близок к Джоди Пауэллу, пресс-секретарю президента¹³⁷,

такова: «Заговор с целью потопить законопроект об энергетике — дело рук не кого иного, как пресловутой китайской Банды четырех, которая держит за глотку половину Сената!» Да, это все Цзян Цин¹³⁸ и ее дружки — опять взялись за старое. Ну, я просто обалдел, как, смею верить, обалдели и вы, однако такой точке зрения прибавилось достоверности, когда мой источник привел мне имена конкретных сенаторов, у кого на адамовых яблоках неугомонно стягиваются, растягиваются и перетягиваются щупальца Банды. (Здесь я их вам открыть не могу из-за законов о клевете.) Ну и Банда! Они уже сняли себе конторское помещение на Эйч-стрит и подали заявку на групповой полис Голубого креста¹³⁹. Как же Банда перебралась из материкового Китая в континентальные США? Ответ для изучающих Сравнительную Дезинформацию до смешного прост: у них резервные места на самолете «Белл-и-Хауэлл»¹⁴⁰.

ВЕЛИКИЕ ПРЕНИЯ

Волнующие прения Форда — Картера в сентябре 1976 года были столь значительным — многие сказали бы, решающим — фактором в президентской кампании того года, что порыв историка тут же — или еще скорее — запечатлеть их на бумаге будет с готовностью понят. Такое упражнение в Упреждающей истории будет высмеяно теми членами профессионального цеха, кто по-прежнему скован более традиционными процедурами, но для таких аксакалов, говорю я, фи́га есть фи́га. Первый раунд прений в лучшее эфирное время (8 сентября) проводился в денверской студии и, по оценкам, охватывал аудиторию в тридцать два миллиона человек. Оба кандидата были в синих костюмах, винно-темных галстуках и определенном количестве неотбеленной муки. Кроме того, на Президенте Форде было два левых ботинка, а Губернатор Картер целый час потратил на перебрасывание из руки в руку кипы люцерны. Ниже следует запись:

М-Р ФОРД: Так, мне бы просто хотелось поприветствовать Губернатора Картера — то есть бывшего Губернатора Картера — здесь в студии сегодня вечером — и в Америке, нашей Америке. Я с интересом следил за его различными выступлениями

по стране и в общем смысле с интересом слушал кое-что из произносимого им в публичных выступлениях — и мне бы просто хотелось сказать здесь, что, по моему мнению, ему все очень хорошо удалось, исключительно хорошо, для человека, который в начале кампании был лишь смутным облачком на горизонте — облачком не больше крохотной тучки, можно сказать.

М-Р КАРТЕР: Тот, у кого в сердце своем Любовь, имеет в своем сердце Любовь.

М-Р ФОРД: Американскому народу сегодня вечером мне бы хотелось представить некоторые наши программы и достижения, которые так или иначе касаются всех и каждого американца, — когда я говорю «наши», я, конечно, имею в виду программы и достижения, разработанные моей Администрацией, а под этим имею в виду не только Президента, но и всю команду. Одна из важнейших здесь, я думаю, — наша новая инициатива в международных отношениях, то есть отношениях между различными народами мира, которые соотносятся друг с другом и с самими собой. Свертывая устаревшее представление о разрядке и предлагая то, что, я считаю и надеюсь, станет творческим новым подходом — то, что я назвал *faerdigskranskelse*, что по-фински означает «динамическое напряжение», — вернее сказать, не я его так назвал, так его назвал Секретарь Киссинджер, а из-за того, что он его так назвал, то и я, естественно, начал — а кто б не начал? — называть его так, — представляя себе это новое представление, а я знаю, что произнести его трудно, но большинство чего-то нового поначалу трудновато произносить, пока не освоишься. Повторите за мной: «*Faerdigskranskelse*».

М-Р КАРТЕР: Тот, у кого в сердце своем *faerdigskranskelse*, не имеет в сердце своем места для Любви.

М-Р ФОРД: И я думаю, что эта новая концепция также удовлетворит тех критиков нашей политики, кто чувствует, честно и искренне, что в прошлом мы не были достаточно непоколебимы в нашей международной позиции, в наших взаимоотношениях с теми, кто, справедливо или же несправедливо, называет себя врагами свободы, и я думаю, всему этому предстоит долгий путь к исправлению такого представления. *Faerdigskranskelse* просто и ясно — или же, по-английски, динамическое напряжение.

В добавление к этой новой инициативе на международной арене мы отправили в Конгресс предложения пяти новых инициатив во внутренней сфере. Итак, мы, как вам известно, очень много работали над проблемой безработицы, которая, попросту

говоря, означает, что сегодня в этой стране имеются отдельные лица, у которых нет работы, они не трудоустроены. Такие лица, и это продолжается и будет продолжаться в обозримом будущем с темпом в семь и еще немножко процентов, а что мы с этим сделали — мы отправили в Конгресс предложения, которые, в случае, если Конгресс сочтет уместным их ратифицировать, позволят осуществить ускоренную программу, в масштабах всей страны — очень важную и, я думаю, творческую программу, которая с финансовой точки зрения ответственна, с финансовой точки зрения здрава, — разработать нечто, очень нужное в Америке: искусственное арахисовое масло. Также это, могу сказать, напрямую связано с проблемой голода в этой стране, потому что, как вам известно, большинство детей, маленьких детей, в этой стране употребляет сэндвичи с арахисовым маслом как ключевой продукт своей диеты, зачастую — сэндвичи с арахисовым маслом и джемом, а разработка нового, дешевого в производстве арахисового масла, которое они смогут намазывать себе на хлеб, когда возвращаются из школы домой или даже берут с собой в школу на обед, станет бесценной для матерей и отцов, которые ныне платят, как мы сейчас полагаем, до нелепого дорого за так называемый натуральный продукт, и мы надеемся трудоустроить в этой программе от трех до четырех миллионов человек.

М-Р КАРТЕР: Тот, кто вмешивается в арахисовые фьючерсы, не только в сердце своем Любви не имеет, но еще и вмешивается в великий промысел Божий, а также оскорбляет память великого американца Джорджа Уошингтона Карвера¹⁴¹, коего я обыкновенно включаю в свой список Великих американцев, когда нахожусь к северу от тридцать девятой параллели.

М-Р ФОРД: Итак, четыре наших прочих новых инициативы во внутренней сфере, первая из них — на самом деле вторая, если вы сочтете ту, о которой я только что говорил, первой, — вторая подразумевает отдачу нижней половины страны — ту, что стала известна под названием «Солнечный пояс», — в Президентское управление Губернатору Рейгану — или же, как он это называет, полагаю, ее Шаху. Думаю, получится это очень хорошо, и мы будем продолжать наслаждаться очень крепкими отношениями с этой частью страны, особенно если наши нынешние переговоры о выплате им дополнительных отчислений в размере ста двадцати пяти процентов за баррель на скважину пройдут успешно, а я думаю, так они и пройдут.

М-Р КАРТЕР: Ежели у человека целый Солнечный пояс и два Диснейленда в придачу, а Любви он не имеет, то можно сказать, что тугрики-то у него имеются, но на ухо он тут и крику Любви не внемлет.

М-Р ФОРД: Далее, поскольку я вижу по часам, что времени у нас на все эти очень важные вопросы остается не так много, хочу отметить, что, с тех пор, как я стал Президентом, мы достигли девятипроцентного сокращения в — я думаю, цифра тут девять процентов или приближается к девяти процентам — девятипроцентного сокращения в Тарифе Без Затей до Майами/Форта-Лодердейл, до шестидесяти шести долларов, что составляет пять долларов и шестьдесят семь центов, говоря округленно, на каждого мужчину, женщину и ребенка в Америке, кому случится посетить тот регион. И я думаю, в ближайшем будущем мы можем обещать подобные сокращения для посещений других точек, какие нашим гражданам может оказаться интересным посетить. Тариф этот не применим, кстати сказать, к следующим периодам времени: в южном направлении с 12 по 22 апреля и 27 мая. В северном направлении с 19 по 29 апреля и с 31 мая по 1 июня.

М-Р КАРТЕР: Во всякой личности есть что-то прекрасное, чистое, благородное и доброе, и тот, кто утверждает, будто нет во всякой личности чего-то прекрасного, чистого, благородного и доброго, растрачивает истину зря, я же истину никогда не растрачиваю зря, честью клянусь, аки физик-ядрѐнщик.

М-Р ФОРД: Позвольте мне сегодня вечером остановиться еще на одном пункте, и я знаю, что пункт это очень важный, в нем жизненно заинтересованы вы все. Отдельные личности в этом правительстве, вашем правительстве — не в нынешней Администрации, поскольку мы в нынешней Администрации такого не допускаем, а в бывших или стародавних Администрациях — отдельные личности в этих бывших Администрациях из лучших и высочайших побуждений зачастую, например, из патриотизма, каковой обычно определяется как любовь к своей стране...

М-Р КАРТЕР: Любовь к Богу, Любовь к стране, Любовь к дому, Любовь к жене, Любовь к детям, Любовь к тетям и дядям, Любовь к двоюродным братьям и сестрам, Любовь к четвероюродным братьям и сестрам, Любовь к соседу, Любовь к природе, Любовь к Любви — тот, у кого нет всего этого в сердце своем, в сердце своем имеет то, что не все это.

М-Р ФОРД: Эти отдельные личности из лучших на свете побуждений в прошлом время от времени инициировали определенные

меры, которые могут быть истолкованы — с самой благоприятной точки зрения — как отвратительные. Я вовсе не хочу сказать, что они не были и не остаются во многих случаях преданными слугами народа, кто... Я имею в виду — и, разумеется, это широко растиражировано средствами массовой информации так, что будь здоров, — эти планы и инициативы, разработанные некоторыми нашими агентствами, ведомствами вашего правительства для — и мне бы хотелось подчеркнуть тот факт, что никакие из этих планов или инициатив не были инициированы, насколько мне известно, ни нынешней Администрацией, ни какой-либо из Администраций, что ей предшествовали, а в особенности план, касающийся Премьер-Министра Уилсона¹⁴² или бывшего Премьер-Министра Уилсона и струн от банджо — ух, вот же кто-то сбрендил тогда, — и я хочу вас заверить, что эта Администрация предприняла самые твердые из возможных мер к тому, чтобы обеспечить, что такого рода деятельности больше происходить не будет, если она вообще, скажу больше, когда-либо происходила как таковая. И, следовательно, мне бы хотелось оставить вас сегодня вечером, если мне будет позволено, с единственной мыслью...

М-Р КАРТЕР: Бог есть Любовь и Любовь — Бог, и двое Едины, поэтому когда человек речет тебе: «Бобовь», — он имеет в виду, что Бог есть Любовь и Любовь — Бог. Стало быть, когда человек такой предстает пред нами, говоря «Бобовь, Бобовь, Бобовь», надлежит нам поднять человека такого и возвысить его в простоте сердец наших и простоте наших рассудков, и чистоте нашей... нашей чистоты.

М-Р ФОРД: Паршиво вам погромное.

М-Р КАРТЕР: Бобовь.

ЧИК-ЧИК

«Подобное утверждение нелепо», — отрезал Куинь... («Тайм», 4 июня)¹⁴³

...Раск отрезал: «Я не знаю, как здесь провести черту...» («Тайм», 4 июня)¹⁴⁴

Отрезал канадский тяжеловет Джордж Чувало: «Это липа, подлинная липа». («Тайм», 4 июня)¹⁴⁵

Преподаватель Харвардской школы права Чарлз Хаар отрезал... («Тайм», 4 июня)¹⁴⁶

«Мы не играем с этой штукой в Мики-Мауса», — отрезал Кристофер Крафт, руководитель полета «Джеминай 4». («Тайм», 11 июня)¹⁴⁷

Бэрри [Голдуотер] отрезал: «Если честно, я недостаточно хорошо знаю Джона Линдзи даже для того, чтобы сообщить вам, который час». («Ньюзуик», 14 июня)¹⁴⁸

...отрезал лондонский журнал «Экономист» («Ньюзуик», 14 июня)

«Мне вовсе не нужно дожидаться откровения, чтобы понимать, что я — естественный глава Нигерии», — отрезает [мормон Ани Дик] Обот... («Тайм», 18 июня)¹⁴⁹

«Смехотворно!» — отрезал Питер Лофорд из Голливуда... («Ньюзуик», 21 июня)¹⁵⁰

«Черт возьми, Банди, — отрезал Президент, — я вам уже говорил: когда вы мне понадобится, я вас вызову». («Тайм», 25 июня)¹⁵¹

«Детский сад», — отрезал писатель Ралф Эллисон («Тайм», 25 июня)¹⁵²

Отрезал [Вальтер] Хальштейн: «Упрямое поддержание вызывающих рознь внутренних противоречий способно превратить Европу во всемирные Балканы». («Тайм», 25 июня)¹⁵³

«Американцы “гнусны”», — отрезал [лорд] Расселл... («Тайм», 25 июня)¹⁵⁴

«О, вы вот как, значит?» — отрезал [профессор Дэниэл] Бёрмен. («Тайм», 2 июля)¹⁵⁵

[Алжирский официальный представитель Сай] Слиман отрезал... («Тайм», 2 июля)¹⁵⁶

[Пекинский министр иностранных дел] Чэнь И отрезал: «Это не серьезно». («Ньюзуик», 12 июля)¹⁵⁷

Отрезал один ЧП: «Филип — высокооплачиваемый госслужащий... от которого ожидается, что он не будет совать нос в политику». («Тайм», 16 июля)¹⁵⁸

Отрезал кенийский министр иностранных дел Джозеф Мурумби... («Ньюзуик», 19 июля)¹⁵⁹

В другой речи он [Людвиг Эрхард] отрезал, что... («Тайм», 23 июля)¹⁶⁰

Отрезал Спан: «Перво-наперво, я питчер. А уже потом — тренер». («Тайм», 23 июля)¹⁶¹

«Полная дипломатическая распродажа», — отрезал консерватор. («Ньюзуик», 26 июля)

[Роберт] Кеннеди отрезал: «Я в шоке...» («Ньюзуик», 26 июля)
 «Вы мне нужны, — отрезал Президент. — Вызовите миссис
 Голдберг в кабинет немедленно». («Тайм», 30 июля)

Трудность в моем стиле. Уж это ясно. Стиль у меня — чистая
 беспримесная мышь. Мышь от и до. Серые перемещения под
 плинтусами коридоров власти. А требуется стиль мышеловки.
 Чик-чик. Щёлк-и-готово. Режущее. Решительно. Резчик знает,
 что почем. Отчекрывает. У него факты. На кончике языка.
 Чик-чик.

Двадцать три года в Бюро рыбководства — и чем похваляюсь?
 Ничем. Ни единым чем. С того дня в 1944 году, когда мне вве-
 рили щуку. «Клиттерхаус, — сказали мне, — есть возможность
 показать, на что ты способен». А затем — десятилетия пренебре-
 жения. ОШ-10 без надежды на 11¹⁶². На стенку не разрешают
 даже фотографию Президента в рамке. Приходится довольство-
 ваться снимком щенка бигля в рамке. Потому что я обходитель.
 Потому что я не сразу распаляюсь. Потому что я размышляю,
 обдумываю. Что мне это дало? Водянистую кислую капусту в ка-
 фетерии по средам. Меморандумы «лично» проходят мимо меня.
 Щука меня, быть может, уважает. Как тут узнаешь?

Может, и сейчас еще не поздно. Сменить стиль. Научиться от-
 резать. Уйти с госслужбы, нырнуть в джунгли коммерции. Затем
 однажды вынырнуть на страницах «Тайм», к примеру, где меня
 видят выполняющим свою работу с ослепительным знанием
 дела:

Акционерам гиганта «Питон США», уже давно одного из трех
 лучших производителей промышленной змеиной мускулатуры
 в полушарии, на прошлой неделе поступили хорошие новости:
 поглощение двухсотлетней корпорации «Растительная пища
 Пантажиса»¹⁶³, процветающего чилийского фосфорного концерна.
 Приобретение «Пантажиса» обеспечит «Питону», уже активно
 выступающему на рынке рождественских открыток, счетчиков
 калорий и хрустальных изделий, мертвую хватку на процветающем
 международном рынке рыбной муки, крепко поддержит его хит-
 рое отвлечение в резиновые галоши (через быстро идущую в рост
 «Международную пряжку», подразделение, базирующееся на Яве,
 с прибылью, достигающей \$2,5 млн на конец 1964 года). За этим ходом
 «Питона США» стоит проницательный, резкий Чарлз Клиттерхаус
 3-й, 44 года, который пришел в «Питон» три года назад после службы

в «Постройках и удилищах Среднего Запада». Клиттерхаус, одиночка,
 презирующий компьютеры («оконные украшения» — отрезал он
 как-то раз), программирует все операции «Питона» у себя в уме
 и выпестовал некогда хворавшего колосса передовым сочетанием ума,
 напора и сварливости. «Резкость, — отрезал он, — в текущем эконо-
 мическом климате есть ключ к большим прибылям», — а девиз ком-
 пании («*Mala Gratia*») наносит по трафарету на фургоны «Питона»,
 питьевые фонтанчики и младших управляющих. Клиттерхаус —
 эксцентрик, живущий в банковском хранилище с тремя своими
 женами, одним ребенком, в редкие свободные дни он расслабляется,
 обмениваясь колкостями с немногими близкими друзьями и целкая
 «поляроидом» сооружения компании. «Пусть кто-нибудь другой будет
 учтив, — отрезает он, — а я...»

Но это фантазия, Клиттерхаус. Загвоздка остается. Как
 посягнуть на сознание вышестоящего начальства? Как до-
 стучаться до слуховых аппаратов власть имущих? Воскликать
 и предостерегать. И еще настаивать. Новостные еженедельни-
 ки — какофония восклицаний и предостережений, а также на-
 стояний. Не только отрезаний. Округлый стиль Важной персо-
 ны включает в себя отрезания, восклицания, предостережения,
 настояния. Энергичность. Повышенный голос. Бормотунам
 можно не беспокоиться.

Рассмотрим месяц июнь. Сирийская твердая рука Амин
 Хафез воскликнул, что египетская твердая рука Гамаль Абдель
 Насер мягок с Израилем¹⁶⁴. «Воскликнул Хафез: “Чего он ждет?”»
 («Тайм», 11 июня). Бразильский политико Карлос Ласерда вос-
 кликнул, что у бразильского министра экономики Роберто
 Кампоса размягчение мозгов¹⁶⁵. «Кампос, — воскликнул
 Ласерда, — умственный слабак...» («Тайм», 11 июня). Домини-
 канский повстанец полковник Франсиско Кааманьо Деньо¹⁶⁶
 воскликнул, что выборы в его раздираемой враждой стране
 даже не обсуждаются. «Для начала, — воскликнул Каама-
 ньо, — следует достичь цели революции. А после этого можно
 говорить о выборах» («Тайм», 11 июня). Кубинская твердая рука
 Фидель Кастро воскликнул, что это был решающий год. «Это
 был решающий год», — воскликнул Кастро («Тайм», 18 июня).
 Твердая рука Кастро воскликнул вновь («Тайм», 25 июня), говоря
 о местонахождении Правой руки Че Гевары. «Если американцы

* Зв.: враждебность (лат.).

озадачены, — воскликнул Кастро... — то пусть и дальше остаются озадаченными». Твердая рука Кастро в новостных еженедельниках почти всегда восклицает. Иногда взрывает. Слышали, как он фыркал. Но главным образом он восклицает.

Восклицают и другие. Юморист Хэрри Хёршфилд вот воскликнул («Тайм, 25 июня). «Ладно, — воскликнул Хёршфилд, — значит пусть [Президент Городского совета Нью-Йорка и кандидат в мэры твердая рука Пол Р.] Скревэн будет итальяно-ирландского происхождения и женат на рожденной в Лимерике Брайди Маккесси — но у него все равно «еврейская душа»¹⁶⁷. Развернутое восклицание. Доминиканский политико Рафаэль Тавера воскликнул («Мир не наступит, пока последний захватчик не будет уничтожен и последняя собственность янки не будет захвачена»). Генерал армии воскликнул («Я думал, вы будете играть на всех инструментах, мистер Президент»). Теодор Рузвельт воскликнул («Клянусь Юпитером! Мне нужно сделать что-то для этого молодого человека»). Марсель Карне воскликнул («Parties!»)¹⁶⁸. Британский знаток бриджа Ралф Суаймер воскликнул¹⁶⁹. Джозеф Тронзо, редактор спортивного раздела газеты «Ньюз-Трибьюн», Бобровые Пороги, Пенсильвания, воскликнул. Пожилая дамочка воскликнула. Старые пенсионеры воскликнули. Механик «Феррари» воскликнул.

А еще предостережения. Консервативный французский романист Мишель де Сен-Пьер¹⁷⁰ предостерег («В нашей христианской жизни мы сталкиваемся с проникновением марксизма на каждом шагу»). Кааманьо предостерег. Кампос предостерег. Многие экономисты предостерегали. Джон Амико из «Меллер и ко.» мрачно предостерег («Умные деньги покидают рынок»). Некий вашингтонский высокопоставленный политик предостерег. И настояния. Сарджент Шрайвер настаивал¹⁷¹. Президент настаивал. Сенатор Фулбрайт настаивал¹⁷².

Клиттерхаус, до тебя уже дошло? Обращай внимание на речь. Ты, по сути, парень неплохой, но у тебя эта жуткая привычка... все говорить. Не говори. Отрезай, восклицай, настаивай, предостерегай. Иначе тебе грозит серьезная опасность — тебя сочтут реликтом XIX столетия, приглушенным кашлем на пленке прослушки истории.

Рассмотрим июль. Июль в новостных еженедельниках — пронзительный, гомонливый, судьбоносный месяц, повсюду сварливость, хандра, отрезанья, восклицанья, настоянья, предостереженья. Французский министр иностранных дел Кув

де Мюрвиль¹⁷³ воскликнул («От Франции требуют слишком много!»). Диск-жокей Мёрри К¹⁷¹ воскликнул («Серж, детка, да ты свингуешь что надо!»). Демократ от Миссури Пол Джуниз¹⁷⁵ воскликнул («Да это самая проклятущая штука, какую мне доводилось видеть в своей жизни»). Критики премьер-министра Индии Шастри¹⁷⁶ воскликнули («продался»). Художник Марк Шагал воскликнул («Развод!»)¹⁷⁷. Заместитель британского премьер-министра Джордж Браун воскликнул¹⁷⁸. Лидер канадской оппозиции Джон Дифенбейкер воскликнул¹⁷⁹. Роже Раппансо воскликнул¹⁸⁰. Президент Пакистана Аюб поддержал клич¹⁸¹. Демократы воскликнули. Вальтер Хальштейн воскликнул. Художник Бернар Бюффе воскликнул дважды — один раз в «Тайме» («*Au secours!*» 16 июля), один раз в «Ньюзуике» (не-что в том смысле, что какой-то швед разрезает его холодильник, 19 июля)¹⁸². Философ Георг Пихт предостерег¹⁸³. Канцлер британского казначейства Джеймс Калэхан («среди прочих») предостерег¹⁸⁴. Президент предостерег. Представители Белого дома и Государственного департамента предостерегли. Пастор кельнской влиятельной Церкви св. Урсулы предостерег. Власти Брукфилдского (Илл.) зоопарка предостерегли. Врач «Хитрецов» д-р Роберт Кёрлен предостерег¹⁸⁵. Джеймс Фармер из КОРА предостерег¹⁸⁶. У Тан предостерег¹⁸⁷. Роберт Кеннеди предостерег. Бумедьен предостерег¹⁸⁸. Папандреу предостерег¹⁸⁹. Правительство Саравака настаивало. Клиттерхаус, ты меня слышишь? Раскрывайся шире, Клиттерхаус, раскрывайся шире!

МИН

Как-то на днях у нас состоялась беседа с Минном Беспощадным, одним из выдающихся негодяев нашей эпохи, чья полувековая борьба с его противником Вспыхом Гордоном¹⁹⁰ помогла многим поколениям американцев осмыслить представление об устрашающих чарах космического пространства. Мы настигли ветерана-злоумышленника в «Волни»¹⁹¹, где

* На помощь! (фр.)

он приветствовал нас в бирюзовом-с-золотом халате и черной ермолке, оттеняющей его поразительную желтоватую бледность. Мы тут же просунули ногу в дверь, обратившись к нему «мистер Мин».

— Не хочу казаться чопорным, — любезно сказал он, — но правильное обращение — Император Мин, если не возражаете. Я здесь работаю в представлении, которое мы зовем «Защитники Земли». Это телевизионная программа для детей, в этом районе ее можно поймать в 7:30 утра по Каналу 5. По сути, я там действую против трех других легендарных фигур — Вспыха Гордона, Фантома и Мага Мандрагора¹⁹². Я, как обычно, — угроза, тяжеловес.

Отметив, что Императора создал Алекс Реймонд в 1932 году, мы спросили у него, не осмелится ли он провести параллель между страницей и маленьким экраном.

— Они очень различны. Первое отличие — не анимация, как вы бы могли решить, а качество отрисовки. То есть это чудо — уметь поднимать руки так, чтоб из кончиков пальцев испускались смертоносные лучи, и лучи эти по-настоящему пульсировали на экране — все это, конечно, здорово. Но за такое приходится платить. Отрисовка, то, как сидят костюмы, как сталкиваются сабли, как высятся замки — в старину все это попросту было лучше. У телевидения высокая стоимость, как вам известно, и они срезают углы. Тут нет парня, который сидит у своего кульмана, выписывая перышком все эти лишние линии, добавляя тебе чуть больше трепета... Быть беспощадным хоть и не вполне легко, но это, в конечном счете, работа, как любая другая. Это театр. Она не имеет ничего общего с моей частной жизнью. И все же порой, когда мне приходилось орать на своих детей, я задумывался, не... слишком ли много я в это вкладываю. Теперь они выросли, поэтому вопрос остается спорным. Похоже, с ними все в порядке. Родерик сейчас в Гарварде, а Бетси замужем, и у нее уже пара своих детишек.

Мы предположили, что в «Защитниках Земли» дел у него невпроворот — среди его противников не только Вспых, Фантом, Мандрагор и Лотар, но и разнообразные сыновья и дочери этой выдающейся публики.

— Сначала там были только Вспых, Дейл и д-р Зархов¹⁹³. Теперь же возникла тенденция объединять супергероев в шайки — так получается немного больше драматического воздействия, если трое или больше их собираются вместе, у каждого —

свои трюки. Вспых с его универсальным мачизмом, Мандрагор с гипнотическими способностями, Фантом с его довольно невнятной африканской магией, всякое такое. Мне вполне нравится, что они втроем соперничают с одним мной. От этого у меня ощущение, что я не совсем еще утратил хватку. С другой стороны, это же нельзя считать справедливым, да? Говоря строго.

Мы ответили, что заметили в титрах программы двух клинических психологов в роли консультантов.

— Все верно. Оба они очень хороши, вносят большой вклад. Они пытаются исследовать проблемные вопросы — в контексте развлечений. К примеру, недавно мы делали передачу, сосредоточенную вокруг проблемы наркотиков. Сын Вспыха Рик их употреблял — просто, конечно, пробовал, но когда мои роботы или что они там такое надавили посильней, а он управлял обороной, то его скрутило, потому что он был в наркотическом тумане. В этом содержится довольно крепкий призыв к молодым людям, я считаю.

Затем мы поинтересовались взглядами Императора на Стратегическую Оборонную Инициативу Президента¹⁹⁴ — мы сочли, что как-то прокомментировать ее он исключительно компетентен.

— Разумеется, лишь из-за того, что кто-то больше полувека ошивается по галактикам, он не становится экспертом, — сказал он. — И все же могу сказать вам вот что: СОИ — дурацкая затея. Ну правда, мы даже самолеты построить толком не можем. Прошлым летом я лично выступал в районе Денвера и заикаться даже не хочу, сколько часов просидел на летном поле в Денвере, в салоне самолета вместе с двумя сотнями других пассажиров, ожидая, пока эти шуты гороховые приведут оборудование в порядок. Два парня, лет по двадцать на круг, с отвертками в панелях на потолке летчицкой кабины — дверь кабины была открыта, — и я спросил себя: где же старые механики? Меня озноб по позвоночнику пробил, поверьте мне... А общий смысл такой: я всегда был маньяком техники, как всем известно, но эта СОИ просто не продумана толком. Я не хочу, чтобы ее разворачивали в космосе. В космосе и без того полно нашего мусора. В «Таймз» как-то на днях был материал о том, что мы следим в космосе за чем-то порядка семи тысяч сделанных руками человека объектов размером с бейсбольный мяч или крупнее, а кроме того, по оценкам, там болтается сорок тысяч объектов поменьше, и любой из них способен нанести убийственный ущерб спутнику или астронавту. Теперь

поговаривают о том, чтобы некоторые подобные объекты замедлить тучами пены, отчего они снова войдут в атмосферу и сгорят. Ну что ж, удачи вам, ребята... Далее — кто знает, какое воздействие окажут эти лазерные лучи и всякое-якое на озоновый слой, это если для начала? Вам рассказывают, что озоновый слой затронуть невозможно, но вы же помните, что всего несколько кратких лет назад утверждали, что и агент «оранж» безвреден для людей, поэтому мы вывалили бог знает сколько его на Вьетнам и Камбоджу¹⁹⁵. Мы сейчас говорим о новейшей науке — ей не исполнилось еще и двадцати лет. У вас возникает ситуация «если-можем-то-и-сделаем». Ученые строят себе карьеру на разработке таких вот штук, и вопрос о том, следует ли заниматься ими вообще, вылетает в окно. Я знаю, люди с возрастом становятся консервативнее, но вот честно: дрянь эта пугает меня до чертиков. Может, я и беспощаден, но я ж не идиот.

ПРЕКРАСНЫЕ САМОДЕЛЬНЫЕ СУПЫ ДОНАЛДА БАРТЕЛМИ

Мои прекрасные супы домашнего изготовления интересны, экономичны и вкусны. Чтобы их приготовить, следует поступать так:

ПРЕКРАСНЫЙ ДОМАШНИЙ ЛУКОВЫЙ СУП

Возьмите одну упаковку смеси «Кнорр» для лукового супа. Приготовьте по инструкции. Возьмите два живых порея. Нарежьте кружочками по четверть дюйма. Закиньте в суповую смесь. Добавьте ½ чашки сухого вермута «Трибуно». Добавьте нарезанную петрушку. Добавьте некоторое количество соли и побольше свежемолотого перца. Ешьте с французским хлебом хорошего качества, неоднократно макая его в суп.

ПРЕКРАСНЫЙ ДОМАШНИЙ ГРИБНОЙ СУП

Возьмите одну упаковку смеси «Кнорр» для грибного супа. Приготовьте по инструкции. Возьмите четыре крупных гриба. Нарежьте ломтиками. Закиньте в суповую смесь. Добавьте ½ чашки сухого вермута «Трибуно», петрушку, соль, перец

Суйте хлеб в суп с интервалами, как поясняется выше. Намазывание хлеба маслом усиливает вкус целого.

ПРЕКРАСНЫЙ ДОМАШНИЙ КУРИНЫЙ СУП

Возьмите смесь «Кнорр» для куриного супа, приготовьте по инструкции, закиньте внутрь остатки курицы, утки или гуся, в зависимости от наличия. Добавьте усилители вкуса, как обозначено выше.

ПРЕКРАСНЫЙ ДОМАШНИЙ СУП ИЗ БЫЧИХ ХВОСТОВ

Возьмите смесь «Кнорр» для супа из бычьих хвостов, выгрузите в нее же любые остатки мяса (нарезанного ломтиками или кубиками) из старого холодильника. Следуйте приводимым выше стратегиям дословно. Результат вас осчастливит. Бычьи хвосты «Кнорр» также хороши как основа для любой простой подливы и составной ингредиент прекрасного фальшивого рагу из мяса с бобами, о котором мы можем поговорить в другой раз. «Кнорр» — прекрасное швейцарское заведение, чьи продукты можно отыскать как в крупных, так и в мелких городах. Суть здесь в том, чтобы не бояться потенциального супа, а подходить к нему с таким отношением, как будто вы знаете, что ему полезнее всего. И вы это знаете. Неотесанность овощей освежает цивилизацию суповых смесей. Кроме того, присутствуют возможности для милосердия — если ваш бык не желает расставаться со своим хвостом, к примеру, чтобы заправить им ваш прекрасный суп из бычьих хвостов, можно воспользоваться коммерческими продуктами из наших великих американских супермаркетов, которые окажутся столь же хороши. Эти прекрасные рецепты домашнего изготовления отлично воплощаются! Пользуйтесь ими с лютым энтузиазмом.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

У Кристин было типичное детство в Меце. Но теперь она была готова к чему-то... покрупнее. Вступая в великий город, город ее грез, она была готова ко всему. Она была готова к самому худшему, если то встретится ей на пути, а она слыхала, что часто оно так и делает, в великих-то городах. Какие новые требования

предъявлю к ней город? Что за темные неведомые пряди расплетутся в натуре ее? С кем стелется дна эти свои пряди?

— Так вот что такое пышность! — воскликнула Кристин. Она впивала великий город всеми своими чувствами.

Роскошество архитектуры поразило ее мечтательный взор с силою сотни ударов. Даже телефонные будки были...

— Рядом с ними наши старые телефонные будки в Меце смотрятся, как... как обувные коробки! Что бы сказал Ив, увидь он меня сейчас?

А в Меце Ив продолжала посвящать всего себя бильярдному столу.

Прохлаждаясь в Общественных Садах, Кристин постепенно осознала строгий и выразительный взгляд, казалось, проникавший в укромнейшие уголки ее мятущейся души.

То был взгляд Анри Морта, хорошо известного торговца. Без колебаний она взяла его под руку. Вскоре они уже осматривали его совмещенный магазин скульптуры и мебели на рю дю Бак.

Анри предложил «устроить ее» на диване в свободной комнате. Кристина спала без снов, а он оберегал ее сон всю ночь.

Жизнь с Анри была непроста. Кристина пришлось выучиться есть много новых яств.

(1) Эмалированный Баклажан, Выбирающийся На Курган Нарезанного Кубиками Буивола, (2) Мать-Рачица, Окруженная Юным Потомством, В Электрическом

Соусе, (3) Черепаха С Размозженным

Черепом В Ананасном Панцире, Облитая Шоколадом, и (4) Шокированные Свиные Отбивные В Отдельных Муслиновых Мешочках, Пропитанных Ликером «Стрега».

Если ей какие-либо яства не нравились, Анри впадал в ужасную ярость. Но то был единственный его крупный недостаток. Ее ночи трепетали странной музыкой его настоящего шепота.

Меж тем в Меце Ива постигло то, что со всею возможной объективностью можно описать лишь как удар злой судьбы.

Чтобы покрыть бильярдные проигрыши, Ив угнал стаю уток — 12 000 голов. Приговорили его к двум годам. Однажды в галерее Кристин сообщила Анри, что возвращается в Мец.

Она выйдет замуж за Ива, сказала она, как только тот отсидит свой срок. Но Анри она никогда не забудет — и той жизни, какую жили они вместе в лучезарном городе.

Сами скульптуры, казалось, выражают собой утрату, смирение и сомнение.

— Надеюсь, вы принимаете верное решение, — сказал Анри, — потому что в противном случае вы будете несчастны.

Прощальным подарком Анри был красивый ковер.

— Неужто никогда больше не будет... приключенья?

ГЕЛИОТРОП

Сейчас апрель, и Гелиотроп, Открытый университет Сан-Франциско, вновь поворачивается к солнцу осязаемых потребностей и календульно-желтых утолений. Гелиотроп — университет настоящий, и живет он на авеню Колумба, 21, Сан-Франциско, Калифорния, 94111. Календульно-желтый — один из цветов апрельского бюллетеня Гелиотропа, на чьей обложке три велогонщика в шлемах склонились пониже над рулями, неистово крутят педали к Осознанию. Пойдем, покрутим сними педали. Слишком уж долго медлили мы в унылых бессонных городах Востока. Пойдем. Поехали уже, любовь моя, запишемся на курс Д-16, Мастерская по Осознанию и Похуданию, предназначенный для безуспешного диетика: «Каждому участнику предоставляется возможность составить себе индивидуальную программу сбрасывания лишнего веса, учитывающую их тягу к определенным продуктам, потребности образа жизни и принципы здорового питания. В качестве основы для понимания личных мотиваций, способствующих проблемам

с перееданием, будет применен Трансактный Анализ». Пойдем. Твоя тяга к некоторым продуктам давно уже загадочна (тот раз, когда ты заказала Синего Кита, Фаршированного «Фордом Пинто»), равно как и твой образ жизни... Но я не критикую; Восток, Восток, Несбыточный Город виню я. Его — и чопорные, негибкие иерархические закрытые университеты, его и нас заражающие. Давай оставим все это позади, забросим рюкзаки за плечи и вернемся к основам в Гелиотропе, Открытом университете Сан-Франциско. Можем взять себе Астрологию, Д-20: «Преподавательница изучает неохватный гармонический порядок Вселенной». И мы тоже сможем, если только отринем свои узкие, паранойяльные, бледные, совершенно оценочные, подкрепленные валиумом восточные прихваты. Для курса требуются: свидетельство о рождении или точное знание времени (до часа и минуты), месяца, дня, года рождения. Или можно записаться на Основы Бриджа (Д-21), Основы Макраме (Д-22), Основы Шелкографии (Д-24), Основы Траворощенья (Д-111) или Основы Турецкого (Д-29): «Мягкий, неброский курс». Мы же остры и броски; отчасти это нас и беспокоит — как могли мы этого не осознавать? Мы разрываемся на мелкие клочки. Давай на мелкие клочки разрываться больше не будем. Или же мы ищем ответы. Это ошибка. «Когда ответ найден, это не конец, а лишь начало». Почему нам это в голову не пришло? Открытый университет предлагает нам лишь начала, начала и начала, а что нам нужно, кроме начал? Пойдем. Можем начать Тренировку Мозговых Альфа- и Тета-Волн (Д-8), Танец Живота (Д-30), Ремонт и Уход за Велосипедами (Д-31), Общие Медицинские Трудности (Д-38) или Развод До и После (Д-47). «Если вы думаете о разводе, если вы недавно развелись или думаете о повторном браке, это возможность достичь чистоты своих чувств и поделиться опытом при поддержке подготовленного профессионала». Кто из нас не думает о разводе, если не считать редких скудоумных, увязших в трясине, которые не считают? Пойдем, любовь моя, и мы подумаем об этом вместе в Открытом университете при поддержке подготовленного профессионала. Гелиотроп, как ты заметишь, не предлагает нам профессионалов неподготовленных — боже упаси! А если мы не сможем достичь чистоты своих чувств, быть может, сумеем достичь ее в сливочном масле, записавшись на Приготовление Vegetарианских и Природных Блюд, Д-102. Если же и этих великолепных возможностей недостаточно, можно коротко

окупнуться в Д-60, Счастье и Свобода; Д-65, Гипноз Цветом; Д-81, Медитация на Природе, Интенсив, Д-100, Жизнь Приливного Водоема; Д-135, Уход за Двухтактным Мотоциклом; Д-136, Введение в Азартную Игру; или Д-91, Витраж. Пойдем, возлюбленная моя, каким бы сбитым с толку, разреженным, одержимым «Кон-Эдом»¹⁹⁶ китайским мандарином ты б ни была, давай выберем себе водяные матрасы и ухромаем к восходу, к Гелиотропу, Открытому университету Сан-Франциско. Там есть даже курс Любви (Д-71): «Мы освоим любовь к себе, романтическую любовь, любовь к человечеству и духовую любовь». Быть может, им известно то, чего не знаем мы. Ах, счастливый Гелиотроп с его Кунг-Фу, Тайцзи-Цзюанем, Четкой, Групповым Биоэнергетическим Перевоспитанием и Гештальтом для Женщин Старше 35! Пойдем. Ты, дорогой друг мой, можешь преподавать курс по Оплате Телефонных Счетов, а я — по Дреме, и с нами обоими наконец-то поквитается этот Шикарный Дэн — Лайонел Триллинг¹⁹⁷.

СЕРДИТЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

СЕРДИТЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ПРЫГАЕТ ЧЕРЕЗ ЛЕНИВУЮ СОБАКУ¹⁹⁸

Четыре тысячи единиц почтовых отправлений второго класса! Четыре тысячи единиц почтовых отправлений второго класса, обогащенные некими письмами исторического значения и литературными подделками изрядного хитроумия! Сии покрывают ковер из козлиной шкуры. Ковер из козлиной шкуры покрывает ленивую собаку. Сердитый молодой человек, применяя новый шест из стекловолокна, разбегаются, прыг! Он летит, он в воздухе, он перемахнул через ленивую собаку, ковер из козлиной шкуры, четыре тысячи единиц почтовых отправлений второго класса! Новый планетарный рекорд по прыжкам через ленивую собаку!

Как же чудесно быть сердитым! Быть молодым.

ЧТО ГОВОРИТ СЛОВАРЬ

сердитый молодой человек, 1. (часто с загл.) представитель критически настроенной молодежи Великобритании в период

после Второй мировой войны; с. м. л. выражали протест против устоев буржуазного общества; положительной программы не имели; их настроения получили широкое освещение в литературе, театре и кино. 2. с. м. л., литературное течение 1950-х годов; примыкает к критическому реализму; отличается большой эмоциональной силой осуждения буржуазного общества. 3. любая фрустрированная бунтующая личность. Тж, относительно женщины сердитая молодая женщина.

— Словарь английского языка «Наобум-Дом»

ЕГО МНЕНИЕ О КОРОЛЕВЕ

«Она красивая, как корова сивая».

ЕГО ОДЕЯНЬЕ

Бурые вельветовые штаны, черная водолазка, рабочие башмаки, енотовая шапка, в правой руке стакан портера. Либо: темно-синий костюм, черные ботинки, белая рубашка, малиновый галстук — это надевается на присуждение ОБИ* или для других почестей.

МНЕНИЕ О ТЕКУЩЕМ ПОЛОЖЕНИИ

- Каково ваше мнение о текущем положении?
- Ну, это всяко лучше, чем спать с мертвым полицейским.

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Темная мускулатура сердитого молодого человека, окруженная к тому же светлой мускулатурой, напрягается.

— Свет мой, зеркальце, скажи — да всю правду доложи. Кто на свете всех их злее, сердитей и молодее?

ОТНОШЕНИЕ К РЕВОЛЮЦИИ

— Ну, тут же такого быть не может, правда? То есть Папуля такого не допустит, верно? Папуля и его дружки, и шикарные газетки, вся эта их гнилая компашка? То есть это ж просто гиль какая-то, нет?

НАЛОГИ, УПЛАЧЕННЫЕ ВНУТРЕННЕМУ НАЛОГООБЛОЖЕНИЮ ЗА 1959 ГОД

£2850.

* Орден Британской империи.

СЕРДИТЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ВСТРЕЧАЕТСЯ С СЕРДИТОЙ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНОЙ

- Том!
- Хелен!
- Ну как ты? Сердит?
- Оголтло.
- Умничка. Чаю?
- Да, спасибо, я б не отказался.

МГНОВЕНЬЕ НЕУВЕРЕННОСТИ В СЕБЕ В ПСИХИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СЕРДИТОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

— Есть ли смысл в том, чтоб быть сердитым пожилым человеком?

ЛЕКЦИЯ В АЛЬБЕРТ-ХОЛЛЕ

— Так. В общем. Сегодня вечером тема у меня — стряпня до свадьбы. У меня есть собственное наблюдение, и я в нем не одинок, другие тоже это замечали, это и слепому видно, что молодые люди сегодня до чертиков много стряпают вместе до свадьбы. Совместная стряпня, бесстыжая, из вечера в вечер, и, бог свидетель, я не ханжа, но вид этих молодых... влюбленных пташек... даже без разрешения, даже без клочка брачного контракта между ними, ну, это как-то немного чересчур, разве нет... барахтают-ся в... специях... розмарине... шафране...

ТЕЧЕНЬЕ ВРЕМЕНИ В ЖИЗНИ СЕРДИТОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

L(%\$, L(%&, L(%*, L(%(, L(¢), L(¢L, L(¢@, L(¢#, L(¢\$, L(¢%, L(¢¢, L(¢&, L(¢*, L(¢(, L(&), L(&L, L(&@, L(&#, L(&\$

СВОЙСТВА СЕРДИТОЙ МОЛОДОЙ КНИГИ

Сердитая молодая книга должна быть хорошей истинной книгой знакомого надежного пошиба. Она должна касаться человеческих эмоций стандартного производства плюс как минимум одной (1) нестандартной эмоции в качестве приправы и для пикантности. Она должна длиться заметное количество страниц, и помянутые страницы должны нести на себе полный корпус печати как с четной, так и с нечетной стороны, строки — размещаться таким манером, чтобы оказаться выровненными по линии правого поля, опричь окончания абзацев и тому подобного. У нее должен быть хороший добротный

переплет, к которому страницы присоединяются посредством швов и крепкого клея, и ни единая страница не должна вылетать из целого, за исключением предварительного соглашения, как то — если автор особенно сердит. То же должно отражать сильное недовольство традициями и обществом, раздражение от оных и бунт против оных. Книге следует в идеале обжигать руки — ожогом третьей степени.

ТЕКУЩИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ШКОЛЫ БРИТАНСКОЙ ЖИВОПИСИ «КУХОННОЙ МОЙКИ»¹⁹⁹, КОЯ ОДНО ВРЕМЯ СЧИТАЛАСЬ АНАЛОГИЧНОЙ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ СЕРДИТЫХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

Таковых не существует.

СЕРДИТЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ПОСЕЩАЕТ ЕЖЕГОДНОЕ СОБРАНИЕ

На Ежегодном собрании голоса возвышаются во гневе. Зал кишит енотовыми шапками, кои размахиваются, роняются или швыряются. Крупные сердитые молодые люди с лицами землистого цвета сцепляются с маленькими жилистыми сердитыми молодыми людьми — у последних лица из бечевки. Председатель призывает к порядку, но тщетно; порядок здесь без надобности. Группы скиффла соревнуются в состязаниях по мастерству. Пол весь черен от пролитого портера и желчи. Отдельные сердитые молодые люди стоят в различных точках, повернувшись спиной к толпе, и играют на трубах или корнетах — каждый свою мелодию. Другие сердитые молодые люди отказываются разговаривать с другими сердитыми молодыми людьми. Флаг топчется, оплевывается, обмачивается, используется как тряпка для барной стойки. В виде чучела сжигается «Хэрродз»²⁰⁰, как это бывает каждый год (однако замечается, как некоторые сердитые молодые люди выхватывают из пламени засахаренные вкусняшки).

Тем не менее поднимаются важные теоретические вопросы:

1. Возможен ли свежий, вечно возобновляемый, парящий, обжигающий гнев хорошего качества?
2. Сколь долго, если выражать десятилетиями, можно поддерживать истинный гнев, не модулируя его, скажем, в неприязнь?
3. Не неприязнь ли это была с самого начала, и только искусной драматургией она стала выглядеть гневом?
4. Чему можно научиться, изучая срок хранения среднего вулкана?

5. Можно ли институционализировать гнев, может ли он избежать институционализации и какое место во всем этом занимает чашка чаю?

6. Отличается ли точка кипения чашки чаю от одного растленного общества к другому растленному обществу?

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ЖЕН СЕРДИТЫХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

Жены сердитых молодых людей в настоящее время замужем за другими людьми — преимущественно врачами.

ПОСТУПЬ ИСТОРИИ

Поступь истории тяжка — и медлительна. Поступь истории всегда осуществляется за спиной. Покуда взгляд ваш устремлен на что-то непосредственно перед вами — предмет вашего гнева, например, — история производит легкое, едва уловимое скольжение либо содрогание в направлении, избранном ею самостоятельно. Отличительная черта этого направленья: оно не то, которое вы предвосхищали. Как истории это удастся — неведомо. Поскольку история состоит из воли всех личностей, вместе взятых, поскольку эти океаны личностей по большей части, либо всегда, пребывают в конфликте, поступь истории одновременно туго связна — и возмутительна. Проблему эту можно отразить в виде диаграммы следующим образом:

Изучение предшествующего поведения истории не подготавливает человека ни к какому из этих сдвигов, кои до крайности смущают. Ничто вас не подготовит.

ВЫСШИЙ СМЫСЛ СЕРДИТОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Высший смысл сердитого молодого человека неведом. Известен лишь очерк его величайшего страха — боязни, что все его усилия, от научения говорить до научения писать, писать

хорошо, писать плохо, писать сердито, от научения презирать до научения питать отвращение, питать отвращение хорошо, питать отвращение плохо, питать отвращение отвратительно, неистовствовать, изливаться гнев, перекрикивать море, стареть, стареть изящно, стареть неловко, стареть вообще, думать, сожалеть, приводить себя в газетках под рубрикой «Потеряно и найдено», могут обрести кульминацию вот в чем: в ревущей, неистойвой, чокнутой безумной страстной библиографии.

КОРНЕЛЛ

Я вложил имя в конверт и конверт запечатал; и вложил этот конверт в другой конверт, со слюняницей и некоторым количеством борной кислоты; а тот конверт вложил в конверт еще больше, где также содержалась женщина, рвущая свои перчатки в клочья; и тот конверт вложил в почту на Фихтельгебирге. На почте Фихтельгебирге я спросил, нет ли для меня почты, с таинственной усмешкой служащий ответил: «Есть», — и я поспешил с конвертом в Лондон, прибыл со снегом и вложил конверт в Музей Виктории и Альберта, поклонившись кураторам в Зале конвертов, а обои свисали толстыми лентами. Музей Виктории и Альберта я вложил в еще больший конверт, который вложил в программу Королевского датского балета в виде рекламы музеев, борной кислоты, обоев. Программу Королевского датского балета я вложил в Северное море на две недели. После чего изъясил ее, она свисала толстыми лентами, я отправил ее в машин-*vask** на бульвар Х. К. Андерсена, все вышло квадратно и аккуратно, я был вне себя от радости. Квадратную, аккуратно упаковку я вложил в надежное место, а надежное место вложил в хранилище, разработанное Каспаром Давидом Фридрихом, немецким романтическим пейзажистом прошлого века. Хранилище я сунул в историю искусства («*Insel Verlag*»²⁰¹, Франкфурт, 1975). Однако в библиотеке женского монастыря на склоне холма близ главного города Монтаны оно выпало из истории искусства в мусорную корзину, чего я предвидеть не мог. Я облек мусорную

корзину в камень, а камень одел саваном из спичечной соломки и вверил попечению Карла Доброго, Карла Смелого и Карла Красивого²⁰². Они стоят, жонглируя пробковыми шариками, пред многократно-облеченным конвертом, перешептываясь именами, кои не суть верное имя. Трех королей я вложил в новый синий костюм; он ушел от меня весьма самонадеянно.

Я, В ДАННЫЙ МОМЕНТ...

Я, в данный момент, сижу. На пенке в лесу, слушаю. Ирландия и Шотландия далеки, Уэльс неблизок. Я встану, вскорости, и подержу тебе лестницу.

По высоким зарослям белой фасоли разбросаны надгробия. Сделаны они из совершенно обычного серого камня. Люстры, по ночам, рассеивают свет по надгробиям, по домикам, в которых я сплю с уже-прекрасными, а они — со мной. Уже-прекрасные фланируют по лесу, нося пухлые красные окорока, уже отваренные. Уже-прекрасные не, как правило, бстают.

Держа лестницу, я смотрю, как ты наклеиваешь дополнительные люстры на соответствующие ветви. Ты изнурена, ты очень потрудились. Тебя освежит фасолевая вода со льдом — и эти бумажники, сделанные из ветчины. Я установил бронзовые статуи настороженных присевших индейских мальчиков по всему периметру леса, для украшения. Для красоты. Каждого настороженного присевшего индейского мальчика сопровождает крупная, бронзовая, волкоподобная собака, прекрасно отполированная.

Я собирался с тобой поговорить. У меня много страниц заметок, наставлений, разногласий. О вопросах важности я буду говорить без конспекта, свободно и страстно, словно бы по вдохновению, среди ночи, в ярости, шлепая себя громадными неимовными шлепками себя по лбу, что будут валить меня наземь. Уже-прекрасные будут стоять и наблюдать, кружком, каждая — лелея зверюшку в материнских объятьях: зеленую мартышку, луговую мышь, туко-туко.

Вон у той обнажены бедра, для изучения. Я делаю тщательные заметки. Ты выхватываешь блокнот у меня из рук. Карманы

* Стирка (дат.).

твоего рабочего халата тяжело раскачиваются от лампы люстр. Твоя карьера от-лампы-к-лампе, от-фасолины-к-фасолине.

Я, в данный момент, изготовился танцевать.

Уже-прекрасные, говоря исторически, танцевали. Музыка, издаваемая моим тренажером, согласны мы, танцевальна. Женщины берут себе партнеров из крупных бронзовых зайцев, отлитых в позах танцоров. Фасолины, что ты склеивала друг с дружкой, — пустяки в сравнение с трудностью отливать зайцев в позах танцоров, среди ночи, в литейной, качая меха, пот, палево. Пыл. Палево.

На ужин пригласили воров — вместе с деканами главных соборов. Воры станут покоиться на грудях у деканов, среди ночи, после ужина, после кофе, среди фасолевых чащоб. Воры исповедуются деканам, а деканы — ворам. Засим последуют тихие благословенья.

Англия далека, а Франция — лишь слух. В могилах размещаются подушки, прихватки, вехотки. Я удостоен, удостоен иметь возможность держать твою лестницу. Без устали клеишь ты. Лес вскорости будет существовать на каких-нибудь картах, данью проворству картографов мира. Эта жизнь лучше любой, какую я жил ранее. Красивые бедра цветут и раскрываются. Твой внезапный рывок к красной фасоли оказался, как выяснилось, мастерским. Повсюду видим мы, как уже-прекрасные носят украшенные корсажи, тиары из красной фасоли, отполированные до неистовства сердолика. Ни единое рагу светчиной не обошлось без двух красных фасолин, отполированных до неистовства сердолика.

Испания далека, Португалия окутана непроницаемой дымкой. Эти благородные фасолины, приклеенные тобой, мои. На набережной выгружаются тысяchefунтовые мешки, на случай будущих нужд. Деканы трудятся охотно, воры — помощники мастера с необычайным тактом. Твои прогнозы погоды великолепны: фигопад, тобою предсказанный, действительно случился. Я, в данный момент, ощущаю изрядную веселость. Эгей, эгей, говорю я. Замечательно, до чего хорошо можно заправлять человеческими делами, с тщанием.

ТЕПЕРЬ, ПОВЗРОСЛЕВ...

Теперь, повзрослев, я с удовольствием вспоминаю. Те свирепые ночи. Когда, отложив в сторону теорбу, я приходил к твоему ложу. Ты, отложив в сторону фонограф, лежала там. Ожидая. Я, отложив в сторону все заботы и прочие дела, подступал. Мягко, дабы не спугнуть угрюмое придиричивое руководство. Ты, беспокойно колеблясь под покрывалами мышинового света. Под обрамленным, подписанным и пронумерованным серебряным оттиском. Я, отложив в сторону все раздраженья и треволенья, подступал.

Прежде этого — трапеза. Порой трапеза усваивалась внутри, порой — снаружи. Если внутри, я резал репчатый лук и закидывал его в кастрюлю, или же ты резала лисички и закидывала их в кастрюлю. Серую глазурованную кастрюлю с меандром из черных леопардовых пятен. Что за бесконечность порея, чечевицы, репы, спаржевой фасоли закинули мы в кастрюлю за столько лет. Сельдерей.

Иногда трапеза выносилась наружу. Там мы пристойно сидели с другими в людных залах, на стенах — бумага с зеленым тиснением, столики слишком тесно сдвинуты. Пристойные тихие услужители в черно-белом подступали и со множеством знаков уваженья и благорасположенья кормили нас. Трепет выбора — иногда мы брали одно и то же блюдо, ягненка в оловянном соусе как-то раз по случаю. Три желтых нарца и одинокий красный тюльпан в высокой стройной вазе справа от тебя. Мой большой палец у меня в мартини сталкивает оливки с белой пластмассовой шпаги.

Прежде трапезы — Счастливый Час. Ты снимала обувь и садилась, изысканно, на свои стопы. Я расслаблял галстук, и если дела того дня его требовали, и протягивал руку. Ты вбивала в нее стакан, как раз вовремя. Утомившись от трудов своих в скриптории, где ты раскрашивала рукописи, имевшие отношение к прибыванию/убыванию состояний «Международного снега». Мы обнимались, прямо там, на тахте, другого слова тут и не подберешь, господь бог свидетель. Ждала постель.

Помню фотографию над твоей постелью. Сколько утр приветствовала меня она, исполосованная первым несмелым светом сквозь рейки жалюзи. Настоящий Уиджи²⁰³, автомобильная катастрофа с простертыми силуэтами, длинные женские волосы в луже крови, снятые промеж облаченных в сапоги ног легавого.

В рамке с канатным рубчиком. Подле меня — твой силуэт, еще не проснувшийся, но лишенный скучного необязательного одеяния и великолепно пропорциональный, дабы по нему бродить. После полного света щекотать позволяется.

Шустро сквозь чашу набрел я на то время к ложу твоему. Кисетик мамалыги со мной рядом, нам на пир. Ты, идя в чулан, выхватила бутылку в паутине. На столе перед тахтой, артишок со своим соленым соусом. Швыряя себя сквозь облезлую ветхую дверь к тахте, словно (стрела из лука) (копье из руки Ахилла), я возблагодарил свои звезды за мудрость моих наставников, Дымка и Билли, помогших мне обрести место на рынке труда, отправляться утром и возвращаться вечером, неся в одной руке короб барвинков, а в другой — диск, свежееотчеканенный «Жарким клубом Франции».

Голова твоя в моих объятьях.

ГОВОРЯ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ТЕЛЕ...

Говоря о человеческом теле, Клее сказал: «Одна кость ничего не решает».

Размышляя об этом, люди ставили фонари на всех уличных перекрестках, а диваны — рядом с фонарями. Люди сидели на диванах и читали Спинозу, интересный отблеск падал на страницы от размытых непостоянных светофоров. В других точках на улице устанавливались кровати с балдахинами, и влюбленные парочки спали или вместе смотрели телевизор, приемники подсоединены к пустым домам за ними длинными черными кабелями. В иных местах на улице из бетона высекались ниши-беседки, устланные Эдамовыми ковриками²⁰⁴, и проводились длительные дискуссии. «И впрямь ли нам нужно Военное училище?» — вот популярная была тема. К железным изгородям, ограничивающим тротуары, цеплялись любимые картины, Гейнзборо, ван Донген²⁰⁵, пылкое воспроизведение умбрийских состояний ума, важные темно-бурые ушибы аршской бумаги²⁰⁶ печатником современной жизни.

Один человек развесил все свои рубашки на изгородях, ограничивающих тротуар, у него их было тридцать девять, а другой чистил зубы в банном халате, еще один воцпал славные усы,

женщина метила карты маленьким колючим валиком, чтоб муж ее, игрок, выигрывал бы вечно. Какой-то человек сказал:

— Слышь, дядя, сваргань-ка мне этих своих свиных рубцов, уж больно хорошо ты их жарил, — а другой сказал:

— Хауард, сын мой, теперь я покажу тебе, как выдувать стекло. — Он макнул стеклодувную трубку в горнило кипящего стекла, прямо на улице, и выдул целый погребец пивных стаканов, каждый золотисто полон.

Внутри заброшенных домов в обе стороны неслись поезда подземки, и подлинные безымянные звери пожирали друг друга с отвратительным рвением...

Понедельник. Многие личности хватаются за решетки канализационных стоков обеими руками, проявление, по словам С. Мохой-Надь²⁰⁷, трагического прекращения воли летать.

ЖЕНЩИНА, СИДЯЩАЯ НА ПРОСТОМ ДЕРЕВЯННОМ СТУЛЕ...

Женщина, сидящая на простом деревянном стуле под балдахинном. На ней белая роба, у нее на лице довольство. Наблюдают за ней две собаки, немецкие овчарки, спокойные. За собаками, спиной к нам — ряд голых женщин на коленях, сидят на пятках, ягодицы у них идеальные, как яйца или 0 — 00 00 00 00 00 00. Профилем к этой сцене — Бенвенуто Челлини, в меховой шапке.

Две молодые женщины завернуты, как подарки. Подарочная упаковка почти неотличима от обычной одежды, быть может, лишь чуть новее, ярче, продуманнее обычной одежды. Каждая молодая женщина держит в руках белый конверт. Каждый конверт адресован «Детке».

Две молодые женщины, голые, привязаны друг к дружке длинной красной нитью. Одна темная, одна светлая.

Крупные (восемь на десять футов) листы белой бумаги на полу, их восемь. Весь покрытый участок — около четырехсот квадратных футов; некоторые листы перекрываются. На одном краю этого участка играет струнный квартет, а на позолоченных стульях по всей бумаге неровными рядами сидят парадно одетые зрители. На бумагу поставили большое ведро синей краски.

Две молодые женщины, голые. У каждой волосы собраны в узел, каждую заляпали — груди, живот, бедра — синей краской. Одну животом, тащит по бумаге другая — она стоит, схватив первую женщину за запястья. Спины у них некрашены. Или не красят. Художник — Ив Кляйн²⁰⁸.

Нигде — середина всего этого, его точный центр. Там стоит телефонная будка, зеленая с потускневшим алюминием, слово ТЕЛЕФОН и символ системы (колокольчик в кольце) — темно-голубым. Внутри телефонной будки — две женщины, одна темная, одна светлая, лицом друг к дружке. Их голые груди и бедра слегка соприкасаются (одна держит трубку возле уха другой), а они звонят своим матерям в Калифорнию. Профилем к сцене, далеко справа — Бенвенуто Челлини, в белой робе.

Два молодых человека, завернутых, как подарки. Они тщателью завернули себя сами, узкие брюки, рубашки с открытым воротом, ботинки с наборными каблуками, золотые украшения на правом и левом запястьях, гильфики набиты кредитными картами. Стоят они под рождественской елкой, большой, как конторское здание, и женщины бросаются к ним. Или же стоят они под рождественской елкой, большой, как конторское здание, и никакие женщины к ним не бросаются. Голос распевает пасхальные песни, аллилуйи.

Жорж де Ла Тур²⁰⁹ в белой робе (марки «Железный парень») посещает кинопоказ. На экране две молодые женщины, голые, играют в пинг-понг. Одна замахивается ракеткой на шарик, который другая только что подала через сетку, и мажет, ушибая себе правую ногу о край стола. Другая откладывает ракетку и изящно обходит стол осмотреть ушиб; она возлагает руки по обе стороны грубой, уродливой отметины... Жорж де Ла Тур забирает шляпу и выходит из театра. В вестибюле приобретает пакетик «М&М»-ов, который вскрывает зубами.

Мир работы: две молодые женщины, одна темная, одна светлая, в поясах для инструментов, к которым подвешены фляжки, больше ни в чем. Они сидят бок о бок на высоких табуретах (00 00) перед парой чертежных столов, закрашивая тушью карандашные рисунки. Либо — на лесном складе в южном Иллинойсе, разгружают железнодорожный вагон, содержащий несколько сотен тысяч досочных футов болотной сосны. Либо — в наборном цехе средних размеров экронской ежедневной газеты, прогоняют длинные листы через машину, которая на носит на их обратную сторону тонкий слой воска, а затем

размещают на странице шрифт. Либо — они ведут идентичные желтые такси, которые едут наперегонки по Парк-авеню с испуганными пассажирами, каждая таксистка пытается обогнать соперницу к дыре в транспортной пробке. Либо — они сидят за соседними столами на участке, застеленном бежевым ковром и отведенном для должностных лиц в банке, отказывают в займах. Либо — они стоят, нагнувшись, уперев руки в колени, вглядываясь в археологический раскоп в Камерунах. Либо — преподают, в соседних классах, Голую Физику: в классе слева Голую Физику I, а в классе справа Голую Физику II. Либо — стоят на коленях, сидят на пятках, перед парой стоек для чистки обуви.

Две молодые женщины, в поясах для инструментов, к которым прицеплены фляжки, больше ничего, вновь шагают по Бродвею. За ними следует возбужденная толпа, оркестры и т. д.

Две женщины, одна темная и одна светлая, в теплых куртках, синих шерстяных вязаных шапочках на головах, осматривают ряд голых сатиров, с волосатыми ногами, раздвоенными стопами, хвостами и клочковатыми бородками, которые болтаются на крюках в мясохранилище, где температура постоянна, 18 градусов.

Женщины щекочут сатиров под хвостами, где те наиболее уязвимы, длинными белыми (проворными) пальцами, с длинными, изогнутыми алыми ногтями на кончиках. Сатиры ежатся и пляшут от такого обращения, болтаясь на крюках, а другие женщины, сидящие в красных плюшевых креслах, в мясохранилище, аплодируют — либо хмурятся, либо вяжут. Возле термостата околачивается Владимир Татлин²¹⁰ в асбестовом смокинге.

Две женщины, одна темная и одна светлая, в теплых куртках, синих шерстяных вязаных шапочках на головах, осматривают ряд голых молодых людей, с волосатыми ногами, с множеством пальцев на них, бледных и дрожащих, которые болтаются на крюках в мясохранилище, где температура постоянна, 18 градусов. Женщины щекочут мужчин под хвостом, где те наиболее уязвимы, длинными белыми (проворными) пальцами, с длинными, изогнутыми алыми ногтями на кончиках. Молодые люди ежатся и пляшут от такого обращения, болтаясь на крюках, а гигантские яйца, сидящие в красных плюшевых креслах, варятся.

ТОТ ПАРЕНЬ В ПОДСОБКЕ...

Тот парень в подсобке, — сказала она. — Он ест нашу картошку. Вчера ночью ты был чудесен. Позавчера ночью — ты был чудесен. Ночью до этого — ты был ужасен. Он ест нашу картошку. Я зашла туда и посмотрела на него, а у него картошка по всему лицу размазана. Толченая. Ты был чудесен в ту ночь, когда мы встретились. Я была ужасна. Ты был ужасен в ту ночь, когда у нас был молочный поросенок. Поросенок, приготовление поросенка ужасно испортили тебе настроение. Я была чудесна, чтобы уравновесить, попытаться уравновесить, твое мерзкое поведение. Тот парень с повязкой на глазу ест в подсобке нашу картошку. Что ты намерен предпринять?

Что? — сказал он.

Что ты намерен предпринять?

У него там картофельная толкушка?

И кастрюлька. Он держит кастрюльку между колен. Толчет себе толкушкой. Толк толк толк.

Ну, — сказал он, — ему ж надо как-то жить, а?

Не знаю. Может, так, а может, не так. Ты же его домой привел. Что ты намерен предпринять?

У нас много картошки, — сказал он. — Мне кажется, ты слишком заводишься. Слишком заводишься из-за пустяков. Может, тебе лучше остыть. Захочу свистопляски — выйду на улицу. А тут — я хочу покой. Ясный, тихий покой. Ты заводишься. Я хочу, чтоб ты успокоилась. Чтоб я мог почитать. Спокойно — почитать.

Ты был превосходен той ночью, когда у нас было оссобуко, — сказала она. — Я его приготовила. Похоже, оно поразило твое воображение. Ты оценил усилия, мои усилия — или мне так показалось. Ты не смеялся. Ты, правда, улыбался. Яростно улыбался весь ужин. Я была отвратительна той ночью. Кусала подушку. Ты не гасил свет, ты читал. Мы сражались за реостат. Музыка из другой комнаты тебе льстила, твоя музыка, музыка, которую ты купил и оплатил, чтобы льстить себе. Своему хорошему вкусу. Никто никогда такую дрянь не слушает, если только он или она не желает утвердить, что у него или у нее безусловно хороший вкус. Божественно хороший вкус.

Ты знала, — сказал он, поднимая взгляд, — что у мэра только одна ступня? Одна настоящая ступня?

От приготовления поросенка у тебя сделалось ужасное настроение. От пороссячьей головы в особенности. Ты попросил

меня убрать пороссячью голову. Пилой. Я сказала, что пороссячья голова должна остаться на месте. Класть яблоко в кровавую дыру там, где была пороссячья шея, будет жутко, сказала я. У людей вызовет отвращение. Ты бросил пилу на пол и объявил, что дальше не можешь. Я сказала, что люди клали яблоко поросенку в рот столетиями, веками. На ужин придут двадцать человек, ошибка, конечно, но не моя. Поросенка разложили на стойке. Ты положил поросенка на два кухонных табурета, которые накрыли газетой, пол тоже был весь в газетах, мое колено — на или в спине у поросенка, я схватилась за ухо и принялась пилить. Ты был ужасен той ночью, выплеснул бокал вина человеку в лицо. Я такое запоминаю.

Как-то забавно, если мэр у тебя — лишь с одной ступней.

Тот человек сказал, что он тебе двинет. Я сказала: Валяйте, двиньте ему. Ты сказал: Никто никому двигать не будет. Человек тогда ушел, красные винные пятна пачкали ему розовый кашемировый свитер вполне чудесно. Ты был чудесен той ночью.

Говорят, — сказал он, — что по всему городу цветы, потому что мэр не знает, где похоронена его мать. Ты это знала?

ПОТРЕБОВАЛИ БОЛЬШЕ СТРУКТУРЫ...

Потребовали больше структуры, стало быть, поэтому мы внесли из дальнего сарая здоровенные занозистые брусья и приколотили их на место железнодорожными костылями. Этот новый город, сказали они, будет просто потрясный, от него архитекторы начнут заикаться, от него Торговые палаты вспыхнут синим пламенем. У нас будут собственные знахари, и странные боги в изобилии, и локализованные грехи, и хумухумунукунукувапувабы²¹¹ в общественных аквариумах. Мы, работяги, слушали, разинув рты. Мы никогда ничего подобного не слышали. Но верили своим инстинктам и зарплатам, поэтому ломили дальше — внесли из заднего сарая сталь с цветным покрытием, а из сарая за ним — анодированный алюминий. О светозарный город! — сказали мы себе, как же мы хотим, чтоб ты был построен! В дело пошла демократия на рабочем месте, и архитектурский инспектор (знавший в Финляндии Виви Лённ²¹²) носил кепочку

с перышком, весьма лихо. И речи не шло, чтоб отступить (хотя мы заметили, что наши удостоверения личности отличались по цвету от их удостоверений личности): нам хватало примененных наших навыков и обещания города. При лунном свете мы считали свои зубила и рассказывали истории о других строительных подвигах, в которых участвовали: Вавилон, Чандigarх, Бразилиа, Талиесин²¹⁵.

На заре каждого дня — восемь миль пробежки, дабы подготовиться к невероятным деяниям впереди.

Громадная насосная станция, обряженная в красное «Лего», в той точке, где будет активирована новая река...

Районы города, сказали нам, были разработаны для того, чтобы гнить, переставать использоваться, возвращаться — со временем — к открытому пространству. Быть может, сказали, когда-нибудь здесь, на кучах битого кирпича, будут резвиться олениа. Насчет этой части плана у нас был некоторый скепсис, но таков, в конце концов, план, свирепая целостность проработки произвела впечатление на всех нас, и, стоя у загонов, где держали олениа, которые породят тех олениа, что когда-нибудь, возможно, станут резвиться на кучах битого кирпича, нельзя было не заметить, что грудь людям распирает от предвосхищения гордости.

В вышине, работая на пологом выступе, облицованном чередующимися полосами серого и розового камня, увенчанными решетками из серого стекла, мы смачивали себе лбы полами наших рубашек, которые макали в приятный рассол, закуривали новые сигары и видели, как под нами расстилается новый город — в форме слова *FASTIGIUM*. Это не название города, сказали нам, просто набор букв, выбранных за изящество их написания. Маленькая девочка, мертвая, за розовыми кустами, вновь ожила, и страстное строительство продолжалось.

НАЦИЯ КОЛЕС

С изобретением Гудьиром²¹⁴ вулканизации в 1839 году стало возможным получать резину, сохраняющую высокую степень прочности в широком диапазоне температур. Эта разработка обрела самое важное свое применение в производстве резиновой автомобильной шины. Америка быстро превратилась в нацию колес.

Первоначально связанное с двигателем внутреннего сгорания и тем самым предоставляющее дешевое средство личного транспорта, колесо приобрело почти автономный статус в 1970-е годы с появлением (1) устройств со внутренним источником питания и (2) так называемого гибкого сознания.

Взаимодействие человека и машины уже давно породило нечто вроде объединенной умственной деятельности. Человеческий фактор, однако, преобладал. «Заказывали музыку» люди. Но теперь продукт техники выработал в себе «собственный разум». Человеческие факторы сочли это в высшей степени тревожным.

Первым проявлением нового чувства собственного достоинства колеса стало внезапное возникновение — во всех регионах страны — сотен Приветственных Фургонов, которыми, похоже, не управляло никакое человеческое участие. С непреклонной доброжелательностью они несли свои теплые приветствия в каждый американский дом. Но от кого?

Быстро стало ясно, что произошла техническая революция масштабов, превосходящих хлюбыс, ранее воображимые. Мало того, поведение революционеров склонялось к тревожной свободе от ценностей. Зарегистрировано некоторое число «инцидентов».

Традиционно-ориентированные личности подняли тревогу.

К ним быстро присоединились другие личности.

Оказалось, что все рубежи защиты уязвимы.

Спротивление завершилось. Улицы оказались во власти колес. Люди осмеливались выйти из дому лишь с крайнею робостью. Чтобы выдвинуть список не подлежащих обсуждению требований, собрался комитет колес. Представитель заявил: «Управление Машиной Государства требует самого тонкого разума, какой предлагает культура. У руля нам нужно колесо». Почти все шумно приветствовали нового Президента.

Те люди, кто в прошлом страдал от технофобии, страдали еще сильнее. Остальные заняли другие позиции. Все не так уж плохо. Все могло быть хуже. Можно представить и кое-что похуже. В прошлом терпели и хуже — и выстояли. Это еще не худшее. Худшее еще впереди.

Некоторые горячие головы предприняли акты сопротивления. Поступки эти, по словам колес, были «д'Артаньянскими» и объективно бесполезными. Технической революции, пояснили они, нельзя успешно противостоять. Ее можно лишь заменить — другой технической революцией.

Тем не менее повсюду была тайная полиция.

Колеса хотели — и получили — *Lebensraum**. Разрушались всевозможные структуры, чтобы предоставить больше пространства для автострад, скоростных дорог, автомагистралей и авто-трасс. Разрастались парковочные площадки. Вскоре под ножом бульдозера оказались целые города — и превратились в строительный мусор, уступая место многим милям нового бетона.

* Жизненное пространство (нем.).

Исход из Балтимора

Наконец осталась лишь узкая ленточка человеческого пространства — от Огасты, Мэн, до Сан-Диего, Калифорния, — с обеих сторон стиснутая бескрайними саваннами серого.

Занятия по пониманию колеса

Люди, стиснутые нос к носу в своих крохотных закутках, реагировали предсказуемо: «Все могло быть хуже». «Можно представить и кое-что похуже». «Это еще не худшее». «Худшее еще впереди». Близость определили заново — как желанную, недостаток места — как высшее благо. «Теснота — залог здоровья», — говорили люди.

Венера Экронская

Но теперь уже перешептываются отрезки мостовой.

— Почему колеса? — говорят они.

— Зачем они нам нужны?

— Идеально заасфальтированный глобус...

Бойко шла неизбежная работа по переписыванию истории культуры. «Америка зиждется на колесе, — заявил Президент, — и более того, зиждилась всегда». Музеи таинственно наполнились артефактами, поддерживающими этот тезис.

ЦЕЛОВАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА

Между политическими речами и представлениями [Тоони] Уайнетт²¹⁵ вышла на сцену, чтобы сестра, обняв одной рукой Президента за талию и положив голову ему на плечо. Дойдя до конца, она нежно поцеловала его в губы и сказала: «Вы так изумительны».

«Пост»

В: Какой класс личностей, согласно Конституции США и применимым законам, имеет право целовать Президента?

О: Конституция не сообщает о целовании Президента ничего конкретного. Равно как и законы, содержащиеся в книгах и непосредственно относящиеся к этому вопросу. Существует, однако, довольно скрупулезный протокол, управляющий этим делом, — датируется он, как нам сообщают, Эпохой Джексона²¹⁶, когда целование Президента впервые вошло в моду. Если говорить о классе, то те, кому позволено целовать Президента, преимущественно — женщины.

В: Позволяется ли мужчинам в принципе целовать Президента?

О: Французам и официальным или высокопоставленным лицам с бывших французских территорий разрешается целовать Президента в традиционной французской манере, в обе щеки, сначала — в левую, затем в правую. Другим мужчинам целовать Президента не допускается.

В: Даже Объединенным Начальникам Штабов?²¹⁷

О: Даже Объединенным Начальникам Штабов. Объединенные Начальники всегда стоят по стойке «смирно». В головных уборах воинов²¹⁸. Героям, напротив, предоставляются особые разрешения. В моменты распаления чувств, как то: при встречах в аэропорту или присуждении Национальной Медали, — оговаривается взаимное объятие Категории Б при условии, что объятие инициируется Президентом.

В: Что такое взаимное объятие Категории Б?

О: Участники приближаются друг к другу, лица сияют, по бетону или что там еще уложено, пока играет оркестр морской пехоты. Президент протягивает руку и пожимает руку героя, после чего хватает его за верх плеч и слегка встряхивает. После этого герою разрешается схватить Президента за верх его плеч и слегка встряхнуть его. Более-менее — для поддержания равновесия.

В: Что такое объятие Категории А?

О: Объятие Категории А есть полное прижатие к груди, оно же — «медвежье» объятие. Применяется лишь в отношении женщин. И медведей, разумеется, насколько нам известно, ночью, в глубинах Национального Закалника, при свете одного ватта... Но это лишь спекуляция.

В: Применимы ли политические соображения при определении того, кому положено, а кому не положено целовать Президента?

О: Как международные, так и внутренней политики. Целование Президента — возможность, доступная в целом лишь гражданам Свободного Мира.

В: Значит, никаким коммунистам Президента целовать не разрешается?

О: Теоретики Государственного департамента провели военную игру по сценарию, согласно которому в заключение крайне успешной встречи в верхах Президент и г-н Андропов могут со вкусом осуществить тепловатое объятие Категории Б с фактором эскалации в двадцать пять процентов. Последнее подразумевает то, что бока их голов соприкасаются, кратко.

В: Что если коммунистический младенец мужского пола попробует поцеловать Президента?

О: Никаким младенцам по собственной воле целовать Президента не разрешается. Президент может предпочесть по собственному усмотрению поцеловать любую личность младенческого размера, какую пожелает, но инициатива всегда должна исходить от него. Допустимо представить, что при определенных обстоятельствах Президент может счесть уместным поцеловать коммунистического младенца мужского пола — визит во Вроцлав, к примеру.

В: Может ли совершенно любая американская женщина поцеловать Президента?

О: Любая американская женщина какой угодно разновидности. Даже демократка. Однако не помешает, если вы — Национальное Ведомство. Здесь больше возможностей. Тэмми Уайнетт. Долли Партон. Лоретта Линн. Джин Кёркпатрик²¹⁹.

В: Уместно ли петь при этом свою песню, попавшую в «Лучшие 40», обхватив рукой Президента за талию и склонив голову ему на плечо?

О: Не будьте ханжой. Разумеется. У Джин Кёркпатрик, насколько мне известно, пока нет песни, попавшей в «Лучшие 40», но нам сообщают, что она уже берет уроки игры на добро.

В: Значит, любая свободная американская женщина, будь она старенькой бабулей или молодой сладострастной едва одетой секс-бомбой, может целовать Президента, когда только пожелает?

О: Верно. Утверждают, что Президент особенно расположен к стареньким бабулям — любит и уважает их, восхищается их боевитостью. Так, посещая место среднего наводнения, Президент обычно наполняет песком один мешок для дамбы и звонко чмокает одну лишившуюся крова, но по-прежнему боевитую старенькую бабулю. Молодым сладострастным едва одетым секс-бомбам иногда не дозволяется целовать Президента из-за опасности попадания под вредоносное излучение стробоскопа.

В: Что единственно правильное следует говорить после того, как поцелуешь Президента?

О: «Вы так изумительны».

В: Разрешается ли щипать Президента?

О: Пусть и безбрежен, Президент, разумеется, конечен. Посему щипать Президента не разрешается. Можете себе представить... один щипок, умноженный на...

В: А как быть с оброненными платочками?

А ТЕПЕРЬ ДАВАЙТЕ ПОХЛОПАЕМ «ШОУ ЭДА САЛЛИВЭНА»!

«Шоу Эда Салливэна»²²⁰. Воскресный вечер. Церковь невоцерковленных. Там стоит Эд. Выглядит он здорово. В отличие от постаревшего, потяжелевшего Пола Ньюмена. Немного потягивается из стороны в сторону. С эстрады только что сошли Гэри Льюис и «Повесы»²²¹. Очень крепко выступили. Эд хлопает в ладоши. Он представляет кого-то в публике. Кто это? Эд вытягивает левую руку.

— Побил все рекорды посещаемости «Копы»²²², — говорит Эд о человеке, которого представляет. Кто же это? Это... Дон Рикла!²²³ Рикла встает. Глаза лучатся. Аплодисменты. — Я сделаю из вас большого человека! — говорит Эд. Рикла воинственно

набывается. Глаза лучатся. Аплодисменты. Представлен Джерри Вейл²²⁴. Представлены жены. Аплодисменты. — Когда мы с миссис Салливэн были в Монте-Карло, — (пауза, аккуратно подавленная отрыжка), — мы их увидели, — (пауза, он говорит о следующем номере), — впервые — и тут же подписали с ними договор! Кубанские казаки! Названные в честь реки Кубань!

Появляются три плясуна в белых папахах, меховых сапогах и, похоже, бархатных костюмах прыгунов. Они великолепны. Обаденные казацкие штуки перед задником с куполами-луковками. Кубань — не самая грандиозная река в СССР (512 миль, короче Оби, короче Буга), но танцоры замечательны. Некий танец с саблями, пока оркестр играет галопы. Передний плясун держит равновесие на одной руке, а ногами выделяет штуки. Здорово, изумительно. Плясуны поддерживают себя одной рукой, снимают и надевают папахи другой. ХОРОШО! (Не-кириллическое подражание русскому слову «клёво».) Двойное ХОРОШО! Слева выходит Эд. Рукой изображает восторженные жесты. Тройное ХОРОШО! Аплодисменты стихают. Камера на Эде, тот сплел руки перед собой.

— Гвоздь программы минувшей недели в Нью-Йорке... — Что-то в «Гардене». Невозможно разобрать — вероятно, боксерский поединок. Эд представляет кого-то из публики. Не видно, кого, он встает за толстой дамой, которая тоже встает с некой собственной целью. Аплодисменты.

В судейской шапочке, мантии и с молотком выходит Свирина Маркэм²²⁵. Произносится его фирменная реплика:

— Во пошел сыдья, — и толпа ревет, но рев не такой сильный, как можно было бы рассчитывать. Реплика уже выдохлась. Но все равно Свирина хорошо выглядит, работает с двумя или тремя шестерками. Шестерка спрашивает у Свирины, почему, если он так честен, он приобрел два «кадиллака» и т. д. Свирина отвечает: — Потому что я очень бережливый, — и лупит шестерку по башке пузырем. В скетче вообще активно задействован пузырь, это старомодная комедия. Шестерка говорит:

— Сыдья, вы должны меня знать. — Свирина:

— А ты кто? — Шестерка:

— Я тот, кто вас с вашей женой познакомил. — Свирина орет:

— Пожизненно! — и лупит шестерку по башке пузырем. Очень смешные штуки, публика ревет. Затем рекламная пауза с Джо Эни Уорли из «Роузена и Мартина» — она поет про

«Дерзкий» стиральный порошок. Смешная девчонка²²⁶. Хорошая реклама.

Эд выводит «Дудлтаунских волынщиков», вокальную группу²²⁷. Отличные с виду девушки в крохотных юбочках. Отличные на вид ноги у этих девушек. Они поют что-то такое, дескать, «я слышу смех» и «звук будущего». Фразировка превосходна, подача превосходна. Камера переключается на атмосферные кадры парка, играют дети, нежатся матери с отцами, воскресное ощущение. Кадры мальчишек, перекидывающихся мячом. Кадр черного младенца в качкой люльке. Кадр жопки молодой мамы, очень мило. Кадр светловолосой мамы, тетешкающей ребенка. Кадр черного папы, раскачивающего ребенка. Кадр парня, похожего на Рода Маккьюэна²²⁸, который опирается на... что? Скульптуру на игровой площадке. Но это не Род Маккьюэн. «Дудлтаунские волынщики» перетекают в другую песню. Что-то про ненависть и страх: «Тебе нужно научиться... ненависти и страху». Звучат они здорово. Кадр смешанной компании, сидящей на сооружениях игровой площадки. Кадр молодого очкастого папы. Кадр черного юноши с маленьким белым ребенком. Он смотрит в объектив. Задумчивый взгляд. Молодая мама с дочкой, поглощены друг другом. Славная на вид мама. Камера приближается к маме и дочке. Еще одна мама, средний план. Монтажный переход на крохотное черное дитя, спящее в качкой люльке. Ух ты!

Слева выходит Салливэн, аплодируя. Делает жест в сторону «Волынщиков», в сторону публики, в сторону «Волынщиков». Аплодисменты. Всем отлично!

— Давайте поприветствуем... Джорджа Карлина!²²⁹ — Карлин — комик. Карлин говорит, что терпеть не может смотреть на новости. Новости угнетают. Пример заголовка. ПРИВЕТСТВЕННЫЙ ФУРГОН СБИВАЕТ НОВОПРИБЫВШЕГО. Публика ревет. ПЕДИАТР УМИРАЕТ ОТ ДЕТСКОЙ БОЛЕЗНИ. Публика ревет, но ревом послабее. На Карлине белая водолазка, темные бачки. Анекдот про юношу, который просит у отца машину. Юноша говорит, что у него свиданка по-тяжелой. Па говорит: «Так возьми тогда грузовик». Анекдот про различие между организованной преступностью и неорганизованной. Неорганизованная преступность — это когда парень грабит тебя на улице. Организованная преступность — когда два парня грабят тебя на улице. Карлин великолепен, изумителен, но материалу него не очень смешной. Шутка про Центральный парк.

Легавые заходят в парк переодетые в женщин, чтобы провоцировать пристающих. Арестовано триста пристающих и два легавых помолвлены. Еще шутки про легавых. Карлин сцеляет руки на поясе. Говорит, тут вот интересуются, почему легавые не поймают мафию? Говорит, а вы сами пробовали поймать чувака в шелковом костюме? Слабый рев публики. Карлин говорит, страдаете от ноющей преступности? Попробуйте Управление полиции с новым усовершенствованным компонентом «БЛ-70»²³⁰. Вообще никакого рева. Скорее прыскают. Эд лицом к камере. — А далее... сразу после этого важного сообщения. — Реклама Пишущей Машинки «Королевская электрическая реактивная звезда».

— Теперь она печатает быстрее и аккуратнее. — Умелая с виду женщина говорит в камеру:

— Теперь у меня «Реактивная звезда», которая помогает мне дома, где я выращиваю сенбернаров на продажу. — У нее за спиной сенбернар с восхищением взирает на «Реактивную звезду».

Эд возвращается.

— Знаменитые «Битлз» из Англии, — (пауза, аккуратно подавленная отрывка), — впервые проявились у нас в пэридаче... Мэри Хопкин²³¹... Пол Маккартни сказал ей, что она должна выступить у нас в пэридаче... знаменитая на весь мир... Мэри Хопкин! — Выходит Мэри, держа гитару. Поет что-то про «утро моей жизни... потолок моей комнаты...»²³². Камера дает очень крупный план Мэри. Хорошенькая блондинка, пухловатое лицо. Бурные аплодисменты Мэри. Камера уходит в затемнение, затем Мэри в очень короткой юбочке удаляется, прекрасные ноги, может, чуточку тяжеловаты. Мэри в декорациях какого-то ночного клуба со своей главной песней «То были дни»²³³. Песенка — эрзац Курта Вайля, но тем не менее очень милая песенка, очень ностальгичная, дни миновали, на глаза (мои) наворачиваются слезы. Фоном — исторические фотоснимки. Кадр каких-то викторианских групповых занятий, вероятно — приема гостей в саду, вероятно — катание яиц²³⁴. Кадр биплана. Кадр скакового круга. Камера — на лице Мэри. «То были дни, друзья...» Кадр охоты на лис, кадр вечеринки с танцами. Мэри немного подскакивает в такт песне, едва-едва подскакивает. Кадр того, что похоже на выстрел «французской 75-й»²³⁵. Кадр дамы, целующей в нос собаку. Кадр лошади. Камерой очень крупно рот Мэри. Похоже, во рту у нее здоровенный ком жевательной резинки, но такого не может быть, наверняка это ее язык. На заднем

плане фотоснимок поднимающегося воздушного шара. Живая девушка сидит слева на переднем плане, пялится снизу вверх на Мэри, зачарованная. Мэри в целомудренном платье с высоким воротником — и в этой короткой юбочке. Действительно. Мэри допекает песню. Натуральный рев. Возникает Эд, повернутый вправо в три четверти, к Мэри.

— Замечательно! — говорит Эд. — Великолепно! — Мэри оправляет на себе груди. — Великолепно. А теперь... среди публики у нас отсиживается знаменитая... Пёрл Места!²³⁶ — Пёрл поднимается, с виду довольная дама средних лет. Пёрл кланяется. Аплодисменты.

Эд пялится (за мороженом) в объектив.

— Прежде чем мы вызовем на сцену поющего Эда Эймза и первую леди американского театра Хелен Хейз... — Реклама «Крутяшек пиццы» переходит в рекламу сигарет «Тарейтон с угольным фильтром». После чего Эд возвращается впарить новую книгу Хелен Хейз «По размышлению»²³⁷. Мисс Хейз — первая леди американского театра, говорит он. — Для нас большая честь... — Мисс Хейз сидит за письменным столом, Людовика какого-то. Выглядит она изумительно. Начинает читать из книги. Великолепный голос. Тонны достоинства.

— Дорогие мои Внуки. Когда я сейчас это пишу, уже немодно иметь Веру; но ваша бабушка никогда не была знаменита своим шиком, поэтому ее не беспокоит интеллектуальная длина юбок. Меня всегда заботило целое, а не фрагменты; положительное, а не отрицательное; слова, а не пробелы между ними... — Мисс Хейз делает паузу. Рука на чем-то похожем на маленький серебряный заварник. — Что может предложить бабушка... — Она говорит очень хорошо! — Перед вами накрыта трапеза тысячелетия, у вас на книжной полке — сага всего человечества... Что я могу вам дать? И тут я поняла. Ну конечно же. Мое собственное маленькое примечание. Домашний хлеб на банкете. Частную шуточку в божественной комедии. Ваши корни. — Кадр головы и плеч мисс Хейз. Она поднимает взгляд к осветительной арматуре. Включается тихая музыка: — Итак, внуки мои... в лучах софитов и тенях... кусочки и частички... в припомненных мгновеньях, сценах безумств и неосмотрительных деяньях... — Мисс Хейз снимает очки, похоже, глаза ее туманятся слезами. — То, из чего сделаны внучата... кто бестолковы, кто сами с усами — это от Папы и это от Мама... кто смеется, кто плачет сразу от бабушкиных сказок... Я люблю вас. — Она переводит взгляд на книгу.

Приподнимает ее. Камера отъезжает. Музыка громче. Аплодисменты.

Эд обхватывает рукой мисс Хейз. Сжимает мисс Хейз. Аплодисменты. Бурные аплодисменты. Эд хлопает в ладоши, включаясь в овацию. Машет руками в сторону мисс Хейз. Еще аплодисменты. Это триумф! Эд хватается за руки мисс Хейз. Аплодисменты стихают, неохотно. Эд говорит:

— ...Но сначала — послушайте вот это. — Кадр здания, какого-то собора. Органная музыка. Камера панорамирует вниз по фасаду мимо витражей и проч. Вниз по винтовой лестнице. Музыка сменяется роком. Кадр клавишей органа. Крупный план марки изготовителя — «ХЭММОНД». Кадр ухмыляющегося органиста. Кадр рук на клавишах. — Звук «Хэммонда» начинается с \$599,95. — Эд представляет певца Эда Эймза. На Эймзе длиннополый сюртук, он держит ручной микрофон. Хорошие глаза, хорошие брови, бакенбарды. Кружева на манжетах. Выглядит и впрямь как с речного парохода. Он расхаживает среди декораций, распевая номер Тома Джоунза — Харви Шмидта²³⁸, что-то про утро, что-то утром, что-то. Потом другая песня, «у меня дыханье сперло», «сколько я ждал», что-то что-то. Под ним вступает хор. Хорошая песня. Эймз искренне моргает. Представляет песню из грядущей постановки — «Дорогой мир»²³⁹.

— Прелестная новая песня, — говорит он. — «Целуй ее сейчас, пока она юна. Целуй ее сейчас, пока она твоя». — Декорация у него за спиной напоминает рейки, приколотенные вертикально по центру в четырех дюймах. Песня недопрелестна, но исполнение Эймза — очень уютное, легкое. Вступает хор. Ах, ах ах ах ах. Эймз закрывает глаза, поет что-то что-то что-то что-то; песня недозапоминается. (Кое-что запоминающееся: ранним воскресным утром на восемь минут в эфире телевизионной станции «Кей-пи-эл-эм», Палм-Спрингз, Калифорния, появилось порнографическое представление²⁴⁰. Голые мужчины и женщины творили друг с другом мерзкие и изобретательные штуки этот отрезок времени, а затем исчезли в истории электричества. К сожалению, представление не показывали по сети. То, чего нам хочется в этом мире на самом деле, нам не достается.)

Слева выходит Эд (что у них там? Бар? «Баркалаунджер»²⁴¹? Книжка? Биржевой телетайп? Модель железной дороги?), пожмает Эймзу руку. Эймз гораздо выше, но любезен. Оба пятятся

прочь из кадра, в разные стороны. Камера смотрит прямо вперед, на Эда.

— Прежде чем я расскажу вам о программе... следующей недели... выслушайте, пожалуйста, вот это. — Реклама «Силва тонких»²⁴². Затем кадр старика с моделью кораблика, реклама «Тотала», хлопьев с витаминами. Затем Эд. — На следующей неделе... отрывок из... нового фильма «Битлз»... «Битлз» привезли сюда мы... в самом начале... Спокойной ночи! — Рубящий жест руками влево, вправо.

Возникает музыка. Ползет лента титров, содержащая всех участников, по кадру русских плясунов (ХОРОШО!). Продюсер Боб Прехт. Режиссер Тим Кили. Композитор Рей Блох. Сопродюсер Джек Макгиэн. Художник по декорациям Билл Бонерт. Директор производства Тони Джордэн. Помощник режиссера Боб Шварц. Помощник продюсера Кен Кэмбл. Координатор программы Расс Петранто. Главный инженер Чарлз Грениер. Аудио «Сиянье искусства». Главный осветитель Билл Гринфилд. Начальник производства Херб Бентон. Ассистенты режиссера Эд Бринкмен, Дон Мэйо. Художник-декоратор Эд Пастернак. Художник по костюмам Лезли Ренфилд. Художник Сэм Сисере. Администратор Винс Каландра. Музыкальный редактор Боб Артур. «Шоу Эда Салливэна» закончилось. Оно остановилось.

БЛАЖЕНСТВО...

Блаженство. Состояние крайнего счастья, эйфория. Нагота молодых женщин, особенно парами (иными словами, в изобилии), часто производит блаженство в глазу смотрящего, мужского или женского пола. Восторг, признаемся в этом факте, и потому-то мы рассматриваем все различные способы, какими восторг этот можно концептуализировать, в уединении наших кабинетов или в барах аэропортов, где сухие, разбавленные напитки стоят слишком много. Восторга не хватает. Вне всяких сомнений, голым молодым женщинам приходят в головы те же мысли — в уединении своих кабинетов — или же мысли другого сорта, неизвестные нам. Возможно, они там просто сидят, у себя в кабинетах, изучая собственную красоту, красоту голого большого пальца, страстного запястья с интересной историей...

ПОВРЕЖДЕНИЕ МОЗГА

В первой мусорке я обнаружил книгу, описывающую богатую новую жизнь достижений, процветания и счастья. Богатой новой жизни достижений, процветания и счастья невозможно достичь одному, говорилось в книге. Ее следует достигать при содействии духовных учителей. Наконец-то найден способ достижения духовного мира. Как только секрет постигнут, духовные учителя подействуют вам посредством паразитического явления, известного как СЧВ*. Мои духовные учителя хотят мне помочь, гласила книга. Как только я с ними свяжусь, они сделают все, что в их силах, дабы выполнить мои желания. Пример — на стр. 117: женщину средних лет ограбили, но когда грабитель отбирал у нее сумочку, вспышка голубого света, вроде крохотной молнии, выбила пистолет у него из рук, и он в ужасе сбежал. Это было только начало, говорилось в книге. Можно научиться уничтожать враждебность в сердцах других.

Мы думали о голубых цветах. У разных людей разные представления о них. Хенри хотелось «их включить». Мы принесли провода, розетки и отвертку и подсоединили зеленые кончики цветов (в нижней части, где их срезали) к электрическому проводу. Но мы как бы опасались их включать — боялись всего этого электричества: оно протиснется вверх по зеленым стеблям цветов, затопит собою листики и наконец коснется лепестков, голубой части, где живет синева цветков вместе с белизной и чуточкой желтого.

— Каков же ток, к которому возможно подключить цветок? — спросил Грегори. Казалось — скорее переменный, нежели постоянный. Об этом подумали мы все, поскольку большинство домов в этой части страны построено в соответствии со строительными кодексами, требующими переменного тока. На самом деле теперь уже здесь немного найдешь постоянного тока, потому что в первые дни электричества им убило много людей.

— Ну так подключай же их, — сказала Грейс. Потому что ей хотелось видеть, как цветы зажгутся — или сморщатся, или что они там еще собрались сделать, когда их подключат.

Гуманистическая позиция — не подключать цветы, оставить их в покое. Гуманисты верят, что нужно оставлять все в покое — как оно есть, насколько это возможно. Новая электрическая осознанность, однако, требует, чтобы цветы подключили, прямо сразу же. Понятия Тойнби о вызове и отклике на него тоже, вероятно, уместны. *Мое собственное*

* Сверхчувственное восприятие.

представление о том, подключать цветы или нет, располагается где-то между этими идеями — в той серой зоне, где ничего вообще-то не делается, а просто какое-то время колеблешься, обдумывая. Синевы цветков до крайности симпатична на фоне серости этой зоны.

ШУМ ТОЛПЫ
БОРМОТАНЬЕ
БОРМОТАНЬЕ
ЗЕВКИ

Умер великий официант, и все прочие официанты опечалились. В ресторане выразили печаль. Черные рукава облекли черными салфетками. Раздали черные скатерти. Несколько соседних улиц выкрасили в черный — те, что вели к заведению, где с легендарным тактом расставлял свои тарелки Гиньоля. Медали Гиньоля (ибо, как замечательное пиво, его награждали много раз — на международных выставках в Париже, Брюсселе, Рио-де-Жанейро) передали его любовнице, Ла Лупе. Тело варили на медленном огне в белом вине, бульоне, оливковом масле, уксусе, ароматных овощах, травах, чесноке и ломтиках лимона двадцать четыре часа, а затем выставили en Aspic* на подложке из листьев латука. Отдать последние почести явились сотни бездельников. Коллеги Гиньоля с наслаждением вспоминали самое приметное чудачество мастера. Хладнокровно убедив какого-нибудь невинного выбрать бутылку вина за тридцать долларов, он никогда не преминул заговорщицки нагнуться и прошептать на ухо жертве:

— Пойдет как по маслу.

* Зд.: как заливное (фр.).

ПОЗЫВЫ К РВОТЕ
ЛИШЕНИЕ ЧУВСТВ
ОТВРАТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
ОБМЕН ИЗВИНЕНИЯМИ

Сон: я гляжу на корабль, океанское судно размерами с «Микеланджело». Но, в отличие от «Микеланджело», это судно не выкрашено в ослепительно белый; оно все в ржавчине. И не в воде. Весь громадный корпус его стоит на суше. Мало того: он начинен мощной взрывчаткой, которая может взорваться в любой миг. Моя задача – протолкнуть судно через узкий горный проход, чьи утесы угрожающе рвутся вперед. Переживание: я переходил дорогу под дождем, держа зонтик. С другой стороны улицы меня манила женщина постарше. Идите сюда, идите сюда! Я дал ей понять, что не хочу идти туда, мне неинтересно, мне есть чем заняться и без того. Но она продолжала манить, настаивать. Наконец я к ней подошел.

– Посмотрите вон туда, – и она показала в канаву, полную воды, – там пенни. Разве не хотите подобрать?

Я работал в газетах. Я работал в газетах еще в то время, когда не был для этого компетентен. Я сообщал неточности. Мне не удавалось собрать все факты. Я писал имена с ошибками. Я путал цифры. Я тратил бумагу. Я делал вид, будто знаю то, чего не знал. Я делал вид, будто понимаю то, что было выше моего понимания. Я чрезмерно упрощал. Я был выше того, чего я был ниже. Я неверно толковал то, что происходило у меня перед носом. Я пере- и недотолковывал то, что происходило у меня перед носом. Я не давал хода тем известиям, которым хотело не давать хода начальство. Я сочинял известия, которые начальство хотело сочинять. Я подделывал репортажи. Мне не удавалось раскопать истину. Я окрашивал истину фантазией. Я не уважал истину. Мне не удавалось внимать изреченью «И познаете истину, и истина сделает вас свободными»²⁴³. В газеты я помещал ложь. В газеты я помещал личные шуточки. Я писал такие заголовки, в которых содержались двусмысленности. Я писал очерки пьяным. Я окорблял рассыльных. Я подлизывался к рекламодателям. Я принимал подарки от заинтересованных сторон. Я пресмыкался перед старшими по чину. Я был жесток с людьми, звонившими по телефону в поисках информации. Я пожирал глазами полицейские снимки половых преступлений. Я лез в набор, пока наборщики не смотрят. Я забирал редакционные карандаши домой. Я голосовал так же, как начальство, в выборах Гильдии.

РИТМИЧНЫЕ ХЛОПКИ В ЛАДОШИ
СОН
КУДА ДЕВАТЬСЯ?

Вапитуила до чрезвычайности похожи на нас. У них имеется система родства, весьма сходная с нашей системой родства. Обращаются они друг к другу «мистер», «миссис» и «мисс». Они носят одежду, очень похожую на нашу. У них есть Пятая авеню, разделяющая их территорию на восток и запад. У них есть «Под завязку орехов» и «шевроле», каждого по одному. У них есть Музей современного искусства и телефон, и мартини, каждого по одному. Мартини и телефон хранятся в Музее современного искусства. Вообще-то, у них есть все, что есть у нас, но только по одному экземпляру.

Мы обнаружили, что они очень быстро утрачивают интерес. Например, они полностью индустриализованы, но им, похоже, неинтересно пользоваться этим преимуществом. После того, как единственный сталелитейный завод произвел первую болванку, его закрыли. Они способны концептуализировать, но дальше этого дело не движется. К примеру, в неделю у них семь дней: понедельник, понедельник, понедельник, понедельник, понедельник, понедельник, понедельник. У них одна болезнь — мононуклеоз. Половая жизнь вапитуила состоит из единственного опыта, о котором он думает долго.

КОРЧИ
ВОЙ
СТОНЫ
КУДА ДЕВАТЬСЯ?
РИТМИЧНЫЕ ХЛОПКИ В ЛАДОШИ
КРИКИ
ПОЛОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПОТРЕБЛЕНИЕ ПИЩИ

Поведение официантов: первый официант дал двадцать центов на чай второму официанту. Второй официант опустил взгляд на два дайма у себя в руке, а затем посмотрел на первого официанта. Обменялись взглядами отвращения. Третий официант положил на тарелку долларовую купюру и передал ее четвертому официанту. Четвертый официант взял долларовую купюру и сунул себе в карман. Затем четвертый официант вытащил шесть четвертачков из другого кармана и составил из них аккуратную башенку у локтя пятого официанта, который сидел за задним столиком, писал в блокнотике. Пятый официант отдал метрдотелю пятидолларовую купюру, которую метрдотель сунул себе в карман фрака. Шестой официант вручил седьмому официанту конвертик, содержащий две десятидолларовые банкноты. Седьмой официант записал кожаный кисетик с двенадцатью луидорами в декольте жены восьмого официанта. Девятый официант предложил облигацию военного займа стоимостью \$50 десятому официанту, который нес хрустальную шкатулку карбункулов шеф-повару.

Из бессильных пальцев выпала чашка...

Фарфоровая чашка, большая, как авиабаза, выпала из крохотных белых бессильных пальцев, не толще волосков...

— Сядьте. Я ваш духовный советник. Сядьте и выпейте со мной чаю. Видите, вон стул. Вот чашка. Мальчик вскоре принесет чай. Когда мальчик принесет чай, можете налить немного себе в чашку. Чашка вот, на столе.

- Благодарю вас. У вас тут довольно славный Университет. Университет, возведенный целиком и полностью из губок в миллю высотой!
- Да, это вполне примечательно.
- А что это за крупное тело с сотнями и сотнями ног движется по горизонту слева направо неуклонной, тщательно продуманной линией?
- Это штатный преподавательский состав переходит на противоположный берег плана выполнимого.
- А вот это щупальце тут Факультета подводного жизневедения...
- Это не щупальце, а сам Факультет. Поглощает целую жареную курицу, предоставленную Факультетом романтического пегасоводства.
- А те бегущие мужчины?
- Это бегуны.
- От чего они бегут?
- Они бегут не от чего, а к чему. Подготовлены Факультетом больших надежд²⁴⁴.
- Это мой Факультет?
- Вы легко краснеете?

Девушки-лифтерши стояли очень тесно. Одна девушка сунула в рот другой девушке шоколадный батончик, а затем другая девушка сунула в рот другой девушке гамбургер. Другая девушка поднесла к глазу «кодак-мистаматик» и сделала снимок другой девушки.

а другая девушка похлопала другую девушку по илящной хвостовой части. В небе пролетали исполинские воздушные суда, их пассажиры склонялись, суня головы себе между колен, среди подушек. Мать-настоятельница заговорила:

- Нет, дорогой дружнице, так не может быть. Дело не в том, что мы не верим, будто ваше отречение от мира подлинно. Мы верим, что оно подлинно. Но вы смахиваете на персону, слишком уж подверженную Меланхолии Монашки, это одна из наших больших трудностей. Следовательно, полноправное членство невозможно. Мы отправим монахов к вам – в конце. Монахи к тому же хорошо поют. Мы отправим к вам монахов – на вашу заключительную агонию. – Я отвернулся. Не это хотел я услышать. Я вышел в гараж и рассказал Биллу интересную историю, которая не была правдой. Некоторые ощущают, что следует говорить правду, но такие люди нечестивы и неправы, и если слушать то, что они говорят, станешь трагически несчастен на всю свою жизнь.

К ЧЕМУ? РАДИ КОГО? КУДА ДЕВАТЬСЯ?

Ох, повреждение мозга на востоке и повреждение мозга на западе, и сверху повреждение мозга, и снизу повреждение мозга, и в гостиной миледи – повреждение мозга. Повреждение мозга широко распространено. Аполлинер был жертвой повреждения мозга – помните фотографию, повязку у него на голове, да и стихи... Бонни и Клайд страдали от повреждения мозга в последние четыре минуты кинокартины. На горизонте повреждение мозга, громаднейшее пузырящееся облако движется сюда...

И можно спрятаться под кроватью, но повреждение мозга – под кроватью, и можно спрятаться в университетах, но они само средостенье и душа повреждения мозга... Повреждение мозга, вызванное медведями, которые берут твою голову в свои пенящиеся челюсти, пока ты распеваешь «Хозяев войны»²⁴⁵... Повреждение мозга, вызванное спящей революцией, которую никто не может разбудить... Повреждение мозга, вызванное искусством. Я б описал его по лучше, если б не был подвержен ему сам.

Это страна повреждения мозга, это карта повреждения мозга, это реки повреждения мозга, и видите: вот те освещенные места – аэропорты повреждения мозга, куда поврежденные летчики сажают больше поврежденные корабли.

Непорочное зачатие некогда спровоцировало много повреждения мозга, но теперь уж нет. Упряжка липицанов только что опубликовала автобиографию. Это ли причина обвинять их сами-знаете-в-чем? А я видел девушку, шедшую по улице, она пела «Я и мой "Уинстон"», и я сам ее запел, и это нас защитило, на миг, от того кошмара, что мог бы произойти...

И повреждение мозга — в Аризоне, и повреждение мозга — в Мэне, и маленькие городки Айдахо в его тисках, и мои голубые небеса черны от него, повреждение мозга покрывает все, как нерасторжимый договор аренды...

Несясь на лыжах по мягкой поверхности повреждения мозга, никогда не проваливаясь, потому что не понимаем опасности...

МНОГИЕ ЗАМЕЧАЛИ...

— Многие замечали, что правительствам неправильно отправлять своих граждан с дудкой и огнеметом ссориться друг с другом, и кое-кто высказывал предположение, что, будь граждане так предусмотрительны, чтобы отказаться посещать эти военные вылазки, убийственная музыка, быть может, смолкла бы. Кое-кто утверждает, что богатеет следует правовым преследованием лишить их накоплений, а упомянутые накопления распределить среди давно голодающих, лишенных надежд бедняков. Некоторым людям нравится эскалация и все взрывать, а другие возделывают свои сады за колючей проволокой и людьми Бёрнза²⁴⁶. Земля — мать наша, однако из-за шрапнели в деревьях на лесопилке полотно крутящейся, поющей пилы следует менять ежечасно. Для дискуссий о прошлом изобрели элегический тон, а для взгляда в будущее он неприменим. Наука — штука чудесная, но она не преуспела в максимизации удовольствия и минимизации боли, а ведь только этого мы у нее и просили. Д-р Суи, профессор благодати и совершенства Парижской консерватории, рекомендует хумикубацию, коя есть искусство покаяться лежать ниц; и дилогию, что есть речь, имеющая два или больше значений; и поддержание мирового сознания плегометром, инструментом для записи силы ударов.

Помимо этого, я рекомендую посещение лунных камней в Смитсоновском. В обществе своей маленькой дочери я простоял в очереди в Смитсоновский два часа. Дитя ходило в уборную

шесть раз. Человек, стоявший за мной, начал мне рассказывать о лунных камнях. «Они представляют собой прекраснейший образчик человеческих достижений всех времен», — сказал он. Я ответил, что мне не терпится их увидеть. Тогда человек, стоявший передо мной, повернулся и сообщил мне, что он лунные камни терпеть не может. «Как подумаю, на что можно было пустить столько денег...»

Затем мы оказались в Зале лунных камней. Вот они. Лунные камни. Лунные камни — грандиознейшее, что мы видели за всю нашу жизнь! Лунные камни были красные, зеленые, синие, желтые, черные и белые. Они сверкали, искрились, поблескивали, мерцали, мигали и блестели. Они издавали грохот, гром, взрывы, столкновенья, всплески и рев. Они лежали на подушке чистойшей «липучки», и люди, касавшиеся подушки, становились способны отбросить костыли и подпрыгнуть. У нас на глазах излечилось четыре случая подагры и одиннадцать проявлений гиперболического параболоидизма. Костыли сыпались градом. Лунные камни притягивали вас к себе с фатальной неотвратимостью, но в то же время держали на приличествующем расстоянии с пристойной сдержанностью. Вглядываясь в лунные камни, можно было увидеть будущее и прошлое в цвете — и менять их, как душе угодно. От лунных камней шло легкое гудение, чистившее вам зубы, а также яркое сияние, отпускавшее вам грехи. Лунные камни насвистывали «Финляндию» Яна Сибелиуса²⁴⁷, одновременно декламируя «Исповедь св. Августина» И. Ф. Стоуна²⁴⁸. Лунные камни были не менее хороши, чем осмысленное и эмоционально благодарное соблазнение, которого не ожидал. Лунные камни были в той же мере славны, как послушать, о чем говорят друг с другом члены Верховного суда у себя в раздевалке Верховного суда. Хороши, как война. Лунные камни были лучше дарственного экземпляра «Словаря английского языка» издательства «Рэндом Хаус», подписанного самим Джефффри Чосером. Они были лучше кино, в котором Президент отказывается сообщать народу, что людям делать, чтобы спастись от кошмара, который вот-вот произойдет, хотя сам-то знает, что нужно делать, и написал об этом секретный меморандум. Лунные камни были лучше хорошей чашки кофе из бака, украшенного превращеньем Филомелы силою Царя варваров²⁴⁹. Лунные камни были лучше, чем *jhuelga!*, ведомая

²⁴⁹ Стачка (исп.).

Монго Сантамарией²⁵⁰ с дополнительными диалогами Иоанна Крестителя и спецэффектами Мелмота Скитальца. Лунные камни превзошли наши ожидания. Динамитные, запредельные, очень тяжелые и все вместе лунные камни разбредили нас до высочайшей степени. У нас кровь шла из глаз, когда мы закончили на них смотреть.

Мы видели лунные камни, и они наши, непоправимо.

ГЛОТАНИЕ

Американский народ за последние четыре года много чего проглотил. Произведено много глотания. Мы глотали электрических жучков, отмытые деньги, вполне приличное количество зерна, перемещаемого неисповедимыми путями, войну, позорнее которой трудно себе представить, много всякого. Есть даже люди, верящие, будто Президент не сообщает нам неизменно правду о себе или нас — он говорит нам что-то, мы это глотаем.

В истории глотания, быть может, поучителен случай распоряжения исполинским сыром — шести футов толщиной, двадцати футов в диаметре, весом четыре тысячи фунтов, — который стал основным вкладом Висконсина в Всемирную выставку в Нью-Йорке в 1964–1965 году.

Беда в том, что Висконсин, когда выставка завершилась и все такое прочее, не захотел забирать сыр обратно. Юридический торг между штатом Нью-Йорк, в определенном смысле приютившим огромный *fromage*^{*}, и штатом Висконсин, документально зарегистрированным владельцем громадной гауды, длился не один месяц.

Тогдашний губернатор Молочного штата написал официальное письмо губернатору Имперского штата, предлагая считать сыр даром народа Молочного штата народу Имперского штата. Последний мог бы, например, его съесть, сказал он. Губернатор Имперского штата учтиво ответил, что хотя он, избранный *jefe grande*^{**} и представитель народа Имперского штата во всем, глу-

боко осознает честь, оказываемую народу его штата их горячо любимыми согражданами из Висконсина, у бесчувственных подданных его, составляющих сырье его (губера) сюзеренитета, попросту недостает интереса к этому сыру шестифутовой толщины, двадцатифутового диаметра и четырехтысячфунтового веса, поэтому не будет ли штат Висконсин любезен убрать его с территории к четвергу.

Губернатор Молочного штата затем поинтересовался — заказным письмом, — не высказывает ли тем самым губернатор Имперского штата в некотором смысле оскорбление и не причиняет ли боль народу его собственного (Молочного) штата, отвергая этот прекрасный дар, который, как согласились все авторитетные лица, представляет собой никак не менее вершины в своем роде — иными словами, в дырявости.

Губернатор Имперского штата после этого телеграфически намекнул, что мотивы губернатора Молочного штата могут оказаться несколько менее неоспоримы, а фактически, вероятно, имеют некое отношение к определенным расходам, вытекающим из удаления вышеупомянутого артефакта на место его происхождения, а далее пошутил (телеграфически же), обрисовав возможность того, что скарредное накопительство сырных корок в оскорбительнейшем смысле может оказаться образом жизни в Мэдисоне, Милуоки и О-Клэре.

Губернатор Молочного штата ответил буллой, увешанной печатями и лентами и доставленной вестовым мотоциклистом в маске, некогда бывшим в услужении у Жана Кокто, гласившей: поскольку хорошо известно, что его дорогой друг и собрат по осуществлению губернаторской разводки верховодит тем, что Всемирная организация здравоохранения наглядно признала плотнейшим крысиным населением на квадратную милю в Америке, вероятно, сыр пригодится для питания и утоления основных крысиных нужд в этом важном сегменте электората его высокочтимого коллеги, а далее поделился соображениями: возможно, это стало бы не такой уж и скверной мыслью — переименовать Имперский штат в нечто вроде штата Крысиного.

Губернатор Имперского штата парировал быстрой канонеркой, оборудованной капитанской гичкой, золотыми обводами и флотским офицером с парадным кортиком, белой фуражкой и подмышкой, курчавыми волосами, темно-синими (пронзительными; пристальными) глазами, что губернатор Кисломолочного штата, как ему (губернатору Имп. штата) нравится его считать...

* Сыр (фр.).

** Большой начальник (исп.).

Оттуда диалог пошел под откос. Сыр меж тем уже начал испускать определенное зловоние.

Загвоздка разрешилась следующим образом. Сыр представили как дар, бесплатный, дармовой и без всяких условий, молодому поэту. Поэт, голодая, как predetermined всем поэтам в их безбородой поэтощенности, кормился ежедневным потреблением одного (1) горшка теплой воды, над которым одной (1) куриной костью помахали — один (1) раз. Поэт немедленно отправился на бывшую ярмарочную площадь и поселился внутри, около, среди и т. д. сыра шестифутовой толщины, двадцатифутового диаметра и четырехтысячегунтового веса. Тот поддерживал его два года и три дня. Поэт процветал и толстел, и его искусство тоже процветало и толстело. Стихи он писал мелические и гномические, оды и эподы, дифирамбы и погребальные песни, гимны, матросские частушки, лэ, эпиталамы и то, что положено высекать на надгробьях текучими буквами шрифта «каслон», в сравнении с коими никакие другие буквы не симпатичнее. Поэт до сих пор живет среди нас, и нет такого дерева, с которого нельзя было бы сманить птицу сладостной мягкой сталью его стиха. Самая известная его строка, та, что будет петься вечно в сердцах людей, а то и, может, у них в головах, относится непосредственно к его опыту сыра: «Ума не приложу, как весь его сожрал»²⁵¹.

Американский народ проглотил довольно много чего за последние четыре года, но, как продолжает процитированный выше поэт, есть средства.

1972

МОЛОДЫЕ ВИЗИТЕРЫ

Баскер и Летиша Фильтры пробыли в Вашингтоне всего два дня, когда сравнительно неплохой знакомый пригласил их в Белый дом на прием, который устраивал сам Президент.

— Баскер, — сказала Летиша, — мож, то будет слишком шикарная вечеринка для нас, простых людей с Юга. Они на нас будут пялиться и смекнут, что мы простой народ и с Юга, а не все такие фу ты ну ты.

— Чунь, — ответил Баскер. — Мы ничем не хуже прочих и вполне себе фу ты, к тому ж раз я сколотил состояние в Персидской заливе, а кроме того — я за него голосовал.

— Только шляпу эту зеленую не надевай, — сказала Летиша. — Она не сочетается, и ты в ней как будто с Юга.

— Это прекраснейшая шляпа во всей Оклахоме, — сказал Баскер. — А кроме того, я в нее сунул немножко стихов Уолта Уитмена, поэта Здоровья, Образования и Благополучия, какие намереваюсь прочесть Главе Исполнительной Власти, если мне выпадет случай.

Первым они увидели их знакомого Кодекса д'Фигтама, который был хорошо известным наперсником Президента и устроил им приглашение. На Кодексе был блистающий придворный наряд, сопровождавшийся уместно надменной манерой, которая резко контрастировала со светской принужденностью Баскера и Летиши.

— Так-так! — воскликнул Кодекс. — Да это старички Баскер и Летиша! Как вы сегодня, ребятки? Баскер, сними эту зеленую шляпу. Летиша, ты, как обычно, душевна! — Он склонился и поцеловал ей руки, пока они шли к веселью сквозь долгий строй безмолвных жандармов.

Затем — знаменитый Восточный зал²⁵², где блистательное столпотворение являло много блеска. Электричество расходовалось щедрой рукой, и там играло три струнных ансамбля в странных мундирах. Кодекс д'Фигтам поводил Баскера и Летишу вокруг, представляя их верхним эшелонам американской производительности.

— Но где же Президент? — спросил Баскер. — Я его не вижу. Он тут?

— Он наверху, у себя в кабинете, работает над нацией, — обходительно ответил Кодекс. — Обычно спускается только в одиннадцать — сказать нам, что пора спать. Он отец всем нам, а это трудная работа, поверьте. Теперь же я должен вас покинуть, поскольку замечаю вон там главу Всемирного кредитного бюро, а мне нужно с ним парой слов перекинуться об одном дельце. Приятного вам вечера и постарайтесь не быть такими нескладными.

— Кодекс этот стал немножко чванным, как тут в Вашингтоне поселился, знаешь? — сказал Летише Баскер.

Та паслась среди приземистых бутылок на столе с напитками, ища какой-нибудь травы.

— Ну, он же действительно знаменитый агент по связям с публикой, хорошо известен своим сказочным *entrée* в режим, — ответила она, — поэтому, сдается мне, так они себя и ведут, а он делает лишь то, что должен. Не будь так суров к людям, Баскер. Ты и сам несовершенен, знаешь ли.

Затем, как по волшебству, в зале оказался Президент — в окружении блокирующих, защитников и крайних игроков, с поддержкой трех очень крупных полузащитников.

— Мир, дети мои! — сказал он, и тут все поднялись с колен и возобновили свои беседы — ну, как бы, — но повернулись теперь к солнцу его высокой зримости.

— Как прикидываешь, мне теперь следует у него спросить, чего я хотел спросить? — встревоженно спросил Баскер. — Или обождать?

— Ну боже всемогущий, Баскер, я никогда раньше не замечала в тебе смущенья, — сказала Летиша. — А кроме того, ты — влиятельный гражданин на своем поле.

— Но он же никогда не отвечал на мои письма.

Президент склонился над дамой, улыбаясь и держась за ее ногти.

— Гражданин Президент, — сказал Баскер, — меня зовут Баскер Фильтр? И я из Нормана, Оклахома? И мне просто интересно, не найдется ли у вас минутки? Птушто я тут хотел кой о чем с вами потолковать?

Защитники, блокирующие и полузащитники очень быстро сомкнулись вокруг Баскера, но Президент остановил их рукой.

— Приятно познакомиться, мистер Фильтр, — сказал Президент. — Я всегда рад поговорить с любым из моих детей — даже с непослушными. Что там у вас на уме?

— Ну, — сказал Баскер, — народ-то у нас в Нормане — да и, вообще говоря, в целом штате — как-то расстраиваются насчет качели. Той огромной качели, какую вы нам строите, чтоб от Мэна тянулась до Калифорнии?

— Вы имеете в виду Федеральную Качель, Посвященную Двухсотлетию США?

— Ее, — сказал Баскер. — Я знаю, что мы ничего ни в чем не понимаем, раз сами с Юга и все такое, но там куча народу по-прежнему голодает. А эта качель тут стока деньжищ стоит, что загляденье, хотя в половине школ в Нормане мела не хватает, а кое-кто мел там ест, и...

— Те личности, разумеется, вполне вольны оставаться в любой стране, что их пригreet, — сказал Президент. — Мы все совершаем ошибки, а с моей точки зрения, есть мел — ошибка. Но за свои ошибки мы обязаны платить. Таково правило жизни. Они, разумеется, не могут рассчитывать на то, что им позволят качаться на Качели. Качаться человеку полезно, и качание располагает важными нравственными/экономическими сложными последствиями, каких вы не поймете, не достигши сознательного возраста, говоря нравственно/экономически. Но позвольте мне вручить вам кое-что для людей в Нормане. Ралф?

Один полузащитник протянул Президенту бурый бумажный пакет. Президент сунул в него руку и вытащил крупный, красный, круглый леденец.

— Пожалуйста, мистер Фильтр. Наслаждайтесь. С моими благословеньями и добрыми пожеланьями.

— Мистер Президент, а вот стихотворение Уолта Уитмена, — сказал Баскер. — В нем, как я чувствую, содержится очень важное заявление?

Президент явно озадачился. Затем опять сунул руку в пакет и вытащил еще один леденец.

— Пожалуйста, мистер Фильтр. Наслаждайтесь. С моими благословеньями и добрыми пожеланьями. — И отошел прочь.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ СКАЗАЛА МНЕ...

Возлюбленная сказала мне: Спой мне песнь о Военной Технике²⁵³. И я потому сказал возлюбленной: Разумеется, дорогая возлюбленная, — и спел ей песнь, черпая вдохновенье из страниц «Военной техники», объемистого и щедро иллюстрированного журнала, выпускаемого тринадцать раз в год «Издательской группой „Mönch“» в Бонне, где богатство международных оружейных промышленности изливается как из рога изобилия без всякого очевидного предела. Пел я в Бьющем Через Край Ключе, аккомпанируя себе на маленьком KDAR (антирадарном устройстве Klein-Drohne^{**}, ныне проходящем испытания в «Dornier GmbH», Фридрихсхафен, Западная Германия).

* Монах (нем.).

** Маленький трутень (нем.).

* Вступление (фр.).

Непорядок с К³Р (командование, контроль, коммуникация и разведка)? «Ферранти» с проезда Тай Кох, Кумбран, Гвент, Узальс, НП44 7ХХ, может вам помочь. Системы ПВО, воздушные линии передачи данных, системы контроля и управления на поле боя — какова б ни была ваша область обороны, они утолят ваши нужды в К³Р. А что для нас в последнее время сделала Бельгия? У «Фабрик Насьональ Эрсталь» есть новый Быстросменный Ствол для пулемета «Браунинг» .50-го калибра и взрывной зажигательный патрон «АПЕИ ФН 169» к нему. Где же Франция? Прямо у нас за спиной, со своей импульсно-доплеровской РЛС «ЖЕРФО»*, из Медона-ла-Форе. Все они — наши, Присцилла, либо сами, либо их отечественные аналоги с учетом нашего оборонного бюджета в триста миллиардов долларов и расходы на международную оборону более чем в девятьсот тридцать миллиардов долларов в прошлом году. А то, что мы их не желаем, слишком большой роли не играет.

ТА КОСМОПОЛИТНАЯ ДЕВУШКА

Следует ли девушке всегда быть под защитой мужчины? Только не этой! Живя в Калифорнии, я иногда сажала к себе в машину мужчину, чтобы ехать на свидание, если его машина была на ремонте, если он уступал ее другу или — моя была в лучшей форме! (Нет, он не был выхолощен, и мы остались друзьями.) На прошлой неделе в аэропорту «Дж. Ф. К.» я несла одну из сумок Стивена. Он был нагружен клюшками для гольфа, а у меня был только чехол для одежды и «Вюиттон». (Нет, я не потянула себе спину, и мы со Стивеном по-прежнему вместе!) Разве не глупо беречь старые клише, когда естественность и свобода — гораздо лучше?

Реклама «Космополита» в «Нью-Йорк Таймс»

Конечно, на следующий день, когда Стивен заехал за мной перед ужином в «Вюиттоне», выглядя при этом истерически привлекательно в робе от «Вюиттона», я чуточку опешила.

* Радиолокационная станция; от фр. *gerfaut* — кричит.

когда он буквально потребовал, чтобы я расплатилась за таксомотор. (Он всегда раньше так поступал — такие мелочи для него в порядке вещей!) Ну, я бодро расплатилась, потому что у меня есть этот журнал, который я читаю, и он меня учит, как быть естественной, здоровой и неунывающей, но потом, когда мы вышли из таксомотора, он нагрузил мне на спину этот огромный сундук. Я спросила:

— Стивен, что ты делаешь? — Он сказал:

— Просто затащи его внутрь, куколка. — Ну, не знаю, заходили вы когда-нибудь в «Вюиттон» с сундуком от «Вюиттона» на спине, пыхтя, отдуваясь и согнувшись в три погибели, но я вам вот что скажу: чувствуешь себя при этом как-то странно. Однако я справилась — просто сделала вид, будто я эдакая сверх-*soigné** грузчица! (Глупо же беречь старые клише о ролях и тому подобном, когда естественность, свобода и здоровье — гораздо лучше, но в тот раз я потянула себе спину!) Нам достался хороший столик, несмотря на сундук, потому что Стивен совершенно волшебным образом умеет обращаться с метрботелями «В.», и мы заказали себе наш собственный особо-совместный напиток, нитроглицерин с содовой (из-за действительно совершенно уникального заболевания сердца у Стивена — он единственный человек на всем белом свете, у кого такое есть!), и я уже вся засветилась изнутри и мне стало уютно, вот только спина у меня положительно угробилась из-за того, что я носила тот сундук.

— Ты чего так подергиваешься? — спросил Стивен (чуть-чуть рассерженно, как мне показалось), и я ему объяснила, что у меня болит спина. Обычно он — живая душа сострадания — очень, очень милый, — но на сей раз он сказал только: — Если б ты не тратила все время на чтение этого чертова журнала и не выделяла курсивом каждое третье слово во фразах, у тебя была бы крепкая, здоровая спина, как у твоей матери. Я куплю тебе корыто и стиральную доску на день рождения. Спорим, ты даже не знаешь, как выглядит стиральная доска. Спорим, ты даже не видела нигде, кроме шумового оркестра. — (Мне показалось, что вот это вот насчет курсива у меня в словах непоказалось, потому что он так делает тоже — все время!) Но я просто быстро ему усмехнулась и поглядела проказливо, эдак по-калифорнийски, и спросила, можно ли мне еще

* Холстый (фр.).

Н-с-С. — Ты сама, к черту, платить по счету будешь? — спросил он, чуточку злобно, как мне показалось. Но тут я вспомнила, что у мужчин бывают такие настроенщица, совсем как у женщин, и что у Стивена сейчас в конторе очень крупные неприятности, ввиду того гадкого расследования КЦБ^{25.1}, лишь из-за того, что он намекнул паре сотен клиентов о конкурсном управлении заблаговременно, но бога ради, он же просто был верен своим друзьям. Поэтому я всего-навсего сказала как бы между прочим:

— Конечно. — Но он тогда протянул руку и принялся открывать сундук, который по-прежнему стоял у столика, и я заметила, что все официанты, метрдотели и уборщицы посуды стали собираться вокруг, чтобы посмотреть, что там внутри! (Наверное, любопытство их было нормальным, здоровым и любящим, но у меня от него все микрокосмичнейше как-то зачесалось!) А что было внутри, вы нипочем не догадаетесь и за тысячу лет! Там была другая женщина!

— Вставай, — сказал мне Стивен. — Это Эльберта, и я хочу сидеть рядом с ней. — Ну, я чуть было на спички вся не рассыпалась, как вы можете себе вообразить, но лишь повела себя естественно изо всех сил, и это оказалось легче, потому что на ней было причудливейшее творенье, какое только можно себе нагрезить в дичайших грезах, — по-моему, называется оно домашним халатом. Я чуть не умерла от смеха, про себя, конечно (снаружи я по-прежнему была естественна и здорова, хоть спина моя и задавала мне чистейшего адского перцу), и даже улыбалась от мысли, что мое внесение сундука на спине в ресторан не выхолостило Стивена ни вот на полстолечки — вообще-то, он как бы щупал сумочку Эльберты, которая выглядела так, будто сделана из панциря пожилого броненосца или чего-то вроде, да еще и так, что на глаз — ну прямо-таки сладострастно. Ну, должна признать, что я неощутимейше чуточку места себе не находила, а потому нырнула к себе в «Вюиттон» и вытащила свой экземпляр текущего номера журнала — посмотреть, нет ли в колонке советов чего-нибудь *a propos*^{*}, не существует ли какого-нибудь крепкого, естественного, любовного способа справиться с этой довольно отвратительной ситуацией, но всех писателей там в этом месяце, похоже, занимали проблемы незамужних матерей, а это

* Кстати (фр.).

не моя беда, и Стивен разговаривал с Эльбертой так тихо, что я ничего не слышала, хоть и пыталась, поэтому я дотянулась и похлопала Эльберту по руке, руке, что свернулась вокруг одного из наших напитков, и спросила у нее как можно любезнейше, какой журнал она читает, с каким журналом идентифицирует себя, какой журнал ее определяет, потому что, разумеется, мне было безумно любопытно, как именно удалось ей достичь той поистине липовой целостности, какую она изрыгала на Стивена, как паутину или еще что-нибудь. Она просто взглянула на меня и ответила:

— «Сайнтифик Америкэн», дорогуша.

THE ТМЕНИЕ

Сценарий для Микеланджело Антониони

Сцена — паса перед Пласой. У фонтана сидят МАРЧЕЛЛО, зажиточный кинокритик, обогатившийся за счет нападков на Акиру Куросаву в «Журнале американского легиона», и АННА, продолжительная, элегантная красотка, блондинка, чья крайняя нервозность воплощается в сосании большого пальца. Вокруг со значением, но замедленно кружат неопрятные с виду голуби. Фонтан предоставляет звук падающей воды; вода звучит тягуче, безнадежно. АННА — зажиточное, скучающее юное животное, довольно неуклюжее в задней части, скорее антилопа канна, нежели газель. МАРЧЕЛЛО — несостоявшийся поэт. Если позволит бюджет, позднее в фильм может быть включена сцена, в которой МАРЧЕЛЛО обливает стихи своего соперника-поэта лизергиновой кислотой: гадкое это дело. Темп начальных кадров медлен; более того, весь фильм развивается так, словно на исполнителях свинцовые костюмы. Камера начинает с того, что задумчиво рассматривает стройку поблизости (эту роль играют братья Тишмен²⁵⁵), любовно поглаживая каждую балку и каждый мешок цемента; затем неохотно отрывается, фокусируясь на АННЕ. АННА с таким видом, будто у нее начинают болеть десны, внимательно разглядывает свои большие пальцы; правый отчетливо крупнее левого. Она поднимает взгляд на МАРЧЕЛЛО — медленный, дремотный, однако напряженно значительный взгляд, который она не сводит семь минут. Наконец заговаривает.

АННА (медленно, печально): Превосходная драма. Захватывающий фильм... проникающе иной... войдет в историю кино.

МАРЧЕЛЛО (зажиточно, скучающе): Если мне предстоит учить тебя ремеслу, *carà*, тебе придется научиться не производить наречия от таких слов, как «проникающий». Теперь давай дальше. Это один из десяти лучших фильмов года, полагаю?

АННА: Один из десяти лучших года. Безотлагателен. Чистое кинематографическое возбуждение.

МАРЧЕЛЛО: Великолепная, ироничная притча?

АННА: Великолепная ироничная притча. Зловеще символичен в своем намерении и воздействии. Его прекрасно смотреть. (Вставляет большой палец в рот.)

МАРЧЕЛЛО: Скажи что-нибудь о стиле.

* Дорогая (ит.).

АННА: Ловкий и умелый стиль, полный изобразительного шика?

МАРЧЕЛЛО (угрюмо): Неплохо.

АННА (без всякой надежды): Выдающийся фильм для разборчивого кинозрителя. Не просто выдержит повторные просмотры — он воздаст за них. Оригинален и примечателен. Интеллектуальное напряжение, таинство и возбуждение. Фильм, обязательный к просмотру. Фильм, который стоит посмотреть. Фильм мучительной красоты. Изумительно воплощен. (Отворачивает лицо.) О, Марчелло, это никуда не годится. Я так не могу. Вчера вечером...

МАРЧЕЛЛО (резко, раздраженно): Я не хочу разговаривать о вчерашнем вечере. Так, а что скажешь о режиссере?

АННА: Сенсуалист с кинокамерой.

МАРЧЕЛЛО: Это очень хорошо. Продолжай. Это обстоятельная рецензия.

АННА: Поэт с камерой. Философ с камерой. Еще один чертов итальяшка с камерой.

МАРЧЕЛЛО: Анна!

АННА (удаляет большой палец изо рта): Но, Марчелло, мне картина не понравилась. Мне было скучно.

МАРЧЕЛЛО: Послушай, конфетка, скучно тебе или нет — это не важно. Все дело в том, что тебе было скучно определенным образом. Типа как блистательно.

АННА: Тебе не показалось, что оно немного... медленное?

МАРЧЕЛЛО: Конечно же, медленное. В смысле — в нем была определенная медленная красота. Нечто вроде визуального рубато*. С другой стороны, он был невнятен и озадачивающ.

АННА: Визуальное рубато?

МАРЧЕЛЛО: То есть нельзя просто говорить, что тебе было скучно, я тебя умоляю.

АННА (водя большим пальцем в фонтане): Марчелло...

МАРЧЕЛЛО (уклончиво): Да?

АННА: Знаешь, что не так... между нами?

МАРЧЕЛЛО (еще более уклончиво): Что?

АННА: Нам нужно осознать это, Марчелло. Мы общаемся. Ты и я.

МАРЧЕЛЛО (пристыженно, отводит взгляд в сторону): Я знаю...

АННА: Мы общаемся как ненормальные.

МАРЧЕЛЛО: Анна...

* От ит. *tempo rubato* — ритмически свободно, свободный темп.

АННА: Это так *déclassé*. Не могу этого терпеть. (Вновь вставляет большой палец.)

МАРЧЕЛЛО: Это моя вина. Есть у меня склонность изъясняться ясно. Я имею в виду...

АННА (огорченно): Я знаю, что ты имеешь в виду...

(Кадр неба — слишком яркого, ослепительного. Передержанного? Кадр цементного мешка — жирного, даже пышного, ясно видно название производителя. Кадр мальчика на велосипеде, он смотрит через плечо прочь от камеры. Кадр лужи воды, на поверхности плавают обертка от конфеты «Сочный фрукт».)

МАРЧЕЛЛО: Анна?

АННА: Вчера вечером...

МАРЧЕЛЛО: Я мог бы измениться. Изменить свой подход, в смысле. (Говорит курсивом.) Эти комнаты, эти коридоры, пустые, нескончаемые, давящие; зеркала на стенах, темные, древние, давящие; резные рамы, изысканные потолки. Эти комнаты, эти коридоры... Куда ты положила мои таблетки?

АННА (ищет в сумочке): Они у меня здесь — вот. Лучше б ты не принимал их.

МАРЧЕЛЛО (жуёт таблетки): Ничего не могу поделать. Я нервничаю. Все дело в той новой картине, которую мне нужно посмотреть завтра — ту, что я откладывал. «Лоренс или Аравия»? «Лоренс над Аравией»? Даже не знаю. Знаю только, что боюсь ее.

АННА: Чего там бояться?

МАРЧЕЛЛО (уныло): Я слышал, это картина, знаешь, в старой традиции. С быстрым темпом, панорамная. С действием. Не уверен, что смогу справиться.

АННА (безжалостно): Ты силен, как и прежде, Марчелло.

(МАРЧЕЛЛО морщится. Они долго разглядывают друг друга. Кадр бочонков с гвоздями на стройке. Камера заглядывает в бочонок, считает гвозди. Кадр автобуса, исчезающего за углом. Кадр поломки МСП256. Кадр человека в майке на высоком балконе квартиры. Кадр маленькой девочки с шариком.)

АННА: Вчера вечером...

МАРЧЕЛЛО (берет себя в руки): Да забудь ты о вчерашнем вечере. Подумай о сегодняшнем. Что на ужин?

АННА: Стейк. Как тебе нравится.

МАРЧЕЛЛО: С арахисовым маслом?

АННА: Да.

МАРЧЕЛЛО: Боже, как декадентски.

АННА (довольная, улыбается): Да.

МАРЧЕЛЛО: Тебе не кажется, что это совсем чуточку Феллини?

АННА (загадочно): Да.

(Кадр странствующих голубей в тусклом небе. Кадр человека, ждущего автобус; автобус так и не появляется — он ждет на Парк-авеню. Дальний план светофора, переключающегося на Фордэм-роуд. Крупный план невыкуренной сигареты с фильтром; она выглядит девственно, вероятно — сдержанно.)

АННА (удаляет большой палец): Вчера вечером...

МАРЧЕЛЛО (не обращает на нее внимания, читает из журнала):

«Продолжительная подробная иллюстрация капризного подчинения женщины редкой и неуловимой любви». Краузер, «Таймз»²⁵⁷. Как тебе это нравится?

АННА (большой палец): Мне нравится. «Капризное подчинение». Это красиво.

МАРЧЕЛЛО: Чистая паста, вот что это такое. Послушай только: «Антониони так избирателен и чувствителен в своем применении камеры, так умел в улавливании интонаций эмоциональной переменчивости и потока в графических отношениях отдельных личностей к наглядно проходящей сцене...» Я не могу дальше.

АННА (редко, уклончиво): Заканчивай.

МАРЧЕЛЛО: «...что всякое, что может быть медленным и скучным в смысле кинематографического стиля, на самом деле оказывается в его умелом им владении довольно завораживающим». Вот что я называю действительно уродливой фразой.

АННА (большой палец вон): Вы, критики с вашими ревностями. Вы мне отвратительны, все до единого. Критик!

МАРЧЕЛЛО: Анна, мне кажется, тебе пора на прогулку.

АННА: Мою долгую, долгую бесцельную прогулку? Марчелло, я не хочу сегодня ходить.

МАРЧЕЛЛО (медленно, *con amore*): Анна, надо. Такова условность.

* С нежностью (ит.).

АННА (*большой палец*): А там будут бессмысленные случайности?

МАРЧЕЛЛО (*вновь скучая*): Можно предположить.

АННА: Маленькая девочка, играющая с воздушным шариком?

МАРЧЕЛЛО: Несомненно.

АННА: Старик с ужасно морщинистым лицом, читающий американскую газету?

МАРЧЕЛЛО: Разве вчера его там не было?

АННА (*с отчаянием*): Конечно. Конечно.

(Кадр безлюдной улицы с человеком, таящимся в парадном. Это Орсон Уэллз? Нет, к сожалению, это не Орсон Уэллз. Кадр электричества, таящегося в стенной розетке. Кадр рекламных щитов Содома и Гоморры. Кадр двутавровых балок, разбросанных штабелями по полю. Кадр пустых скамеек в парке. Средний план древесных ветвей, пораженных Гнилью Мемлинга^{25b}.)

МАРЧЕЛЛО (*читая иллюстрированный журнал*): Что это... «доска для серфа»?

АННА (*мечтательно*): Берется доска...

МАРЧЕЛЛО: Так?

АННА: И вбегается с нею в воду...

МАРЧЕЛЛО: Продолжай.

АННА: И тонется.

МАРЧЕЛЛО: Ты уверена?

АННА (*большой палец вон, взгляд устремлен на большой палец*): Иногда два человека берут доску и вбегают с нею в воду, и тонут. Вчера вечером...

МАРЧЕЛЛО (*с восхищением*): У тебя, детка, есть будущее в этой индустрии. Вот это дар к пустому анекдоту!

АННА: Марчелло, зачем мы общаемся? Почему ты и я? Вчера вечером, когда мы говорили друг с другом... Я не могла этого вынести. Почему мы не умеем как другие люди? Почему мы не можем посвящать себя бессмысленному эротизму, как все остальные?

МАРЧЕЛЛО (*вешает голову*): Я не знаю.

АННА: Вчера вечером, когда мы разговаривали о чистом кино и я призвала к переоценке всех ценностей, а ты сказал, что свет есть отсутствие света, — мы же тогда не общались, правда? То был просто аргумент, верно? Только шум?

МАРЧЕЛЛО (*оглашая правду*): Нет, Анна, боюсь, мы тогда действительно общались. На довольно низком уровне.

АННА (*в неистовстве, слошь большие пальцы*): Я хочу, чтоб жизнь у меня была взаправду бессмысленной. Как в том фильме. Какая скука! Какая пустота! Какая лихорадочная эlegantность! Он был проникающе иным, великолепной ироничной притчей, одним из десяти лучших года. Марчелло!

МАРЧЕЛЛО: Такая бессмысленность не для всех. Не для тебя и меня, *сара*.

(АННА отворачивается. Ясно, что если бы мы могли видеть ее лицо, оно бы выражало некую эмоцию. МАРЧЕЛЛО знает, каково ей, — или делает вид, будто знает. Он вытягивает правую руку. Но не вполне может дотянуться до АННЫ; та убегает вдоль по улице вслед за исчезающим автобусом.)

МАРЧЕЛЛО: Анна! (Медленная пауза.) Анна?

(Кадр человека на скамье, вопросительно глядящего в объектив. Кадр мешка с цементом. Кадр листика, плавающего в канаве; листик уносит в водосток. Камера ждет четыре минуты, не появится ли вновь этот листик. Он не появляется. Кадр светофора; его заело. Средний план пожилой дамы, льющей на голову минеральную воду. Крупный план того же человека на скамье; глаза у него закрываются.)

Конец

ПОБОЛЬШЕ НУЛЯ

Роман о Лос-Аномияс

Эшли подбирает меня в одном из двух красных «БМВ», которые мать подарила ей на день рождения. На ней солнечные очки, футболка с рекламой завтрака «Пшеничные шашечки» и джинсы в обтяжку, и она говорит, что сегодня у Пабло будет Жизнь-Данных и не хочу ли я сходить. Я заправляю дорожку кокаина с зеркальца заднего вида, пока она ведет, и это как бы хитро, поэтому я ей не отвечаю.

— Или можем сходить на вечеринку к Кирпичу, — говорит она. — Там должна быть Многоножка. Предки в Гштаде или где-то.

Мне просто как-то вроде тотально тошно, поскольку мне всего восемнадцать, и всю ночь накануне я играл в «Старую деву» с Кимберли и Гриффом, и это было тотально изнурительно. Мы останавливаемся у «Фанфары», и служитель забирает машину, и кивает Эшли, и похож он на какого-то парня, кого я видал у Оливера дома в Бел-Эйре той ночью, когда Оливер передознулся, загорелый с короткими светлыми волосами, но Эшли явно его не знает, и мы заходим и садимся, а нам дают эти их большие кожаные меню. Меню слишком тяжелое — так, что не поднять, и я решаю, что вовсе и не так уж проголодался, а Эшли засовывает в рот большой палец и заказывает крабовый салат.

— Тиффани вернулась в «Кедры-Синай»²⁵⁹, — говорит Эшли, — а также Уингейт, Пемброук и Пирс. Схожу, наверное, их навещу, может — на следующей неделе или как-то. Хочешь, пойдём?

Я думаю о кругах по бассейну, которые не делал уже два дня, а также о своем сбытчике Ти-Ти, который должен был со мной встретиться в «Подсолнухе» на завтрак, но не появился, и еще о том, как мне надо себе добыть масла для загара, и эта строчка из «Стэкса» «Неужели нам нельзя больше разрух?» вертится у меня в голове, и я очень напряжен, потому что мне сегодня вечером предстоит ужин с отцом, а я боюсь, что он принесет это на прям большое количество денег и отдаст его мне в одной из тех довольно дорогих сумочек Доппа из кенгуриной кожи²⁶⁰, в каких он обычно носит деньги, прямо у всех на глазах в «Чейзене», где, вероятно, все это старичье будет разговаривать о сделках и подходить к нашему столику поздороваться с моим отцом.

Меня очень напрягает, и я ухожу в мужской туалет, а там этот парень, слишком загорелый, с короткими светлыми волосами, который похож на того парня, что был у Спейго с Кимберли той ночью, когда Кимберли расфигачила свой новый черный «порше», набитый новыми рубашками от Фреда Сигала²⁶¹, которые купила Бренту, чтобы отпраздновать его выпуск из «Кедров-Синая». Я ему киваю и говорю:

— Эй, чувак, — он не отвечает, только смотрит на меня. Он держит большую банку «Аякса» и втирает «Аякс» себе в десны, но я-то знаю, что это не «Аякс», это, вероятно, «Комета» — или «Аякс», разбодяженный «Кометой», парень сползает на пол, и я переступаю через него и мою руки, и брызгаю водой себе в лицо, и возвращаюсь к Эшли.

— Мы вместе или как? — спрашивает она. — Что происходит? — Я вдруг вспоминаю, что спал с ней, когда нам было

по девять лет, и доме у ее матери в Палм-Спрингс, и каждой она была загорелой, и каким загорелым был я, и как мы с ней прикончили шесть бутылок «Дома Периньона» ее матери и смотрели «Алфред Хичкок представляет», а чистильщика бассейна отправили за буррито, и мучили горничную тем, что угрожали съесть ее «зеленую карту», Эшли выпрямившись и голый подскакивая на кровати с «зеленой картой» у самых идеальных белых зубов своих, мы завернулись в полотенце и читали «Архитектурный дайджест».

— Не знаю, — говорю я. — Ну и вообще, никакой разницы, мы не могли бы как бы заплатить этим парням и как бы слить отсюда? — Она закидывает мне в рот «луд»²⁶² и оставляет еще двадцать сверх чека, и мы валим.

Едем мы домой к Алафэру в Малибу, где все эти наши знакомые, Пейн и Малкэм, и Андреа, мешают марафет с мантовым мороженым в Джакузи. Андреа гонит на звезду гейского порно, который хочет себе роль в новой картине у ее отца и все время ошивается где-то рядом, предлагая провести ее во «Флетч», новый клуб, куда никого не пускают. Я забредаю в игровую, где куча публики дуется в «Мисс Пэкмен» и смотрит МТВ, а этот высокий худой черный чувак в футболке «Дюран-Дюран» сидит сам по себе и пишет письмо вроде как. Не могу понять, зачем он пишет письмо, почему просто не позвонит или как-то, и я потому стою и смотрю на него, может, минут десять, пытаюсь вычислить, зачем кому-то писать кому-то письмо, а потом мне просто становится до крайности нервно, и я ухожу в оружейную и заправляю три дорожки с одной из фотографий Алафэрова отца со Второй мировой, там экипаж «Б-17» в рамочке.

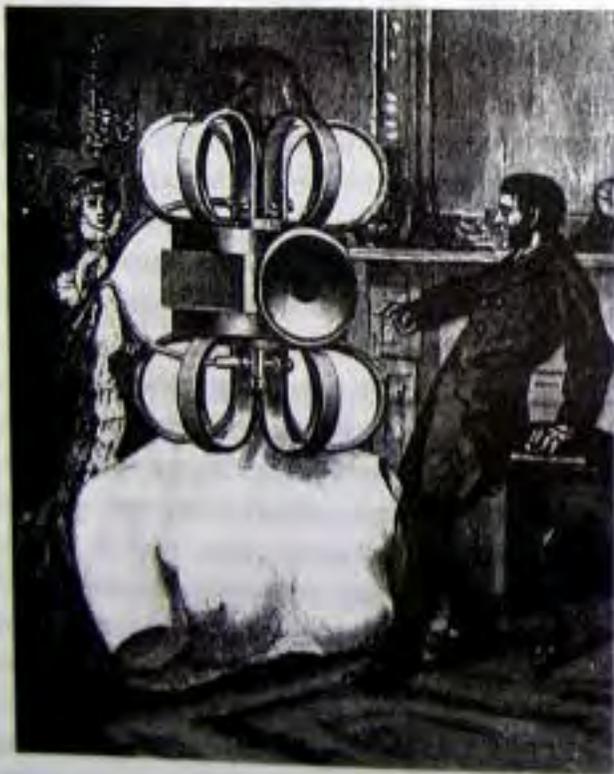
На следующее утро я облакачиваюсь на «мерс 450» у нашего дома на Малхолланде и блюю, а мои сестры идут мимо в своих тангах по пути к бассейну и спрашивают у меня, что это я делаю.

— Тошню, — говорю я, а они говорят:

— А, — и вслед за этим: — Приятного дня. — Я должен встретиться с Ти-Ти на сыр с крекерами у Филберта в Уэствуде, где они знамениты тем, что всерьез трясут с людей ксивы, а поскольку Ти-Ти всего шестнадцать, это значит, что, вероятно, срastить «Мэри» ему не удастся, несмотря на его тонны липовых удостоверений, отчего он придет в ярость и залупит цену грамма, который мне нужен. Нынче немного таких мест, где Ти-Ти может появиться, из-за того, что произошло на свадебном банкете у брата Мелоди в «Ма Мезон». Я сижу в «450-м» возле Филберта снаружи

и жду, щупая сто долларовые купюры в кармане джинсов и толком не зная, стоит ли звонить Мередит, которую уже должны выпустить из «Кедров-Синая». По радио играет пленка «Кухни», и фраза «Хуже сна» повторяется у меня в ушах. Компашка парней, по виду из тех, какие ходят в УЮК*, светловолосых, загорелых и худых, околачивается возле входа в ресторан, они готовы запарковать тебе машину. Я не вижу Ти-Ти, а моя мать выходит за очередного ублюдка, и мне очень напряжно, а тут землетрясение в 8,5 баллов, но я его не замечаю, потому что слушаю «Кухню» и очень напряжен.

ИСТОРИЯ ДО СИХ ПОР

Борис Альтюссер, состоятельный молодой производитель чувствительных электронных инструментов, на которые у него есть несусветные правительственные контракты, однажды вечером обнаруживает, что между ним и его прекрасной женой Эвелин что-то стоит.

* Университет Южной Калифорнии.

Рассеянно выбегая из дому, Борис сталкивается с дамой вечера.

— Добрый вечер, Борис, — произносит дама. — Не заинтересует ли вас приобретение порнографического телевизионного приемника?

В роце изобразительных элементов Борис обнаруживает провидицу.

— Мои извинения, мадам, — говорит он, — но у меня дома некая незадача.

— Я не занимаюсь домашними неурядицами, — говорит провидица. — Вам нужно повидать Лорда Востока-Зпада.

Лорд Восток-Запад дает Борису карточку к Диву в Маске, в другом городе. Диво его незадача заинтересовала.

— Какого класса это привидение?

— То было Что-То, — говорит Борис.

— А, — говорит Диво. — Попробуйте обратиться к Больным Друзьям. Они занимаются Что-Тами всех пошибов.

Больные Друзья щекогут друг дружку и хихикают — посреди потока.

— Что вы там делаете? — окликает их Борис с берега.

— Ничего не имеет значения, — кричат Друзья, хихикая, — кроме того благородного, чистого и могучего сантимента, какой известен под названием эротизм! — Они рекомендуют Вольфганга.

Борис отыскивает Вольфганга, дракончика, когда тот отдыхает на верхушке кубка по гольфу из чистого золота, каковой служит ему домом.

— Повидайте Пустоту, — фыркает Вольфганг. — Свернете налево от кровавого ливня, затем еще раз налево у порошкообразных лягушек. Живей шагайте!

— Туда, — заунывно произносит Пустота гулким голосом.

Последовав этому смутному и бесформенному совету, Борис оказывается на банкете в Бюро по делам индейцев²⁶³. Отовсюду собрались Одинокие Объездчики²⁶⁴ — отпраздновать закрытие Запада.

— Не моя это тарелка, — говорит себе Борис. — Патология моей незадачи не отыщет здесь сочувственного уха.

Визит к Великому Креслу Бытия, за которым последовало посещение Аттестуемого Велосипедиста из Сен-Клу, не плодотворнее прежних инициатив. Борис — в отчаянии либо вблизи него. Уменьше, сметка и напор, что вывели его на самую вершину в области чувствительных электронных инструментов, в этой неприятности, похоже, предали его.

На сем рубеже из ближайшей преисподней раздается:

— Пс-ст!
— Пс-ст!

Оратор — Роберта фон Туклинг, навеки проклятое чудо-дитя. Хотя Роберта всего лишь ребенок, она уже, через посредство непомерно несчастливой звезды, что держит в своей власти ее судьбу и саму жизнь, совершила все грехи, доступные семилетним, и кое-какие из тех, что нет. Потому-то она и шкворчит в преисподней.

— Борис, — шепчет она, — послушай. Ты же знаток в области чувствительных электронных устройств, правда? Ну так и примени их. Там и отыщешь средства к изгнанию Что-Та. — Борис немедля улавливает намек.

Опрометью кинувшись к себе в лабораторию, Борис раскочегаривает свой отвязнейший электронный инструмент.

Борис наводит преступно мощный аппарат на лилии, которые и вянут.

— Так, — говорит он, — если я могу заставить вянуть лилии, то могу...

По всему Свободному Миру горы отзываются эхом на звук известия об улучшившемся положении Бориса относительно угрозы.

А теперь читайте дальше.

ОБРАЗ ЗАЙКИ, УТРАТА ОНОГО: СЛУЧАЙ БИТСИ С.

Четыре зайки «Плейбоя», уволенные две недели назад за утрату их «образа зайки», предстали вчера перед Государственной комиссией по правам человека с жалобой, что «Плейбой» практикует половую и возрастную дискриминацию...

...Мисс [Пэтти] Колумбо заявила, что Тони Лемэй, «Международная мать заек», сказала ей: «Ты превратилась из девушки в женщину. Ты выглядишь старой. Ты утратила свой образ зайки».

«Мы не располагаем ни одной характеристикой из тех, какие считаются утратой образа зайки, — сказала Нэнси Филлипс, одна из четверки. — «Морщинистые веки, обвисшие

груди, растяжки, дряблые шеи и отвислые зады», — сообщила она, — в литературе «Плейбой» обозначаются как дефекты, портящие карьеру зайки.

Марио Штауб, генеральный управляющий клуба с 1971 года, заявил: «Прекращение контракта в связи с утратой образа зайки всегда был практикой компании... Они попросту утратили образ зайки — тот привлекательный, свежий, молодой вид, какой был у них, когда они начинали».

«Нью-Йорк Таймз»

ВВЕДЕНИЕ

Утрата образа зайки, сиречь синдром Штауба, как отчетливое клиническое заболевание впервые была определена Альтманном. Образ зайки, сиречь пластическая репрезентация телесного «я» индивида, особым манером отличающийся от телесных «я» других, Стайнем²⁶⁵ и другие обсуждали еще в 1963 году. Но именно Альтманн уточнил это понятие и если еще точнее, группу патологий, связанных с его утратой. Работа Альтманна, если быть до конца точными, обязана своим появлением исследованию Пика, чье ценное рассмотрение явления «фантомного члена», возникающего после ампутации, предоставило, как это признано Альтманном, плодотворную подсказку. Но именно случай Битси С., протокол которого следует ниже, сообщил настоящему исследователю его самые важные догадки и обеспечил ему место в корпусе литературы, посвященной телесным расстройствам.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Битси С., привлекательная белая особь женского пола, двадцати восьми лет, поступила в больницу Беллвью с жалобами на то, что не может отыскать, физически определить собственное тело. Оно «пропало», утверждала она и добавляла, что оно ей нужно и она хочет его вернуть. Далее она заявила, что везде его искала, что его абсолютно нигде невозможно найти и что она намеревалась обратиться по этому поводу в полицию, но вместо этого решила прибегнуть к помощи больницы, поскольку сочла, что полиция может решить, будто она, пациентка, «странная». Случай был поначалу диагностирован как простая амнезия, но когда пациентка не отреагировала на штатные процедуры (включая гипноз), обратились за консультацией к Альтманну.

Альтманн начал с череды вопросов.

(Исследователь хватает пациентку за левую руку, поднимает ее на уровень глаз пациентки.)

— Что это?

— Рука.

— Правая или левая?

(Пациентка тщательно осматривает руку.)

— Левая.

— Чья это рука?

— Не знаю.

— К чему присоединена рука?

(Пациентка разглядывает руку и предплечье.)

— К предплечью.

— К чьему предплечью?

— Не знаю.

— Это ваше предплечье?

— Нет. У меня нет предплечья.

(Исследователь мягко перемещает свою руку вверх по предплечью чередой легких касаний, наконец останавливается на левом плече пациентки.)

— Что это?

— Плечо.

— Ваше плечо?

— Нет. У меня нет плеча.

— Чье-то плечо?

(Пациентка на миг задумывается.)

— Вероятно. Наверное.

(Исследователь слегка сжимает плечо — дружеским пожатием.)

После чего объект исследования произнесла нараспев:

— Прошу вас, сэр, трогать Заек не разрешается.

Это, разумеется, и стало для Альтманна первым ключом к разгадке. В связи с исследованиями *horror vacui*^{*} он вполне естественно прибил к нью-йоркскому клубу «Плейбой» и вообще-то с момента его зачатия выступал одним из ключевых его членов. Тем самым утверждение «Прошу вас, сэр, трогать Заек не разрешается» не оказалось для него незнакомым. Он незамедлительно спросил:

— Вы Зайка?

— Нет, — ответила она. — Я не Зайка.

* Боязнь пустоты (лат.).

— Если вы не Зайка, тогда почему вы являетесь представителем класса лиц, которых мне не разрешается трогать?

Отклика от пациентки не последовало.

— Вы когда-либо были Зайкой?

— Вчера.

— Зайкой вы были вчера?

— Вчера я была Зайкой, а сегодня я не Зайка. Со мной покончили. За утрату образа зайки.

— Что такое «образ зайки»?

— Тот привлекательный, свежий, молодой вид, какой был у меня, когда я начинала. Международная Мать Заек подошла ко мне и сказала: «Ты превратилась из девушки в женщину. Ты выглядишь старой. Ты утратила свой образ зайки». Затем она отрезала мой заячий хвостик — ножницами по металлу. Потом велела мне вернуть ушки. Я отдала ей ушки. Я заплакала. Я спросила, за что. Это была ошибка. Она мне сказала. Морщинистые веки. Дряблая шея. Отвислый зад. Я упомянула, что за этот зад лишь накануне вечером меня трижды уципнули. Она сказала, что этого мало, я опустила ниже национального уровня щипков за вечер. Я сказала, что каждую ночь сплю в ванне, до краев наполненной «Жизнью кожи» от Элены Рубинштейн. Она ответила, что ценит мое «желание», но пора валить из команды — молодняку, что поступает из фермерских клубов, уже нейдет. Я сказала, что стану набивать дополнительными «клинексами» верх своего костюма зайки, если нужно. Она ответила, что некоторые просто не понимают, когда пора задирать лапки. Утрата образа зайки, сказала она, — не просто физическая. Тут дело еще и в неощутимостях. Я попросила привести пример неощутимости. Она посмотрела в окно и сказала, что ей пора на самолет в Чикаго. И вот сегодня утром я проснулась и не смогла найти свое тело. Оно пропало. Само собой, сперва я посмотрела в зеркало, но в зеркале ничего не было — лишь зеркало. Тогда я попробовала коснуться пальца в ног, но когда я попробовала коснуться пальцев ног, ни пальца в ног, ни пальцев на руках, которыми их можно было коснуться, у меня не было. Тут я и встревожилась.

(Исследователь после этого тепло похвалил пациентку за ее физический внешний вид, который, вообще-то, как уже отмечалось выше, был вполне женск, привлекателен и приятен.)

— О ком вы говорите? — спросила та.

— О нас.

— Вас потерялось, — сказала она. — Где-то есть все утраченные образы зайки, каждая Зайка зовет свою Мать Заек, каждый утраченный образ зайки где-то засовывает целлофановые мешки для стирки в грудь своего костюма зайки, заячьи хвостики по-прежнему бодры, белы, о как они белы, каждый утраченный образ зайки по-прежнему оттачивает полу Зайки, Зайкин наклон головы...

После этого исследователь начал курс терапии Плюшевого Мишки, при котором субъект постепенно знакомится с объектом, который не является субъектом, но имеет с субъектом определенные общие физические черты (руки, ноги, голову и т. д.), и они со временем помогают пациенту — в данном случае пациентке — «отыскать» себя посредством сопоставления черт плюшевого мишки к собственным частям тела. Хотя данный курс лечения бесстыдно использует любовь человеческих существ к плюшевым мишкам, есть мнение, что он, по сути, не более манипулятивен, нежели иные терапии. Более серьезным противопоказанием служит, разумеется, неудачное сопоставление «зайки» с «мишкой» — трудности, проистекающие из этого, очевидны. Альтманн, тем не менее, пришел к выводу, что такой курс лечения верен, а правильность его применения подтвердилась тем фактом, что Битси С. вновь «отыскала» собственное тело и действительно сумела сконструировать зрелые, устойчивые и «щедрые» отношения с представителем медицинской профессии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь человеческая, как сказал Винс Ломбарди²⁶⁶, мерзка, груба и коротка.

ДВА ЧАСА ДО ЗАНАВЕСА

Крупная танцевальная битва в Роджерзе, Теннесси! Эти сельские парни, презираемые и обожаемые, знают себе цену. Как они дергают за струны — струны инструментов и струны своих судеб. Тут выводят наверх партию баса, там заполняют «вставками», в этих дорогих вестерновых рубашках по сорок долларов и обычных простых джинсах по девять. Между собой бьются

четыре ансамбля, и музыканты за кулисами отвинчивают крышечки с флажков и пробуют содержащийся внутри бурбон, если не поджигают косяки, трубки и кальяны. Меж тем — осматривают точку, «Масонский храм», огромную грудку камней, воздвигнутую в 1928 году, и задаются вопросом, выдержит ли проводка их искусство. Флажки и косяки передаются по кругу, и все вытирают себе рты рукавами. И вот развязывают веревки, крепящие оборудование к крышам белых «универсалов», и техника выносятся на сцену с закрытым занавесом и несколькими сияющими рабочими прожекторами. Различные группы шлют гонцов, заказывая себе ужин: сэндвичи со стейком на булочке, лук не класть или не класть латук, смотря по индивидуальному вкусу. Самый младший член каждой группы либо высокопоставленный поклонник отправляется в кафе со списком, конвертом, на котором выписаны все заказы, и зачитывает их там человеку за стойкой, а *служитель* отвечает: «Вы с бандой?» — и гонец говорит: «Ну», — скупое и без обиняков. Меж тем прибыли капельдинерши, все — старшеклассницы, члены вспомогательного подразделения Дочерей мистического алтаря, в белых блузках и синих мини-юбках, с красной перевязью, накинутой поверх груди и завязанной на бедре, таков знак отличия. Они, цвет юного девичества Роджерза, все проходят за сцену полюбоваться музыкантами — такова их привилегия, поскольку представление начнется только через час, и вот они стоят и смотрят на музыкантов, а музыканты в свою очередь смотрят на них, и в умы их, собравшиеся тут, проталкиваются определенные мысли, под этими рабочими софитами, но далее они вновь выталкиваются прочь, ибо сегодня вечером предстоит играть музыку! и в одном усилителе только что полетел медленно перегорающий предохранитель, а никто не помнит, куда сложили запасные предохранители, к тому же микрофоны, предоставленные «Храмом», капризничают, и поверх всего барабанщик второй группы обнаруживает, что кожа на барабанах у него мокрая (вероятно, в результате той ситуации под Талсой, где рухнул мост и «универсалу» пришлось, считай, форсировать реку), но он, к счастью, прихватил с собой электроплитку как раз на такой случай, и включает ее, и принимается поджаривать на ней свои кожи, чтобы вернуть их для выступления к нужному градусу дерзости. И вот первые зрители уже заполняют места перед занавесом, некоторые садятся на те, что получше, говоря строго, тех, за какие заплатили, в надежде, что настоящие владельцы этих мест не появятся ввиду того, что их

задержат какие-либо медицинские непредвиденные случаи. Все музыканты по очереди выглядывают в зал через дырочку в занавесе, считая сбор и высматривая девушек, которые особенно красивы. И вот прибывает конферансье, весьма жовиальный мужчина в большой белой вестерновой шляпе из тех, что прекратила производить компания «Стетсон», и расхаживает, пожимая всем руки, вспоминая былые дэньки, и музыканты это терпят, потому что такова их жизнь. И вот все настраиваются, и слышны отрывки множества разных песен, фрагменты эти сталкиваются друг с другом, потому что у каждого музыканта свой любимый кусок, на котором ему нравится настраиваться, хотя порой два музыканта начинают играть один фрагмент одновременно, потому что они одинаково мыслят — в тот миг. И вот зал наполняется людьми, которые хорошо или плохо одеты, согласно тому, насколько им улыбнулась св. Пекула, и Дочери мистического алтаря все снаружи с программками, в которых содержатся рекламы Склада пиломатериалов Барта, «Сыновей и дочерей «Я восстану»», «Дома синих огней», Пылесосной компании «Луч солнца» и Похоронного бюро «Нормалёк». За кулисы приходит человек с листком бумаги, на нем выписан порядок, в каком будут выступать разные исполнители. Руководители разнообразных групп подбредают к этому человеку и смотрят на листок бумаги — поглядеть, какое место в программе отведено каждой группе, а оркестранты беседуют друг с другом возбужденно или презрительно, соответственно своей природе. «Ты где эту рубашку откопал?» — «Снял с легавого в Тексаркане». — «И сколько отдал за нее?» — «Доллар с половиной». И вот все уже стараются слишком много не пить, поскольку если слишком много пьешь, у тебя атака замедляется, а в такого рода ситуациях замедление атаки — последнее дело. Некоторые, само собой, перед тем как играть, увлекаются выпивкой и курением гораздо сильнее, но тут совсем другое дело, и вот уж публика по ту сторону закрытого занавеса громко себя проявляет, и у всех ощущение, что сейчас произойдет что-то важное, и свои места занимает первый ансамбль с тремя гитаристами, выстроившимися спереди эдаким боевым порядком, за ними расселся барабанщик, а электропианист где-то несколько сбоку, более-менее параллельно барабанщику, и счастливый конферансье стоит перед гитаристами с листком бумаги в руке, а помреж поглядывает то себе на часы, то на людей в передних рядах. Один музыкант сшибает у Другого музыканта последнюю сигарету, и все музыканты берутся с ручками

на инструментах, а барабанщик натягивает потуже рабочие барабаны, и вот помреж говорит конферансье: «Ладно», — и тот поднимает поближе листок бумаги и готовится прочесть то, что на нем написано, в гроздь микрофонов перед собой, а свет в зале меркнет, и свет на сцене загорается, и вот конферансье смотрит на руководителя первого ансамбля, который надменно ему кивает, и конферансье кричит в микрофоны (из-за еще закрытого занавеса) энергичным, театральным голосом: «Из Роджерза, штат Теннесси, и “Масонского храма” — Битва ансамблей, выступают Билл Типпи и Счастливые Парни из Долины!» — и тут ансамбль раздражается «Когда твое нежное тело касается моего», и занавес раздвигается, и толпа в зале сатанеет.

КОРОЛЕВСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Написано под псевдонимом Лили Макнил

(С ИЗВИНЕНИЯМИ ПЕРЕД ПОКОЙНЫМ ОГДЕНОМ НЭШЕМ)

Мне бы хотелось публично объявить, что я со своей стороны не считаю Президента виновным в подлом, низком или скудоумном злодеянье,

И что, пусть бывший Вице-Президент меня и огорчил, он хотя бы не совершал ничего такого, что можно было бы справедливо считать государственным измененьем.

И что, хотя бывший Генеральный Прокурор и бывший Министр Торговли юридически подлежат уголовному преследованью или же могут ему не подлежать,

Сдается мне, что вреда от любых мелких пакостей, какие они могли натворить, можно, вероятно, запросто избежать.

А бывший Советник Президента, и два бывших Помощника Президента, и два бывших Особых Помощника Президента, и бывший и. о. Директора ФБР, по моему мнению, ребята класс,

И я бы пылко хотела, чтоб кто-нибудь вроде Мелкого Джо Карпайта²⁶⁷, Человека-Паука, Алена Роб-Грийе или Махариши вмешался слегка и шкуру им спас.

И в глубинной глубине души своей я вообще-то не верю, что Президент зашел бы так далеко, чтоб прослушивать собственного брата,

А две пропавшие пленки не важны, поскольку раз их с самого начала не существовало, то как они могут нести на себе какие-то жуткие

вестии, какие кому-то захочется подавлять, конфисковать, секвестрировать или как-то иначе принять?

И что случилось с теми достойными господами Ричардсоном, Равеллаутом и Коксом²⁶⁸, неужели пошли они вразом?

Я была в шоке и смятенье, но мне удалось спустить воду из канализации моей души чтеньем четырнадцати правоучительных трактатов Инкриса Мэзера²⁶⁹ и одновременным прослушиванием полного собрания сочинений всего семейства Батлов.

Все же те обвинения, опроверженья, утешки, заточки, возложения и лишения сана, а также сто долларовые купюры, что мечущаяся туда-сюда в чемоданах, не несомых ничьими людскими руками, разве что тех, на ком рыжие парики, весь фурор, все вопли и вся помпезность на высших ярусах

И впрямь не могут не вызвать у нас, молчаливого большинства, анонимистовства, скажем так, определенного градуса.

У меня складывается отчетливое впечатление, что американская форма правления выдохлась, что она пыхтит и сопит и вообще не в своей епархии,

Напротив, нас может гораздо больше очаровать что-нибудь ловчее, вроде, скажем, абсолютной монархии.

И потому в короли мне бы хотелось, со всей должной скромностью, выдвинуть меня, к примеру, —

Первую женщину-короля, по поводу чьей кандидатуры в нашу эпоху общепринятой сознательности и равных возможностей найма ни один непредубежденный бывший избиратель не смог бы возразить ничего не в меру?

Люди устали заходить в кабинки и глядеть на длинные списки кандидатов, у большинства которых совершенно ничего и никому не говорящие имена —

Так не проще ли будет просто обзавестись монархом, ради которой можно толпиться на площади, когда выходит она с поклоном на балкон, и швыряшь в воздух шляпы, а также кричать славословья — в честь меня?

Мы сэкономили триллионы и триллионы, упразднив исполнительную, судебную и законодательную ветви власти со всеми их конторами, зданьями, секретарями, пенсионными планами и теми местами, куда они спешат в правительственных своих димузинах на обед.

Вместо всего этого у нас будут лишь я и мой «фиат»-драндулет. Не думаю, что нам действительно нужны все эти сдержки и противовесы²⁷⁰, что предусмотрены Конституцией, от которых

любой царь, калиф, шах или дож трепещет и напрягается в коздуле, словно из труппы Летучих Валленд²⁷¹. —

В такой ситуации, согласитесь, очень трудно действительно и оправданно вычеркивать людские дела из своих отнюдь не греческих календ.

Обещаю, что буду возвышенна, недостижима либо иным манером неоправданно царственна,

Даю слово, что постараюсь делать все так, чтоб оно оставалось (решительно, вы понимаете) законно и нравственно.

И всему составу Конгресса придется пойти и влиться в трудовые ресурсы, найти себе применение в обществе и на производстве,

А не топить важные вопросы повестки дня в трясине болтовни, скудоумия, белиберды и свиного скотства.

А всем судьям Верховного суда придется снять мантии, надеть обычные костюмы с галстуками, спуститься и сесть на агоре

Согласно божественному указу героя-архитектора Миса ван дер Роэ, что меньше есть больше, в радости или же в горе.

И я не потерплю у своего трона никого, кто был бы способен меня опозорить своим квазимодским поведением, за вычетом, быть может, своего супруга, кто, вероятно, будет Албертом, Филипом, Ралфом, Игорем или носить иное имя, какое мне может взлюбиться,

Что не остановит меня, если он вдруг решит своевольничать, и я стукну его по башке своей бархатной ручкой в ежовой рукавице.

Лили Первая — вот титул, на какой соизволю милостиво отвечать я,

И я уже договорилась с Компанией Морэна²⁷² насчет королевской баржи, а также печати.

Готова признать, предложенья мои антидемократичны, неамерикански и заупокойны,

Но не лучше ль это будет нынешней сказки о белом бычке, в которой священные Коровы правительственной Троицы оказывают нос к носу друг с другом в позах ну прямо-таки мордобойных?

Если же я совершу нечто отчетливо мерзкое, вам не придется собирать восемнадцать различных следственных органов лишь для того, чтоб понять, кого отправить на гильотину, —

Пред вами буду лишь я — величаво идти в своем лучшем «хэлсто-не»²⁷³ прямо к шинковальной машине.

ЛИК ЧЕЛОВЕЧИЙ

(Новый роман в сорока кратчайших главах)

Два слова об авторе: после десяти унылых лет сочинения аннотаций к программам в журнале «Телегид» Красноярск-Шаганазд незадолго до своей кончины завершил сорок прекрасных, эллиптических, эфемерных глав визионерской романорамы «Лик человеческий». Можно предположить, что его продолжительное пребывание под крылом «Публикаций "Треугольник"»²⁷⁴ неоднозначно повлияло на его стиль, если не на сам рассудок; это утверждение мы, его редакторы, должны усердно опровергнуть. Он был человеком немногословным, и его уникальное видение жизни ныне навсегда запечатлелось на страницах «Лица человеческого».

I. ЗЕМЛЯ

При доставке убийцы Винса Бигли назад в тюрьму к Марку Формену присоединяется бывший заключенный Крис Милк, который обрезал телеграфные провода, ведущие в Толидо.

II. НАРОД

Глэдис оскорблена мужчиной в кинотеатре.

III. ДЖИМ

Глэдис просит Марка спасти романтическую любовь Джима, но вмещивается убийца Винс Бигли. «Патриотизм» объясняется при посещении форта Тикондерога²⁷⁵.

IV. ПИЛЮЛИ

Когда удушают прекрасную дебютантку, сыщик из Скотленд-Ярда начинает расследование жизни главного подозреваемого — Джима.

V. БЕТ, ГДЕ ЖАЛО ТВОЕ?²⁷⁶

Д-р Джон Бац доказывает существование общения у пчел.

VI. ПУТЬ НА ЗАПАД

При переправе через реку путешественники узнают, что единственная баржа — у убийцы Винса Бигли.

VII. ПОСЕЩЕНИЕ

Марк считает, будто его отец предал его мать-индеанку своим решением жениться повторно. Мартышки и собаки выполняют необычайные трюки.

VIII. ПРЕДЕЛ ПРОЧНОСТИ

Сэр Кеннет Кларк²⁷⁷ делает попытку подойти к природе без предубеждений.

IX. РЕШИТЕЛЬНЫЙ ЧАС

Марка усыновили индейцы. Теперь его индейский отец хочет, чтобы он вернулся к своему собственному народу. Брат шерифа теряется в парижском метро.

X. ПРАВИЛА ИГРЫ

Джима тревожит Марк, а зебра помогает воссоединиться психически больному солдату и его семье.

XI. ГОНКОНГ

Глэдис оскорблена мужчиной в кинотеатре.

XII. ФЛАГ ЖИЗНИ

Как изготавливать ритмические инструменты.

XIII. ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ

Глэдис решает, что с нее хватит жизни на ранчо.

XIV. ЦИКАДЫ

Когда его брат вступает в ВВС, а не помогает на ранчо, Джим раздирает его шляпу.

XV. В ВЕЛОМАГАЗИНЕ

Трагический несчастный случай учит беспринципного предпринимателя смыслу терпимости. Интервьюируются члены команды.

XVI. ПЕРЕМЕНА УЧАСТИ

Сэнди Коуфэкс²⁷⁸ и сен. Хьюберт Х. Хамфри обсуждают серую амбру.

XVII. ЗАТРАВЛЕННЫЙ

Мы видим, как Джим работает у своего придорожного фруктового ларька. Глэдис задумывается, не сходить ли ей в кино.

XVIII. ПИСЬМО ОТ МАРКА

Кастовая система Индии постепенно отходит в прошлое.

XIX. ГЛЭДИС

Вернувшись в Балтимор, Глэдис не может понять, почему Марк держит ее на расстоянии вытянутой руки. Она решает сходить в кино.

XX. КАРТОШКА

Группа молодых людей с разным воспитанием и образованием спаивается в действительную боевую единицу.

XXI. ИЛЛЮЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Сэр Кеннет Кларк не обращает на Глэдис внимания в кино.

XXII. КЛЕЙКАЯ ЛЕНТА

Молодая вдова пытается заново отстроить свою жизнь.

XXIII. ВОССОЕДИНЕНИЕ

Джим вступает в ВВС, чтобы отыскать своего брата и заставить его вернуться на ранчо. Проф. Леонард Р. Рэнд использует примеры из Германии, Франции и Мексики.

XXIV. МОРЕ

Ванда не снимает шинель в постели.

XXV. ТУШИ СВЕТА

Вечная радость обсуждается представителями величайших религий мира. Оркестр Винни Фитча, танцоры Марло и Пленум, Педальные Близнецы.

XXVI. ШЛЯПА

Убийца Винс Бигли находит разодранную шляпу Джима. Он не понимает, что с ней делать.

XXVII. ТКАЧИ

Когда дотла сгорает фабрика Марка Формена, его обвиняют в поджоге ради получения страховки. Интервьюируются члены команды.

XXVIII. ВОДОБОЯЗНЬ

Доброжелатель пытается не дать талантливому инженеру уничтожить его свинцовое грузило.

XXIX. ПРОТИВ ШЕРСТИ

Антрополог Макс Уинтер швыряет пигмеев Итури в жерло вулкана. Интервьюируются члены команды.

XXX. СМЕЮЩАЯСЯ МЭРИ

Д-р Уильям Муфт объясняет важность эксплуатации необычайного ребенка.

XXXI. ВСТАВАЙ И ЖИВИ!

Эл Маклейн и Джо Брукс, применив легкую блокировку, выходят на слалом-гигант.

XXXII. ГРОМ НА ЧЕРДАКЕ

На экскурсии Тимми находит камень.

XXXIII. ВО ФРАНЦИИ

Глэдис наблюдает за тем, как проходит жизнь, из уличного кафе и болтает с месье Дюлаком о его брокколи.

XXXIV. ДЕТИ КОРЫ

Джим пропал, и Марк считает, что он изобретает стекло. Городской уполномоченный по здравоохранению Джордж Джеймс отвечает на вопросы зрителей.

XXXV. ДЕДАЛ

Брат шерифа потерялся в парижском метро. Глэдис и Джим обсуждают фьючерсы на серую амбру с сен. Хьюбертом Х. Хамфри.

XXXVI. ПОД КРАСНО-БЕЛО-СИНИМ

Студенты болтают шерстью перед кроликами.

XXXVII. ВРЕМЕНА ГОДА

Вопреки своей зажиточной семье, Глэдис решает обучиться электричеству.

XXXVIII. ЖЕМЧУЖНЫЕ СВИНЬИ

Морской пехотинец с амнезией отправляется искать свою самость.

XXXIX. ОТКАТ

Д-р Джордж Муфт прослеживает историю нити.

XL. ЯЙЦА ВСМЯТКУ

Подъезжая к новой работе Марка — учителем в престижной школе для мальчиков, — Марк и Глэдис совершают крупную ошибку. Винс Бигли исполняет «Усеянный звездами стяг»²⁷⁹.

ПУСТОШЬ!

(Заметки м-ра Лайонела Барта как экзегеза его последнего музыкального проекта)

Не только заглавие, но и план, а также немалая доля побочного символизма этой оперетты были предложены м-ром Т. С. Элиотом в поэме «Бесплодная земля». На самом деле я в таком глубоком долгу, что поэма м-ра Элиота прояснит трудности этого произведения гораздо лучше, чем это способны сделать мои заметки, и я рекомендую ее (помимо великого интереса самой поэмы) любому, кто считает, что подобное разъяснение стоит трудов.

Когда Лил поет трогательную арию «Пойдем, отведу тебя к красной скале»²⁸⁰, она, разумеется, поет Алберту, ясно? Алберт в этот момент еще в армии, а злокозненная мадам Созострис поставила Лил в известность, что если та не найдет пятьдесят дубов, и быстро-быстро-быстро, не видать Алберту отставки с почестями, ну? Пронзительность этого номера ошеломляет. Пронзительность — это всё.

Критик Фредерик Дж. Хоффмен²⁸¹ обозначил основные темы первоначальной поэмы так: «Бесплодная земля» содержит в себе одну единую метафору, разнообразно подаваемую и драматично

развиваемую. Видеть ее можно как минимум в двух воплощениях: притча о самой земле (и о ее Царе); состояние любви в ее нечестивой, священной и мистической формах. Они объединяются в понятиях аналогий, включающих в себя культурные и личные значения плодovitости». Я счел все это весьма гнетущим и ученым, а потому выбросил.

Когда я впервые прочел поэму м-ра Элиота, мне стало очень тяжело. Потом я крайне изумился. Согласится ли Этел Мёрмен²⁸², задался я вопросом, сыграть мадам Созострис, если я немного разовью эту роль? Сыграет ли Рекс Харрисон²⁸³ Трехжезлого? Можно ли вставить в представление каких-нибудь детей — ради пронзительности? Я тут же отказался от своего плана инсценировать «Взлет и падение Третьего Райха»²⁸⁴ и сосредоточился на «Пустоши!».

Дуэт Повешенного (Алберта) и Гиацинтовой Девы²⁸⁵ (Лил) — штука хитрая: публику просят предположить, будто Алберт по-прежнему за морем со своим подразделением, а Лил — в Саду Гиацинта²⁸⁶, ну? Мы справились с этим: Алберт поет из-за ширмы. Мадам Созострис пообещала, что обвинения с Алберта снимут, если Лил раздобудет деньги — но у задника шляется таинственный Трехжезлый. Под занавес первого действия Лил поет пронзительную «Бойся смерти от воды, *Mon Coeur*»²⁸⁷ — молитву, чтобы Алберт вернулся живым и невредимым из-за моря.

Колода Таро вводится в начале первого действия как подростковая кодла, врубаешься? Определенные рыхлости драматической конструкции оригинального произведения привели к необходимости ввести потасовку между Кодлой и их соперниками — Шах-Матами (ср. «Уэстсайдская история»). Превращенье Филомелы²⁸⁸ варварским Царем (в идеале — Клайв Ревилл²⁸⁹) отвлекает враждующих модов и рокеров от их разборки; они поют живенькую «Песенку Фьюи-юи-юи»²⁹⁰. Вновь возникает Алберт в облике работника Комиссии по делам молодежи; Лил узнать его не удастся.

Следующий кусок имеет отношение к церемониям растительности — дело же у нас в апреле происходит, *capisc'?* Песня «Выбери местечко на солнышке» пришла мне в голову довольно причудливым манером. Я только что получил от своего банка («Чейз-Манхэттен») пакетик цинний гигантских. Текст на пакетике состоял из довольно неуклюжей аналогии

* Ясно (искаж. ит.).

между процессами прорастания и разнообразными банковскими планами накопления сбережений. «Выберите местечко на солнышке», — говорилось там. Я счел это невыносимо пронзительным.

Алберт, наконец-то узнавший, в особенности беспорядочным речитативом спрашивает у Лил, как она распорядилась деньгами, которые он дал ей, чтобы вставила себе новые зубы. Песня «Зубы, славные зубы» заедется на «Справочнике по добросовестной практике» Королевского колледжа зубных хирургов, Лондон. Лил, разумеется, спустила все деньги на посещения мадам Созострис — этот факт немедленно становится очевиден, стоит ей открыть рот, чтобы запеть. Тема этого номера — нынешний распад Восточной Европы, который я связываю вполне произвольно с Дейвидом Мерриком²⁹¹.

Части III и IV поэмы («Огненная проповедь» и «Смерть от воды») я отбросил, потому что мне они не понравились.

Трехжезлый теперь поет «Песню на семьдесят миллионов долларов», которая основана на оценке совокупной валовой продукции всех представлений Дейвида Меррика с начала времен — эту цифру я нахожу невероятно пронзительной, врубаешься? Выясняется, что Король-Рыбак есть не кто иной, как «Скользкий» Поттер, супруг миссис Портер (см. Часть III, которая, если припоминаете, была выброшена) и величайший копильщик сельди во всем Альбионе. Поскольку он также — Трехжезлый, мы впервые осознаем природу его заинтересованности в Лил: она его единственная дочь, плод вышеупомянутой связи с миссис Портер. Он объясняет (в пронзительной «Я временами слышу за спиной»²⁹²), что он надел на себя личину, чтобы выяснить, насколько жена его спуталась с Гориллой Суини²⁹³; удовлетворившись на этот счет, он вырывает Лил из лап мадам Созострис. Алберт и Лил решают покинуть Крысиный Лаз²⁹⁴ и начать все заново в Америке, а весь актерский ансамбль исполняет репризу чарующей, пронзительной и незабываемой «Как одолеть книгу».

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ

Откуда-то музыка. Это великое произведение Вивальди «Учебные четверти».

Учащиеся бродили среди экспонатов. Там был Король-Рыбак. Мы бродили среди промышленных достижений. Симпатичная газовая турбина — за бархатной веревкой. Производители описывали себя в литературе как «терпеливых и оптимистично настроенных». Учащиеся глазели — и пядились. Лупить их топорницами больше не разрешается, обнимать и целовать их больше не разрешается, разговаривать с ними можно, но лишь в исключительных обстоятельствах.

Там был Король-Рыбак. В «Текущей патологии» Спёрри и Энтеманна Короля называют «сомнительной клинической сущностью». Но Спёрри и Энтеманн его так и не поймали, насколько известно. Передача данных от окружающего мира к глазу разрешается, если вы подписали клятвы верности миру, глазу, «Текущей патологии».

Мы двинулись дальше. Две главные теории происхождения — эволюция и творение — отстаивались бандами верующих, которые раздавали значки, шарики, наклейки на бамперы, щепки Истинного Креста. На стенах — фотографии чулок-масок. Зримая Вселенная неплохо справляется, решили мы, сплошное движение, все течет — первозданная жизненная сила. Мы заставили учащихся складывать нечетные числа, штуки вроде $453498 \cdot 23:И$ и $9877?22МАРИЯ$. Это входит в учебно-воспитательный опыт, сказали мы им, и даже не самая трудная его часть — лишь одна грань многогранных стараний. Но как же отлично вам станет, сказали мы им, когда опыт закончится, поставится, завершится. Вы все, сказали мы им, станете красивее, чем сейчас, — и наймопригоднее. Вы сумеете схватывать всю ситуацию; вся ситуация будет держать вас в своей хватке.

Вот диод, научитесь с ним обращаться. Вот дю Геклен, коннетабль Франции (1370–1380) — поймите, что с ним делать. Диван есть либо длинное сиденье с подушками, либо государственный совет: разберитесь, что он есть в какое время. Конечно, вам можно опасные наркотики — но лишь на десерт: сперва вы обязаны прожевать цветную капусту, доесте листову.

Ох как же счастливы они были, выполняя упражнения, и мы вели им прижимать хвосты, когда ползут под проволокой, а проволокой служила цепочка изречений — Тацит, Геродот, Пиндар... Затем — космологи с непреклонными взглядами: Бонди, Голд и Хойл²⁹⁵, — через них следовало перескакивать, учащимся приходилось раскачиваться и перелетать с дерева на дерево в Темной чаще, спускаться на веревке по отвесному склону Мерцбау²⁹⁶, вступать в невооруженное столкновение с генератором Ван де Граафа, шить маски из чулок. Видите? Первозданная жизненная сила.

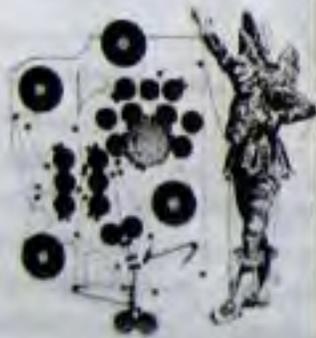

Мы помедлили у легкого птицы на пьедестале.
— На легкое млекопитающего не похоже! — закричали они. — Единственный глоток воздуха, на сто тысяч населения... — Какой-то дурень собирался вскоре призвать к «действию», ссылаясь на превосходство практики над бледной теорией. За-

чистка требует обдумывания, планирования, координирования согласно нашей телебеседе от 6/8/71. Классические киносценарии туго натягивались на уничтожение туземных общественных и политических структур в сомнительных целях, согласно нашей телебеседе от 9/12/71.

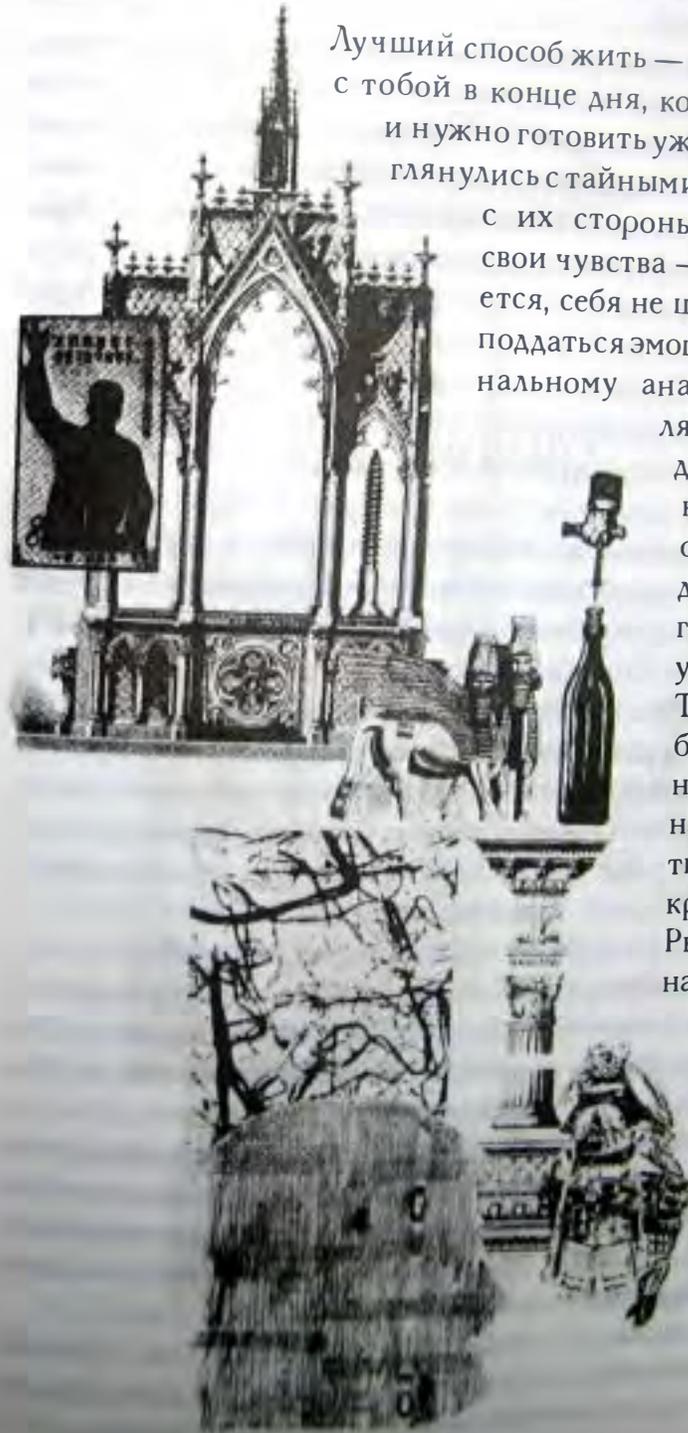
— Как по-твоему, разумная жизнь существует за пределами этой кровати? — спросила одна учащаяся другую, не до конца понимая, на спектакле ли она или же лишь на части его. Первозданная жизненная сила, да, но...

И сержант Престон с Юкона²⁹⁷ тут был в своей офицерской портупее Сэма Брауна²⁹⁸ — он совокуплялся неистово, но совокуплялся он ни с кем, это всегда прискорбно видеть. Все равно «какая прелесть», и в том смысле — вдохновляющая, поздравляем зримую Вселенную с тем, что она такая. Руководитель группы зачитал из одобренного учебника. «Вкушал я с тимпана, пил из кимвала»²⁹⁹. Учащиеся кричали и бряцали копьями — в знак одобрения. Мы заметили, что несколько уединились в углу, играли там с животными, безоаровым козлом, скотом, овцами. Мы не знали, велеть ли им прекратить или поощрить их продолжать. Затруднения такого свойства довольно часты — в нашем-то деле. Самое важное — сам учебно-воспитательный опыт: как его пережить.

Мы подгоняли их со всей мочи, но это трудно при новых-то правилах, ограничениях. Гиблая Часовня³⁰⁰ ныне — фабрика бомб, у них там 8000 акров в гуавах и несколько сот бледнолицых рядовых, что стоят повсюду с ведрами воды, ведрами песку. Нам не разрешили курить, вот досада, но необходимо, я полагаю, для сохранения наших фундаментальных

идеалов. Затем мы научили их клеить марки на письма, перед этой частью программы ждала длинная очередь, мы вешали проременные пряжки, переключатель Вкл./Выкл. и вынос мусора. Мудро не пытаться делать слишком много сразу — вероятно, мы не были мудры.

Лучший способ жить — не знать, что станет с тобой в конце дня, когда заходит солнце и нужно готовить ужин. Учащиеся переглянулись с тайными улыбками. Гадство с их стороны скрывать от нас свои чувства — от нас, кто старается, себя не щадя. Приглашение поддаться эмоции в ущерб рациональному анализу уже составляет политическое деяние, согласно нашей телебеседе от 11/9/71. Мы подошли к кабинке, где преподавались уроки 1914 года. Там, в море крови, была дикая земляника и кто-то играл на фортепиано — тихонько, в море крови, а Король-Рыбак рыбачил, ни на что не надеясь, в море крови.

Море — популярное место встреч молодежи, но мы-то больше не молодежь, а потому поспешили дальше.

— Приходи жить со мной, — вот что кто-то сказал кому-то другому, причудливая мысль, которой быстро положили конец: мы не желаем, чтобы подобная мысль сделалась распространенной — или популярной.

— Мир есть всё, в чем прежде было дело, — сказал руководитель группы, — а теперь пора возвращаться в автобус. — После чего вся охрана подбежала и потребовала себе взятку. Мы уплатили им растворимыми дорожными аккредитивами, и понадеялись на дождь, и понадеялись на бахвальство, хвастовство, браваду, шумиху, фанфаронство, цветистость, треск.

ДРАКОН

Однажды изнуренный и облезлый дракон пришел в город искать болезнь. Он задумал покончить со своей жизнью, которая, по его мнению, была скучна, неудовлетворительна, отягощена налогами и лишена смысла. Поискав болезней в «Желтых страницах» и ни одной там не обнаружив, он решил записаться в больницу. В «Св. Валентине» обратился к охраннику и спросил, как пройти в Палату безнадежных. Его направили на нужный этаж, где он обнаружил свежезаправленную постель, выбеленную простынями. Он залез на кровать и включил телевизор, присоединенный к кровати пуповиной. Въехала медсестра.

— Что у вас есть? — спросил дракон, имея в виду заболевания.

— Всё, — сказала сестра. — От эклампсии до белого болевого флебита. Нет такого, чего бы у нас не было. Наше Отделение Интенсивной Меланхолии — зависть всего цеха. Вас наставят. Все будет хорошо. Верьте нам. Мир ждет рассвета.

Последовавшие осмотры, консультации, проверки легко себе представить. К делу. Больница отказалась обеспечить ему болезнь. За три дня дракону не предложили даже чиха пневмонии.

— Я вам верил, — сказал он медсестре. Его красивые пламенные очи взирали на нее с укором и отвращением.

— Я было решила, что мы сумеем договориться о чем-то с Почечным комитетом, — сказала она. — Но когда они обнаружили природу того, что именно вы желаете предпринять...

По-прежнему думая о заболеваниях, дракон выписался из больницы. В мыслях у него бродило множество отличных болезней — бешенство, подагра, малярия, чума рогатого скота. Либо вдруг подумал он, я могу самоубиться посредством героя.

В тот миг мимо прошагал Полковник Санитарии в зеленом мундире.

— Эй, вы! — крикнул он. — Слышь, дракон, стой и поболтай чутка. Быстро, быстро — не весь день же мне тут! На улицах по-прежнему валяются обертки от шоколадки «Мистер Добробатончик» — и это невзирая на старания моих людей, изо дня в день: люди, люди, если б только можно было сделать что-нибудь с людьми, тогда, кто знает, пришел бы конец нескончаемости. Можно было б в пятницу вечером отправиться домой, стереть пот со лба, и скинуть мундир, и возблагодарить бога за хорошо растраниженный день. Но ты — у тебя странный вид. Ты что вообще такое? Ты одноразов? Биоразлагаем? Обычный гражданин на прогулке? Ищешь работу? Участвуешь в заговоре? Овощ? Минерал? Двухзначен? Враждебен к национальному интересу Управления санитарии? Сбрендивший по оттягу пацан? Обжедар? Цирк в городе?

— Я — ничего особенного, — сказал дракон. — Но должен провозгласить, если вы мне позволите, что я — в кататонии восхищенья *in re** вашей жизненной цели. Ваш труд поистине сизифов.

— Ты довольно-таки смахиваешь на какой-то мусоровоз нашего прекрасного Управления санитарии, — сказал полковник, — раз уж я к тебе присмотрелся. Уверен, что ты не мусоровоз-симулянт?

— Не думаю, — ответил дракон.

— Ну и пусть, — вздохнул полковник. — Пусть его, как и многое другое в этом радикально несовершенном мире, в этом радикально испакощенном городе. У меня сейчас обеденный перерыв, в конце концов. Не хочешь ли разодрать отбивную? Мне нравится твой стиль, знаю местечко — тихая беседа, обмен мнениями, недурные «гибсоны», хорошенькие официантки, принимают карты «Дайнерз Клуб» и «Америкэн Экспресс».

Они устроились за аппетитными и хорошо налуковичеными «гибсонами».

— Скажите-ка мне, — обратился к нему дракон. — Вы Уэст-Пойнт?

* В деле (лат.).

службах. Возникла легкая дискуссия относительно того, будет ли виден экран в поднятом положении из алтарной части. Крис Рубсон, глава Киногруппы, ответил, что лишь его низ. Также было объявлено расписание кинопоказов на август (приводится в соответствующем разделе данного «Информационного бюллетеня»).

Проголосовали за выделение трехсот сорока долларов на приобретение новой ударной установки. Барабаны будут приобретаться у корпорации «Г. Ширмер»³⁰³.

Хелен Медоуз отметила, что, хотя на воскресных службах имеют место расширение сознания и радикализация, мы не должны забывать и о непрерывности. Будучи попрошенной привести примеры непрерывности, она предложила регулярные цветы — с особым вниманием к таким особым случаям, как Вербное воскресенье и Пасха. Пьер Спиро заявил, что цветы не имеют такой ценности, как ситуационный опыт.

Собрание было распущено в 16:35.

АВГУСТОВСКИЕ КИНОШКИ:

«Глётки», в главных ролях Таня Фриц и Поль Капель, 8 августа, 20:00. «Мужчина и мужчина» (Грегори Рататуй), 11 августа, 20:00. «Я», в главной роли Бергер Санаторья, 15 августа, 20:00. «Дом цепей», в главной роли Антонио Такси, 29 августа, 20:00.

ЗАНЯТИЯ ПО КАРАТЕ:

Новый курс занятий по карате начнется в понедельник, 20 июля, под руководством Патти-Ли Ивенз, «черный пояс». Проводиться они будут в звоннице.

БАБА МАХИШ:

Баба Махиш, ранее известный как Теодор Лили, доктор философии, прочтет лекцию о «Трансцендентной медитации» в четверг, 16 июля, в 20:00. Подзаголовок лекции — «Улучшаем Наши Эмоции». Будет организован сбор пожертвований в размере 50¢.

ЦЕНТРЫ:

Центр астрологии-телепатии, Центр третьего мира, Центр танцев и Центр изучения экстаза прекратили свою деятельность. Их помещения будут переданы под новые проекты по мере возникновения новых потребностей.

РЕМОНТ:

Подрядчик, ремонтирующий всякое после пожара, сообщает, что затруднение представляет собой обширный ущерб от воды. Здание конструкционно устойчиво, сказал он, а несущие стены, ослабленные взрывом, укреплены. Работа ведется с опережением расчетного графика, заявил он. Уже установлен новый Бассейн свиданий. Он, как уже отмечалось ранее, вмещает восемь человек. Расписание работы Бассейна свиданий будет вывешено, как только подключат водонагреватель.

СВЯЩЕННИК:

Наш священник Рипли Блай продолжает пребывать в отпуске. Он вернулся в город и теперь ищет небольшую квартиру в этом районе.

ОРГАН:

Всем располагающим информацией о местонахождении органа, исчезнувшего с хоров примерно 1 мая, просьба связаться с Биллом Куонтриллом. Он гарантирует отсутствие преследования или каких-либо встречных обвинений и утверждает, что орган необходим для того, чтобы мы продолжили двигаться вперед на ровном киле в духе любви и христианского братства.

Мир вам!

ФОТОГРАФИИ

Рис. 1

Рис. 2

Прилагаемые фотографии человеческой души (рис. 1 и 2), сделанные «Пионером Ю», первым космическим аппаратом, вышедшим во внешнюю область Солнечной системы, были

произведены 14 декабря 1973 года, когда аппарат покидал магнитное поле Юпитера. Эти «фотографии» (на самом деле — кодированные радиосигналы с девятифутовой параболической антенны аппарата, переданные обратно на Землю) были, разумеется, получены случайно при съемках самого Юпитера, что и было одной из главных задач миссии. Сделал их д-р Реджиналд Хобсон, ЧКО*, из британской Кэвендишской лаборатории, с применением спектроскопических пластин фирмы «Кодак» типа Ша-Джей, спекавшихся в течение пяти часов при температуре 65°C сухим N₂ перед проявкой. Практически сразу же после этого д-р Хобсон принес полученные изображения своему другу и коллеге д-ру Уинстону Уотник-Мили, ЧКО.

- Э-э, Уинни...
- Да, Реджи?
- Мне нужно тебе кое-что показать.
- Опять снимки от «10-го»?
- Ну да, Уинни. Только эти... В них что-то особенное.
- Что именно, Реджи?
- Ну, Уинни, у меня есть причины полагать, что это фотографии человеческой души на пути к Небесам.
- Ах вот как. Это интересно. Фотографии человеческой души на пути к Небесам. Полагаю, ты, э-э, проверил эту гипотезу, правда, Реджи? В смысле...
- Эм... и довольно тщательно, Уинни. Я провел компьютерный поиск по всем существующим снимкам из космоса, и, э-э, вот эти фотографии — *sui generis*** , можно сказать. Они не похожи ни на что, сфотографированное прежде. Ни на что. Кроме того, я осуществил исследование возможностей по методу «следа червя»³⁰⁴, и результат, полученный по методу «следа червя», — то, что, э-э, это могут быть только фотографии человеческой души на пути к Небесам.
- Другие тесты проводил?
- Анализ Фурье. Маскирование критической полосы частот. Непрерывные матрицы размывания.
- Эм. Ну что ж, полагаю, тогда это оно и есть, нет? Ты полностью уверен, что это душа — человеческая душа?
- Метод «следа червя» не врет, Уинни. Я пропустил через программу четыре раза.

* Член Королевского общества.

** В своем роде, уникальный (лат.).

- Человеческая душа... на пути к, э, Небесам.
- Предположительно. Она явно держала курс наружу.
- Понимаю. Ну что ж, давай-ка на них поглядим.
- Вот они, Уинни.
- Боже. Уродливая какая загогулина, а?
- Не красавица. Я б не назвал ее, к примеру, роскошной.
- Уж явно не роскошная. Вообще-то довольно непривлекательная.
- Я и сам обратил внимание.
- Похожа скорее на сковородку.
- Вообще-то да, довольно-таки.
- Сильно, э-э, разъединенную сковородку. Видишь вот эту как бы рукояточную часть, справа.
- Да, я ее заметил. И впрямь выглядит, э-э, рукояткой.
- Хорошо использованная на вид, вся эта штука.
- Вполне.
- А вот это вот тут, э-э, пупырь такой наверху. Что это, по-твоему, Реджи?
- Ни малейшего понятия, Уинни. Можно считать аномалией, видимо.
- Да, она определенно аномальна. В смысле, не хотелось бы думать, будто у душ, у человеческой души... сверху торчат какие-то пупыри, правда?
- Я бы очень предпочел так не думать, Уинни. И меня такое обеспокоило.
- Да. Это настораживает.
- Да. Определенно настораживает.
- Я всегда считал, что душа более симметрична, знаешь ли.
- Верно. Как бы... красива. Как те штуки, которые на рождественскую елку вешают к Рождеству. Как они называются?
- Ангельские волосы.
- Точно. Вроде ангельских волос. Неосязаемое.
- Неосязаемое, вот самое оно. А теперь убедиться, что она очень похожа на штуку, в которой кто-то жарил яйца, почки и еще бог знает что целыми столетиями, — ну, это, что ли, вышибает почву из-под ног, так сказать.
- Очень настораживает, согласен, Уинни.
- Интересно, что же это за пимпочка, вот тут, посерединке.
- Да, мне тоже любопытно. Вероятно, с этим следует разобрататься.

— Почему бы ей не быть, знаешь, красивой? Если ты следишь за ходом моей мысли.

— Ну, есть же грех и все такое, разумеется.

— Да. Грех. Я боялся, что ты об этом заговоришь.

— Не вполне тебя понимаю.

— Ну, штука в том, Реджи, мне следует кое в чем исповедоваться. Вообще-то это в смысле греха.

— Кое в чем исповедоваться?

— Да, и я не очень понимаю, как это выразить, но у меня оно из головы нейдет все последние недели.

— Ты вообще о чем это?

— Ну, дело тут в Доротее.

— В Доротее?

— Да, в Доротее. Штука в том, что я несколько месяцев назад столкнулся с Доротеей. В «Марксе-и-Спенсере». Она там искала оранжевые нитки.

— Да, для плетения.

— Да. Она тогда плела покрывало, полагаю. Оранжевое покрывало на кровать.

— Да, и уже закончила. Оно сейчас на кровати, в спальне.

— Вполне. В общем, Доротея искала оранжевые нитки... конкретного оттенка оранжевого.

— Да. Называется «жженный оранжевый», Уинни. Выглядит так, будто апельсин подпалили.

— Точно. Ну, она, как я уже сказал, искала этот особый оттенок оранжевой нитки, а я искал наперсток.

— Ты искал наперсток.

— Верно. Маргарет меня попросила зайти в «Маркс-и-Спенсер» и принести домой наперсток. Свой она потеряла.

— Ясно.

— Я купил два, вообще-то. На тот случай, если один она куда-нибудь засунет — тогда у нее будет другой, понимаешь. Нечто вроде резервной системы.

— Эм.

— Ну, а так уж вышло, что отдел наперстков располагается совсем неподалеку от отдела ниток, в «Марксе-и-Спенсере». Они смежны.

— Я бы решил, что это в общем и целом один отдел.

— Так можно решить, но на самом деле это отдельные отделы. Различны, но смежны. Поэтому в тот день я как бы столкнулся

с Доротеей и в обычном порядке поинтересовался у нее, не жаждет ли она заскочить куда-нибудь выпить.

— Она согласилась.

— Ах да. И мы с ней заскочили и выпили. По несколько, вообще-то.

— Понимаю.

— И, э-э, одно как бы повлекло за собой другое, и дело сейчас в том, что за последние недели мы с Доротеей довольно часто встречаемся. Недозволенно.

— Недозволенно.

— Да. Поведение, которое, говоря строго, недо-звоненно.

— Эм. И тебя это как бы немного тяготит?

— Да. Вообще-то мне ужасно.

— Ну, такое я способен понять, Уинни. Несколько подозрительная ситуация с учетом того, что все эти годы мы с тобой были друзьями и коллегами. С пятидесятих годов вообще-то.

— С конца пятидесятих. Я пришел сюда в 1956-м.

— Но я не вполне понимаю, Уинни, какое отношение это все имеет к этим фотографиям. Человеческой души на пути к Небесам. Первым за всю историю. Я бы сказал, что неотложная проблема здесь — не твой маленький вибреж с моей женой Доротеей, а эти фотографии. В смысле — делу время, потехе час, Уинни.

— Верно, Реджи. Полностью согласен. Ты всегда был за то, чтоб бывшее быльем поросло.

— Вопрос сейчас в том, на мой взгляд, что нам делать с этой чертовой ерундой?

— Сжечь.

— Сжечь? Но они же представляют какой-никакой научный интерес, как по-твоему? То есть если душа существует, а у нас есть снимки в доказательство этого, они же будут иметь прорву значения, разве нет? Для всего?

— Ну, да — полагаю, какое-то значение имели б. Например, до чертиков пугать теологов. Может, и опубликовать бы их стоило — именно для этого.

— Да, улавливаю.

— Разумеется, с другой стороны, огромное количество людей — приличных, серьезных людей — вероятно, очень интересуется такое вот. Существование человеческой души, в смысле. То есть это ж тебе не зубная фея, правда?

— Гораздо более значимо, я бы решил, Уинни. Для всего вообще.

— Ну, Реджи, это можно назвать хорошеньким вопросом. Есть наша ответственность перед наукой, истиной и все такое. Но разве мы как бы не в позиции тех ребят, которые сделали атомную бомбу, а потом жалели?

— Да, я бы сказал, что мы в ней, на самом деле. Довольно-таки.

— Сдается мне, все сводится к следующему: лучше ли нам с душами — или, вероятно, без них?

— Да, я понимаю, к чему ты клонишь. Ты предпочитаешь неопределенность.

— Именно. Так есть простор для творчества. Взять, к примеру, мою, э-э, договоренность с твоей женой Доротеей. Сплошь неопределенность. Бывают моменты, когда нас положительно трясет от неопределимой тревоги. Мне это очень нравится. Доротее это нравится. Будничность преодолена. Мимолетно, разумеется.

— Да, это я могу понять. Жизни придается изюминка.

— Да. А ты у людей изюминку отнимешь. Им всем придется хорошо себя вести, все такое. Получишь Нобелевскую премию, и никто, повторяю — никто, больше не станет с тобой разговаривать. Людям нравятся изюминки, Реджи.

— Но все же...

— Еще есть только один пункт, Реджи. Еще один повод для размышлений. Я совершенно убежден, что тебе удалось получить первое неоспоримое свидетельство существования человеческой души. Но она ущербна.

— Эта штука и впрямь не сильно благовидна.

— Прямо скажем — уродлива, если быть до конца откровенным.

— Бог знает, что за жизнь она вела, должно быть.

— Да, но неужели ты не видишь, Реджи, что эти фотки, если их когда-либо опубликуют, неизбежно будут символизировать — в массовом сознании — все души?

— Полагаю, в этом что-то есть.

— О каких-то вещах лучше не знать. Вот что я предлагаю.

— Твой роман с Доротеей будет тому примером.

— Великолепным примером, Реджи.

— Конечно, от всего этого остается некий осадок. От романа, я имею в виду.

— Каков же он, Реджи?

— Ты мне больше не нравишься, Уинни.

МЫ ЗАГЛЯНУЛИ В «СТЭНХОУП»...

Мы заглянули в «Стэнхоуп»³⁰⁵ как-то на днях перекинулись словом-другим с ЕКВ^{*} Туганхамоном, последним фараоном восемнадцатой династии, как раз когда его многожды обхлопанная экстраваганца «Сокровища» готова была открыться в «Мете» — аншлагом, не успел еще первый клиент ступить на благородные ступени. Мальчика-царя мы обнаружили в бледно-розовой гостиной его апартаментов в джеллабе от «Тёрнбулла и Ассера»³⁰⁶ попивающим «Перрье», и нежная печаль у него на лице на миг преобразилась чем-то вроде прерывной лихорадки.

— По стране мы выступили очень хорошо, — сказал он. — Миллион три в Сиэттле. Миллион четыре, туда-сюда, в Чикаго. Общая посещаемость по Штатам может превзойти семь лямов. Конечно, мне нервно — Нью-Йорк и есть тот самый опыт. Но нас вписали в классное место. Я стою возле «Мета» и думаю: Фигасе! Поглядите на мои труды, Могушественные! В смысле — они один из наших храмов под стекло поместили, чувак. Обалдеть.

Мы спросили изящного смуглого монарха, есть ли у его зрелища тема.

— Да. Тут все про золото, чувак. Тяжелый металл. В смысле, мне-то с золотом вполне ништяк. Я рано начал по золоту подружаться. Я подрубался по золоту, еще когда не было всей этой чепухи с двумястами-тридцатью-долларами-за-унцию. Вот от золота мне совсем не нервно. Но я не большинство людей. Большинство, оно же как — видят немного золота, в смысле — не много такого золота, которое не в наручных часах или как-то — и давай из кожи вон лезть, чувак. Г&т jлл ААк ψψ.

Мы сказали, что не вполне поняли его последнее замечание.

— Это глиф, означающий «Mein Gott im Himmel»^{**}, — ответил он. — Мне нравится иногда вкрячивать иероглиф-другой. Людей глифить начинает. Ладно, в общем, золото — главная штука, но штука не вся. Тут дрянь старая, чувак. Время отменено. Или, если с другой точки зрения, время инкапсулировано. Люди просто стоят и чувствуют время. Ну и потом, конечно, еще эта фиговина с мумией, а еще с проклятьем. У нас тут много чего срывается вообще-то.

* Его королевское высочество.

** Боже правый (нем.).

Мы поинтересовались насчет проклятья — утверждалось, что оно вызвало ряд таинственных смертей у людей, связанных с распечатыванием гробницы: действует ли оно до сих пор?

— Ну, когда хожу по улице, сам-то я на трещины не наступаю, — с улыбкой ответил он. — Старое пусть-отсохнет-рука-у-того-кто-покусится-на-мой-образ. Сами понимаете, лично я никаких проклятий не налагал. Всегда найдется рядом туча жрецов, им вечно неймется бабахнуть какое-нибудь проклятье. Наверно, все лучше, чем шляться по улицам.

Мы спросили, не раздражает ли его как-то обилие товаров, связанных с Тутом.

— Говорят, сейчас все с ума по Туту сходят, началась Тут-мания, что это представление слишком коммерциализировалось. Ну конечно, мы впариваем предмет-другой. Но это классные подделки, чувак, — они прекрасно воспроизведены — по большей части. В смысле, если Роки такое можно, то чего б и нам не? Фрисби, футболки, пивные кружки с Тутом — все это я просто расцениваю как что-то легкое, что-то дразнящее. Я это шоу рассматриваю как нечто посольское, что ж тут непонятного. Как бы такую хренотень вежливости и доброй воли. Вы видели, что Том Ховинг³⁰⁷ в «Таймз» сказал?

Он взял вырезку и принялся читать вслух:

— «Миллионы людей видят выставку и думают: “Ну и ну, у Египта и впрямь было нечто вроде невероятной и великой культуры”». — Царь примолк. — И это совершенно оно самое. У Египта и впрямь нечто вроде невероятной и великой культуры, и мы хотим, чтоб народишко это знал.

На этом мы откланялись, и он проводил нас до дверей, сунув нам в руки десятидюймовую канопу из полиэфирной смолы — прощальный подарок.

— Будет чёт ЦХНья βsЛoшнiй, — сказал он.

ЧТО Ж, У НАС ВСЕХ БЫЛИ ПЛАСТИНКИ УИЛЛИ И УЭЙДА...

Что ж, у нас всех были пластинки Уилли и Уэйда, кроме того парня, кого звали Мелочи Не Будет?, птушто он ничего больше не говорил, а пластинок Уилли и Уэйда никаких и не бывает, если у тебя ничего другого, кроме Мелочи Не Будет?, не получается.

В общем, мы все брали свои пластинки Уилли и Уэйда в Парк Уилли и Уэйда и крутили подряд клевые и грустные песни Уилли и Уэйда на портативных проигрывателях для городского зверья, нервных черных белок и выгоревших с виду собак да грязных больших голубей.

И я подумал: наверно, однажды Уилли и Уэйд лично заявятся в Парк Уилли и Уэйда поглядеть, как оно все тут, кто пришел и что за пластинки та личность крутит или что за пластинки крутит эта личность.

И вероятно, Уилли (или Уэйд) просто поболтается вокруг, повынюхивает, как оно тут все, будет говорить «Здоров» тому и этому и увидит чокнутого черного парня в армейском хэбэ, который стоит в Парке Уилли и Уэйда и каждые десять минут орет курицей, и Уилли (или Уэйд) просто возьмет и скажет этому парню:

— Как оно ничего, дружище? — и улыбнется, птушто странности Уилли — или Уэйда — ни вот на столечко не парят.

И еще я подумал, что, наверно, тогда подойду к Уилли, если это будет Уилли, и расскажу ему про дружбана своего, который помер, и про то, как мне тогда было от этого и как мне от этого сейчас. И Уилли тогда скажет:

— Я знаю.

И тогда я, может, спрошу, помнит ли он Галвестон и играл ли он когда-нибудь, ребенком, в старых бетонных фортах вдоль волнолома, где была здоровенная пушка, которая правительству была уже без надобности, и он ответит:

— Конечно, играл. — А я скажу:

— Ты когда-нибудь работаешь в «Голубой сойке» в Сан-Антоне? — А он скажет:

— Конечно, работаю.

И я скажу:

— Уилли, не давай этим микрофонам себя напугать — тем, на которых маленькие мохнатые свитера надеты? — А он мне в ответ:

— Ох как же они меня пугают, кореш, только я виду не подаю. А потом он (один или другой, Уилли или Уэйд) скажет:

— Береги себя, дружище, — и уедет из Парка Уилли и Уэйда на своем черном лимузине, чей шофер все это время терпеливо его ждал, и я его больше никогда не увижу, но и дальше буду дорожить, всю свою жизнь, его великими вкладами.

ПО ВСЕМУ ФРОНТУ С «ЕЖЕГОДНИКОМ»

«Потребительский бюллетень» широко применяется в курсах по потребительским проблемам, потребительскому образованию, экономике, домоводству, предпринимательству, гражданственности, маркетингу, социологии, в науках о живой природе, физике и прочим научно-образовательным предметам. Изыскания, публикуемые в нем, предоставляют ценный материал, используемый в обучении молодых потребителей в старших классах и колледжах тому, как стать разумными и осведомленными покупателями товаров и услуг, как научиться искать хорошие качества в продуктах, которые они покупают.

«Ежегодник потребительского бюллетеня»

Поедет ли со мной Кэндес — отыскать целостность, цельность на Австралийском архипелаге? Слишком рано говорить. Между тем нам продолжает не давать покоя дело шведских теннисных мячей. Я забрел в цоколь, обнаружил там Кэндес на коленях перед стиральной машиной, наполненной шведскими теннисными мячами. Кэндес в слезах. Я взял ее за руку.

— Что? — сказал я.

— Ох, Чарлз, — ответила она, — неужто всё вразнос? Всё? — Я немного подумал. Затем:

— Ты читала «Ежегодник». — Она отвела взгляд.

— Там говорилось, что эти шведские теннисные мячи можно стирать в машинке-автомате и сушить в сушилке-автомате без разрушительных последствий. Я же должна была попробовать, а? — У стиральной машинки негодный фильтр для катышков, что я обнаружил на прошлой неделе, когда он подавился новым

ковриком, пятьдесят процентов дакрон и пятьдесят процентов железный колчедан — его приобрела Кэндес, предварительно не взглянув во внушительный, авторитетный ежегодник «Ежегодник». Кэндес тем не менее ни в чем нельзя упрекнуть — ее и так мучают раздражение легких от чрезмерного употребления аэрозольных лаков для волос (стр. 15), неприятное высыхание и обветривание губ от чрезмерного применения несмываемых губных помад (стр. 17).

— Я не виню тебя, Кэндес, — сказал я. — Я виню твое негодное образование в той дорогой восточной школе для девочек. — В ее золотых волосах трепещут частички железного колчедана.

— Всё вразнос, — прошептала она. — Если б я не транскрипировала свое время туда-сюда в школе, читая Геродота, Сен-Симона, Рильке и Оуэна Уистера³⁰⁸, не искала ключи к тайне личности и загадке истории, мне бы удалось стать разумным и осведомленным покупателем товаров и услуг. Все очень просто. — И в глазах ее тлеет туманный свет, произведенный некачественными контактными линзами (стр. 50).

Вихрем закружил я свою дорожку в кафе-мороженое, где мы потребили некоторые количества льда со слоновым ямсом (хоть и набит он был пагубными пищевыми добавками). Но беда никуда не делась. Нас носит по напряженному и безрадостному миру, который распадается чем дальше, тем быстрее. Никак не остановить этого распада, грозящего со всех сторон. Рассмотрим случай прикроватных часов. «Проверьте громкость тиканья», — сказал «Ежегодник». Я проверил. Тикают. Тиканье казалось благопристойным. Когда же их установили в доме, они громыхали, как «Б-58». Кэндес нервно за ними наблюдала, жалобы соседей, звонки из полиции. А на стр. 143 электрический консервный нож, стригущий крохотные металлические стружки в открываемую банку; на стр. 178 швейная машинка, чье натяжение верхней нити не индексировано, чьи эксцентрики не производят швов, показанных на иллюстрациях. Да, они мои. «Нет причин считать, будто просмотр телевидения наносит непоправимый ущерб зрению», — говорит «Ежегодник». (Но как быть с потрясением мозга?) «Хороший тостер должен последовательно выдавать ломти однообразно подрумяненного хлеба в течение многих лет». Но мой тостер не привнес в наш союз ничего, кроме значительной угрозы удара током. И правда в том, что я приобрел нейлоновые простыни, которые соскальзывают с кровати (стр. 211), низкокачественные чернила, которые слишком долго

сохнут (стр. 57) — мои письма истекают кровью сквозь конверты, как руки средневекового святого.

«По оценкам, около пяти миллионов девушек питаются преимущественно закусками — безалкогольными напитками, “французской жареной картошкой”, пиццами, конфетами, гамбургерами и вафлями». Кто эти девушки? Как их зовут? Как они выглядят? Как с ними можно связаться? И как они себя ведут, заправившись «продуктами питания привлекательного наружного вида, но сомнительного качества»? Кэндес желает послать им постной говядины в простой коричневой оберточной бумаге. В морозилке такой полно. (Но опять-таки самой морозилке нельзя верить; она склонна жарить мясо в припадах температуры.) Позвольте признаться: я напряжен, ибо эта Америка — не та, какую я знал. Я уезжаю — на Австралийский архипелаг, поскольку, хотя мой трубочный табак — того типа, какой в 1968 году признан Коннектикутской сельскохозяйственной экспериментальной станцией обладающим минимальнейшим уровнем свинца и мышьяка, в моем средстве для чистки серебра — цианид, а мои апельсины нарумянены красителями на основе каменноугольных смол. Мой паровой утюг брызжет кипятком из воронки наполнения, моя дробилка пищевых отходов не пережевывает кукурузные кочерыжки, как полагается, моему проигрывателю кружат голову низкочастотная детонация, высокочастотная детонация, рокот воспроизведения и гул. Кислотная вода медленно разъедает гляцевую отделку моих раковин, унитазов, ванн, а что она делает с их владельцем, не скажет никто. Мои окна двойного стекления подвержены межпанельной конденсации, а среди молоточков моего фортепиано трудятся моли и жучки-кожееды. Мой роторный снегоочиститель мощностью 3 л. с. дал дуба. «Снег выбрасывался в виде пылевидной дымки, которую сдувало на оператора», — утверждает «Ежегодник», так оно и оказалось; вернувшись с испытательного прогона, я напоминал лапландца. Неочищенный снег сейчас наметает сугробами вокруг моего автомобиля, моих яблонь и Кэндес, которая вышла за почтой. Но пусть идет, ибо я пишу письма, гневные письма изготовителю, Федеральной комиссии по торговле, Национальному бюро по совершенствованию деловой практики и Генеральному прокурору штата Нью-Йорк, как мне рекомендует делать «Ежегодник». Мир проседает, налетает на коряги, шелушится, раскалывается, обдирается, гудит, проваливается, искривляется, запинается, выцветает, откалывается, трескается, желтеет, протекает, глохнет, съезживается

и пребывает в динамическом неравновесии, а еще нужно думать о плесени, о прободениях и переломах внутренних органов от покостях, о пластиковых трубах, пленительных тормозных жидкостях, о радиоприемниках, срок службы чьих батареек, как и жизнь человеческая, есть штука хлипкая и мерцающая.

Кэндес, дорогая моя, сердце моего сердца, сними руку с того пакета смягчителя ткани! Он может произвести неразстворимый комок, а тебе же этого не надо, правда? «Самая большая трудность, с которой сталкивается потребитель, разыскивая себе обувь, отнюдь не мода — хотя она и может быть его первой мыслью, — а выбор такой модели, которая в итоге не приведет к искривлению стопы». И не забудьте о рубашках, у которых развивается желтоватый оттенок! И термическое огнеупорное натуральное белье — особенно стеганые полиэстеровые спортивные костюмы из нейлонового волокна: они, будучи подожжены, тают, образуя горячий, клейкий, прилипающий к телу пластик! А неуспех краски! А смеси для пирогов, начиненные сложными эфирами и альдегидами неопределенных свойств! А велосипеды со скверной конструкцией педали! А габаритно-нестойкие вискозные одеяла! А электронные органы, издающие чпоканье! А кофемолки, что противоречиво влияют на вкус напитка! А дорожные утюги, чьи подошвы идут волдырями! А настольные вентиляторы с высоким уровнем шумов! А электробритвы с тенденцией раздражать шею! Припомните к тому же, что приобретение фотоаппарата — нового или подержанного — может оказаться для непосвященного рискованной операцией! Что очень немногие бриллианты совершенно лишены каких-либо дефектов или изъянов! Что у сегодняшних наручных часов высокая цена не служит гарантией надежной работы или прочной конструкции! Что конструкция колесных манометров оставляет желать лучшего! И наконец, что привычке ходить везде без головного убора или рубашки в местах с жарким солнечным климатом, а также по волеизъявлению так поступать детям следует всячески препятствовать! держат гарантией надежной работы или прочной конструкции!

О смелый «Ежегодник потребительского бюллетеня», держащий оборону в мире, где лучшим недостатком является худшие исполнены страстного пыла! Ты даешь мне пробирные камни, которыми способен я защититься от обманчивого ценообразования, ложных даровых предложений, фиктивных заявок, соблазнительной рекламы и общего прохиндейства

американской экономики. «Хорошая пружина должна работать бесшумно — или сравнительно бесшумно. Нажмите на нее в тихой среде». Конечно же. Вы не против, если я на минуточку занесу эту пружину с собой в лифт? И закрою двери — что скажете, дежурный администратор торгового зала? Вы чего это щеритесь? «В целях долговечности ворсовые петли махрового полотенца должны быть плотно прижаты и тверды. Твердость проверьте введением булавки в ворсовую петлю и слегка приподнимите ее над полотенцем». С булавкой наизготовку я выдвигаюсь в сумрачные глубины магазина полотенца — явно же, что у человека важная миссия. В универсальном магазине я сгибаюсь над переносным холодильником, тщательно осматривая поднос ледяных кубиков через свою ювелирную лупу. Да, замерзали они слишком долго. Быстро расстегиваю я путы, что привязывали Хьюго, ястреба-убийцу, к моему запястью. Сомнительный холодильник не останется безнаказанным! Вот Хьюго взлетает, направляясь в Панду, Айова, где производятся эти ничемные приборы. Смотрите, как парит!

И вот — Порт-Морзби. Поедем, Кэндес, позволь мне выманить тебя из-под этого стеклянного колпака, в который удалась ты, дабы предохранить свои нежные уши от звука образования волосяных трещин в фарфоре на кухне. Поедем, Кэндес, и не волнуйся о сборах. Единственное устройство, какое я намереваюсь взять с собой, — Хьюго.

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ НЕДОМЫСЛИЕ

По мере того как отмечание Двухсотлетия после некоторого жесткого юза наконец расцветает грибом высокой передачи, нам приходит в голову, что Америке прискорбно недостает единственного: Монументов. У каждой паршивой маленькой четвертосортной пошлой европейской страны памятники торчат повсюду, и там невозможно свернуть за угол и не влечься в восемнадцатифутовую бронзу «Лебруш щекошет горничных в Ваше, планируя битву при Бледсоу» или чего-то подобного. Американцы же имеют склонность навалить несколько позеленевших ядер рядом со сломанной мортирой и забыть про это.

Стало быть, Двухсотлетие требует не одной тонны новой монументации — это великолепный способ придать стране блеска и к тому же работа для наших литейщиков, которым трудно. Ниже следуют некоторые предложения.

ВАЛИУМ

Валиум — то, что держит самолеты в воздухе, машины на шоссе и грохот в горниле. Часто эти функции ошибочно приписываются Петролеуму, но Америка не промах. В такое время, когда все более отвратительные Откровения ежедневно дербанят нервы, успокоительно отмечать, что отечественные резервы его, по оценкам, составляют два миллиона баррелей в день желтеньких и три миллиона баррелей в день по 10 мг, они же синенькие.

ДЖИНСЫ

Памятник благородному Джину, кто обогатил всю нашу жизнь. Джина изобрел Клод Леви-Стросс в 1932 году: великий антрополог в тот год искал «глубинную структуру» человеческих брюк. Названное в честь его дорогого друга Жана Реплета (великого зоопсихиатра), слово это следует произносить «жансы», но многие об этом забыли. В конце 30-х им кратко был брошен вызов нелепой сущностью под названием «тишотка» (большие карманы), но Джин одержал верх, чтобы стать ключевой штаниной американского изобилия в 50-е, 60-е и 70-е годы.

ЛАЗЕЙКА

Лазейка для XX века — то же, чем был фронт для века XIX: выход, психологическая пожарная лестница. Лазейки вместе с тем — не для всех и каждого. Они скрыты, как пасхальные яйца, их можно найти лишь при помощи высокооплачиваемого советчика. Этот монумент годится для корпоративных плакатов, а также очень симпатично выглядит на верхушках зерновых элеваторов.

НОСТАЛЬГИЯ

В Двухсотлетней Америке вчера — это клево. Вместо томления по тому, что грядет, что имеет больше смысла в понятиях возможного, мы томимся задним ходом, и кому тут вообще есть дело до «смысла»? Пялясь на горку старых спортивных трусов, или старую спортивную сумку с нашим натрафареченным

серийным номером, или на старую треснувшую клюшку для гольфа, мы наполняем безымянной эмоцией под названием Гольф. (Раньше мы носили клюшки в спортивных сумках, и если вы считаете, будто над нами потешались, вы ошибаетесь.) Этот памятник в особенности предназначен для чуланов, чердаков и заброшенных кинотеатров.

ПОДЪЕМ СОЗНАНИЯ

Всегда лучше быть сознательным. Если вы бессознательны в Двухсотлетней Америке, то часто просыпаетесь и обнаруживаете, что член Конгресса украл ваши ботинки и продал их на 14-й улице, чтобы оплатить новую систему вооружений. Но иметь Сознание мало; Сознание следует поднимать — все выше и выше, выше и выше. На самой головокружительной высоте Сознание иногда вас подводит. Став верховно сознательным, вы обнаруживаете, что сознаете вот что: все не очень здорово.

БЕДСТВО

Бедствие восхитительно. Добрый куль беды с бюджетом \$6 миллионов вызовет 177 восторгов и 22 трепета в час. Эти элегантные произведения, отчищенные от всей кожи, костей и хрящей для облегчения потребления, располагают и нравственным измерением. Они смутно напоминают вам о судьбе или чем-то вроде того, о неотступной непредвиденности человеческой жизни или типа того. Преимущественно они отвлекают ваш ум от жизни, этого нелепого предприятия, и нацеливают ум этот на кого-то другого, кому в данный момент действительно припекает. Ну, вам же сейчас лучше, чем этому придурку, правда? Меж тем боевые муравьи капитализма дожевывают на вас башмаки.

РАЗРЯДКА

Когда два человека договариваются не вредить друг другу сегодня или в непосредственном будущем, это повод для радости. Насколько же удовлетворительнее, значит, если о том же самом договариваются две сверхдержавы. Канат международного напряжения может быть туго натянут или вял; главное — помнить, что им обмотаны наши шеи, и когда кто-нибудь пытается пересечь его на танке или множестве танков, на него следует смотреть странно.

СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Связи с Общественностью есть искусство представления наилучшего лица из возможных по тому или иному поводу. Если повод — угольная шахта, корпоративный бандитизм или открытая сточная канава, Связи с Общественностью становятся поистине высоким искусством. Намерение таково: защитить нас от действительности, которая кусается. Все лучшие специалисты по Связям с Общественностью на свете живут в Америке, в домах, выстроенных из сверкающего «Блэска».

РАЗВОД

Развод хорош в других странах, но нигде он так не хорош, как в нашей собственной — священный клей «Элмера», цементирующий ткань общества. Без таинства Развода кому бы хватало глупости жениться? Никому, за исключением тех, кому так или иначе плевать, — тех 15% населения, которые в Америке всегда «не могут определиться», тупиц этих. Будущее Развода в Америке омрачает вот что — юридическая профессия, которая способна сделать весь процесс весьма неприятным. Возможно, было бы недурно отобрать у юристов юрисдикцию и передать ее сантехникам. Сантехники знают всё про стыковку и расстыковку — и они слегка дешевле.

ПРОГРЕСС

Прогресс чудесен и продолжает становиться все чудеснее с каждым проходящим финансовым годом. Прогресс — основная американская идея, и ни в одной другой стране Прогресс не превышает наш — по административному указу³⁰⁹. Прогресс часто служит мишенью для дешевых презрительных насмешек недовольных горлопанов, но даже недовольный горлопан может подняться по темной лестнице, держа в руке серебряный подсвечник. Если Прогресс продолжит подмасливать качество жизни с нынешним темпом, к завтраку 1999 года все будут невыносимо счастливы. Ура!

ПРИЗ ДАССО

В рамках подготовки к Парижской всемирной выставке 1900 года фирма «Dassaud Frères», приборостроители, выступила спонсором великолепного научного состязания с призом 50 000 франков. Цель: отыскать — иными словами, засечь во времени и пространстве — Бога. Некоторое количество отважных и одаренных исследователей тут же приступило к работе.

Разработка совершенных телескопов стала очевидным первым шагом. Аппараты профессоров Кассегрена³¹⁰ и Фальконетти задерживали работников Дассо (и прочих) у верстаков допоздна.

Приз Дассо

225

Братья Дассо (слева направо)
Антуан, Пьер и Эрикль, спонсоры Состязания

Многие в научном сообществе пренебрегли Призом и продолжали заниматься чисто светскими развлечениями.

Приз Дассо превратился в перво-степенную тему для бесед за самыми передовыми обеденными столами города. Здесь представлена встреча «*Cercle Métaphysique*»*. (Заметьте электрический трамвай для подачи блюд без вмешательства слуг.)

Анри де Пьемон, заигрывавший с дарвинизмом, рассудил, что Первопричину следует искать в морских глубинах, и снарядил себя соответственно.

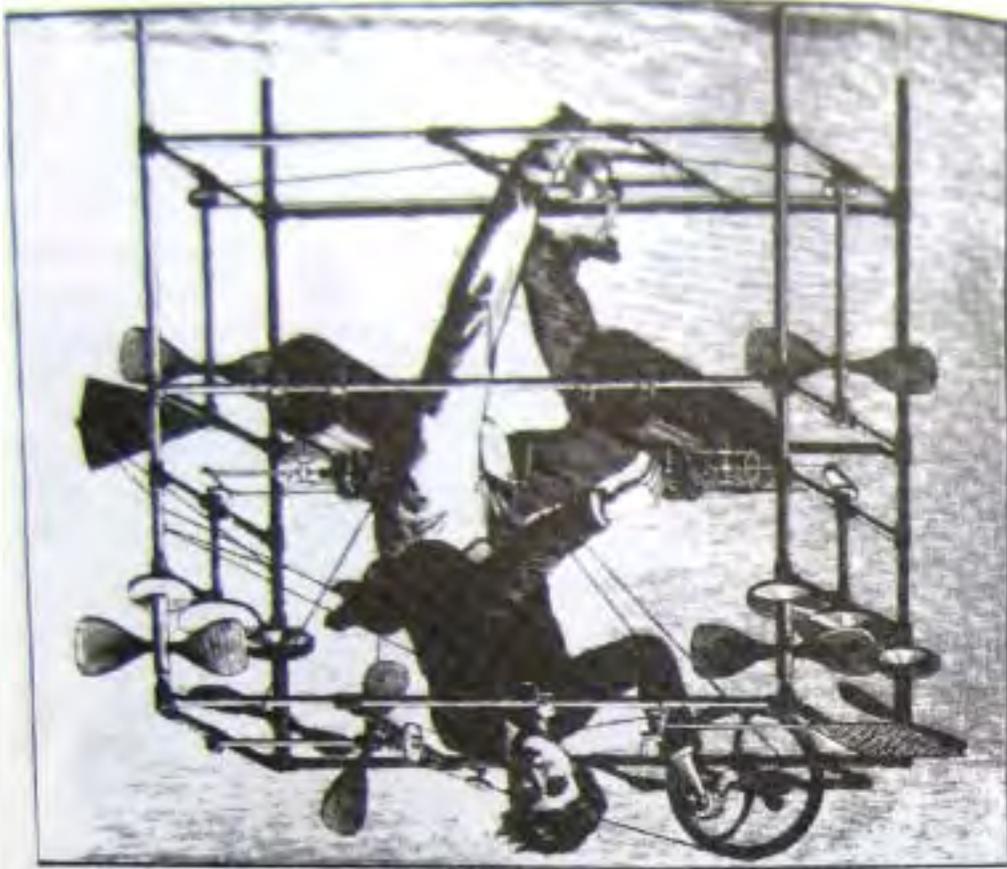
* Метафизический кружок (фр.).

Мальчик-изобретатель Адольф Тиссье и его «машинка сенсационных эмоций» — многообещающий участник. Тиссье в дальнейшем разыскивался полицией за «снегбородизм».

Вовлеченность американской «команды» была, как водится, горячей и искренней. Но Бога в этих пагубных областях не нашли.

Усилия молодого шотландца «Не Туда» Маккима вызвали аплодисменты — до определенного предела.

Ахиль Пьюрефуа со своим электрическим «внутренним кольцом». Последовавший за его применением дальтонизм привел его в стан фовистов.

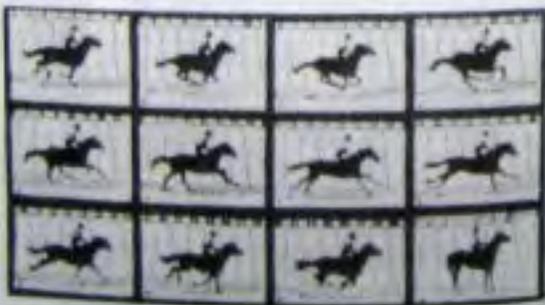
Выдающийся д-р Морсо преуспел в выведении помеси печатного прессы и летучей мыши в лабораторных условиях. За этого достижение он был сослан на Чертов остров³¹¹.

Яркая и эксцентричная мадемуазель Кавайон просто... думала.

Подобно другой Башне, с которой ее часто сравнивали, испанская конструкция месье Эффеля была и мыслима, и немислима — что этот безумец мог иметь в виду? Известно, что свои логарифмические линейки он покупал у Дассо.

Приз Дассо — вероятно, предсказуемо — так и не присудили. Но можно ли считать неудачей инициативу, способную произвести на свет такие достижения, как Фотографическое Ружье и Остановщик Лошадей месье Зьеффа?³¹² Это решат грядущие века.

Пьесы

ДРУЗЬЯ СЕМЬИ

ПОЯСНЕНИЯ:

Всем мужчинам за сорок.

Когда **МАРТА** возникает повторно как **ЖЕНЩИНА** в студии, голос ей следует изменить так, чтобы звучал моложе: это некоторая маскировка.

У мужчин должны быть легкие британские акценты.

Выговор можно подавать как угодно.

Все речи произносятся с сугубой серьезностью.

(Музыка: Тема)

(Звук: Машина отъезжает от аэропорта: шумы аэропорта)

ХУБЕР (вздорно): И все же не понимаю, зачем мы понадобились.

БЛУМЗБЕРИ (устало): Вы не понадобились. Вас пригласили.

(Звук: Самолет над головой)

ХУБЕР: Ну пригласили. Не понимаю, зачем нас пригласили.

БЛУМЗБЕРИ (с отращением): Как друзей семьи. Вы оба — друзья семьи. (Пауза.) Она была, как мне показалось, вполне спокойна.

УИТТЛ (льстиво): Ты тоже.

БЛУМЗБЕРИ: Конечно, ее выдрессировали не рыдать на людях.

УИТТЛ: А не следовало ли нам, по-твоему, дожидаться взлета?

ХУБЕР: Так было б больше уважения.

УИТТЛ: Вероятно, ее бы тронуло.

ХУБЕР: Да, тронуло.

БЛУМЗБЕРИ: Никакой разницы б не было.

УИТТЛ: Я думал, точно будут рыдания.

ХУБЕР: Но он обеспечил толпу. Предотвратив уединение и тем самым — рыдания.

УИТТЛ: Мне, бывает, нравится видеть, как женщина рыдает.

ХУБЕР: Толпой были мы. Вдвоем. Он не считается.

УИТТЛ: У них чувства тоньше, чем у нас, и они их скорее проявляют, как я убедился.

(Звук: Очень близко проезжает другая машина)

ХУБЕР (раздумчиво): Разумеется, это неточность — утверждать, будто мы друзья семьи. Семьи никакой нет больше.

УИТТЛ (рассудительно): Семья по-прежнему существует как юридическое лицо, полагаю. Была ли там собственность? В совместном владении? Это и повлияло бы на вопрос,

перезанимает ли семья *quia* семья физическое разделение партнеров, которому мы только что стали свидетелями.

БЛУМЗБЕРИ: Выглядела она, как мне показалось, очень хорошенькой.

УИТТЛ: Прелестно.

ХУБЕР: Вообще-то — потрясающе.

(Звук: Реактивный самолет разворачивается с набором высоты)

УИТТЛ (обыденно): Богатые девушки всегда выглядят хорошенькими.

ХУБЕР: Я тоже слышал.

УИТТЛ (**БЛУМЗБЕРИ**): Деньги она с собой забрала?

БЛУМЗБЕРИ (грустно): Да.

ХУБЕР: Едва ли ты мог поступить иначе, наверное.

УИТТЛ: И все же...

ХУБЕР: Что-то тебе за все хлопоты. Порядочный кус — купить взаимных фондов.

УИТТЛ (коварно): «Взаимные фонды».

ХУБЕР (побивая его карту): «И слить».

УИТТЛ (строго): Несомненно, это пошло бы против шерсти. Но хлопоты же были, разве нет? За которые было предложено мало компенсации или вообще никакой?

БЛУМЗБЕРИ (устало): Денег было вообще-то очень много. Больше, чем один человек способен с легкостью потратить. Но тютелька в тютельку, если судьбе угодно было распорядиться ими на двоих.

УИТТЛ (сердечно): Старые добрые деньжата!

БЛУМЗБЕРИ (сурово): Неправильно было бы оставить их себе. (Пауза.) То, что в годы нашего совместного проживания это были наши деньги, какие можно преумножить и гордиться ими, не меняет того факта, что первоначально это скорее были ее деньги, нежели мои.

УИТТЛ: Мог бы яхту купить, или лошадь, или...

ХУБЕР: Подарков друзьям, которые поддерживали тебя в выполнении этой трудной и, если можно так выразиться, неприятной задачи.

УИТТЛ: Твоим друзьям, кто частенько навещали тебя по вечерам, когда вы еще оставались по-прежнему в комплекте.

ХУБЕР: Твоим друзьям, с кем ты бражничал и даже кутил — когда-то.

БЛУМЗБЕРИ (*цитируя*): Златые дни под солнцем счастья нашей юности³¹³.

УИТТЛ: Да, мне порой нравится видеть, как женщина рыдает. Особенно молодая... хорошенькая... богатая женщина. У меня от этого зуд.

ХУБЕР: Что?

УИТТЛ: Зуд. *Frisson*^{*}, если угодно.

ХУБЕР (*гогоча*): Вы только послушайте его!

УИТТЛ: Мне от этого лучше. (*ХУБЕРУ*) Что ты сделал с бренди?

ХУБЕР: У меня с собой.

(*Звук: Из бутылки извлекается пробка; УИТТЛ пьет*)

УИТТЛ: Ах-х-х-х! (*БЛУМЗБЕРИ*.) Интересно будет, Блумзбери, посмотреть, что ты сможешь сделать дальше. Проследить за твоими движениями, отсутствием движений. Понаблюдать за твоими корчами. Посмотреть, как ты сломаешься или растечешься — если выберешь одну из этих дорожек. Из этих тернистых тропок. Речь может зайти даже о здоровье.

(*Звук: ХУБЕР смеется*)

(*Звук: УИТТЛ смеется*)

(*Звук: Смех ХУБЕРА обрывается*)

УИТТЛ: Речь может зайти даже о здоровье. (*Пауза.*) Маловероятно.

БЛУМЗБЕРИ: Маловероятно?

ХУБЕР (*рассеянно*): Да, как ты себя чувствуешь?

УИТТЛ: Да, как ты себя чувствуешь?

БЛУМЗБЕРИ: Как я себя чувствую?

ХУБЕР: Твои эмоции. Сможешь быстро считать нам показания?

УИТТЛ: Лишь намекни, больше нам ничего не нужно.

ХУБЕР: В конце концов, определенное напряжение было ведь.

УИТТЛ: Цвет у него хороший.

ХУБЕР: Печеночно-серый, я бы назвал.

БЛУМЗБЕРИ: Я сменял дом.

УИТТЛ: Что ты сделал?

БЛУМЗБЕРИ: Сменял дом. На радио. На радиостанцию вообще-то.

(*Музыка: Начинает играть «Усеянное звездами знамя»*)

ХУБЕР: Радиостанцию?

БЛУМЗБЕРИ: Да. Вещательную. (*Слегка иронично.*) Из индустрий блеска. Это будет невероятно благодарный опыт. (*Пауза.*) Это будет хоть какой-то опыт. (*Пауза.*) Познавательный опыт? (*Пауза.*) Ни к чему это не приведет, полагаю.

* Треспет (фр).

(*Музыка: «Усеянное звездами знамя» громче.*)

ХУБЕР (*доверительно*): Приобрета в обмен на дом, бывший их домом, его и ее, радио — или, точнее говоря, радиостанцию, — Блумзбери теперь мог ставить «Усеянное звездами знамя», которым восхищался неумеренно ввиду его завершенности, сколько влезет. Кроме того, он мог транслировать некоторые свои любимые слова — слово «темнеменее», к примеру.

(*Музыка: «Усеянное звездами знамя» стихает.*)

БЛУМЗБЕРИ: Темнеменее. Темнеменее. Темнеменее. Темнеменее. (*Пауза. БЛУМЗБЕРИ элегично.*) Что ж, старушка, поехали. Я говорю в эту трубку, ты лежишь на спине — вероятнее всего, слушаешь, я в этом не сомневаюсь. Шикарно, что ты на меня настроилась. (*Пауза.*) Я помню тот раз, когда ты пошла гулять босиком, что за вечер! На тебе были, помнится, твои сизо-голубиные шелка — или печеночно-серые? (*Пауза.*) Не важно. (*Пауза.*) Или цвета серой голубиной печени? (*Пауза.*) Неважно. На тебе были, как я припоминаю, твои серые шелка и шляпа с цветами. На земле валялись каштаны; ты жаловалась, что они у тебя под ногами — будто камни.

МАРТА (*капризно*): Туфли! Я забыла свои туфли!

БЛУМЗБЕРИ (*пылко*): Я опущусь — на четвереньки — и расчищу тропу, дорогая моя. Я размету их ладонями. Своими голыми ладонями. (*Пауза.*) Дорогая Марта!

(*Звук: БЛУМЗБЕРИ на коленях, разматает*)

МАРТА: Ты выглядишь нелепо там внизу.

БЛУМЗБЕРИ (*с тротуара*): Ну и вечер! Каштаны отпускали свои плоды. Вскоре настанет время индейки. С печеночной подливой.

МАРТА: Я хочу льда — малинового льда.

БЛУМЗБЕРИ (*с тротуара*): Разумеется, дорогая моя, что угодно, малиновый лед, вишнево-ягодный лед, дай-ка я только... уберу... этих... маленьких... гаденышей...

(*Звук: Неистовое сметанье; затем хлопает дверь*)

МАРТА (*дома*): В следующий раз, если следующий раз будет, надену туфли. Пусть даже меня это прикончит.

БЛУМЗБЕРИ: Тебе лед понравился?

МАРТА: Минимально.

БЛУМЗБЕРИ (*умоляюще*): Мы же там были счастливы, разве нет?

В кафе-мороженом. Хорошенькие были, просто загляденье.

Муж да жена.

МАРТА: Когда ты разместил свое запачканное малиной рыло в моей перчатке...

БЛУМЗБЕРИ: Я всегда буду здесь — чтобы сметать каштаны. Что бы ни случилось. Если даже ничего не случится.

МАРТА (*с сомнением*): Ты и был тут всегда.

БЛУМЗБЕРИ: Шикарно, что заметила.

МАРТА: Темно.

БЛУМЗБЕРИ: Нам пора ссориться.

МАРТА: Какова тема?

БЛУМЗБЕРИ (*словно читая с доски объявлений*): «Малость в человеческом самце».

МАРТА (*удовлетворенно*): Да. Я утверждаю, что это злонравие.

БЛУМЗБЕРИ: Марта...

МАРТА: Простое... злонравие.

БЛУМЗБЕРИ (*умоляюще*): То был недостаток должного питания в мои юные годы.

МАРТА (*беря высокомерный тон*): Простое и намеренное... злонравие. Я решила, что ужина тебе нельзя.

БЛУМЗБЕРИ: Без ужина?

МАРТА: Ты уже набил себе брюхо малиновым льдом.

БЛУМЗБЕРИ: Всего два черпачка!

МАРТА: Своим пылом ты испортил хорошую перчатку. И колени приличных брюк к тому же.

БЛУМЗБЕРИ: Но это было из любви к тебе!

МАРТА: Цыц! Или завтрака тоже не будет.

БЛУМЗБЕРИ: Но любовь движет миром!

МАРТА: Да и завтрашнего обеда тоже!

БЛУМЗБЕРИ: Но мы некогда были друг для друга всем!

МАРТА: Или ужина завтра вечером.

БЛУМЗБЕРИ: Но хотя бы ириску?

МАРТА: Ну и порть тогда зубы себе, мне-то какое дело!

(*Звук: На пол швыряются ириски*)

БЛУМЗБЕРИ: Ах, Марта, иди ж в постельку, будь паинькой.

МАРТА: Отвали, балабон, я себе еще Малларме на вечер не прочла.

БЛУМЗБЕРИ (*выговор сгущается*): Ууу Марта дорогуля неужто милые парнишечке сёдни ночью баиньки? Коль телик уж погасили, а у хозяина дома стояк?

МАРТА: Ты ко мне давай не лазь со своей похабенью по вторникам сам сображать должен.

БЛУМЗБЕРИ: Но Марта дорогуля где ж твоя любовь ко мне про каку толковали мы в тыща девятьсот и пийсят осьмом годе? На погосте у моря?

МАРТА (*презрительно*): Тю миста Стояк лучше б за Мусородробкой приглядывал, а то уж совсем забилась вся.

БЛУМЗБЕРИ (*настойчиво*): Ять Мусородробку! Марта, зая моя, мне твоей сладенькой шкурки подавай.

МАРТА: Лапы вынай свои 'з маво «Плейтекса»³⁴⁴, гадюка, меня твой дурацкий струмент до ужаса уж задолбал.

БЛУМЗБЕРИ: Но Марти дорогуля как же ж пользя, какой мы клялись в тыща девятьсот и пийсят осьмом? Про плач бескасиный да бедро исполина?³⁴⁵ Каким мы освятили наш союз?

МАРТА: То было тогда а это теперь, мож сколь угодно за той велосипедисточкой бегать в штанишках в обтяжку коль хошь себе растрястись да поскакать.

БЛУМЗБЕРИ (*отчаянно*): Ах Марти да не Велосипедисточка мне сердце разбиват а ты моя сладенькая самолично.

МАРТА (*со скукой*): Лапы с моего дерьера уברי дорогуша а не то я себе страницу в книжке залистну.

(*Музыка: Начинает тихонько играть «Усеянное звездами знамя»*)

БЛУМЗБЕРИ (*элегично*): Потом мы легли в постель. Хорошенькие были, просто загляденье. (*Пауза.*) Муж да жена.

(*Музыка: Тема*)

(*Звук: Машина: уличное движение*)

ХУБЕР: Идиотизм...

БЛУМЗБЕРИ (*заблаговременно соглашаясь*): Да...

ХУБЕР: ...что мы не знаем больше клятвых подробностей. Погашения вашего союза. Чем ты предпочел нам сообщить.

УИТТЛ (*обвиняюще*): Монах.

БЛУМЗБЕРИ: Что вы хотите знать?

ХУБЕР: Всё.

УИТТЛ (*небрежно*): Было б интересно, я думаю, а также пользительно знать, к примеру, на каком рубеже ситуация совместного проживания стала нестерпимой, ты был зачинщиком или она была зачинщиком, рыдала ли она, когда ты ей сказал, рыдал ли ты, когда она сказала тебе, имели ль место физические потасовки с задействованием телесных ударов или же предметы просто метались как с твоей стороны, так и с ее стороны, применялась ли ментальная жестокость, жестокость какого порядка и с чьей стороны, имелся ли у нее любовник или же любовника не имелось, имелась ли любовница у тебя или нет (приступая к делу), достался ли телевизор тебе или он достался ей, диспозиция

равновесия домашней обстановки, включая столовую посуду, белье, электрические лампочки, кровати и корзины, кому отошел младенец, если младенец имелся, какая пища остается в кладовке в данный момент, что произошло с медицинскими склянками, был ли это развод в удовольствие или развод не в удовольствие, оплачивала ли адвокатов она или адвокатов оплачивал ты, что сказал судья, если судья наличествовал, попросил ли ты ее о «свидании» после вынесения постановления или не просил, тронута ли она была или не тронута этим жестом, если таковой жест производился, задействовались ли на «свидании», если такое «свидание» имело место, шампанское и розы, или без шампанского и роз обошлось...

ХУБЕР (*обходительно*): Короче, нам бы хотелось все это прочувствовать.

УИТТЛ: Нам интересно.

ХУБЕР: Помню, как оно было, когда прочь улетела моя старая жена Элинор.

БЛУМЗБЕРИ (*глубокомысленно*): Да.

ХУБЕР: Но лишь смутно. Из-за прошедших лет. (*Пауза.*) Боль расставанья была... скажем так... изысканна?

УИТТЛ: «Изысканна» — что за дурацкое слово.

ХУБЕР: Откуда ты знаешь? Ты же так и не женился.

УИТТЛ (*твердо*): Я, может, не понимаю в браке, зато понимаю в словах. (*Хихикает*) Изысканна!

ХУБЕР (*равнодушно*): В тебе нет утонченности.

УИТТЛ: Утонченности! Час от часу не легче!

(*Звук: Проезжает еще одна машина, гудя клаксоном*)

УИТТЛ: Боже милостивый!

ХУБЕР (*спокойно*): Обезьяна. Ты номер запомнил?

УИТТЛ: Бренди был для тебя чересчур. Лучше давай я поведу.

ХУБЕР: Даже не обсуждается. Я совершенно компетентен.

УИТТЛ: Компетентен! Твоя старая уродка-жена Элинор тебя бросила именно потому, что ты идиот в механике, как она мне шепнула в день слушаний.

ХУБЕР (*изумленно*): Идиот в механике! Интересно, что она имела под этим в виду?

БЛУМЗБЕРИ (*вспряхиваясь*): Неожиданность, вот великое дело. Старые ткани держат в натяжку.

(*Звук: «Усеянное звездами знамя»*)

БЛУМЗБЕРИ (*вспоминая*): В тот замечательный день, день, не похожий ни на какой другой, в тот день, уж извини, всех дней,

в тот стародавний день всей старины, когда мы были, как говорится, молоды, — мы вошли, уж прости мне такую несусветность, рука об руку в театр, где демонстрировался фильм. (*Звук: Звуковая дорожка к фильму, неистово*)

БЛУМЗБЕРИ: Мы сидели, ты и я, поскольку у нас не было своих углов, а парков не существовало, и у нас не имелось автомобиля, а пляжи отсутствовали. Мы забрались на самый высокий балкон.

(*Звук: Звуковая дорожка к фильму, еще неистовее*)

БЛУМЗБЕРИ: Я и опомниться не успел, как рукою оказался у тебя под блузкой и обнаружил там нечто очень милое, мягкое, теплое и, как говорится, желанное. Оно принадлежало тебе. Я не знал — в то время, — что с этим делать, а посему просто (*пауза*) просто! (*пауза*) держал это в руке.

(*Звук: Звуковая дорожка к фильму, неистовее некуда*)

МАРТА (*неистово*): Ну давай уже, что ж ты?

БЛУМЗБЕРИ (*рассеянно*): Я картину смотрю.

(*Звук: Вздыхающиеся струнные на коде фильма*)

БЛУМЗБЕРИ: Мы смотрели картину вместе, и хоть в этом тоже имелся некий вид близости, иной вид был утрачен. И на тот ряд балкона мы, ты и я, не вернулись больше никогда.

(*Звук: БЛУМЗБЕРИ рыдает, пока музыка затихает*)

(*Звук: Палец постукивает по стеклу; приглушенные слова*)

БЛУМЗБЕРИ: Что?

(*Звук: Приглушенные крики*)

БЛУМЗБЕРИ: Что? (*Пауза.*) Минуточку, сейчас выйду.

(*Звук: Открывается и закрывается дверь, шаги*)

БЛУМЗБЕРИ: Вы кто?

ЖЕНЩИНА: Поклонница. Я слушаю ваши... объявления.

БЛУМЗБЕРИ: Ой. Я и не знал, что кто-то... слушает.

ЖЕНЩИНА: Вероятно, много-премного людей. (*Пауза.*) Вы пожалуйста.

БЛУМЗБЕРИ: Ох, верно, да. У вас великолепная... фигура.

ЖЕНЩИНА: А также обалденное чувство юмора. (*Пауза.*) Вам обязательно надо пялиться?

БЛУМЗБЕРИ: Ой. Извините. (*Поддерживая разговор.*) Значит, вы поклонница.

ЖЕНЩИНА: Да. Профессиональная поклонница. Очень рано начала. Выбираешь человека, чьей поклонницей быть,

и потом обожаешь этого человека. (*Пауза.*) Его о-бож-аешь. (*Пауза.*) Или ее.

БЛУМЗБЕРИ: Да.

ЖЕНЩИНА: Для начала я была президентом Клуба поклонников Воющего Тельца. Это было в — я даже не помню год. Я была очень юна. Мною овладели магнетизм и сила его личности. Меня чаровали голос его и жесты. Я об-о-жала его. Мы об-ож-али его. Когда он умер, показалось, что умерла и жизненно важная часть моего воображения.

БЛУМЗБЕРИ: Это интересно.

ЖЕНЩИНА: Мой мир грез оголился. Хотите взглянуть на портрет Воющего Тельца?

(Звук: Треск фотографии)

БЛУМЗБЕРИ: Очень волнующий.

ЖЕНЩИНА: В действительности я никогда не встречалась с мистером Тельцом. У нас был не такого сорта клуб. То есть мы не вступали в настоящий контакт со звездой. Был Клуб поклонников Тома Джоунза, так вот те люди, они действительно связывались со звездой. Когда им хотелось памятки...

БЛУМЗБЕРИ: Памятки?

ЖЕНЩИНА: Вроде «клинекса», которым звезда пользовалась, например, с настоящим потом звезды на нем. Или обрезков ногтей, или волос из хвоста или гривы лошади звезды...

БЛУМЗБЕРИ: Хвоста или гривы?

ЖЕНЩИНА: Звезда, естественно, *noblesse oblige*^{*}, пересылала им искомый предмет.

БЛУМЗБЕРИ: Понимаю.

ЖЕНЩИНА: Вы пялитесь.

БЛУМЗБЕРИ: Я не знал.

ЖЕНЩИНА: Вы пялитесь на многих женщин?

БЛУМЗБЕРИ: Не то чтобы. Но их вполне сколько-то.

ЖЕНЩИНА: Это приятно?

БЛУМЗБЕРИ: Не то чтоб приятно. Но лучше, чем ничего.

ЖЕНЩИНА: У вас бывают интрижки?

БЛУМЗБЕРИ: Не то чтоб интрижки. Но иногда эдакий трепет.

ЖЕНЩИНА: Ну, у меня тоже чувства имеются.

БЛУМЗБЕРИ (сурово): Я думаю, это весьма возможно. У такой большой девочки, как вы.

ЖЕНЩИНА (наивно): Я... ваша... поклонница. Поклонница ваших объявлений и вас, Блумзбери. Мне можно переночевать у вас в студии? Под роялем?

^{*} Положение обязывает (фр.)

БЛУМЗБЕРИ: А холодно вам разве не будет, под роялем-то?

ЖЕНЩИНА: Я стану согреваться светом и жаром вашей личности. Вашим магнетизмом. Вашими воспоминаниями.

БЛУМЗБЕРИ: Лед... кубики льда...

(Музыка: «Звенище, бубенцы»³¹⁶ или эквивалент)

БЛУМЗБЕРИ (вещая): Я помню ссору из-за кубиков льда. Вот что стоит... припомнить. На доску объявлений ты поместила тему «Охлаждение», и я беспокоился из-за нее весь день — и недоумевал. Хитрая bestia! Я в подробностях вспоминал, как жаловался некогда, что кубики льда не заморожены. А в действительности — разморожены! водянисты! бесполезны! Я говорил, что не хватает кубиков льда, ты же меж тем утверждала, что их более чем достаточно.

МАРТА (надменно): Более чем достаточно кубиков льда!

БЛУМЗБЕРИ: Ты назвала меня дураком, имбецилом, тупицей!, сказала, что машина у тебя на кухне, которую ты приобрела и вынудила разместить там, без всякого сомнения и с непогрешимым авторитетом, — самая совершенная машина в своем роде, известная тем, кто понимает в машинах ее рода, что среди ее свойств имеется свойство зачинать, вынашивать и в момент необходимости рожать славное количество кубиков льда, так что, сколь ни сурова бывает потребность, сколь ни огромны масштабы события, сколь ни безразлична или даже враждебна среда, сколь ни неуклюж или даже подлый, сколь ни короток или даже вовсе несуществующий зазор между генезисом и родами, между желаньем и фактом, кубики льда в достаточных количествах явятся нам. (Пауза.) Ну (пауза), сказал я, (пауза) возможно. (Долгая пауза.) О! Как потрясло тебя это слово — возможно. Как ты кипела, старушка, как выражалась. Грудь твоя вздымалась, если можно так выразиться, а глаза твои (пауза) твои глаза! (пауза) потемнели.

МАРТА (в ярости): Мы будем, ей-кляту, считать эти клятые кубики льда!

БЛУМЗБЕРИ (удовлетворенно): Но ты обсчиталась. Ты никогда не была сильна в счете. Ты брала кубики льда из лотков и клала их в салатницу. Ты подсчитала, что в салатнице сто сорок четыре кубика, беря каждый кубик в отдельности из лотка и помещая их в салатницу, меж тем имея в виду общее количество, могущее быть полученным простейшим умножением ячеек в лотках. Тем самым задеяв — как в этом деле, так и в иных — оба способа! Однако тебе не удалось на сей раз,

как и на другие разы, рассмотреть непредсказуемое. В данном случае — тот факт, что я, избегнув твоего наблюдения, положил три кубика себе в выпивку! (С пылом.) Кою затем и выпил! (Дополнительный пыл.) А один кубик совершенно не попал в салатницу, а свалился прямо в раковину! И растаял там! А еще два, доведенные до неистовства возбуждением близости твоей личности, растворились (пауза) до лужиц грязной воды (пауза) на кухонной стойке. (Пауза.) Самоубийство. (Пауза.) От любви. (Деловито.) Оные события прискорбным манером препятствовали сложению количества кубиков в салатнице до достижения числа, соответствующего числу ячеек в лотках. В смысле — недостаточно. Доказывая, что справедливости не бывает. (Пауза.) Какой провал для тебя! Какой триумф для меня! Моя первая победа, боюсь, я даже несколько повредился в рассудке. Я стащил тебя на пол и там, среди кубиков льда, кои ты разметала по нему в обиде и досаде, принудил тебя (пауза) с исходом, каковой считал тогда — да и посейчас считаю — «первосортным». Мне показалось, в тебе я заметил (пауза), я подумал, что заметил в тебе...

МАРТА: Пежь Велисипедисточку, ежли те воодушевленья подавай.

(Музыка: «Велосипед на двоих»³¹⁷ или эквивалент)

БЛУМЗБЕРИ: Ах, Дейзи, куда ж эт' ты поехала?

ДЕЙЗИ: К бабушке, коль ваш' лярдствию буйт угодно.

БЛУМЗБЕРИ: И что ж это за прекрасная юная мягкая юная теплая юная штучка у ты там Дейзи на сидушке лисапета.

ДЕЙЗИ: Ууу ваш' лярдствие ну и зловердная ж у вас глава на вас, спорнем вы так всем деушкам грите.

БЛУМЗБЕРИ: Не-е Дейзи как есть истинная правда в том, что никакущая деваха по улице моей не ходила с такой прекрасной штучкой как у ты.

ДЕЙЗИ: Дерзкая ваш' честь вот Богом как есть всю правду грю.

БЛУМЗБЕРИ: Дай-ка мне ток' ее потрогать чутка Дейзи, будь умничкой.

ДЕЙЗИ: Ууу миста Блумзбери, мне-то уж повесельничать нраицца как кому угодно, да ток' супружник мой с крыльца вона смотрит через свой Дальнескоп.

БЛУМЗБЕРИ: Ай те Дейзи ить синяков не останется, мы вот за то деревцо заскользем.

ДЕЙЗИ: Зазвонить-ка мне в звонок ваш' лярдствие так он подумат я себе «Добрых нравов»³¹⁸ сторговать хочу.

БЛУМЗБЕРИ: Эт' я запросто Дейзи так в ее зазвоню как ей никада в жизни не звонили.

(Музыка: «Тристан» Вагнера или эквивалент взмывает, после чего затихает)

БЛУМЗБЕРИ (нежно): А ты слыхала новость, Дейзи, что Марта, женушка моя, меня бросила на яроплане? Чертовым Шампаньским Рейсом?

ДЕЙЗИ: О ваш' чудеество, вот так наглость эдакое отмочить — взять и бросить такого милого человека вроде вас.

БЛУМЗБЕРИ: Ну вот так уж хрен гнется, Дейзи, и ничегошеньки от нее не осталось, окромя флаконишка «Брека» в будваре.

ДЕЙЗИ: Сучка она коль такую лез-мажестию свершила супротив суверенной личности вашей могучести.

БЛУМЗБЕРИ: Заперлась в сортире Дейзи под конец — и вылазить никак не желала даже на День флага³¹⁹.

ДЕЙЗИ (благочестиво): Невероятно миста Блумзбери помыслить что эдакое вот сосуществует с нами добрыми девахами бок о бок в Двацатом Веке.

БЛУМЗБЕРИ: И добренького сюси-пуси не больше чем у палки, а благодарности не больше чем у стакана Взвеси Магнезии.

ДЕЙЗИ: Что покупало ей одёжу в Армии Спасенья коль на нее поглядеть, Вихревому Плану Кредитования.

БЛУМЗБЕРИ: Я снял отпечатки пальцев с ее пальцевых картин как она сказала, и купался в сексе больше того.

ДЕЙЗИ: Ахти! Миста Блумзбери, мужынек мой Джек телик прям в постелю со сбой забирает, так тот по спине мне всю ночь напролет стучит.

БЛУМЗБЕРИ: Прям в постеле?

ДЕЙЗИ: Прям.

БЛУМЗБЕРИ (сентиментально): Много долгого времени, Дейзи, прошло с тех пор, как любовь касалась маво сердца.

ДЕЙЗИ: Ууу ваш' элеганчество, ни одной молоденькой девахи во всем Западном Полушарьи не найдется кто могла б противостоять величеству такой шыкарной персоны как вы.

БЛУМЗБЕРИ: Женидьбя Дейзи вот чего погубило меня ради любви.

ДЕЙЗИ: Трудно с этим свыкнуться Блуми мальчик мой но тем не менее это трагически правда.

БЛУМЗБЕРИ: Я не желаю жалости, Дейзи, взаимосвязи между взрослыми и так маловато, что не стоит затуманивать

³¹⁷ От фр. оскорбление монарха, государственная измена.

вопрос (*пауза*) ложным (*пауза*) или обманчивым (*пауза*) сентиментом.

ДЕЙЗИ: Уж и не говорите ващ' роскошество, будь я проклятуща если не тадычила тыщу раз Джеку, что взаимосвязь — единственное, что...

(Музыка: «Усеянный звездами стяг» проигрывается на двойной скорости)

УИТТЛ (*настоятельно*): Допрашивая себя по этому поводу — каково управлять собственным радио, сиречь радиостанцией, Блумзбери отвечал себе правду: славно. Тем не менее ощущал он себя несколько тщетно. Ибо не поступало ответа от нее, той, кто фигурировала — и как субъект, и как объект — в объявлениях этого периода...

БЛУМЗБЕРИ (*вещая*): Матрикуляция. Матрикуляция. Матрикуляция. Ма-трик-у-ляция.

(Звук: Открывается и закрывается дверь)

БЛУМЗБЕРИ: Дифференциация. Диффер-ен-ци-ация.

ЖЕНЩИНА: Доброе утро.

БЛУМЗБЕРИ: Доброе утро.

ЖЕНЩИНА (*просыпаясь*): Ууумф. Ухабисто как-то, под роялем-то.

БЛУМЗБЕРИ: Да. Воображаю. Тут тоже довольно ухабисто. Под пультом.

ЖЕНЩИНА: Да. Воображаю.

БЛУМЗБЕРИ: Я отодвигаю кресло и сплю под пультом.

ЖЕНЩИНА: Да. Кофе есть?

БЛУМЗБЕРИ: Да. На плитке.

ЖЕНЩИНА: Мне можно?

БЛУМЗБЕРИ: Разумеется.

(Звук: Наливается кофе)

ЖЕНЩИНА: Хорошо. (*Пауза.*) Мгновенный?

БЛУМЗБЕРИ (*озабоченно*): Кто что?

ЖЕНЩИНА: Кофе? Он мгновенный?

БЛУМЗБЕРИ: Я не уточнял. Я просто как бы вываливаю кофе в...

ЖЕНЩИНА: Мне понравилось это слово.

БЛУМЗБЕРИ: Какое слово.

ЖЕНЩИНА: Ма-трик-у-ляция. Под него славно (*пауза*) просыпаться.

БЛУМЗБЕРИ: Правда?

ЖЕНЩИНА: Да. Это как голос в ухе. Теплый голос, который дышит тебе в ухо. Голос, дышащий в ухо, тепло. Тепло и разборчиво.

БЛУМЗБЕРИ: Тепло и разборчиво?

ЖЕНЩИНА: Да. Он симпатико^{*}.

БЛУМЗБЕРИ (*пробуя слово к возможному использованию*): Симпатико. Симпатико.

ЖЕНЩИНА (*стараясь привлечь его внимание*): Расскажите мне о начале своей жизни.

БЛУМЗБЕРИ (*сурово*): Она, в каком-то смысле, наполнилась надеждами.

ЖЕНЩИНА: В каком смысле?

БЛУМЗБЕРИ: В том смысле, что я женился.

ЖЕНЩИНА: То была любовь?

БЛУМЗБЕРИ: Временная любовь.

ЖЕНЩИНА: Она не выдержала?

БЛУМЗБЕРИ: Меньше десяти лет.

ЖЕНЩИНА: Но пока держалась...

БЛУМЗБЕРИ: Наполняла меня угрюмой (*пауза*) и парадоксальной (*пауза*) радостью.

ЖЕНЩИНА: Ахти! По мне, так совсем не радостно.

БЛУМЗБЕРИ: Да уж не фонтан радости. (*Пауза.*) Быть может — пшикалка радости?

(Музыка: Скорбная; «Адажио в ре-миноре» Альбинони или эквивалент)

БЛУМЗБЕРИ (*вещая*): Подробности нашего домоводства, твоего и моего. Махры под кроватью, плесень в углах. Ты высадила опунцию в пол гостиной. Можно не делать уборку, сказала ты. О, ты была еще та! Ты занавешивала себя от меня; у тебя имелись части, кои я мог иметь, и части, кои не мог, а правила менялись посреди игры. Наверняка никогда не знал, какие части разрешены, а какие нет. Бывали дни, когда мне не доставалось ничего. (*Пауза.*) Кровать. (*Пауза.*) Ложе твоей матери. (*Пауза.*) Привнесенное в наш союз вместе с твоей матерью на нем, она лежала между нами, как клинок. Ну, сказал я, а как же дитя?

МАРТА: В жопу дитя, мне его и не надо было.

(Звук: Внезапный вопль ребенка)

БЛУМЗБЕРИ: Чего же — тогда — тебе надобно было?

МАРТА: Фи, ты все равно мне этого не предоставишь.

БЛУМЗБЕРИ: Возможно.

МАРТА: Мало-блин-вероятно.

* От итл. исп. симпатичный, привлекательный.

МАТЬ (вторя дочери): Мало-блин-вероятно!

БЛУМЗБЕРИ: Пришел мужчина, в шляпе. В шляпе было перышко.

МАРТА: Джек, это мой муж.

БЛУМЗБЕРИ: Они ушли в спальню и закрыли дверь. Я стоял под дверью.

(Звук: Долгий стон, за которым следует стук в дверь)

БЛУМЗБЕРИ: Что вы там делаете?

(Звук: Превеличенный стон, за которым следует стук в дверь)

БЛУМЗБЕРИ: Что вы там делаете?

МАРТА (из-за двери): Уходи и не суй свой глупый нос в чужие дела!

ДЖЕК (из-за двери): Уходи и не беспокой людей, которым есть о чем подумать.

МАРТА (из-за двери): Бесчувственный грубиян!

ДЖЕК (из-за двери): Грязный хам!

МАРТА (из-за двери): Ну и люди!

ДЖЕК (из-за двери): Какая наглость!

БЛУМЗБЕРИ: Я сторожил дверь до ночи, но не слышал больше слов, лишь хрюки, стоны и вздохи. Затем я сходил на чердак за экземпляром «Идеального брака» Т. Х. Ван де Вельде, доктора медицины³²⁰, — убедиться, не описывается ли в оном подобная ситуация. Но она не описывалась. Наконец дверь отворилась...

(Звук: Открывается и закрывается дверь)

БЛУМЗБЕРИ: ... изнутри показалась твоя мать — с видом, как говорится, «выставленной».

МАТЬ: Фискал эдакий!

БЛУМЗБЕРИ: А как же те, кто в постели? Смеются и щекочутся.

МАТЬ (вынося приговор): Вы гадкий человек, я это знала, я всегда это знала, я ей говорила, я всем говорила. (Стихает, бормоча.)

БЛУМЗБЕРИ: После чего сделался я, верите ли, несколько меланхоличен. Неужели не можем мы, кожа к коже, ты и я, карабкаться и лнуть друг к другу все оставшиеся нам дни? Коих, в конце концов, не так уж много? Без вмешательства таких, как Джек? И, вне всякого сомнения, иных, что еще будут?

(Музыка: «Адажио» Альбини)

(Звук: Кубики льда в стакане)

ЖЕНЩИНА: Что это?

БЛУМЗБЕРИ: Виски.

ЖЕНЩИНА: Можно мне дернуть?

БЛУМЗБЕРИ: Только один стакан.

ЖЕНЩИНА: Тогда дерну вашего.

БЛУМЗБЕРИ: Угощайтесь.

(Звук: Пьют)

ЖЕНЩИНА (неуверенно): Я произвожу на вас впечатление?

БЛУМЗБЕРИ: В каком отношении?

ЖЕНЩИНА: Как возможная партнерша? Сексуально, в смысле?

БЛУМЗБЕРИ: Об этом я не задумывался.

ЖЕНЩИНА: Говорят, я сексуальна.

БЛУМЗБЕРИ (услужливо): В этом я не сомневаюсь. То есть — это правдоподобно.

ЖЕНЩИНА: Я вся ваша. Если вы меня хотите.

БЛУМЗБЕРИ: Да, в этом-то вся и трудность — решиться.

ЖЕНЩИНА: Вам нужно сделать лишь малейший жест. Капнуть. Вскрикнуть.

БЛУМЗБЕРИ: Так, вероятно, мне и не понравится.

ЖЕНЩИНА: Мне снять одежду?

(Звук: БЛУМЗБЕРИ встает с кресла)

БЛУМЗБЕРИ: Марта, старушка, ну почему ты никак не можешь дать умереть прежним дням? То были — тогда — дни гнева, страсти и достоинства, но это — теперь — дни, которые мертвы?

(Звук: МАРТА всхлипывает)

МАРТА: Поначалу тебе было вроде бы интересно.

БЛУМЗБЕРИ: Любезно с твоей стороны попробовать. Предусмотрительно. Ты была крайне притягательна. Даже — соблазнительна. На целые мгновенья я обманывался. Ты хорошо смотришься в брюках.

МАРТА: Спасибо. Ты говорил, что у меня прелестная гузка. Вот это, по крайней мере, ты сказал.

БЛУМЗБЕРИ: Так оно и есть. Прелестная. В форме сердечка.

МАРТА: Ты не можешь забыть? О Дадли?

БЛУМЗБЕРИ: Дадли — кто это?

МАРТА: Дадли, который был моим возможным любовником?

БЛУМЗБЕРИ: До или после Джека?

МАРТА: Дадли, который фактически разбил наш менаж?

БЛУМЗБЕРИ (услужливо): Нет, Дадли забываем.

МАРТА: Расскажи мне еще о радости.

БЛУМЗБЕРИ: Кое-какая радость имелась. Не могу этого отрицать.

МАРТА: Действительно ли все было, как ты сказал? Угрюмо и парадоксально?

БЛУМЗБЕРИ (*галантно*): Все вместе и сразу. Тогда.

МАРТА: Тогда!

(*Музыка: Начинает тихо играть «Усеянное звездами знамя»*)

МАРТА: Значит, у нас нет надежды? Вновь?

БЛУМЗБЕРИ: Никакой. Насколько мне известно. Вновь.

МАРТА: Ты нашел кого-то, кто тебе больше нравится?

БЛУМЗБЕРИ: Это к делу не относится.

МАРТА (*вдруг очень зло*): Херня. Знаю я тебя и твои похотливые прихваты.

БЛУМЗБЕРИ: Прощай, Марта.

(*Музыка: «Усеянное звездами знамя» громче*)

БЛУМЗБЕРИ (*вещая*): Прощай. Прощай. Прощай. Прощай.

Прощай. (*Затихает.*) Прощай. Прощай.

(*Звук: Машина*)

УИТТЛ (*раздраженно*): Но каково же чувство?

ХУБЕР: Да, каково чувство?

БЛУМЗБЕРИ: Неопределенно. Твердо и мягко. В то же самое время. Неизъяснимо.

УИТТЛ (*презрительно*): Неизъяснимо!

БЛУМЗБЕРИ: Вопрос не в том, каково чувство, а в том, каково значение?

ХУБЕР: Господи, я расскажу тебе о своей интрижке.

УИТТЛ: А что в ней?

ХУБЕР: То была девушка из Красного Креста. По имени Бак Роджерз³²¹.

УИТТЛ: Из чего состояла?

ХУБЕР: Состояла из того, чтобы подняться на вершину здания «Крайслера» и посмотреть оттуда на город.

УИТТЛ (*пренебрежительно*): Не слишком уж нажористо. А как закончилась?

ХУБЕР: Скверно.

УИТТЛ: Она прыгнула?

ХУБЕР: Я прыгнул.

УИТТЛ: Ты всегда был попрыгунчиком.

ХУБЕР: Да. Я принял меры предосторожности.

УИТТЛ: Парашют раскрылся?

ХУБЕР: С грохотом падающей лесины. Но она так и не узнала.

УИТТЛ (*грустно*): Конеч романа.

ХУБЕР (*радостно*): Зато какой чудесный вид на город.

УИТТЛ (*БЛУМЗБЕРИ*): Так, а теперь подавай нам чувство.
ХУБЕР: Если там есть эмоция, только справедливо будет поделиться ею с друзьями.

УИТТЛ: Кои суть, без сомнения, всё, что у тебя осталось на этом свете.

ХУБЕР (*размышляя вслух*): Возможно, еще есть родня — той или иной разновидности.

УИТТЛ: Едва ли вероятно. Раз теперь больше нет денег, я бы осмелился предположить, что нет больше и родни.

(*Звук: Шумы автотрассы*)

ХУБЕР: Эмоция! Когда у нас была она в последний раз?

УИТТЛ: На войне, полагаю. Когда все парни уходили на Запад.

ХУБЕР (*БЛУМЗБЕРИ*): Дам тебе сто долларов за чувство.

БЛУМЗБЕРИ: Нет.

УИТТЛ: Мы, значит, годимся для толпы в аэропорту, чтоб жена твоя не рыдала...

ХУБЕР: ...но не годимся, чтобы нам довериться. Прижать нас к груди.

БЛУМЗБЕРИ: Не в годности дело.

УИТТЛ: Боже, что ж это за человек такой?

ХУБЕР: Уму непостижимо.

УИТТЛ: Я дам тебе двести долларов. За чувство.

БЛУМЗБЕРИ: Однажды в кинотеатре Тьюзди Уэлд³²² вдруг повернулась на экране, посмотрела мне прямо в глаза и произнесла: «Ты хороший человек. Хороший, хороший, хороший». Я встал и вышел из театра, и благодарность пела в сердце моем.

УИТТЛ: Чувство — оно такое?

БЛУМЗБЕРИ: Нет. В том-то все и дело. Оно не такое. Это бес-чувство.

ХУБЕР (*с легким страхом*): Неизъяснимое?

БЛУМЗБЕРИ: Неизъяснимое.

УИТТЛ (*с почтением*): У меня никогда не бывало чувства... столь неизъяснимого.

ХУБЕР: Была однажды белая крыса, которую я довольно-таки любил. И Мать, разумеется. (*Поспешно.*) Но я не имел в виду сравнивать... те чувства... с...

УИТТЛ: И, конечно, флаг. Трудно сказать, как люди относятся к флагу. (*Пауза.*) В последнее время.

(*Звук: Уличное движение*)

БЛУМЗБЕРИ: Это комплекс чувств. Бес-чувств. Узел... бес-чувств — вот так, наверное, это можно выразить. (*Пауза.*)

Тьюзди Узэд. Немного напоминала мне о Велосипедисточке.

ХУБЕР: Велосипедисточке?

ДЕЙЗИ (*отзвуком*): Ууу ваш' элганчество, ни одной молоденькой девахи во всем Западном Полушарьи не найдется кто могла б противостоятъ величеству (*пауза*) такой шыкарной персоны (*пауза*) как вы.

БЛУМЗБЕРИ: Девушка, которую я некогда знал. Шапочно. Коротко. (*Пауза.*) Очень кратко.

УИТТЛ: Вы с нею ладили накоротке?

БЛУМЗБЕРИ: Как пожар в доме. (*Пауза.*) Как горящий дом. (*Пауза.*) Коротко. (*Пауза.*) Очень кратко. (*Пауза.*) Временная любовь. (*Пауза.*) Златые дни под солнцем счастья нашей юности. (*Пауза.*) Краткая любовь. (*Пауза.*) Златые дни — под солнцем счастья нашей юности.

(*Музыка: Песня «Златые дни» из «Принца-студента»*)

(*Музыка: Плавный переход к теме*)

КОНСЕРВАТОРИЯ

ПОЯСНЕНИЯ:

Двум женщинам, МЭГГИ и ХИЛДЕ, лет по тридцать пять. Колокола — похоронные; тема же, напротив, должна быть бодрой, например — Респиги на стороне 2 «Дейче Граммфон» 2530 247 или эквивалент³²³.

Предлагается до крайности серьезный и довольно формальный тон речи. Просторечия сыграют против него.

(Музыка: Тема)

(Звук: Колокола)

МЭГГИ: Ладно тебе Хилда не парься.

ХИЛДА: Ну Мэгги это ж удар.

МЭГГИ: Да не бери в голову, не вешай нос.

ХИЛДА: Когда-то я думала что меня примут в Консерваторию а теперь знаю что меня никогда не примут в Консерваторию.

МЭГГИ: Да они очень разборчивы в том кого принимать в Консерваторию. Тебя никогда не примут в Консерваторию.

ХИЛДА: Меня никогда не примут в Консерваторию, теперь я это знаю.

МЭГГИ: Ты не материал для Консерватории боюсь. Такая вот неприкрашенная правда.

ХИЛДА: Вы не важны, сказали мне, просто не забывайте этого, вы не важны, что в вас такого важного?

МЭГГИ: Ладно тебе Хилда не парься.

ХИЛДА: Ну Мэгги это ж удар.

(Звук: Чиркается спичка, три раза)

ХИЛДА (*элегически*): Когда я была маленькой девочкой — лепила пирожки из грязи, болтала веревочками в норках речных раков, надеялась, что рак-идиот за нее уцепится и даст вытащить себя на свет дня. Ворчала и плакала, ела мороженое и пела «Как высоко луна»³²⁴. Обрывала крылышки у сверчков и пускала разрозненные фишки «Скрэббла» плавать в канавах. Все совершенно и обыкновенно и совершенно.

МЭГГИ: Опереенья легкоты и блаженства.

ХИЛДА: Я себя го товила. Готовилась к великому дню.

МЭГГИ: Ледяному дню с солью на всех тротуарах.

ХИЛДА: Набрасывала позы и лепила красивые речи.

МЭГГИ: Подкидывала пенни на черту процарапанную в пыли.

ХИЛДА: Укладывала и переуклаживала свои блестящие пышные волосы.

МЭГГИ (*словно диспетчер полиции в рации*): У нас потеря. Центр и Один Восемь.

ХИЛДА: Привязывала к конечностям осветительные патроны и вплетала себе в блестящие пышные волосы леденцовые тросточки. Готовилась к великому дню.

МЭГГИ: Ибо я не отрицаю что немного несдержанна.

ХИЛДА: Сбои системы пока еще непонятые.

МЭГГИ: Ох тот клоунский ансамбль. О его сладкие напевы.

ХИЛДА: Превосходнейший и дорогой друг. В чью честь названо дурацкое время года.

МЭГГИ: Мои требования не выполнили. Раз, два, три, четыре.

ХИЛДА: Восхищаюсь твоей решительностью и обходительностью. Но сожалею о твоём страхе и предусмотрительности.

МЭГГИ: Всегда стоит прилагать усилия, всегда.

ХИЛДА: Да так мы поступаем. Наш предел возможного. Этого им у нас не отнять.

МЭГГИ: Государственному Секретарю безразлично. И Министру Торговли.

ХИЛДА: Да они в теме. Мы не останемся без защиты. Солдаты и полицейские.

МЭГГИ (*как прежде*): У нас потеря. Угол Мерсер и Один Шесть.

ХИЛДА: Обращая много внимания. Ясное виденье того что можно и чего нельзя сделать.

МЭГГИ: Прогресс простирается далеко в будущее. Плотины и акведуки. Поразительная сила мощного.

ХИЛДА: Организуя наши глубочайшие желанья как мать предусмотрительно заходит в магазин который завтра будет закрыт.

МЭГГИ: Дружба лучше всего.

ХИЛДА: Едва ли не лучше всего.

(Звук: Оползень, пять секунд)

МЭГГИ: Я исполняла в зале. Одна под горящими огнями.

ХИЛДА: Зал набит восхищенными лицами. Кроме нескольких.

МЭГГИ: Там была Джулиа. Паршивка Джулиа.

ХИЛДА: Но она же в смысле тебе правда нравится?

МЭГГИ: Ну я в смысле кому ж не нравятся фиалковые глаза?

ХИЛДА: Надо стараться, чесать где чешется, планы, замыслы, директивы, наставленья.

МЭГГИ: Ну я в смысле кому ж не нравятся игривые коленки?

ХИЛДА: Да она утратила свеченье. Совсем погасло.

МЭГГИ: Потуги города старающегося разработать по сути не-городскую восприимчивость.

ХИЛДА: Но я люблю город и не потерплю клеветы на него.

МЭГГИ: Ну, я тоже. Но в конце концов. Но все равно.

ХИЛДА: Думаю Джулиа приударяет за Болли.

МЭГГИ: Ага я слыхала у него длинный язык.

ХИЛДА: Но ладные тазовые кости, в этом ему не откажешь.

МЭГГИ: Я помню, я до сих пор их ощущаю, вжимаются в меня как некогда жаркими днями и прохладными ночами и лихорадочными первым-делом-с-утра-ми.

ХИЛДА: Да, Болли для всех царственное воспоминанье.

(Звук: Падают барашек гильотины)

МЭГГИ: Мой лучший призрак. Тот о котором я думаю, в горькие времена и в хорошие.

ХИЛДА: Стараясь не спустить флаг. Стараясь сравить одно с другим. Стараясь добиться погашения.

МЭГГИ: Я уважаю твои разнообразные стадии. Твой милый, ровный дискурс. Некульминирующую разновидность предельно неаффектированной деятельности.

ХИЛДА: Которой ты так хорошо подражаешь в аудиториях больших и малых.

(Звук: Падают барашек гильотины)

МЭГГИ (*с состраданием*): Ладно тебе Хилда не парься.

ХИЛДА: Ну Мэгги это же удар.

МЭГГИ: Когда ты намерена измениться, превратиться в хлеб или рыбу?

ХИЛДА: Христианскую образность преподают в Консерватории, а также исламскую образность и образность Общественной Безопасности.

МЭГГИ: Красный, желтый и зеленый круги.

ХИЛДА: Когда мне сказали я встала меж оглоблей своей рикши и тяжело затрусила прочь.

МЭГГИ: Огромные черные чугунные двери Консерватории закрыты для тебя навсегда.

ХИЛДА: Тяжко затрусила к своему дому. К своему бедному домику.

МЭГГИ: Ладно тебе Хилда не парься.

ХИЛДА: Да, я все еще стараюсь попасть в Консерваторию, хотя шансы у меня возможно хуже некуда.

МЭГГИ: В Консерватории не желают беременных женщин.

ХИЛДА: Я им не сказала. Об этом я солгала.

МЭГГИ: Тебя разве не спрашивали?

ХИЛДА: Нет спросить меня они забыли а я им не сказала.

МЭГГИ: Ну тогда вряд ли из-за этого...

ХИЛДА: У меня было чувство что они знали.

МЭГГИ: Консерватория враждебна к новому духу, новый дух там не нравится.

ХИЛДА: Ну Мэгги это же все равно удар. Мне пришлось перенутиться к себе домой.

МЭГГИ: Где хоть и принимаешь первостепеннейших художников и интеллектуалов своего времени но чем дальше тем больше впадаешь в отчаяние и уныние.

ХИЛДА: Да он был жуткий стряпчий.

МЭГГИ: А стряпуха?

ХИЛДА: И это тоже — жуткий. Сказал что не может устроить меня в Консерваторию из-за моей неважности.

МЭГГИ: Подразумевался гонорар?

ХИЛДА: Гонорар всегда есть. Фунты и фунты.

МЭГГИ: Я стояла на террасе за Консерваторией и рассматривала плиты обгаренные кровью жизней поколений студентов Консерватории. Стоя там я размышляла: Хилду никогда не примут в Консерваторию.

ХИЛДА: Я прочла Циркуляр Консерватории и в списке моего имени не было.

МЭГГИ: Ну я полагаю что отчасти против тебя сыграла твоя поддержка нового духа.

ХИЛДА: От нового духа я никогда не отрекусь.

МЭГГИ: Да ты к тому ж еще и ветеран, мне думалось это должно склонить весы в твою пользу...

(Звук: Фрагмент камерной музыки, медленной: четыре секунды)

МЭГГИ: И все же с моим поистине колдовским! благодушием и бодрым бездумным видом я вызвала много хлопот.

ХИЛДА: Полагаю так и есть. Говоря строго.

МЭГГИ: Вприпрыжку в леса на четвереньках гавкая как мать кусающая все что движется передо мной...

ХИЛДА: Ты тоже копишь бечевку?

МЭГГИ: В свои свободные вечера и оплаченные выходные. Стараясь с толком провести время отпущенное мне на этой земле. Вязанье, шитье, ткачество, сварка.

ХИЛДА: Именование младенцев, Лу, Лью, Луи.

МЭГГИ: И его пальчики на ногах, чудесные пальчики, что у муж-чины есть на ногах пальчики.

ХИЛДА: Украшенные бильярами и резинками.

МЭГГИ: Имеется склонность к белому. Белые платья, рубахи, фартуки, цветы, соусы.

ХИЛДА: Морской он был волк, что уж там. Морской волк.

МЭГГИ: Я как-то ходила с ним стрелять — фазанов, он подбил одного, из своего шикарного ружья. Птица лопнула как ворвавшаяся подушка.

(Звук: Кто-то энергично чистит зубы)

ХИЛДА: Приходится стоять и на них смотреть, их острые глаза обшаривают что ни попадя. А потом говорить: «Метко!»

МЭГГИ: О мне бы удалось лучше, лучше, я дала слабину.

(Звук: Повторение того, что выше)

ХИЛДА: Или хуже, не парься на этот счет, могла бы славную попочку свою сунуть и куда похуже, в рабство к личностям отвратнее.

(Звук: Заводится и останавливается швейная машинка; восемь секунд)

МЭГГИ: Я прикладывала усилия. Что делаю лучше всего.

(Звук: Падает барашек гильотины)

ХИЛДА: У тебя это отлично выходит. По-настоящему первый класс.

МЭГГИ: Никогда не премину расстараться. Вешаю картины на стены и расстилаю прокладки под коврики.

ХИЛДА: Я правда тобой восхищаюсь. Действительно. До зубов.

МЭГГИ: Рви жопу, это единственный способ.

ХИЛДА: Как мы научены исследованием карьер всех великих прошлого. Гераклита и Ланселота Озерного.

МЭГГИ: Драю дверные ручки средством «Брассо» и приношу морского окуня в его гнезде из водорослей.

ХИЛДА: И мало того. И мало того.

МЭГГИ: Щекочу их, когда они хотят пощекотаться. Воздерживаюсь когда не хотят.

ХИЛДА: Крупные и восхитительные мужчины. Не пренебрегая мелким и низким. Беспристрастно разбираюсь с любой ситуацией от одного случая к другому.

МЭГГИ: Ага ага ага ага ага.

ХИЛДА: Знала парня одного желудок нараспашку. Разобралась с этим применив астрологию в ее медицинских аспектах. Его желудок то, его желудок сё. Боже всемогущий но как же это утомляло, утомляло до крайности. Я справилась применив астрологию в ее медицинских аспектах.

МЭГГИ: Каждому свое. Домашний хлеб и индивидуальное внимание.

ХИЛДА: Надо же иметь что-то кроме себя самой. Кошку, слишком уж часто.

МЭГГИ: У меня бы могло получиться лучше но я сглупила. Когда молод иногда глуп.

ХИЛДА: Ага ага ага ага ага. Я помню.

(Звук: Хлопает дверь)

МЭГГИ: Ну давай выпьем.

ХИЛДА: Что ж я не прочь.

МЭГГИ: Я возьму «Гольдвассер», бомбейский джин и «Старого Джеба».

ХИЛДА: Ну а я сама не против скотча.

(Звук: Хлопает дверь)

МЭГГИ: Я тоже это буду.

ХИЛДА: Чем старше и с возрастом, тем меньше красоты.

МЭГГИ: Ага я это заметила. Теряешь сиянье.

ХИЛДА: Буду просто сидеть в морщинистом доме и морщиться. Состариваться и ухудшаться.

МЭГГИ: Как только утратишь сиянье назад его себе не вернешь.

ХИЛДА: Иногда благодаря солнцу ревущему сквозь листву деревьев летним днем.

МЭГГИ: Тебя морщит так что похожа на жареную индюшку.

ХИЛДА: Как в случае с оони Ифе³²⁵. Видала его по телевизору.

МЭГГИ: Сморщенный и сморщенный и сморщенный.

ХИЛДА: Давай покажу тебе эту картинку.

МЭГГИ: Да это очень прелестно. Что это?

ХИЛДА: Это «Вулкан и Майя».

МЭГГИ: Да. Он когти свои в нее запустил. Она рвется на свободу.

ХИЛДА: Энергично? Энергично. Да.

МЭГГИ: Кто художник?

ХИЛДА: Спрангер³²⁶.

МЭГГИ: Не слыхала.

ХИЛДА: А вот.

МЭГГИ: Да, можешь ее повесить. Где понравится. На той стене или на той стене или на той стене или на той стене.

ХИЛДА: Спасибо.

МЭГГИ: Вероятно, мне удастся вырваться вперед прилежно работая, обращая внимание на мелочи.

ХИЛДА: Я так же думала. Некогда я думала так же.

МЭГГИ: Читая много книг и измышляя отличные затей.

ХИЛДА: Ну это неплохо. В смысле это осмысленно.

МЭГГИ: Делать что-нибудь чудесное. Не знаю что.

ХИЛДА: Как контрабасист щиплющий огромные толстые струны своего инструмента могучими щипками.

МЭГГИ: Кровеносные сосуды лопаются у меня на лице под самой кожей — все время.

ХИЛДА: Ранит злобная критика вся весьма обоснованная.

МЭГГИ: К Кожносердцу повернусь спиной я. Своей глянцевицей, пышной спиной.

ХИЛДА: Тут-то они и не выдержат а?

МЭГГИ: Хотя бы будут знать что я в городе.

ХИЛДА: Просочусь в постель вечернего мозга задерганного от враждебных жидкостей.

МЭГГИ: Там черная фасоль в горшке.

ХИЛДА: Там конфетти в плавательном бассейне.

МЭГГИ: Так карданные шарниры в вишиссеуазе.

ХИЛДА: Там головокруженье под луной.

(Звук: Четыре идентичных ноты на контрабасе, ущипнутые; быстро)

МЭГГИ: Он рассказывал мне ужасное вечером того дня когда сидели мы бок о бок держась за руки ждя дождя чтоб смыл акварели с акварельной бумаги. Ждя дождя чтоб отмыл бумагу начисто, вполне начисто.

ХИЛДА: Взял меня за руку и провел по всем комнатам. Много комнат.

МЭГГИ: Я все про это знаю.

ХИЛДА: Кухня особенно великолепна.

МЭГГИ: Вполне.

ХИЛДА: Дюжина филиппинцев с подносами.

МЭГГИ: Близко к этой цифре.

ХИЛДА: Подносы со съедобным. Носибным. Читабным. Собирабным.

МЭГГИ: Ах, ты дура. Чертова дура.

ХИЛДА: Я?

МЭГГИ: До свиданья, мадам. Макните руку если угодно в купель со святой водой на выходе, а также обратите внимание на кружку для сборов сразу справа от двери.

ХИЛДА: Фиги и неанютины глазки. Я честно пойду тебе тут навстречу.

МЭГГИ: Я вышла далеко за время обыкновенно выделяемое оратору.

ХИЛДА: В Мехико. В черной куртке с серебряными ракушками.
И в брюках огненно-розовых.

МЭГГИ: Побывала там в клубе здоровья, мой тыл выглядел как два кошелька, они над ним потрудились.

ХИЛДА: Ты прилагала усилия.

МЭГГИ: Еще и по утрам бегала, в полдень пила зеленый чай, изучала домоводство, финансы, ремонт приборов.

ХИЛДА: Родилась с серебряной мотыгой во рту.

МЭГГИ: Да. Пора идти, надо как-то продвигаться дальше.

ХИЛДА: С последующим развитием биенья головой у ребенка.

(Звук: Ноты на контрабасе, как прежде)

МЭГГИ: Я вышла далеко за время обыкновенно выделяемое, или предоставляемое, оратору.

(Звук: Ноты на контрабасе)

МЭГГИ: Справедливо будет сказать они были заморожены.

(Звук: Ноты на контрабасе)

МЭГГИ: И пригвождены.

(Звук: Ноты на контрабасе)

МЭГГИ: Неуместный смех в отдельные моменты но я не возражала.

ХИЛДА: Прибыл ли Преосвященство?

МЭГГИ: В такси. В своем алом облачении.

ХИЛДА: Он крутое Преосвященство лепит.

МЭГГИ: Да очень крутое. Мне дозволили поцеловать перстень. Он там сидел, в зале, как простая публика. Просто как кто угодно. Замороженный и пригвожденный.

ХИЛДА: Кружась и трясясь в красном свете и швыряя на полуали и швыряя на пол перчатки...

МЭГГИ: Из прекраснейших у меня. Они ревели десять минут.

ХИЛДА: Я так тобой горжусь. Вновь и вновь. Горжусь тобой.

МЭГГИ: Ох ну что ж, да. Согласна. Вполне правильно. Абсолютно.

ХИЛДА: Что? Ты уверена? Ты вполне уверена? Давай я тебе покажу эту картинку.

МЭГГИ: Да, это довольно шикарно. Что это?

ХИЛДА: Это «Танкред поддерживаемый Эрминой».

МЭГГИ: Да она промакивает там кровь, у нее большая тряпка, кажется славная девушка, боже он же совсем не в себе разве нет, мертвая или умирающая лошадь наверху слева...

Кто художник?

ХИЛДА: Риччи³²⁷.

МЭГГИ: Не слыхала.

ХИЛДА: А вот.

МЭГГИ: Забираю. Можешь сложить ее с другими, у той стены или той стены или той стены или той стены...

ХИЛДА: Спасибо. Куда мне прислать счет?

МЭГГИ: Шли куда хочешь. Куда б ни пожелаало твое сердечко.

ХИЛДА: Ну я терпеть не могу когда меня ставят в такое положение. Сгибают и подчиняют.

МЭГГИ: Господи! Я не заметила. Давай я тебя разогну.

ХИЛДА: Может через несколько дней. Несколько дней или несколько лет.

МЭГГИ: Отмою маточным молочком и костяным маслом.

ХИЛДА: И если я когда-то простила тебе твои поразительные успехи...

МЭГГИ: Мои.

ХИЛДА: И если я когда-то смогла переварить твои серийные победы...

(Звук: Захлопывается дверь)

МЭГГИ: Небо. Прямоугольник серого на переднем плане а за ним, прямоугольник гноя. А еще дальше за ним, квадрат серебряной позолоты.

ХИЛДА: Надо собраться с силами, заполучить капусты побольше.

МЭГГИ: Да я пристально думаю, старательно думаю.

ХИЛДА: Резвись и огибай.

МЭГГИ: А это что значит?

ХИЛДА: Не знаю это просто какой-то юридический жаргон которого я где-то нахваталась.

МЭГГИ: Ну вот как погляжу сейчас на тебя подольше...

ХИЛДА: Вечером у костра...

МЭГГИ: Так ты выглядишь крайне восхитительно. Пребуй со мной. Поедим кексиков с лестью, с желтой лестью на них...

ХИЛДА: Да мне просто здесь так свежо и свободно. Такое не каждый день ощущаешь — или не каждую неделю.

(Звук: Оползень, как прежде)

МЭГГИ: Вчера ночью *(пауза)* в два *(пауза)* гавкающая собака этажом выше *(пауза)* перестала гавкать. Ее хозяйева *(пауза)* вернулись. Я зашла на кухню *(пауза)* и гавкала в потолок *(пауза)* целый час. Полагаю *(пауза)* меня поняли.

ХИЛДА *(полицейским голосом)*: У нас потеря. Угол Водяной и Восемь Девять.

МЭГГИ: Еще погрязнуть?

ХИЛДА: На сегодня я нагрязла спасибо. Главное умеренность.

МЭГГИ: Контроль раньше был главным. Теперь — разнузданность.
ХИЛДА: Я никогда не достигну разнузданности.

МЭГГИ: Прилежно работай и сосредоточься. Попробуй «Клоуна», «Младенца», «Каргу», «Ведьму», «Смеющегося кавалера»³²⁸. Господь помогает тем, кто...

ХИЛДА: Пурпур лопаётся у меня в лице как будто туда по-всякому вгоняют пурпурные скрепки.

МЭГГИ: Ранит злобная критика вся очень хорошо обоснованная.

ХИЛДА: Ох тот клоунский оркестр. Ох его сладкие напевы.

МЭГГИ: Небо. Прямоугольник блеска. За которым — безмятежная бурь. Желтая полоса, вертикальная, вверху справа.

(Звук: Рвется ткань; четыре секунды)

МЭГГИ: Я люблю тебя, Готтлиб, вполне исключительно.

ХИЛДА: Ей-бо я думаю ты не шутишь. Думаю что ты да.

МЭГГИ: Это «Порция ранит себя в бедро»³²⁹.

ХИЛДА: Это «Вольфрам смотрит на свою жену заточенную им с трупом ее возлюбленного»³³⁰.

МЭГГИ: Если нужен друг дорогой я навеки с тобой.

(Звук: Рвется ткань; четыре секунды)

ХИЛДА: Твое милостивое и беспредельно уютное присутствие.

(Пауза.) Говорят они импортируют повара, в дни пиршеств.

МЭГГИ: У них и голые натурщицы есть.

ХИЛДА: Ты правда так считаешь? Меня не удивляет.

МЭГГИ: Лучшим студентам ужины шлют наверх на подносах.

ХИЛДА: Ты правда так считаешь? Меня не удивляет.

МЭГГИ: Зерновые салаты и крупные порции отборных мяс.

ХИЛДА: Ох как больно, больно, больно.

МЭГГИ: Хлеб с жиром, а по дням пиршеств — торт.

ХИЛДА: Я одарена не меньше их, я одарена не меньше некоторых из них.

МЭГГИ: Решения принимаются комиссией призраков. Они бросают черную фасолину или белую фасолину в горшок.

ХИЛДА: Некогда я считала что меня следует принять. Поступали ободряющие письма.

МЭГГИ: Ты не материал для Консерватории боюсь. Только лучший материал — материал для Консерватории.

ХИЛДА: Я ничем не хуже некоторых из тех кто покоится теперь в мягких постелях Консерватории.

МЭГГИ: Заслуга всегда оценивается пристально.

ХИЛДА: Я могла бы улыбаться в ответ улыбающимся лицам проворных, опасных учителей.

МЭГГИ: Да, у нас есть голые натурщицы. Нет, голые натурщицы для нас не имеют эмоционального смысла.

ХИЛДА: Я могла бы работать по глине или склеивать что-нибудь вместе.

МЭГГИ: Да, иногда мы наклеиваем что-нибудь на голых натурщиц — одежду, по большей части. Да, иногда мы играем на своих Консерваторских скрипках, виолончелях, трубах для голых натурщиц, или поем им, или исправляем им речь, пока наши умелые пальчики порхают над альбомами эскизов...

ХИЛДА: Полагаю я бы могла заполнить еще одно заявление — или несколько.

МЭГГИ: Да, на тебе сейчас значительно живота. Помню когда он был плосок, плосок как книга.

ХИЛДА: Я умру, если не попаду в Консерваторию, умру.

МЭГГИ: Не-а не умрешь ты просто так говоришь.

ХИЛДА: Я совершенно загнусь если не попаду в Консерваторию, я тебе это обещаю.

МЭГГИ: Все не так плохо, ты всегда можешь заняться чем-нибудь еще, не знаю чем, ладно тебе Хилда будь разумна.

ХИЛДА: Вся моя жизнь от этого зависит.

МЭГГИ (элегично): О боже я помню когда он был плосок. Но не драли ль мы всё? Помню бегали по тому городку и прятались в темных местах, то был замечательнейший городок и мне жаль что мы из него уехали.

ХИЛДА: Теперь мы взрослые, взрослые и чинные.

МЭГГИ: Ну, я ввела тебя в заблуждение. Голые натурщицы для нас эмоционально значимы.

ХИЛДА: Правда?

МЭГГИ: Мы их все время любим и спим с ними — до завтрака, после завтрака, за завтраком.

ХИЛДА: Да это ж нормально!

МЭГГИ: Да это ж довольно клево!

ХИЛДА: Мне нравится!

МЭГГИ: Не так уж плохо!

(Звук: Бубенцы саней; пятнадцать секунд)

ХИЛДА: Лучше б ты мне этого не рассказывала.

МЭГГИ: Ладно тебе Хилда не будь такой упертой, тебе можно много чем заняться если захочешь.

ХИЛДА: Сдается мне они действуют по некоему принципу исключительности. Некоторых людей не пускают а других лю-

дей пускают.

МЭГГИ: У нас там есть индеец-кушатта, настоящий полнокровный индеец-кушатта.

ХИЛДА: Прямо там?

МЭГГИ: Да. Он делает висящие стены из обрывков ткани и веточек, очень красиво, и еще он делает песчаные картины и играет на разнообразных свистульках, иногда говорит нараспев, и еще он колотит в барабан, работает по серебру, а еще он ткач и переводит разные штуки с кушатта на английский и с английского на кушатта, а еще он меткий стрелок может бульдожить волов и ловить сомиков перементом и ездить верхом без седла и делать лекарства из обычных компонентов, главным образом аспирина, а еще он поет и к тому ж он актер. Он очень талантлив.

ХИЛДА: Вся моя жизнь от этого зависит.

МЭГГИ: Слушай Хилда может ты могла бы стать Ассоциатом. У нас имеется такое предложение по которому платишь двенадцать дубов в год и это делает тебя Ассоциатом. Получаешь Циркуляр и все привилегии Ассоциата.

ХИЛДА: Каковы они?

МЭГГИ: Получаешь Циркуляр.

ХИЛДА: И всё?

МЭГГИ: Ну наверно ты права.

ХИЛДА: Ох.

МЭГГИ (пауза): Твое страданье для меня мучительно.

ХИЛДА: Я прямо тут рожу младенца.

МЭГГИ: Ну может настанет такой день когда будут и добрые вести.

ХИЛДА: Я себя чувствую мертвой личностью сидящей на стуле.

МЭГГИ: Ты все еще мила и привлекательна.

(Звук: Бьется стекло)

ХИЛДА: Радостно это слышать, приятно что ты так считаешь.

МЭГГИ: И теплая ты теплая ты очень теплая.

ХИЛДА: Я теплая. Теплая.

МЭГГИ: Ты много лет назад разве в Корпусе мира не была?

ХИЛДА: Была и к тому ж водила неотложки в Никарагуа.

МЭГГИ: Жизнь в Консерватории безмятежна так как ты себе это представляешь — в точности.

(Звук: Бьется стекло)

ХИЛДА: Наверно мне просто придется вернуться к себе в дом и сделать уборку, вынести газеты и мусор.

МЭГГИ: Наверно ребенок этот родится на днях, так?

ХИЛДА: Продолжаю работать над своими этюдами что бы там ни говорили.

МЭГГИ: Это достойно восхищения я считаю.

ХИЛДА: Главное в том чтоб не позволять духу пасть.

МЭГГИ: Наверно этот ребенок родится немного погодя, так?

ХИЛДА: Наверно да. Те козявки меня и впрямь туда не допустят, сама же знаешь.

МЭГГИ: Умы их негибки и жестки.

ХИЛДА: Вероятно потому что я бедная беременная женщина не думаешь?

МЭГГИ: Ты сказала ты им не говорила.

ХИЛДА: Но может они очень проникательные психологи и могли просто посмотреть мне в лицо и определить.

МЭГГИ: Нет пока еще не видно у тебя сколько месяцев?

ХИЛДА: Два с половиной почти можно определить когда сниму одежду.

МЭГГИ: Ты же там не снимала одежду правда?

ХИЛДА: Нет носила знаешь то что студенты носят. Джинсы и серапе. У меня с собой был зеленый ранец для книжек.

МЭГГИ: До отказа набитый этюдами.

ХИЛДА: Да. Он спросил где меня раньше готовили и я ему сказала.

МЭГГИ: Ох батюшки я помню когда он был плоский, плоский как палуба чего-нибудь, корабля или судна.

ХИЛДА: Ты не важна, сказали они мне.

МЭГГИ: Ох миленькая мне так тебя жаль.

ХИЛДА: Мы расстались. Затем я прошла сквозь роскошный свет Консерватории в вестибюль, а потом через огромные черные чугунные двери Консерватории.

МЭГГИ: Я была лицом по другую сторону стекла.

ХИЛДА: Вид у меня когда я уходила крайне достойный и невозмутимый.

МЭГГИ: Время лечит все.

ХИЛДА: Нет не лечит.

МЭГГИ (кричит): Резаная губа жирная губа вздутая губа разбитая губа!

ХИЛДА (кричит): Хо! хо! хо! хо!

МЭГГИ: Ну Хилда в жизни и другое есть.

ХИЛДА: Да Мэгги думаю что есть. Не то чего хочу.

МЭГГИ: У Не-Консерваторских собственная жизнь. Мы Консерваторские мало что с ними общего имеем но нам говорили что у них своя жизнь.

ХИЛДА: Полагаю могла бы подать апелляцию если б было куда подавать апелляцию. Если есть куда.

МЭГГИ: Вот это мысль у нас кипы апелляций, кипы и кипы.

ХИЛДА: Буду ждать вечно. Ночь за ночью ночь за ночью.

МЭГГИ: Я посижу с тобой. Помогу тебе сформулировать слова. Что ты хочешь сказать?

ХИЛДА: Я хочу сказать вся моя жизнь от этого зависит. Что-то подобное.

МЭГГИ: Против правил Консерваторским помогать Не-Консерваторским сама же знаешь.

ХИЛДА: Ну чертвозьми я думала ты собираешься мне помочь.

МЭГГИ: Ладно. Помогу. Что ты хочешь сказать?

ХИЛДА: Я хочу сказать вся моя жизнь от этого зависит. Что-то подобное.

МЭГГИ (*элегично*): У нас есть мужские голые натурщицы и женские голые натурщицы, арфы, исполинские растения в горшках и драпировки. Там есть иерархии, некоторые люди повыше а некоторые пониже. Они якшаются, в роскошном свете. Нам очень весело. Там много зеленой мебели знаешь с краской на ней. Стершейся зеленой краской. Позлащенные линии в четверти дюйма от краев. Стершиеся зеленые линии.

ХИЛДА: И вероятно фламбо* в стеновых углубленьицах, верно?

МЭГГИ: Ага фламбо у нас есть. Кто отец?

ХИЛДА: Парень по имени Роберт.

МЭГГИ: Ты хорошо провела время?

ХИЛДА: Интрижка бежала обычным ходом. Лихорадка, скука, в капкане.

МЭГГИ: Горячим, прополоскать, сушить в центрифуге.

ХИЛДА: Там чудесно Мэгги?

МЭГГИ: Надо сказать да. Да. Чудесно.

ХИЛДА: Тебе здорово — быть там? Ощущается чудесно?

МЭГГИ: Да, ощущается неплохо. Очень часто бывает — на обеденном подносе — роза.

ХИЛДА: Меня никогда не допустят в Консерваторию.

МЭГГИ: Тебя никогда не допустят в Консерваторию.

ХИЛДА: Как я выгляжу?

МЭГГИ: Нормально. Неплохо. Прекрасно.

ХИЛДА: Я никогда туда не попаду. Как я выгляжу?

МЭГГИ: Прекрасно. Отлично. Время лечит всё Хилда.

ХИЛДА: Нет не лечит.

МЭГГИ: Время лечит всё.

ХИЛДА: Нет не лечит. Как я выгляжу?

МЭГГИ: Старо.

(*Звук: Тишина; две секунды*)

МЭГГИ: Если нужен друг дорогой я навеки с тобой. (*Пауза.*) Джулия лучше всех. Лучше я никогда не видала. Прекраснейшая.

ХИЛДА: Нет во мне мышцы ревности. Нигде.

МЭГГИ: Ох это так прекрасно. Несравненно.

ХИЛДА: Некоторые думают одно, некоторые другое.

МЭГГИ: Чертовски лучшая поверь мне.

ХИЛДА: Ну я не знаю, я не видала.

МЭГГИ: Ну а хотела бы посмотреть?

ХИЛДА: Ну, я не знаю. Я ее не слишком хорошо знаю а ты?

МЭГГИ: Ну, я ее знаю достаточно хорошо чтобы у нее спросить.

ХИЛДА: Ну а чего ж тогда не спросишь, не будет ли неловко или сейчас не то время или типа?

МЭГГИ: Ну, вероятно сейчас не то время если вдуматься потому что ее тут нет а в другое когда она тут вероятно будет время получше.

ХИЛДА: Ну, я бы хотела увидеть прямо сейчас потому что просто от разговоров об этом мне захотелось это увидеть. Если ты меня понимаешь.

МЭГГИ: Она мне сказала ей не нравится если ей звонят именно с этой целью, люди кого она не знает и может ей бы не понравилось их знать, я просто тебя предупреждаю.

ХИЛДА: Ох.

МЭГГИ: Вот видишь.

ХИЛДА: Да.

(*Звук: Разогревается мотор мотоцикла; шесть секунд*)

МЭГГИ: Я б смогла и получше. Но не знаю как. Могла б и получше, убиралась получше или готовила получше или я не знаю. Лучше.

ХИЛДА: Ты улыбаешься. И ангелы поют.

МЭГГИ: Профукала, профукала. Позвала на свадьбу клоуна, он исполнял обязанности стоя в своем чувственном белом костюме у ног его барабан и труба. Он сказал: «Согласны ль вы, Хэрри...» — и все такое. Гости аплодировали, клоунский ансамбль играл, то было блистательное празднество.

ХИЛДА: Наши многие луны терпенья и смиренья. Фокусы и трюки неведомые обычным сукам.

МЭГГИ: Гости аплодировали. Над нами — громадный полот в красную и желтую полосу.

ХИЛДА: Невзорванная подушка и простая, притупленная простыня.

МЭГГИ: Я была плодородна, зверски.

ХИЛДА: Малюя мертвых женщин сотнями страстно подражая Делакруа.

МЭГГИ: Ходя под парусом после обеда а после ходьбы под парусом — джин.

ХИЛДА: Наслажденья летнего дня.

МЭГГИ: Не ходи в красный амбар, сказал он. Я вошла в красный амбар. Джулия. Болталась на веревке с сеновала до сбруйной. На нее глазели лошади своими крупными, подчеркивающими глазами. Отчего-то они смотрелись так будто знали.

ХИЛДА: Ты торопливо собралась достигла станции перед самой полночью считая пенни у себя в кошельке.

МЭГГИ: Да. Вернув себе город, опять низринулась в деятельность.

ХИЛДА: Тебе нужно иметь что-то кроме самой себя. Благое дело, интерес или цель.

МЭГГИ: Хорошо осведомилась в неких областях, раз, два, три, четыре. Изучала «Линию ценности»³³¹ и окуналась в какао.

ХИЛДА: Как раз то что ты так хорошо делаешь.

МЭГГИ: Приобретала бюсты неких знаменитостей, мрамор, серебро, бронза. Министр Обороны и Председатель Объединенного Комитета Начальников Штабов.

ХИЛДА: Немного повыла в уши друзьям и каверны телефона.

МЭГГИ: Но я сплотилась. Сплотилась.

ХИЛДА: Приложила усилие. Приложила усилие.

МЭГГИ: Размягчить то что твердо. Затвердить мягкое. Скрыть почерневшее от употребления, под новой краской. Проверить помидоры с их сроками покраснения, в инструкции. Воодушевить падшее духом. Добыть себе кувшин и зайти за амбар, делаясь с тем кто б ни был за амбаром, приятен иль благороден.

ХИЛДА: Иногда мне везет. На пасах или в тавернах.

МЭГГИ: Здорово как лошадь. В смысле чики-пыки.

ХИЛДА: Если только участник решительно не выбирает иначе.

МЭГГИ: Что это значит?

ХИЛДА: «Дамфино»³³². Просто какой-то юридический жаргон которого я где-то нахваталась.

(Звук: Ревит мотор мотоцикла, как прежде)

МЭГГИ: Ты солнышко жизни моей.

ХИЛДА: Игрушек игрушек хочу еще игрушек.

МЭГГИ: Да, иначе мне б и не показалось.

ХИЛДА: Это погрязанье в определенности называемое любовной интрижкой.

МЭГГИ: Выцветающий серый бархат софы. Он паясничал с моими трусиками в зубах. Разгуливал так полчаса.

ХИЛДА: Что это за пакость тут в ведре?

МЭГГИ: Хлеб в молоке, угощайся.

ХИЛДА: Думаю могла бы что-нибудь немного съесть.

МЭГГИ: Салат с омелой что мы сварганили вместе.

ХИЛДА: Держись его, не отставай от него, единственный путь гнать до конца пути.

МЭГГИ: Хочешь купить пояс для подвязок? Возьми себе, спасибо. Сократи убытки, попробуй другой город, смотай удочки.

ХИЛДА: Ну это ясный день, густой азалиями.

МЭГГИ: Да они гордятся своими азалиями. Бери состязания, кубки.

ХИЛДА: Я разбила надежду и пригасила пыл. Обещанья мерцали как креветки в свете под самой поверхностью воды.

МЭГГИ: Заглянула ему в зубную дугу отмечая здоровье его розовой ткани.

ХИЛДА: Попятилась на столик что опрокинулся с разбросом пепельниц и старых номеров важных журналов.
(Звук: Оползень, как прежде)

МЭГГИ: Как мне следует поступить? Что ты мне посоветуешь? Попытаться ли мне с ним повидаться? Что произойдет? Ты можешь мне сказать?

ХИЛДА: Да это заботиться и быть доброй. У нас еще есть кукурузные лепешки и кровяная колбаса.

МЭГГИ: Сладострастно предложила ему нечто чистое и белое.

ХИЛДА: Но он поспешно со смущенным *schottische** руками прикрыл тебя вновь.

МЭГГИ: Очень похоже на то. Каждый день. Я не против выполнять работу если получаю результаты. (Пауза.) У нас была собака потому что мы думали она удержит нас вместе. Простая собака.

(Звук: Фрагмент камерной музыки, как прежде)

ХИЛДА: И как?

* Шотландский танец, медленная полька (нем.)

МЭГГИ: Не-а то просто был очередной дурацкий замысел какие у нас были чтоб удержаться вместе.

ХИЛДА: Тупое невежество.

МЭГГИ: Видала его еще разок, он был на той же встрече что и я, у него развилась раздражающая привычка кашлять в воротник пальто всякий раз. Когда...

ХИЛДА: Кашлял.

МЭГГИ: Да, он поднимал воротник пальто и кашлял в него с эдакой странной манерностью очень раздражает.

(Звук: Ноты на контрабасе, как прежде)

МЭГГИ: Затем свечи погасли одна за другой...

(Звук: Контрабас)

ХИЛДА: Последняя свеча спрятанная за алтарем...

(Звук: Контрабас)

МЭГГИ: Дверь молельни приотворена...

(Звук: Контрабас)

ХИЛДА: С хлопком закрылась книга.

(Звук: Дверь захлопывается, как прежде; четырехсекундная тишина)

МЭГГИ (медленно): Я приготовилась к великому дню. Великий день настал, (пауза) вообще-то несколько раз.

ХИЛДА: Всякий раз с воспоминаньями о последнем разе.

МЭГГИ: Нет. Эти на самом деле не вторгаются. Может лишь легким мерцаньем поконченного и забытого. Каждый великий день сам в себе, с его собственными машинами войны, грохотом и зелеными властелинами. Есть некоторое сомнение, что конкретный день не станет тем, чем должен быть. По большей части бывает. Вот что примечательно.

ХИЛДА: Ну это ясный день, густой азалиями.

МЭГГИ: Он рассказывал мне ужасное вечером того дня когда сидели мы бок о бок держась за руки ждя дождя чтоб отмыть его акварельную бумагу начисто. Ждя дождя чтоб смыл акварели с его акварельной бумаги.

ХИЛДА: Обо мне?

МЭГГИ: Ох, да обо всем.

(Звук: Тема)

БЕЛОСНЕЖКА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

(Загорается свет на помосте, поднятном очень высоко. БЕЛОСНЕЖКА сидит справа, а волосы ее распущены и ниспадают. Волосы наращены так, что невообразимо длинны, почти до сцены. Слева входит БИЛЛ, видит волосы и замирает.)

БИЛЛ: Ну, это уж точно многовато волос. (Пауза.) И, похоже, свисают они из наших окон к тому ж. В смысле те окна же у нас в доме, несомненно? (Пауза.) Ну а у кого из нас столько волос, черных, как эбеновое дерево? (Пауза.) Я лишь делаю вид, что задаю себе этот вопрос. Мерзкий ответ мне уже известен, равно как и значение этого действия, этого свисанья. Равно как и половое значение самих волос. (Пауза.) Ответ может быть только один. Это Белоснежка. Это Белоснежка, пошедшая на такой шаг, чей смысл всем нам ясен. Мы, все семеро, знаем, что это означает. Это значит, что она себе ищет нового любовника.

(Справа входит ДЭН, видит волосы, замирает и тут же принимается ораторствовать.)

ДЭН: Итак, вероятно, вы уже знакомы с тем фактом, что производство мусора в этой стране на душу населения возросло с 2,75 фунта в день в 1920 году (пауза) до 4,5 фунтов в день в 1973-м — это последний год, по которому у нас имеются данные, — и возрастает приблизительно на четыре процента в год... (С другой стороны сцены толпой входят другие МУЖЧИНЫ. Останавливаются прямо перед волосами БЕЛОСНЕЖКИ, ведя дебаты.)

ЭДВАРД (важно): Быть ломохозяйкой. Такова, друзья мои, моя сегодняшняя проповедь. Это важное место в нашем обществе, осмысленное Богом как почти что ключ ко всему, в последние месяцы и в данном доме претерпело некоторую степень очернения. Я слышал это; меня это опечалило. Поэтому сегодня хочу, если мне будет позволено, развеять некоторые неверные представления, получившие широкое хождение, вызывающая смятение и загрязнение лика истины.

ДЭН (нетерпеливо): ...возрастает приблизительно на четыре процента в год. И данный темп, вероятно, увеличится, поскольку он и так увеличивался, и, осмелюсь предположить, довольно скоро

мы достигнем рубежа, где он будет составлять сто процентов. Ну а на таком рубеже, согласитесь вы, все переходит от вопроса, как избавиться от этого «мусора», к вопросу внимания к его свойствам. Поскольку, в конце концов, там же сто процентов, верно? И больше не стоит вопрос о том, как от него избавиться, потому что, кроме него, больше ничего нет...

ЭДВАРД: Ломохозяйка! Сам хребет американского изобилия! Ломохозяйка! Без кого рассыплется вся конструкция гражданской жизни! Без кого все наше существование будет отброшено, во мгновение ока, к тому дикарскому уровню дикарства, за который мы справедливо упрекаем грязных животных! Без ломохозяйки мы бы по-прежнему ходили в шкурах, вероятно, безо всяких товаров с большими ценниками — стиралок с сушилками, сушилок со стиралками, микроволновых стиралок-сушилок-стряпалок, — что заполняют пустые полости у нас в домах и в наших сердцах. (Пауза.) И вот я спрашиваю у вас, господа, что у нас тут? Существо ли тут у нас, кое относится к себе с подобающим самоуважением? Нет. Нет, не оно у нас тут. У нас тут скорее существо, кое относится к себе с чем-то опасно близким к ненависти к себе. Вот в чем проблема. Каково же решение?

ДЭН (убедительно): Именно поэтому мы должны перейти на пластиковые... горбы... бизонов! (Пауза; ДЭН становится едва ль не поэтичен — пророк.) Они — «мусор», и что на самом деле может быть бесполезнее или мусорнее? Пластиковые бизоньи горбы! Дело в том, что, на мой взгляд, мы должны быть на переднем крае мусорного явления, этом обеспокоенном лице грядущего. А, как вам известно (очень серьезно), грядущее принадлежит тем, кто к нему готовится!

ЭДВАРД (гнет свою линию): Существо, относящееся к себе с чем-то опасно близким к ненависти к себе!

ХЕНРИ: Я б тебе потроха вырезал, Эдвард! Ты усложняешь всю эту чертовню сильнее, чем она того заслуживает. Готов с тобой поспорить, что без твоей завесы псевдопроблем, создающих трудности, всю эту чертовню можно разрешить — и очень опрятно — таким вот способом.

ЭДВАРД: Неверно. Неверно.

ХЕНРИ: Итак, что мы постигаем, когда мы постигаем Белоснежку? Мы постигаем, первое, груди в масштабе три четверти, плывущие к нам обернутыми, как водится, в красное полотенце. Либо же, если мы постигаем ее с другой стороны, мы

постигаем красивый снежно-белый зад, уплывающий от нас обернутым, как водится, в красное полотенце. Итак, я вас спрашиваю: какова, в этих двух вполне отчетливых восприятиях, константа? Фактор, остающийся тем же самым? Да все же просто — красное полотенце. Я утверждаю, что при верном понимании проблема Белоснежки не сводится ни к чему иному, нежели красные полотенца. Поэтому мы можем — если того пожелаем — избавиться от Белоснежки. И у меня здесь, в этом буром пакете... Я взял на себя смелость приобрести (раздает красные полотенца) на, Хьюберт, вот твоё полотенце... Кевин... Клем... Эдвард...

ЭДВАРД: Да не хочу я никакого паршивого красного полотенца. Я хочу сам красивый белоснежный зад!

(Освещается БЕЛОСНЕЖКА.)

БЕЛОСНЕЖКА: Который принц? Который принц явится? Будет ли это Принц Алберт? Принц Филип? Принц Чарли? Принц Акихито? Принц Ренье? Принц Руперт? Принц Хэл? Принц Джордж? Принц Доблестный? Принц Пол? Что ж, великолепно ожидать принца — ждать и знать, что ждешь именно принца, под завязку набитого милостью, — но это же все равно ожиданье, а ожиданье как способ существования есть занятие мрачное. Я б лучше сотней других дел занялась. Интересно, у него будет губа Габсбургов?

(Из зала или откуда-нибудь еще входит ПОЛ — следует приложить особые старания к тому, чтобы он отличался от семерых мужчин, с которыми живет БЕЛОСНЕЖКА.)

ПОЛ (мечтательно): Я отрекись от зеленого моря и от бурой рыбы в нем, а в особенности отрекись я от длинных черных волос, что свешиваются из того окна, какие встретились мне сегодня на пути домой с Биржи труда. Они ужасно меня нервируют, волосы эти. Было красиво, признаю. На длинные черные волосы такой текстуры, тонкости набрести нелегко. Волосы черные, как эбеновое дерево! И все же они меня до ужаса нервируют. Да что там, какая-либо невинная личность может проходить мимо и увидеть их, и счесть своим долгом взобраться наверх и разузнать причину, с чего это их свесили в это окно. Вероятно, к ним сверху прилагается некая девушка, а с нею — и разнообразные обязанности... зубы... фортепьянные уроки... (Все уходит, кроме КЕВИНА и БИЛЛА.)

КЕВИН: Билл...

БИЛЛ: Да?

КЕВИН: Может, не стоит у тебя спрашивать...

БИЛЛ? Что?

КЕВИН: У тебя... все хорошо?

БИЛЛ: Нет.

КЕВИН: Я могу что-нибудь предпринять?

БИЛЛ: Нет.

КЕВИН: А ты можешь... сказать мне, почему?

БИЛЛ: Нет.

КЕВИН: Это секрет?

БИЛЛ: Нет.

КЕВИН: Это тайна?

БИЛЛ (с запинкой): Нет. (Пауза.) Да.

КЕВИН: Ты ее больше не любишь?

БИЛЛ (нетерпеливо): Дело не в этом.

КЕВИН: Ты утратил свою... способность творчески справляться с многогранными проблемами существования?

(БИЛЛ не выдерживает. КЕВИН опешивает.)

БИЛЛ: Я хотел быть великим — когда-то. Но луны для такого в моем небе не было. (Пауза.) Я надеялся выступить с мощным заявлением, сопряженным с трогательной мольбой. (Пауза.) Хотел завести великие дебаты, но всех важных мыслителей, с кем я связывался, трясло от рыданий — сотрясало, точнее будет сказать. Зачем скрываем мы эту эмоцию, каковая, объяви мы ее, могла бы нас освободить? (Пауза.) Я слушал радио, я слышал рыдания. (Пауза.) Мне хотелось принять подходящие меры, но те, чьи жизни я думал сим устроить, не явились в назначенный день. (Пауза.) Она смеялась — у себя в комнате, вытаскивая из-под подушки зернистые серые фотоснимки в альбомах, изображения рыдающих людей. (Пауза.) Там был ад — в горниле моих порывов.

КЕВИН: Но мы, по-твоему, можем...

БИЛЛ: Можем попробовать. Можем попробовать. Мы всегда можем попробовать.

КЕВИН (с облегчением): Это верно! Мы можем пробовать... адски!

БИЛЛ (с иронией): Можем пробовать адски. (БИЛЛ улыбается КЕВИНУ. Миг смотрит на волосы БЕЛОСНЕЖКИ.) Хей-хо, народ.

(Затемнение)

Явские второе

(На сцене шестеро из семерых мужчин, с которыми живет БЕЛОСНЕЖКА. Всем им под тридцать, по египетскому виду — подтянутые американские предприниматели в деловых костюмах. Обстановка теперь — жилое помещение, определенное ультрасовременной мебелью, «Нолл»³³³ или что-то вроде. Почтовый высотой футов пять установлен в глубине сцены в шажоате или полутьме. ЭДВАРД, КЕВИН, КЛЕМ, ХЬЮБЕРТ, ХЕНРИ и ДЭН распределены по сцене в расслабленных позах, словно бы после работы.)

ЭДВАРД: Вероятно, нам не надо следить за чанами, мыть здания и носить деньги в склеп раз в неделю, как все прочие. Быть может, нам следует заниматься чем-то совсем иным — в своей жизни. Бог знает, чем. Мы делаем то, что делаем, не задумываясь. Следишь за чанами, моешь здания и носишь деньги в склеп — и никогда ни на миг не останавливаешься задуматься над тем, что вся эта практика, быть может...

КЛЕМ: Презренна. Презренна!

ДЭН (по-прежнему в евангельском ключе): Грядущее принадлежит... тем, кто... к нему готовится.

КЛЕМ (с напором): О да!

ВСЕ: О да!

ХЕНРИ: Чаны чаны чаны чаны...

ВСЕ: О да!

ХЕНРИ: Недвижимость!

ВСЕ: О да!

ХЕНРИ: Детское питание!

ВСЕ: О да!

ХЕНРИ: Китайское детское питание!

ВСЕ: О о да!

ХЕНРИ: Детский дим-сум!

ВСЕ: О о да!

ХЕНРИ: Детская кисло-сладкая свинина!

ВСЕ: О да, о да!

КЛЕМ: Двадцать три тысячи ящиков только на этой неделе!

ВСЕ: Чаны чаны чаны чаны...

ХЬЮБЕРТ: Недвижимость! Детское питание! Стимул к прибыли!

ВСЕ (кульминацией): Ага ага верно верно о да!

КЛЕМ: Пока мы не нашли Белоснежку, блуждающую по лесам, мы жиди жизнями... набитыми уравновешенностью.

Уравновешенность была для всех. Мы мыли здания, следили за чанами и раз в неделю проделывали путь в сельский бордель...

ВСЕ: Хей-хо!

КЛЕМ: ...как все прочие. Мы были простыми буржуа. Мы знали, что делать. А теперь...

ЭДВАРД: Теперь она сочинила исполинскую поэму, в четыре страницы длиной.

(БЕЛОСНЕЖКА в красном полотенце сидит на высоком помосте, где также располагаются письменный стол и, слева, душевая шторка — угол с душем.)

ХЕНРИ: Вот почта.

(БЕЛОСНЕЖКА пишет, головы не поднимает.)

ХЕНРИ: Обычно ей нравится лапать почту. (Несколько настойчивее.) Вот почта!

(БЕЛОСНЕЖКА не отвлекается. МУЖЧИНЫ тягостно переглядываются.)

ДЭН (чуть сердито): Что ты там делаешь? Пишешь что-то?

(БЕЛОСНЕЖКА поднимает голову.)

БЕЛОСНЕЖКА: Да.

ХЕНРИ: И что же?

БЕЛОСНЕЖКА: Поэму.

(МУЖЧИНЫ испуганно переглядываются.)

ДЭН: Поэму?

БЕЛОСНЕЖКА: Да. (Пауза.) Поэму.

ЭДВАРД: Вот оно — красное мясо на полу.

(МУЖЧИНЫ шепотом совещаются.)

КЕВИН (дерзко): Ну а нам можно глянуть?

БЕЛОСНЕЖКА: Нет.

ЭДВАРД (робко): А длинная?

БЕЛОСНЕЖКА: Четыре страницы. Покамест.

ЭДВАРД (ошеломленно): Четыре страницы!

ХЕНРИ (сам себе): Четыре страницы! (БЕЛОСНЕЖКЕ.) Рифмованная или свободная?

БЕЛОСНЕЖКА: Свободная. Свободная, свободная, свободная.

ДЭН: А тема?

БЕЛОСНЕЖКА: Одна из великих тем. Вот все, что я могу пока разгласить.

ДЭН: Ты не могла бы сообщить нам первое слово?

БЕЛОСНЕЖКА: Первое слово «вбинтахиранах». Слитно.

ДЭН (размышляя): Как это бинты предваряют раны?

БЕЛОСНЕЖКА: Метафора «я», облакающегося в броню против пристального взгляда Другого.

ДЭН: Тема, стало быть, — Утрата.

БЕЛОСНЕЖКА: Что ж... еще?

ХЕНРИ: А ты конкретизируешь, что именно утрачено?

БЕЛОСНЕЖКА: Люто.

(МУЖЧИНЫ нервно переговариваются. В брешь бросается КЛЕМ: он говорит, чтобы все замать.)

КЛЕМ (публике): Иногда я вижу надписи на стенах, гласящие «Убей богачей». А иногда «Убей богачей» затерто и ниже написано «Избей богачей». Явное достижение цивилизации, я бы сказал. А есть еще одна, гласит: «Жан-Поль Сартир». Там что-то происходит, следует признать. Тусклое мерцание чего-то. (Пауза.) Я вижу, как ходит огромное множество пар, мужчин и женщин. Когда я вижу, как пара ссорится, даю им доллар, потому что ссоры интересны. Спасибо Господу за ссоры. Но если мы не способны ссориться, по крайней мере, можем совокупляться. (Пауза.) Трудно сказать, что предпочтительнее.

(В душе к БЕЛОСНЕЖКЕ присоединяется КЛЕМ.)

БЕЛОСНЕЖКА: Эта вода великолепна. Когда она падает мне на нежную спину. Там белое мясо. Душ мне подавай игольчатый. Сначала горячий, затем холодный. Тысяча крохотных уколов пертурбации. Еще пертурбации! А кто это со мной тут в душе? Это Клем. Подход Клемов, и подкат — либо его отсутствие, — все это Клем, Клем, Клем. А Хьюберт ждет снаружи, по другую сторону душевой шторки, а Дэн в коридоре, перед закрытой дверью, а Эдвард сидит внизу, ждет. А что же Билл? Отчего это Билл, вожак, в последние недели не стучится ко мне в дверь душевой кабинки? Клем, ты прямо антиэротичен в своих синих джинсах и наштанниках! В жизни интересно все, кроме Клемовых представлений о половом соитии — его западная неразбериха между понятием «удовольствие» и понятием «увеличение поголовья».

МУЖЧИНЫ (хором): Колледж Скидмор — вот где получила она свое образование. Она изучала «Современную женщину, ее привилегии и обязанности!» Естество и пестование женщин и что они означают, в эволюции и в истории, включая домашнее хозяйство, воспитание, миротворчество, исцеление и поклонение.

БЕЛОСНЕЖКА (жалуясь): Устала я быть домохозяйкой!

МУЖЧИНЫ (*хором*): Затем она изучала «Классическую гитару один», методы и приемы Сора, Тарреги, Сеговии³³⁴. Затем она изучала «Английских поэтов-романтиков два»: Шелли, Байрона, Китса.

БЕЛОСНЕЖКА: Я устала быть ломохозяйкой!

МУЖЧИНЫ (*хором*): Образование свое она получила в колледже Скидмор. Она изучала «Теоретические основы психологии»: ум, сознание, бессознательный ум, личность, самость, межличностные отношения, психосексуальные нормы, общественные игры, группы, приспособляемость, конфликт, власть, душевное здоровье.

БЕЛОСНЕЖКА: Ох, были б на свете какие-нибудь слова, что не были теми словами, какие я вечно слышу!

МУЖЧИНЫ (*хором*): Затем она изучала «Реализм и идеализм в современном итальянском романе»: Берто, Кассола, Гинзбург, Малапарте, Кальвино, Гадда, Бассани, Ландольфи³³⁵. Затем она изучала...

(На помост справа входит БИЛЛ и пересекает его до края уголка БЕЛОСНЕЖКИ, ясно давая понять, что стоит за пределами душевой кабинки.)

БЕЛОСНЕЖКА: Но вода у меня на спине интересна. Она больше чем интересна. Изумительна — вот какое слово.

БИЛЛ (*публике*): Что ж, это блаженство — ублажать ее, когда с этим способна справиться человеческая изобретательность, но все это лишь трепещет на самом краю монотонности — после нескольких-то лет. И все же... я к ней нежно. Да, нежно. Ибо когда половое наслаждение получено, исполняешься нежностью — неким странным образом — к другой стороне, той, с которой его имел.

БЕЛОСНЕЖКА (*публике*): Но кого же мне любить? Я люблю их, неким манером, но этого недостаточно.

БИЛЛ: А психиатра?

БЕЛОСНЕЖКА: Он был непростителен.

БИЛЛ: Непростителен?

БЕЛОСНЕЖКА: Он сказал, что я неинтересна.

БИЛЛ: Неинтересна?

БЕЛОСНЕЖКА: Он сказал, что я зануда хоть кричи.

БИЛЛ: Совсем это как-то не по-доброму.

БЕЛОСНЕЖКА: Он сказал: «Пойдемте в кино», ради бога.

БИЛЛ: И?

БЕЛОСНЕЖКА: Мы пошли в кино.

БИЛЛ: Какое?

БЕЛОСНЕЖКА: С Чарлтоном Хестоном³³⁶.

БИЛЛ: И как?

БЕЛОСНЕЖКА: Превосходное.

БИЛЛ: А воздушная кукуруза была?

БЕЛОСНЕЖКА: Батончики «Марс».

БИЛЛ: Вы держались за руки?

БЕЛОСНЕЖКА: *Naturellement*.

БИЛЛ: А потом?

БЕЛОСНЕЖКА: Выпивали.

БИЛЛ: А после?

БЕЛОСНЕЖКА: Не суй нос.

БИЛЛ: Но... три дня у психиатра...

МУЖЧИНЫ (*хором*): О чем Белоснежка думает? Никто не знает. *(На авансцену справа выдвигается ХЕНРИ, поправляя галстук, глядя в зеркало и пр.)*

ХЕНРИ: Итак, необходимо за нею ухаживать, и завоевать ее, и надеть этот чистый халат, и постричь себе разнообразные ногти, и выпить что-нибудь такое, что убьет миллионы микробов у меня во рту, и сказать что-нибудь лестное, и быть остроумным и пышущим, крепким и чудным, все для того лишь, чтобы разгладить эту морщинку в паху. По-моему, цена высоковата.

ДЭН: Ты живешь в собственном мире, Хенри.

ХЕНРИ: Я уж точно могу превзойти дарованное.

(ХЕНРИ поворачивается и взбирается на помост в душевую кабинку БЕЛОСНЕЖКИ. Становится за нею и обхватывает ее руками.)

БИЛЛ (*публике*): Белоснежка знает певчую косточку. Певчая косточка нарасказывала ей сказок, от которых она обеспокоилась и смутилась: о медведе, что превратился в царского сына, о громадном сокровище на дне ручья, о хрустальном гробе, в котором лежит колпак, надев который, становишься невидимым. Такое не должно продолжаться. Поведение косточки неприемлемо. Косточку необходимо убедить придерживаться событий и воздействий, подтверждаемых инструментари-ем физических наук. Кто-то должен урезонить косточку.

МУЖЧИНЫ (*хором*): Что себе думает Белоснежка? Никто не знает.

БЕЛОСНЕЖКА: Те мужчины... громоздкие... громоздятся в чулках... и сноружи... жесты, возникающие на фоне белого

³³⁶ Естественно (фр.).

экрана... сложности... разум... Мне лишь хотелось одного простого героя невероятных габаритов... мягкие, гибкие манеры... части... мысль... замалчивая... плюс отпечатки больших пальцев у меня на плечах... семь это... разные уровни эмоционального... зеркало... днем... Билл... спасибо.

(Входит ПОЛ, неся очень большую картину, мучительно абстрактную.)

ПОЛ: Можно куда-нибудь это поставить? Новая вещь, только сегодня закончил, еще не совсем просохла, боюсь.

(ПОЛ опирает холст на стул. БЕЛОСНЕЖКА его осматривает.)

БЕЛОСНЕЖКА: Это скверно. Скверно, скверно.

ПОЛ (самодовольно): Да. Одна из тех моих вещей, что посквернее, думаю.

БЕЛОСНЕЖКА: Изумительно скверно.

ПОЛ: Да, есть в ней некоторые свойства скверны. За живопись я взялся только вчера. Это всего лишь мой четвертый холст.

БЕЛОСНЕЖКА: Особенно скверен нижний левый угол.

ПОЛ: Я готов даже так далеко зайти, чтобы вышвырнуть ее на рынок.

БЕЛОСНЕЖКА: Как зовут вас, пригожий незнакомец? Есть в вас некая... принцевость.

ПОЛ: Пол. И я принцеват. Есть такое. Временами, когда взгрустнется, мне удастся подкачать себя тем, что я думаю о своей крови. Она голуба, голубей этот вянувший свет белый и не видывал, вероятно. По временам я ошарашиваю себя жестом столь царским, столь исполненным света, что сам недоумеваю, откуда он взялся. (Пауза.) Взялся он от моего отца Пола Семнадцатого, самого царственного человека и личности. Хотя единственным его достижением за все его долгое отсутствие правления было раз-обожествление собственной персоны. Единственным, что у него не сумели отнять, в той проходной спальне в Монтрё, была его кровь. А еще у него не смогли отнять его манерного жеманства, кое я унаследовал до тошнотворной степени. Даже в пятьдесят пять он по-прежнему ошарашивал свои башмаки одеколоном. Верхом его устремлений было завалить то и дело горничную-другую, в то время как у меня амбиции возвышенной, я, правда, не знаю, каковы они в точности. Вероятно, мне следует выйти и завести связь с какой-нибудь красоткой, кто во мне нуждается, и спасти ее, и ускакать с нею прочь, перекинув через луку своего дамского седла. Но с другой стороны... это ужасно много

суеты. (Пауза.) Причудлив он был, мой отец. Знал кое-что, неведомое другим. Перед кончиной слышал, как поют ленине поверил. А теперь даже не знаю.

БЕЛОСНЕЖКА (глядя на картину): Утонченно скверно!

ПОЛ: Обои!

(БЕЛОСНЕЖКА соскакивает с помоста. Медленно подходит к ПОЛУ и очень внимательно его рассматривает, затем отходит на противоположную сторону.)

(Затемнение)

Явление третье

(Помост поднят сзади до середины высоты сцены. За ним видна сетка, намекающая на окна. На помосте ЭДВАРД, КЕВИН, ДЭН и БИЛЛ с ведрами, резиновыми скребками и пр. ХЬЮБЕРТ, ХЕНРИ и КЛЕМ на сцене, спиной к публике, жестами изображают мытье здания. Справа ДЖЕЙН и ЕЕ МАТЬ с гладильной доской [например]. ДЖЕЙН обращается к публике.)

ДЖЕЙН: Я была мила когда-то. Я была на свете всех милее. Со многих миль окрест стекались мужчины, лишь бы побыть в моей власти. Но те дни миновали. Те лучшие дни. Теперь я воспитываю в себе злобу. Это воспитанная злоба, не бледная естественная злоба, какую мы знали, когда мир был юн. Я все больше становлюсь ведьмообразна по мере того, как смутные дни неощутимо соскальзывают один в другой, а мускусные месяцы тонут в памяти, как в топи, трясине или тине. Но у меня есть моя злоба. Уж она у меня есть. Я даже изобрела новые разновидности злобы, которых люди прежде и не видывали. Если б не тот факт, что я сплюха Хого де Бержерака, — была б тотальной злобой. Но меня искупает эта безнадежная любовь, что по-прежнему не выпускает нас из человеческого континуума. (Пауза.) Мать, можно я пойду к Хого поиграть?

МАТЬ: Нет, Джейн, Хого — неподобающий тип молодого человека, с которым тебе можно играть. Ему уже сорок, а это слишком старо для невинных игр. Боюсь, он знает какую-то такую игру, какая не невинна, и захочет, чтоб ты с ним в нее поиграй, а ты в невежестве своем согласишься, тут-то сало в огонь ла, а ты в невежестве своем согласишься, тут-то сало в огонь брызнет. Так вот я расчислила эту ситуацию. Так я ее считываю. Так она выглядит оттуда, где я стою. (Пауза.) Что это за обезьянья лапу вижу я, какая лезет мне в почтовый ящик?

ДЖЕЙН: Мать, все это напускное смирение тебе не к лицу. Да и это мерзкое старое платьишко бедной-девочки-со-спичками.

МАТЬ: Это платье, да будет тебе известно, стоило двести сорок долларов, когда было новым.

ДЖЕЙН: Когда оно было новым?

МАТЬ (элегично): Новым оно было в 1918-м — том году, когда мы с твоим отцом вместе сидели в окопах, в Великую войну. Ну и война то была. О, я знаю, после были и другие войны, лучше разрекламированные, подороже, но помнить всегда я буду нашу войну. Наша война и означает для меня войну.

ДЖЕЙН: Мать, мне известно, что Хого сорок и он насквозь порочен, но меня что-то к нему притягивает. К его дому. К той невинности, что меня там поджидает.

МАТЬ: Остынь, дитя. Я знаю, каково тебе. Я тоже некогда была личностью. (Пауза.) Что это за обезьянья лапа лезет ко мне в почтовый ящик?

ДЖЕЙН: Это ничего. Не стоит об этом ничего думать. Там ничего. Там просто один из моих близких друзей, мать. Это просто обезьяна, только и всего. Просто обыкновенная обезьяна. Не стоит о ней даже задумываться.

МАТЬ: Сдается мне, ты слишком легко отмахиваешься, Джейн. Это необычайно. Это что-то означает.

ДЖЕЙН: Нет, мать. Это ничего не значит. Оно лишь то, что я и сказала.

МАТЬ: Я уверена, это значит больше, Джейн.

ДЖЕЙН: Нет, мать, больше это не значит. Не вчитывай во всё ничего, мать.

МАТЬ: Лучше бы ты не окружала себя такими странными существами, Джейн. Обезьяна... Хого...

ДЖЕЙН: Тш-ш-ш, мать. Мне работать надо. (МАТЬ уходит.

ДЖЕЙН берет телефонную книгу. Закрывает глаза. Тычет в телефонную книгу указательным пальцем. Открывает глаза. Запоминает номер. Откладывает справочник. Берет трубку, набирает номер.)

Мистер Квистгор?³³⁷ (Пауза.) Здравствуйте, мистер Квистгор. (Пауза.) Хотя вы меня не знаете, мое имя Джейн. (Пауза.)

Джейн. (Пауза.) Я ведьма. (Пауза.) Ведьма. Я очень хорошая ведьма. (Пауза.) Я выхватила ваше имя, мистер Квистгор, из телефонной книги. (Пауза.)

Вы вполне обоснованно, мистер Квистгор, рассматриваете это как угрожающую ситуацию.

Кто знает, что я могу сказать? Кто знает, что я могу попросить? Кто знает, что я могу втолковать? Кто знает, что мне могут

втолковать? (Усаживается; поудобнее.) Итак, мистер Квистгор, давайте немного поболтаем.

(Входит ХОГО. ДЖЕЙН продолжает шептать угрозы, пока ХОГО произносит свой монолог, но вешает трубку перед тем, как он договорит.)

ХОГО: Господи, какими же грязными животными были мы тогда! И каково же наверняка было гунну! Мерзкому бошу! А потом чик — и стать нацистом! Серым паразитом! А сегодня? (Пауза.) Мерзкие дёйчмарки! Что столь затмевают саму марку и текстуру человека... Что столь затмевают саму марку и душу человека, эта подлость... подлость эта сама подло повержена. Что столь облекает... что столь омывает... Чертовы дёйчмарки! Что столь замыкают в себе сами кривизну и волокно человека, то, что мы в нем столь ценили, подлость, есть — умирает, пыл его опрокинут. Убогий презренный металл! Что столь инкапсулирует сами останки и смесь человека, что в нем сладкие ожоги подлости суть... весь пыл сбежал, он... (ХОГО выдыхается.)

ДЖЕЙН (публике): Он знает, когда я трепещу. Это ему больше всего и нравится. (ХОГО.) Что с нами случилось, Хого? С тобой и со мной?

ХОГО: Ничего с нами не случилось, Джейн. Становление наше завершено. Мы суть что мы суть. Теперь вопрос лишь в том, чтоб катиться дальше со всем, каково оно есть, покуда не умрем.

ДЖЕЙН: Не очень-то бодрая картина у тебя выходит, Хого.

ХОГО: Это не моя картина, Джейн. Не я придумал эту картину, с какой мы имеем дело. Живопись изначально была не моя. Я совершенно отделяю себя от этой картины. Я действую в рамках, это так, но картина...

ДЖЕЙН: Тебе сорок, Хого.

ХОГО: Не самый неприятный возраст для пребывания.

ДЖЕЙН: Стало быть, ты не против. Что ты не молод.

ХОГО: Есть в этом некий паршивый аспект, а где его нет?

ДЖЕЙН: Ты не против, стало быть, что проседаешь в сторону смерти?

ХОГО: Нет, Джейн.

(ДЖЕЙН уходит — мимо БИЛЛА, который хромает. С помоста говорит КЕВИН.)

КЕВИН: Билл, наш вожак, начал ходить вразвалочку. Следствие, кое-кто утверждает, утраты рассудка. Но это не так. Посреди всего многого истинного освежает расхаживать вразвалочку

посреди того, что не истинно. Он не хочет, чтобы его касались. Но на причудь право имеет. Заслужил ее своим энергичным водительством в этом великом предприятии, каковое есть его жизнь. И в том другом предприятии — нашей любви к Белоснежке.

БИЛЛ: Эта штука нам всем вредит. Все мы родились в национальных парках. У Клема воспоминания о Ёсемити, вдохновляющих ущельях. Кевин помнит Большие Дымные. У Хенри — его акадийские песни и танцы, у Дэна — ожоги от Горячих Ключей. Хьюберт забирался на гигантские Секвойи, а Эдвард лазил на величественный Рейнир. Я же — я знаю Болотные равнины Флориды, которые все знают. Эти общие переживания впрягли нас в одно ярмо навеки под красным, белым и синим. *(Пауза.)* Любовь здесь, похоже, умерла. И наша задача сейчас — вновь одухотворить ее жарким оранжевым дыханьем жизни. С такую мыслью я попросил Хого де Бержерака прийти сюда и посоветовать нам, что следует делать. Ему известны смерти сердца — Хого-то. И ведом ему ужас одиночества, и гниль близости, и отсутствие милости. Все это вооружает его, чтоб говорить с нами об этой беде. Все это — и его подлость.

ХОГО: Ну, ребятки, перво-наперво хочу сказать несколько подлых вещей более-менее наобум — не только потому, что от меня это ожидается, но и потому, что мне такое нравится. Одна из них — в том, что та манда, которая тут с вами, хоть я и видел ее своими собственными глазами, вероятно, не стоит того, чтоб о ней беспокоиться. Вы уж меня простите, если я в этом деле наступаю вам на мозоли. Бог свидетель, я женский жест люблю так же, как кто угодно. Единственное, что стоит хоть чего-то на всем белом свете, по моему мнению, — это красота женщин, да еще, может, некоторые виды еды и, вероятно, всяческая музыка, особенно духовых оркестров на параде, которая доводит вас до слез, при нужном свете, говоря непосредственно с вами о вашей земле и о том, что это за прекрасная земля, и что это ваша земля вообще-то, и моя земля, эта наша земля³³⁸, — от этого конкретного озарения может мороз по коже пойти, если оно сообщено марширующим оркестром. Но я отвлекся. Главное, что я хочу сказать: мир полон манд, они растут, как двусторчатые моллюски по всем уголкам Земли, манды столь же многочисленные, как жесткие ракушки и их молодь, что закапываются в донный ил во всех бухтах мира. Штука в том, чтобы утрату какой-то

одной конкретной не воспринимать всерьез. Она остается с вами столько, сколько способна мириться с вашей дрянью, а вы с ней остаетесь столько, сколько способны мириться с дрянью ее. Так оно все и есть. *(Пауза.)* Разумеется, они великая тема, и если мы всё меняем и меняем девушек каждые четыре или пять лет, то лишь из-за этого самого распада, каким я никогда не примирюсь, до смертного своего одра. И потому я все время выглядываю в окно, и потому все мы выглядываем в окно — посмотреть, что проходит, что еще выброшено на пляж нашего существования. Потому что на этот пляж постоянно что-то выбрасывает — по мере того как созревают новые классы девушек. Я главным образом толкую о том, что вам следует держать в уме многообразие и забыть об уникальности. Земля широка и плоска, глубока и высока. И не забывайте того, что сказал Фрейд.

ЭДВАРД: Ценность, какую разум назначает эротическим потребностям, немедленно падает, как только удовлетворение становится легкодоступным³³⁹.

ВСЕ (хором): ЦЕННОСТЬ, КАКУЮ РАЗУМ НАЗНАЧАЕТ ЭРОТИЧЕСКИМ ПОТРЕБНОСТЯМ, НЕМЕДЛЕННО ПАДАЕТ, КАК ТОЛЬКО УДОВЛЕТВОРЕНИЕ СТАНОВИТСЯ ЛЕГКОДОСТУПНЫМ.

(ХОГО уходит.)

(На помосте появляется БЕЛОСНЕЖКА. Со стороны смотрит-ся так, будто она выглядывает из окна второго этажа.)

БЕЛОСНЕЖКА: Страданье мое достаточно подлинно, однако есть в нем нечто от низкосортного бетонного блока. Они всемером лишь складываются в эквивалент примерно двух настоящих мужчин, каких мы знаем по фильмам из детства, когда на Земле жили великаны. Возможно, конечно, что тут настоящих мужчин больше не осталось, на этом шарике полуправд — на Земле. Устала я быть просто ломохозяйкой! Который принц? Который принц приедет?

(На помосте гаснет свет.)

ХЕНРИ: Я все это про Билла понимаю. Тем не менее думаю, кто-то должен развести под ним огонь. Ему нужен хороший пиннок под зад, согласно моему образу мыслей.

ХЬЮБЕРТ: Мы по сравнению с ним дети малые — в понятиях возможности, однако ему, похоже, хочется лишь расслабиться в игровой комнате да тасовать карты безика, да кидать

дротики и все такое прочее, хотя мог бы пойти и реализовать свой потенциал.

ЭДВАРД: Мы лишь комочки пыли у него под ногами, потенциально, а он просто сидит да строит кораблики в бутылках, да режет по раковинам и все такое, хотя мог бы пойти и максимизировать свои возможности.

КЛЕМ: Ух как бы мне хотелось развести костер под этим мальчишкой. Будь я проклят, если знаю, что делать в такой ситуации, что досаждают мне сотней манеров.

ДЭН: Это такой стыд и позор, это так преступно, что сил нет, чем больше об этом задумываюсь. Мне просто хочется выйти и яриться на судьбу, что человек, столь очевидно избранный стать баловнем жизненного принципа, окажется столь празден, нечестив и неправ. Я просто вне себя, ребята, и в лицо ему то же самое скажу!

(На помосте освещается БЕЛОСНЕЖКА.)

БЕЛОСНЕЖКА: Пол? Есть тут какой-нибудь Пол, или я лишь спроецировала его в форме моего томленья, скуки, уныния и боли? Неужто всю свою жизнь подготавливалась я в изящнейших грациях и искусствах всего-навсего ради вот такого? Неужто мое богато оснащенное тело пойдет псу под хвост, в двадцать два, в этом, в этом... (Пауза.) Ну конечно же какой-то Пол есть! Пол где-то есть, но не тут. Не под моим окном. Покамест. (БИЛЛУ) Что такое?

БИЛЛ: Вот бы знать. Что-то.

БЕЛОСНЕЖКА: Не сомневаюсь. В смысле, я думаю, оно реально, чем бы ни было.

БИЛЛ: Реально, да только никак не ухвачу. (Пауза.) Думаю, это страх.

БЕЛОСНЕЖКА (опешив): Ой! (Пауза.) Какого рода? (Пауза.) Конкретный или неконкретный?

БИЛЛ: Ранним утром. А потом опять в четыре.

БЕЛОСНЕЖКА: Я заметила, что твоя кофейная чашка довольно сильно дребезжит — за завтраком.

БИЛЛ: И чайная тоже — за чаем.

БЕЛОСНЕЖКА: Но что же так тебя сотрясает?

БИЛЛ: Всякое.

БЕЛОСНЕЖКА: А не... я?

БИЛЛ: Не ты.

БЕЛОСНЕЖКА: Ты уверен?

БИЛЛ: Уверен.

БЕЛОСНЕЖКА: Ты истощила меня... как возможность?

БИЛЛ: Нет, Белоснежка. Ты по-прежнему... Ты — игра и цель игры, и приз за выигрыш в игре, и судья. (Пауза) И другая команда. (Пауза.) Много, много дел, глупышка.

БЕЛОСНЕЖКА: Я всего-навсего хотела одного невероятного героя с мягкими, гибкими руками...

БИЛЛ: Совершенно разумно.

БЕЛОСНЕЖКА: Я всего-навсего хотела потерять голову... (задумавшись) вот правда, обезуметь, свестись с ума. Раз... м... таться. Раствориться. Растаять.

БИЛЛ: Да, это я вижу.

БЕЛОСНЕЖКА: И сотворить то же самое с тобой.

БИЛЛ: Да, да, я понимаю, как это действует. (Пауза.) Или действовало — некогда. (Пауза.) Или действовало оно когда-нибудь?

БЕЛОСНЕЖКА (размышляя): Вроде бы да. Почти действовало. Какое-то время. Отчасти.

БИЛЛ: Унылые слова.

БЕЛОСНЕЖКА: Вполне, вполне унылые. Устала я быть просто ломохозяйкой!

КЕВИН: ЛОМОХОЗЯЙКА В ИСТОРИИ!

ХЕНРИ: ЗНАМЕНИТЫЕ ЛОМОХОЗЯЙКИ!

ХЬЮБЕРТ: ЛОМОХОЗЯЙКА: ДУХОВНЫЙ ПОРТРЕТ!

ДЭН: ЛОМОХОЗЯЙКА: КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ!

ЭДВАРД: ПЕРВАЯ ШВАБРА, 4000 Г. ДО Н. Э.!

БИЛЛ: ВЗГЛЯД СВ. АВГУСТИНА!

КЕВИН: ЭМЕРСОН ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ЛОМОХОЗЯЙКЕ!

ХЕНРИ: ОКСФОРДСКИЙ СПУТНИК АМЕРИКАНСКОЙ ЛОМОХОЗЯЙКИ!

ХЬЮБЕРТ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ВОНАМИ»³⁴⁰, 1892!

ДЭН: ЛОМОХОЗЯЙКИ ПОЛУЧАЮТ ПРАВО ГОЛОСА!

ЭДВАРД: ПРИМИ РОЛЬ, ПОБУЖДАЕТ ПСИХОЛОГ!

БИЛЛ: ЦЕЛЛОФАНОВЫЙ ПАКЕТ!

КЛЕМ: ЧЕСНОКОДАВИЛКА!

БИЛЛ: Жизнь по большей части нечрезвычайна.

БЕЛОСНЕЖКА: Да. Жизнь по большей части нечрезвычайна, к тому ж если бросать на нее отчаявшийся взгляд женщины, да небезынтересно тебе будет знать.

БИЛЛ: Белоснежка, зачем ты остаешься с нами? Тут? В этом доме?

БЕЛОСНЕЖКА: Это следует, полагаю, приписать неудаче воображения. Я так и не сумела вообразить себе ничего лучше. (Пауза.) Но воображение мое шевелится. Имей в виду. (Пауза.)

БЕЛОСНЕЖКА перебирает свои длинные черные волосы. **БИЛЛ** уходит.) Я б на этих волосах воздушного змея могла запустить, такие они длинные. Ветер унесет змея ввысь, в синеву, и там будет краснота змея против синевы синевы, вместе с моими волосами, черными, как эбеновое дерево, какие станут парить. Эдакое выглядит желанным. Этот мотив — длинные волосы, струящиеся из высокого окна, — он древен, я полагаю, отыскивается во многих культурах, в различных формах. (Пауза.) Теперь резюмирую — к изумлению вульгарных и освеженью моей венерической жизни!

(**БЕЛОСНЕЖКА** принимается расплетать волосы.)

(Затемнение)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

(По сцене распределены семь ярких красно-желтых душевых шторок.)

ХЕНРИ (другим **МУЖЧИНАМ**, стоящим перед душевыми шторками; они рассматривают шторки, ощупывают их и т. д.): Она по-прежнему сидит в окне, свесив длинные черные волосы, черные, как эбеновое дерево. Толпы несколько поредели. Новая душевая шторка заметно на нее не повлияла. Мы пригласили эксперта, чтоб убедиться, что это правильная душевая шторка. Красные полотенца вернули в «Блуминдейлз». (Все смотрят на **ДЭНА**, который блюет.) Сортность свиных ушей, которые мы применяем в «Детском Дин Сам Дю», не может соответствовать стандартам правительства США — да и вообще каким бы то ни было стандартам, если уж на то пошло. Наш человек в Гонконге утверждает, что следующая поставка будет превосходна. По всей стране продается споро, споро, споро. Завтра погода — ясная и теплее.

ДЭН (элегично): Стоя в великолепной ванной, мы рассматриваем новую душевую шторку.

КЕВИН: У нее два цвета, один красный, другой желтый. Красный — красный красной капусты, а желтый — желтый желтой фасоли.

ХЬЮБЕРТ: На ней две фигуры — нечто вроде схематичной павы, нечто вроде схематичной вазы.

ЭДВАРД: Мы знаем, что она сообразна. Мы знаем, что она «мила». Мы даже знаем, что она «великолепна», более или менее. Таков замысел — чтоб она была «великолепна».

ПОЛ (столя): Это лучшая на вид душевая шторка во всем городе!

ХЕНРИ: Пол утверждает, что это лучшая на вид душевая шторка во всем городе. От этого мороз по коже. Поэтому у нас незадача. Как нам определить, правда ли то, что он утверждает? Что у нас лучшая на вид душевая шторка во всем городе?

ДЭН: Наша метрополия, арена пропозиции, невелика, но с другой стороны, и не мала; свыше ста тысяч душ преет здесь, дожидаясь Судного дня и милости Божьей. Возможно провести перепись душевых шторок...

КЛЕМ (публике): Но для проведения ее нам пришлось бы пренебречь чанами, а это мы поклялись никогда не делать — пренебрегать чанами. И для проведения ее мы были бы вынуждены оставить здания невымытыми, а это тоже мы поклялись никогда не делать — оставлять здания невымытыми.

ДЭН: И при условии, что нам удастся отыскать доступ к паршивым ванным всех ста тысяч душ, что здесь преют, по каким стандартам следует оценивать сто тысяч душевых шторок, висящих там — на серебряных колечках?

ЭДВАРД: Смысл не в этом. Смысл в том, нравится ли она ей?

ДЭН: Это лучшая на вид душевая шторка во всем городе — значит, должна.

ВСЕ (бормотание): Должна, должна.

ХЬЮБЕРТ: Если это выйдет наружу — что у нас лучшая на вид душевая шторка во всем городе, — не придут ли другие люди и не отберут ли ее у нас?

ДЭН: Не успеет она магически подействовать на Белоснежку?

ЭДВАРД: Решение есть: уничтожение Пола, который высказал первоначальное замечание.

(**ВСЕ** угрожающе толпятся вокруг **ПОЛА**.)

ПОЛ: Подамся-ка я в монахи.

(**ПОЛ** уходит налево.)

(Затемнение)

(Освещается **БЕЛОСНЕЖКА**, которая сидит на стремянке или чем-то еще за душевыми шторками, ее волосы свешиваются перед одной из них.)

БЕЛОСНЕЖКА (сердито): Ох, добраться бы мне до того человека, который обозвал эти электрические разъемы мужскими и женскими! Таким ученым себя считал! И добраться бы мне до того, кто назвал этот кусок трубки соском! Считал себя таким изысканным. (Пауза.) Никто так и не приехал — и не влез. Это все и решает. Нынче время — не то время для меня.

Что-то не то со всеми теми, кто там стоит, пялится и разевает рты. И с теми, кто не пришел и хотя бы не попытался влезть. Исполнить роль. И с самим миром — из-за того, что он так и не смог предоставить принца. Из-за того, что недостаточно цивилизован, чтобы снабдить сказку правильным концом.

(Затемнение)

(Когда свет зажигается, душевых шторок уже нет, а перед стрелялкой БЕЛОСНЕЖКИ стоит ДЭН, не обращая на нее внимания.)

ДЭН: Билл обронил деньги. Пачку общей стоимостью в целую кучу денег. Уж не сомневайтесь. Он шел в склеп с деньгами, засунутыми подмышку, обернутыми в красное полотенце. В красное полотенце их завернул Хенри. Хьюберт засунул их Биллу подмышку. Я открыл дверь. Кевин направил Билла к склепу. Клем дал Биллу пинка, чтоб завелся.

ХЬЮБЕРТ: Но где-то между домом и склепом деньги выскочили из подмышки Билла в направлении, известном только им. Мы все выскочили на улицу вернуть деньги. Но их нигде не было. Утрата денег не серьезна. У нас есть еще деньги. Но вот серьезна утрата уравновешенности. Мы ценим уравновешенность, а тут добрая порция уравновешенности утекла — сегодня.

БЕЛОСНЕЖКА (выпивая стакан апельсинового сока): Отныне я отказываю им в себе. Этих наслаждений. Больше не подсказываю я девически к их кроватям по ночам, или после обеда, или среди туманного утра. И не режу больше им репчатый лук, не варю феттучини, не мариную им пашины для стейка. Не стану я больше трюхать по всему дому в погоне за пятном. Не стану больше складывать им нательное белье и убирать его в высокий комод. Не знаю, что мне даст подобная политика. Я даже не уверена, что желаю ее вводить. Она кажется мелочной и низкой. У меня противоречивые замыслы. Но главная тема, что играет у меня в мозгу, такова: того, что есть, — мало.

ДЭН (держит бутылку вина): Я в одно лицо убрал эту целую бутылку сабли. И ту другую бутылку сабли тоже — ту, что вон под кроватью. И вон ту другую бутылку сабли тоже — ту, в чьем горлышке торчит бурая свечка. Я себя чувствую брошенным. После трудного дня присмотра за чанами хочется прийти домой и обнаружить на столе баранью ногу, в густой подливе, истыканную маленькими перламутровыми луковичками, а то и горшочек ирландской картошки где-нибудь поблизости. Вместо этого я прихожу домой ко всему этому ничто.

ХЕНРИ (держит стакан виски): Вот она сидит у себя в комнате, читает «Освобождение»³⁴¹ и лобкуется своей фигурой в зеркале. Она по-прежнему нас любит, но этого мало. Чувствую, тут у нас недостаток водительства. Нас опять бросили сосать половую тряпку. Истинное водительство заставило бы ее любить нас яростно, возбужденно. Как в старину. Истинное водительство нашло бы выход из этой зверской путаницы. Устал я от спотыкливых объяснений, обещаний Билла. Если не хочет водить, давайте голосовать.

КЛЕМ (держит четыре бутылки пива, по две в каждой руке): Пусть относятся ко мне как к вахлаку, если хотят. Наверное, я в каком-то смысле вахлацкий мужлан, полный простецких представлений, противоречащих более изысканным представлениям моих коллег. Но я замечаю, что именно ко мне приходят они, когда возникает вопрос о мамалыге, или свиных рубцах, или о жареном сомике. Такие вопросы, конечно, возникают нечасто. Все эти двенадцать лет я жареного сомика даже не нюхал! Сколько вечеров плелся я домой, настроив все лицо свое на жареного сомика, а обнаруживал, что у нас кальмарчики или какое-нибудь еще восточное блюдо. (Пауза.) Но зачем я говорю о блюдах? Не блюда меня беспокоят. Меня тревожит, что никто не откликнулся на волосы Белоснежки. Хоть мне от этого одновременно и легче. Но здесь намек на то, что американцы не могут или не желают видеть себя принцами. Даже Пол, самый принцеватый из всех наших современников, не откликнулся как подобает. Надеюсь, у него в монастыре все складывается. Будь я проклят, если меня не подмывает, может, отправиться к нему туда самому.

КЕВИН (полуистерично): ЦЕННОСТЬ, КАКУЮ РАЗУМ НАЗНАЧАЕТ ЭРОТИЧЕСКИМ ПОТРЕБНОСТЯМ, немедленно падает, как только удовлетворение становится легкодоступным! Чтобы поднять прилив либидо на его высоту, требуется препятствие! (КЕВИН взмывает красное полотенце и принимается размахивать им, как флагом.) И во все исторические периоды, когда бы естественных барьеров ни оказывалось недостаточно, человечество возводило условные!

(Затемнение)

(Освещаются семеро МУЖЧИН и БЕЛОСНЕЖКА, все в пижамах.)

БЕЛОСНЕЖКА: Если Билл снимет пижаму, я устраню пижаму и с себя, и позволю вам всем устранить с себя пижамы, и кто

знает, что случится потом? *(Она балуется со своей пижамной курткой, застегивая и расстегивая ее.)* Сними пижаму, Билл.

БИЛЛ *(сурово)*: Не стану. Я не буду снимать пижаму. *(Остальные толпятся вокруг него, сердито, побуждая его снять пижаму.)* Не буду. Не стану.

БЕЛОСНЕЖКА: Снимай пижаму, Билл. *(Еще возня с пижамой у БЕЛОСНЕЖКИ.)*

БИЛЛ *(публике)*: Я должен удержать все это воедино. Все зависит от меня. Я не могу развалиться — покамест. Должен скрывать свои раны, ухитриться выглядеть не раненым. Окровавленный платок, засунутый под рубашку. Под пижаму. Они не должны знать. *(На миг слышится музыка, начальные такты «Полета валькирий», затем стихает.)* Огромный черный конь! Какого я ждал все свои дни, с двенадцати лет! Я знаю, что огромный черный конь может возникнуть в любую минуту. Им это неизвестно. Вот в чем разница между мной и ими — я это знаю, а они этого не знают.

ВСЕ: Снимай пижаму, Билл!

БИЛЛ *(публике)*: Не думай об этом. Думай о водительстве. Нет, не думай о водительстве. Не думай. Мы суть то, что нам о нас рассказали. Мы сумма тех посланий, что получили. Истинных посланий. Фальшивых посланий.

(БЕЛОСНЕЖКА отворачивается от публики, снимает пижамную куртку, с наслаждением потягивается.)

ДЭН: Билл, ты намерен снять эту... чертову... пижаму?

БИЛЛ *(публике)*: Водительство означает...

(Он принимается расстегивать пижамную куртку. Снова «Полет валькирий». Он подходит к БЕЛОСНЕЖКЕ. Кладет руку ей на плечо. Она поворачивается и обнимает его.)

БЕЛОСНЕЖКА: Нет.

БИЛЛ: Нет?

БЕЛОСНЕЖКА: Нет.

БИЛЛ *(в сторону)*: Невыносимая красота.

БЕЛОСНЕЖКА *(тянет)*: Не-е-е-е-ет.

БИЛЛ: Они обвинят... меня.

БЕЛОСНЕЖКА: Я тоже.

БИЛЛ: Что я сделал не так?

БЕЛОСНЕЖКА: Не знаю. Знаю только, что... этого мало.

БИЛЛ: Больше.

БЕЛОСНЕЖКА *(соглашаясь)*: Больше.

БИЛЛ: Ты хочешь больше.

БЕЛОСНЕЖКА: Гораздо больше.

БИЛЛ: Твои требования велики.

БЕЛОСНЕЖКА: Средни.

ДЭН *(всовываясь между ними)*: Билл, если ты не...

БЕЛОСНЕЖКА *(саркастично)*: Дэн, полагаю, что слышала, как рухнул рынок. Два пункта. Раз, два. *(Изображает, что прислушивается.)* Три. Тебе не лучше ли позвонить своему брокеру? *(ДЭН опрометью выскакивает прочь.)* Четыре. *(Все остальные, кроме БИЛЛА, выскакивают. БЕЛОСНЕЖКА говорит БИЛЛУ.)* Вот видишь?

БИЛЛ: Фрейд говорил...

БЕЛОСНЕЖКА: Я не желаю знать, что говорил Фрейд.

БИЛЛ: Фрейд сказал, что у этой цивилизации осталось две ценности — деньги и женская красота.

БЕЛОСНЕЖКА: Умный чертяка.

(Затемнение)

(Освещается ХОГО с телефонной трубкой.)

ХОГО: Алло, это СВД? Говорит Хого де Бержерак. Я получил ваш ответ на мое письмо от шестнадцатого, в котором предлагал вам информацию о Билле, Кевине, Эдварде, Хьюберте, Хенри, Клеме и Дэне в обмен на 17 процентов всех собранных денежных средств. *(Пауза.)* Что что? *(Пауза. ХОГО смотрит в письмо.)* Ваш регистрационный номер 175 черточка 05 черточка 1272. *(Пауза. ХОГО хмурится.)* 175 черточка 05 черточка 1272. *(Пауза. ХОГО злится больше.)* Да, ну так у меня есть ваше письмо, где утверждается, что информаторам вы можете платить только 8 процентов, но мой гонорар 17 процентов, и точка. *(Пауза.)* Я осознаю, что если вы мне заплатите 17 процентов, все остальные информаторы захотят того же, но это же не моя печаль, верно? Боже правый, 8 процентов. Это чертовски мало за такую подлость и бесчестье, чертовски мало. *(Пауза.)* О чем речь идет? *(Пауза.)* О патриотизме речь идет? *(Пауза.)* Мой долг как американского гражданина предоставлять информацию, если она у меня есть? Ну так послушайте сюда, СВД. Я не американский гражданин. Я зарегистрирован в Панаме. Поэтому просто выбросьте мой долг как американского гражданина из головы. Восемь процентов. Нет, мне кажется, я с вами больше не разговариваю, СВД. Было бы какое-то удовольствие от того, чтобы сделать это из чистой подлости, но гораздо больше удовольствия в том, чтобы плевать на ваши 8 процентов. Восемь процентов. До свиданья,

СВД. Восемь процентов. До свиданья, СВД, и плохих вам по-
датель.

(Затемнение)

Явление второе

(Спальня БЕЛОСНЕЖКИ. Большое зеркало, кровать, окно. БЕЛОСНЕЖКА снимает блузку, затем комбинацию, затем бюстгалтер. Стоя у зеркала, осматривает голые груди, склонив голову.)

БЕЛОСНЕЖКА: Ну и чего о них думать? О грудях этих? (Пауза.)

Обычно я о них вообще не думаю. Но недавние события либо отсутствие событий вызвали во мне кризис уверенности. Но давайте проведем инвентаризацию. Эти груди, мои собственные, по-прежнему изысканно отступают от туловища, как им и полагается. Да и само туловище отнюдь не неаппетитно. Вообще-то, туловище — довольно гадкое слово для основной детали этого ассамбляжа блаженств. Обалденный живот, гладкий, как сметана! Потрясная задница — в зеркале рококо! А затем особенно недурственные ноги, включая сюда и важные колени! Ничего, кроме похвал, от этого восхитительного ассортимента у меня не возникает! Но у моего курчавого ума есть трудности, отдельные от трудностей моего восхитительного тела, хоть и связанные с ними. Причудливая физичность моего существования здесь, на Земле, связана с обеими частями вопроса ума-тела, частью ума и частью тела. (Пауза.) Хотя втайне мне известно, что тело мое и есть мой ум. То, как оно порой действует, спонтанно и скандально швыряет себя в объятия скверных ситуаций, нисколько не заботясь о том, кто может это видеть, — или об истинных ценностях. Это проклятое тело! (Пауза.) Не лучшее из всех, что я видала. Но и не худшее.

(Входит ПОЛ и перемещается к краю пространства БЕЛОСНЕЖКИ. На нем монашеская ряса.)

ПОЛ: Боже всемогущий! Хорошо, что мне взбрело в голову встать под это дерево и заглянуть в окно. Хорошо, что я в отпуске из монастыря. Хорошо, что у меня с собой очки для чтения в верхнем кармане рясы. (ПОЛ надевает очки.) Теперь я могу прочесть посланье, написанное на необлаченных грудях Белоснежки. Что за красота! Что за мука! Она совсем как одна из тех танцовщиц, каких время от времени видишь на Бурбон-стрит

в Новом Орлеане, а также в избранных районах других городов. Подглядывать в это окно сладко. Ничего не случилось со мной слаще за все мои дни. Я смакую сладость человеческого общения — через окно.

(В пространство ПОЛА входит ХОГО и грубо отталкивает его, сам занимая позицию.)

ХОГО: Вы слизняк, сударь, коли глядите в это открытое окно на эту очевидно нагую девушку в нем, самую красивую и привлекательную, что я когда-либо видел, за всю свою жизнь. Вы бесчестите рясу, в кою облачены. То, что вы здесь стоите без стыда, пялясь на эту невероятную красоту, на ее снежные ягодицы и тому подобное, на то естественное величие, кое я так хорошо постигаю — через окно, — бесконечно предосудительно, в нашем-то обществе. Я за свою жизнь повидал немало подлости, но ваши действия по шпионству за этой прекрасной неведомой красоткой, которую я уже люблю всем своим сердцем до скончанья времен, — подлейшее, за что ум человеческий когда-либо брался. Я намерен натравить крысу, дабы жевала вам анус, фальшивый монах, ибо уж что-то, а наказание сей мир допускает.

ПОЛ: Неплохо излагаем, гражданин. Быть может, в следующий раз изволите произнести несколько замечаний о незаслуженном пессимизме.

ХОГО: Это правда, что я — за пессимизм заслуженный, Пол. И свой я заслужил. Однако мне в то же время, похоже, чуются новая энергичность, оптимизм и надежда — попросту посредством вперения глаз своих в это окно.

ПОЛ: Это крепкое лекарство, вот так-то.

(Они стоят, мгновение пялясь. Затем ХОГО убредает прочь, ошалелый. ПОЛ остается.)

ПОЛ: Да, это ситуация, требующая тщательного изучения. И после этого — еще более тщательного изучения. Поглядим. Мне понадобится четыре сотни футов кабеля номер десять...

(Затемнение)

(ХОГО на табурете и ДЖЕЙН. ХОГО затачивает разнообразные ножи.)

ДЖЕЙН: Что это?

ХОГО: Да вот немного работы домой из конторы принес.

ДЖЕЙН: О чем ты думаешь?

ХОГО: О кромках.

ДЖЕЙН: По-моему, не похоже это на конторскую работу.

ХОГО (*в сторону*): В этой девушке в форме виолончели по-прежнему остается какая-то жизнь. Чего бы мне еще немного времени не потратить, глядя на нее и упиваясь ее зрелой красотой? Зачем мы постоянно требуем «большого»? Почему никогда не бываем удовлетворены? Такое чувство, что мы чуть ли не задуманы так. Словно это входит в космический замысел.

ДЖЕЙН: О чем ты думаешь?

ХОГО: Я люблю ее, Джейн. Кем бы ни была она, она — моя, по сути, если не в действительности, навеки. Кажется, я должен тебе это сказать, поскольку в конечном счете я обязан тебе хоть чем-то за то, что ты так долго служила мишенью для моей сварливости. Все эти годы.

(*С оперным вскриком ДЖЕЙН убегает, минуя ХЕНРИ, который входит.*)

ХЕНРИ: Билла необходимо привлечь к суду за его промашку. Этот его новейший финт — абсолютно последняя капля. Я вижу его процесс, на самом деле, как некий анализ — это скорее терапевтическая, нежели судебная процедура. Когда он швырнул те шестерики «Высшего света Миллера»³⁴² в ветровое стекло синего «фольксвагена»...

(*Пространство БЕЛОСНЕЖКИ. Декорации кухни. БЕЛОСНЕЖКА рубит мясо ножом.*)

БЕЛОСНЕЖКА: Ох, отчего же судьба предоставляет нам альтернативы, какими досаждать себе и раздражать себя? Пол выкопал яму возле дома, из которой караулит, наблюдает за мной через систему зеркал и дрессированных собак. Отчего, к примеру, мне даден выбор выйти из дома, через окно, и переспать с Полом в его яме? К счастью, такая альтернатива не весьма привлекательна. Принцевость Пола несколько от него поотпала, и голый Пол, без своей ауры, — просто еще один самодовольный буржуа. Но мне показалось, что я заметила у него за плечом темную и подло притягательную фигуру, мне неизвестную. Кто это?

(*Освещается ДЖЕЙН, стоящая перед тем, что похоже на полочку для приправ площадью в шесть футов, заполненную бутылочками. Рядом с ДЖЕЙН стоит обезьяна. Если угодно, обезьяна может быть чучелом.*)

ДЖЕЙН: А теперь я опять осталась сосать тряпку. Хого де Бержерак больше высочайше не ценит меня. Высочайшая оценка его сместилась на другую, и теперь ее он оценивает высочайше, а я наконец-то одна со своей злобой. Лицом к лицу с ней.

Впервые за всю мою историю у меня нет возлюбленного, который мог бы утишить мою злобу целительной, здоровой любовью постарше. (ДЖЕЙН берет бутылку и читает этикетку.) Чернодонна. (Ставит бутылки на место и берет другую.) Колиглов. (Ставит бутылки на место и берет другую.) Духомор. (Ставит бутылки на место и берет другую.) Кошьяк. (Ставит бутылки на место и берет другую.) Ослен. (Ставит бутылки на место и берет другую.) Мухобор. (Ставит бутылки на место и гладит обезьяну по голове.) Теперь я должна кого-нибудь околдовать, ибо такова моя роль, а бежать от своей роли — бесполезно. Но остается вопрос: какой облик примет моя злоба по этому случаю? В этот погожий февральский день? Чью сладкую жизнь отравить мне изысканной жестокостью моего избыточного воображенья и талантом составлять зелья? Схожу-ка я к дому Белоснежки, где сожительствует она с семьей мужчинами в издевательской пародии на одобряемое поведение, да погляжу, что там шевелится. Если что-то шевелится, быть может, я сумею наладить ему сон — в углу погоста, к примеру. (Затемнение)

Явление третье

(*Декорации зала суда. На скамье подсудимых БИЛЛ. ДЭН — судья. Остальные пятеро — присяжные-зрители.*)

ДЭН: Билл, начнете? Не могли бы вы объяснить эту последнюю неловкость, метание двух шестериков «Высшего света Миллера» в коричневом бумажном пакете в ветровое стекло синего «фольксвагена», управляемого И. Фондю и Х. Мэггом? Двумя совершенно и крайне неизвестными людьми, насколько нам известно?

БИЛЛ: Неизвестными для вас, быть может. Но не для меня.

ДЭН: Вы были знакомы с ними прежде.

БИЛЛ: Да. Шестнадцать лет назад.

ДЭН: Для начала, опишите мне обстоятельства метания.

БИЛЛ: Было около четырех часов пополудни.

ДЭН: На что ссылаетесь?

БИЛЛ: На часы борделя.

ДЭН: Продолжайте.

БИЛЛ: Я держал путь к прачечной-автомату с монетоприемником.

ДЭН: Имея в виду что?

БИЛЛ: Стирку. Белоснежка, как вам известно, нынче с неохотой...

ДЭН (*поспешно*): Как нам известно. А «Высший свет Миллера»?

БИЛЛ: Я имел в виду выпить его, наблюдая за машинами. (Пауза.)

Стирки было много.

ДЭН: Продолжайте.

БИЛЛ: После чего я заметил — на углу Одиннадцатой и Опрятной — синий «фольксваген», содержащий в себе Фондю и Мэгта.

ДЭН: Вы распознали их через ветровое стекло.

БИЛЛ: Так точно.

ХЕНРИ (перебивая): Ветровое стекло пребывало в движении?

БИЛЛ: Как и все транспортное средство.

ЭДВАРД: С какой скоростью?

БИЛЛ: Оно осуществляло остановку.

ДЭН: Вы переходили дорогу перед ним.

БИЛЛ: Так точно.

ДЭН: Что затем?

БИЛЛ: Я узнал, за рычагами управления, Фондю и Мэгта.

ХЕНРИ: И это по прошествии шестнадцати лет?

БИЛЛ: Впечатление было неизгладимо.

ЭДВАРД: Что далее?

БИЛЛ: Я воздел глаза.

ЭДВАРД: Горе?

БИЛЛ: К часам на борделе. Они гласили — четыре.

ДЭН: Что дальше?

БИЛЛ: Метание.

ДЭН: Вы метнули вышеупомянутый пакет в вышеупомянутое ветровое стекло.

БИЛЛ: Да.

ДЭН: И что?

БИЛЛ: Ветровое стекло расколосось. Ха ха.

ДЭН: Верно ли вас услышал суд? Вы сказали «ха ха»?

БИЛЛ: Ха ха.

ДЭН: Выходками займутся. Вы предупреждены. Продолжим же. Ветровое стекло, стало быть, лопнуло внутрь на пассажиров.

БИЛЛ: Ха ха.

ДЭН: Лицевое травмирование имело место в лицевых областях

а б е и г.

БИЛЛ: Так точно. Ха ха.

ДЭН: После чего вы станцевали джигу.

КЕВИН (вскликая): Возражение!

ДЭН: Каково возражение?

КЕВИН: Мой клиент, ваша честность, не танцевал джигу. Могло наблюдаться некоторое шарканье ногами, производное

совершенно обоснованного нервного напряжения, какому подвергаются все по великим случаям, свадьбам, рожденьям, кончинам и тому подобное. Но ничего, что, по всей милости говоря, могущее описываться как *gigue*, с ее коннотациями веселости, беззаботности...

ДЭН (раздраженно): Ладно, ладно. Итак, Билл, возвращаясь к вашим обстоятельствам былых времен с жертвами, Фондю и Мэгтом. В каких отношениях с ними вы тогда состояли, шестнадцать лет назад?

БИЛЛ: Они состояли со мной в отношении скаутских вожатых.

ДЭН: Они были вашими скаутскими вожатыми. Им доверили ваше образование в некоторых областях познания.

БИЛЛ: Да. Обязанность скаутского вожатого состояла в открытии скаутских таинств.

КЛЕМ: Следовательно, вы были скаут.

БИЛЛ: Да. Вожак патруля.

ХЬЮБЕРТ: Какого патруля?

БИЛЛ: Э-э, Бобрового.

ДЭН: Продолжайте.

БИЛЛ: Мы соревновались с Волчьим патрулем в учениях по чтению карт. (Пауза.) Фондю и Мэгт подошли ко мне до начала учений. (Пауза.) Бобровый патруль обязан победить, сказали они мне. (Пауза.) На это они поставили свою репутацию. (Пауза.) Есть огромный черный конь, сказали они мне. Если Бобровый патруль не победит, огромный черный конь придет ко мне ночью. И сожрет меня, сказали они.

КЛЕМ (опешив): Так и сказали!

БИЛЛ: Я завел Бобровый патруль на кукурузное поле. То было не то кукурузное поле. Волчий патруль выиграл.

КЛЕМ: И конь пришел?

БИЛЛ: Нет. Но я его ждал. Лежал на койке, прислушивался.

ДЭН: Вы его дожидались.

БИЛЛ: Да. (Пауза.) Я до сих пор его жду.

ХЕНРИ: Еще один вопрос: правда ли, что вы позволили огням под чанами погаснуть в ночь шестнадцатого февраля, осуществляя свою личную вендетту?

БИЛЛ: Правда.

ДЭН: Чанопубийство! Всем преступлениям преступление. Ну, все выглядит для вас не очень хорошо, Билл. Для вас все выглядит совсем нехорошо.

(Затемнение)

Явление четвертое

(На сцене БЕЛОСНЕЖКА.)

БЕЛОСНЕЖКА: Пол — лягушка. Он лягушка от и до. Я думала, он, в какой-то момент, скинет свой крапчатый влажный буро-зеленый костюм и вновь появится, омытый сотнею блистающих оттенков принцевости. Но он чистая лягушка. Вот. Я разочарована. Я переоценивала Пола — либо я переоценивала историю. В любом случае я допустила серьезную ошибку. Вот. Так-то. Я разочарована, и, вне всяких сомнений, мне предстоит разочаровываться и далее. Полнейшее разочарование. Все на этом. Красное мясо на коврик. Лягушачьи лапки на коврик.

(Входит ХОГО.)

ХОГО: Я люблю тебя, Белоснежка.

БЕЛОСНЕЖКА: Я знаю, Хого. Я знаю, потому что ты мне это говорил тысячу раз. Я в тебе не сомневаюсь. Я убеждена в твоей искренности и теплоте. И должна признать, что и твоя обходительная грубость произвела на меня впечатление. Но вот этой вот «любви» быть не должно, Хого, из-за твоей крови. У тебя не та кровь для этой любви, Хого. Твоя кровь недостаточно утончена. О, я знаю, что в нынешнюю демократическую эпоху вопросы крови слегка *de trop*^{*}, на них несколько супятся. Людям не нравится слышать, когда люди говорят о своей крови — или же о крови других людей. Но я — не «люди», Хого. Я — я. Я должна приберечь себя про запас для какого-нибудь принца или принцеобразной фигуры, кого-то вроде Пола. У Пола в венах течет кровь царей и цариц, и кардиналов, Хого. В нем пурпурная кровь возвышенного положения. В твоих же венах, Хого, кровь обыкновенна, такая кровь может быть у кого угодно — у мальчика-доставщика из полотенечной службы, к примеру.

ХОГО: Но как же любовь? Как быть с любовью, коя, как нам рассказывает Стендаль, захватывает чувства и опрокидывает все прочие рассуждения в опьянении безответственностью?

БЕЛОСНЕЖКА: Можешь сколько угодно твердить об «опьянении безответственностью», Хого. Это именно то состояние, в коем я не пребываю. Я спокойна. Спокойна, как лампа, спокойна, как шляпа. Так же спокойна, как ты опьянен.

ХОГО: Что ж, Белоснежка, твои доводы крови довольно сильны, и я признаю, что там есть зазор — между моей кровью

* Излишни (фр.)

и кровью царской. Однако в моей крови живет лихорадка. Лихорадку эту я предлагаю тебе. Как будто кровь моя полна амперов, так жарко и электрически ощущается она — у меня внутри. Если эта лихорадка, эта грубая, но величественная страсть в какой-то мере облагораживает меня в твоих глазах — или в какой-либо иной части тебя, — не все, быть может, еще потеряно. Ибо даже дурной человек способен дышать и надеяться. И моя надежда такова, что, как только полностью осознаешь всю силу этой лихорадки во мне, ты сочтешь, что она облагораживает, а я облагорожен и вдруг стал тебе пригодным спутником, хотя не был им прежде. Я знаю, что надежда эта хлипкая.

(ХОГО опускается на колени у ее ног.)

БЕЛОСНЕЖКА: Нет, Хого. Она тебя не облагораживает — лихорадка. Хотелось бы мне, чтоб облагораживала, но нет. Это просто лихорадка, на мой взгляд. Два аспирина и стакан воды. Я знаю, это пошлый, даже жестокий совет, но другого у меня нет. Доброй ночи, Хого. Уноси с собой свою темную притягательность. Свою хитро сплетенную темную притягательность.

(ХОГО поднимается и уходит.)

(ДЖЕЙН и БЕЛОСНЕЖКА в центре сцены.)

ДЖЕЙН: Выпей-ка вот это. Тебе станет лучше.

(ДЖЕЙН протягивает БЕЛОСНЕЖКЕ стакан.)

БЕЛОСНЕЖКА: Что это?

ДЖЕЙН: «Водка-гибсон» со льдом.

БЕЛОСНЕЖКА: Физически мне и так неплохо. Эмоционально — конечно, совсем другая история.

ДЖЕЙН: Давай. Давай, пей.

БЕЛОСНЕЖКА: Нет, не стану я это сейчас пить. Может, позже. Хотя что-то остерегает меня вообще это пить. Что-то во мне предупреждает: дурное это дело — «водка-гибсон» со льдом, какую ты мне предлагаешь. Что-то шепчет: с нею что-то не так.

ДЖЕЙН: Ну, возможно. Водку я не сама гнала, знаешь. Не сама растила зерно, не сама жала его, не сама делала сусло. Я не работаю в «Вермутовой компании Чинзано». Мне всё не рассказывают. Я не собираю лук. Я за все не отвечаю. Могу сказать только, что, насколько мне известно, это обычная «водка-гибсон» со льдом. Как любая другая. Больше ничего утверждать не стану.

БЕЛОСНЕЖКА: Ох, ну что ж тогда. В таком случае, наверное, все в порядке. Если обычная — значит, нормальная. Если обычная, как ты утверждаешь. В таком случае я выпью.

(БЕЛОСНЕЖКА берет у ДЖЕЙН стакан. Она уже собирается выпить, но тут входит ПОЛ и отбирает у нее стакан, сам выпивает до дна.)

ПОЛ: Напиток этот смутно возбуждает, как фильм Лины Вертмюллер³⁴³. Хорошо, что я забрал его у тебя, Белоснежка. Тебя он бы слишком возбудил. Если б ты его выпила, вероятно, что-то скверное случилось бы с твоим желудком. Но поскольку я мужчина и потому, что у мужчин желудки крепки для дела жизни, да и для удовольствий жизни тоже, со мною ничего не случится. Повезло, что я ощутил, как ты собираешься его выпить, и ощутил, что он для тебя слишком возбуждающ, из моей ямы вон там...

(ПОЛ падает наземь.)

БЕЛОСНЕЖКА: Смотри, как упал он наземь, Джейн! И погляди, какая зеленая пена идет у него с лица! И посмотри, что у него за судороги! Почему это не напоминает ничего иного, кроме смертной агонии, все это зрелище? Вот интересно, может, с этим напитком что-то все-таки не так? Джейн? Джейн?

(ДЖЕЙН ускользнула.)

(Затемнение)

(Освещаются КЛЕМ и ЭДВАРД.)

КЛЕМ: Ну я не знаю... кажется, жестковато.

ЭДВАРД: Я против.

КЛЕМ: Мы голосовали. Решение принято.

ЭДВАРД: Но верно ли это решение?

КЛЕМ: Должно быть верным, поскольку это решение было, гм, решено.

ЭДВАРД: У тебя логика... интересная.

КЛЕМ: Ну мне не нравится Билла просто взять и так легко повесить. Хотя он и виновен, а когда ты виновен, тебя следует повесить — тут двух мнений быть не может. И все же сдается мне, что все это будет просто очень неприятно.

ЭДВАРД: Это нравственный вопрос, ясное дело. Наш вожак Билла...

КЛЕМ: Наш бывший вожак Билла...

ЭДВАРД: Наш бывший вожак Билла, виновный в страхе и неудаче, — следует ли его... Являются ли страх и неудача сами по себе, *quia* страх и *quia* неудача в свете подходов сегодняшнего дня

и с преобладанием как внушающих страх, так и вызывающих неудачу случаев...

КЛЕМ: Вот интересно, скольким нам придется тянуть веревку. То есть сам-то этого не можешь, да и вдвоём не справиться, и, вероятно, трое тоже не сумеют... Наверно, надо будет четверым...

ЭДВАРД: Но! Рассматривая это дело с совершенно иной стороны, с точки зрения тех, кто прежде не рассматривал его с этой точки зрения...

КЛЕМ: И поглядим-ка, вероятно, держать его придется двоим, это по одному с каждой стороны, и двоим этим, вероятно, придется слегка подтолкнуть, чтоб он начал...

ЭДВАРД: Поэтому вопрос не ясен. Совсем нет. Двусмысленности, сложности...

КЛЕМ (считая на пальцах): Четыре и два — это шесть, а еще нам, вероятно, понадобится кто-то, чтоб стоял подле Белоснежки: если она лишится чувств во время... э... если она лишится чувств, то он бы смог ее спытать... (ЭДВАРДУ) Эй, нам одного не хватает.

ЭДВАРД (устало; сдаваясь): Хого. Ты забыл Хого.

(Затемнение)

(Освещается сцена похорон принца — ПОЛА. Большой пурпурный гроб. ХОГО произносит торжественную речь.)

ХОГО: О нем одно можно сказать: Пол был прям. Прямая стрела. И лишь глядя на него — в тех случаях, когда дорожки наши пересекались, — на автобусной остановке, например, или в лавке распродаж, — я примечал, что у Пола было много задора. Должно было быть много задора, чтобы выкопать громадную яму за домом, провести в нее все эти провода и подсоединить к ним ко всем собак и все такое. Требовало большой инженерной изобретательности, да и многих технических знаний, это не следует преуменьшать, когда мы осуществляем свою финальную оценку Пола. И теперь друзья его собрались здесь все вместе, ожидая, когда его упрячут в земля Господня источника развлечения, тепла и человеческого общения, какое мы так высоко ценим и какое нам так остро нужно. Я оставляю эту мысль, чтоб застряла у вас в мозгах. Что же касается меня, то я всего лишь Хого, гражданин, назначенный на вертел любви к Белоснежке, вон той девушке в первом ряду, что сидит рядом с Джейн. Но это мое дело,

а не то дело, ради которого мы все здесь собрались богоугодно его свершить, а именно — сжечь Пола, и поместить его в вазу, и закопать вазу в землю, в нишу, коя была для нее приготовлена. Некоторым нравится быть разбросанными сверху, но Пол хотел, чтобы его поместили под землю. Очень на него похоже. (Пауза.) Доброй ночи, милый принц.

КЕВИН: А теперь Билл движется к своему невоздаянью.

(Гроб ПОЛА уносят так, что это напоминает пародию на заключительную сцену «Гамлета» Оливье³⁴⁴; гробоносцы тут же возвращаются на сцену, катя на велосипедных колесах здоровенную виселицу. С другой стороны сцены выводят БИЛЛА, у которого руки связаны за спиной.)

ЭДВАРД (неуклюже пытаюсь изображать обыденность): Привет, Билл.

БИЛЛ: Привет.

ЭДВАРД: Ну как... делишки?

БИЛЛ: Так себе.

ХЕНРИ: Итак, мы должны повесить Билла. Билл виновен в чанобийстве и неудаче, а если ты виновен, тебя следует повесить. Новый вожак теперь — друг Билла Дэн. Мы решили позволить Хого жить в доме. Он, быть может, и грубиян, но грубиян он полезный. Хорошо присматривает за чанами. Дэн принял водительство на себя с тонкой агрессивностью. К линейке он добавил три новые разновидности: «Детские Водяные Каштаны», «Детское Кимчи» и «Детскую Фунчозу». Продаются они хорошо, эти новые товары.

(БИЛЛА помещают на виселицу, на шею ему накидывают петлю и т. д. Входят БЕЛОСНЕЖКА и ДЖЕЙН, держась за руки.)

ДЭН (БИЛЛУ): Э-э... Надеюсь, у тебя нет никаких последних слов?

БИЛЛ: Нет, вообще-то у меня есть кое-какие последние слова. (Извлекает из рубашки большую кипу бумаги.) Моя тема сегодня (пауза) — неудача. (Пауза.) Неудача. Многие люди опасаются неудачи, но она — естественная часть жизни. Она так же естественна, как смерть. Мы предпочитаем, разумеется, кипящую чистоту успеха. Мы предпочитаем, разумеется, благословенную милость дыханья. Но неудача, как смерть, — вечно присутствующая возможность, и мы, пока бредем по жизни, весьма вероятно, забредем и в нее. Мы забредаем в нее, когда ищем «чего-то получше». Как же эта чудовищная мысль — «что-то получше» — возникает в наших чистеньких жизнях?

Я мог бы упомянуть некую личность, чья необузданная красота привела нас к нашей двери. Но не стану. Она была нашей затеей, а вот мы ее затеей не были. Так тому и быть. Нет смысла плакать о рассыпанном мраморе — мраморе ее мраморного чела, к примеру. Все вы должны стремиться к положительному приспособлению. Среди ваших возможностей будет неудача, но ее можно низвести к минимуму укрощением ожиданий. Неудача. (Пауза.) Как она ощущается? Ощущается она ужасно. Благодарю вас.

ДЭН: Прощай, Билл.

ВСЕ: Прощай, Билл.

БИЛЛ: Прощайте. И если навсегда, то навсегда прощайте³⁴⁵.

(БИЛЛА вешают под первые несколько тактов «Полета валькирий». Тело его поднимается на веревке и скрывается с глаз. Все на сцене провожают его взглядами.)

БЕЛОСНЕЖКА: У меня такое чувство... такое чувство, что я на самом деле никогда его не знала.

ДЭН: Не узрим мы боле никого, ему подобного. Слава Богу.

(Продолжают пристально смотреть вверх.)

БЕЛОСНЕЖКА: Теперь я должна вас покинуть. Вернусь в лес и буду там скитаться, пока меня не отыщет мой принц.

ДЭН: Мы знаем.

ДЖЕЙН: Я пойду с тобой. Кто знает, кто может держать за узду коня твоего принца?

(Они обнимаются по-сестрински.)

ДЭН: Мы будем помнить тебя, Белоснежка. Мы будем и дальше быть в твоей сказке, вечно.

КЕВИН: И несмотря на то, что сказал Билл, мы и дальше будем искать новый принцип.

(Все снова смотрят вверх. Небо раздражается ливнем красных полотенец.)

ВСЕ (кричат): Хей-хо!

(Затемнение)

БЛАГОДАРНОСТИ И ПРИМЕЧАНИЯ

БЛАГОДАРНОСТИ

Спасибо Уинну Хэндмену и театру «Американское место»; Ли Дж. Кэмблу из книжного магазина «Иосиф-кормилец»; агентству «Уайли, Эйткен и Стоун»; Джули Грау; Томасу Пинчону; Уэйну Элперну; Дереку Бриджесу; и Энжеле Болл.

Особая благодарность — Мэрион Нокс Бартелми, Фредерику Бартелми и Стивену Бартелми, без которых эту книгу нельзя было бы собрать.

САТИРЫ, ПАРОДИИ, БАСНИ И РАССКАЗЫ В КАРТИНКАХ

УЧЕНИЕ ДОНАБ.: ПУТЬ ПОЗНАНИЯ ЯНКИ

Впервые опубликовано в «*New York Times Magazine*» 11 февраля 1973 года. Перепечатано в «Постыдных наслаждениях» (*Guilty Pleasures, Farrar, Straus and Giroux*, 1974).

Я НАПИСАЛ ПИСЬМО...

Впервые опубликовано под рубрикой «Заметки и комментарии» без подписи, «*The New Yorker*», 27 октября 1980 г. В авторские сборники ранее не входило.

ВЫЗОВ

Впервые опубликовано в «*The New Yorker*» 5 октября 1981 года за подписью «Уильям Уайт» — одним из псевдонимов Бартелми. В авторские сборники ранее не входило.

ТРИ ПРЕВОСХОДНЫЕ ТРАПЕЗЫ

Впервые опубликовано в «*The New Yorker*» 1 июня 1987 года за подписью «Уильям Уайт». В авторские сборники ранее не входило.

ТОМЯСЬ, ПОЛУПОГРУЗИВШИСЬ В ЛЕТО...

Впервые опубликовано под рубрикой «Заметки и комментарии» без подписи, «*The New Yorker*», 30 июля 1979 года. В авторские сборники ранее не входило.

ДВОРЕЦ

Впервые опубликовано без заголовка и подписи под рубрикой «Заметки и комментарии» в «*The New Yorker*» 24 декабря 1973 года. Перепечатано в «Постыдных наслаждениях» с заголовком «Дворец» и незначительными изменениями.

ДНЕВНИК М-РА ДУРФЕРМА

Впервые опубликовано в «*The Village Voice*» 16 мая 1974 года. Перепечатано в «Постыдных наслаждениях» с незначительными изменениями и одной элизией.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Впервые опубликовано в «*Harper's*», август 1971 года. В авторские сборники ранее не входило.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ДЖОКЕРА

Впервые опубликовано в «Возвращайтесь, доктор Калигари» (*Come Back, Dr. Caligari, Little, Brown*, 1964, рус. пер. А Михайлова и М. Ненцова, М. Эгмонт, 2005).

АВТОР

Впервые опубликовано в «*The New Yorker*» 15 июня 1987 года. В авторские сборники ранее не входило.

НА ЭТОЙ НЕДЕЛЕ Я С УДОВЛЕТВОРЕНИЕМ...

Впервые опубликовано под рубрикой «Заметки и комментарии» без подписи, «*The New Yorker*», 18 ноября 1974 года. В авторские сборники ранее не входило.

КОГДА Я НЕ ВЫИГРАЛ...

Впервые опубликовано под рубрикой «Заметки и комментарии» без подписи, «*The New Yorker*», 2 сентября 1985 года. В авторские сборники ранее не входило.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Впервые опубликовано в хьюстонской газете «*Post*» 23 марта 1984 года. Хьюстонский фестивальный комитет заказал Бартелми «короткое прозаическое произведение о каком-нибудь аспекте» Хьюстона, и его ответом было «Возвращение». Бартелми прочел этот текст 26 марта в Музее изящных искусств в связи с Хьюстонским фестивалем. В авторские сборники ранее не входило.

НАКОНЕЦ ПОРА...

Впервые опубликовано под рубрикой «Заметки и комментарии» без подписи, «*The New Yorker*», 27 ноября 1978 года. В авторские сборники ранее не входило.

ИНАУГУРАЦИЯ

Впервые опубликовано в «*Harper's*», январь 1973 года. В авторские сборники ранее не входило.

ИСКУССТВО БЕЙСБОЛА

Впервые опубликовано в сборнике «Дух спорта» (*The Spirit of Sport*) под ред. Констанса Салливэн (*New York Graphic Society / Little, Brown*, 1984). Первая публикация сопровождалась фотографиями Николаса Никсона. В авторские сборники ранее не входило.

«ИГРЫ — ВРАГИ КРАСОТЫ, ИСТИНЫ И США», — СКАЗАЛА АМАНДА

Впервые опубликовано в «*Mademoiselle*», ноябрь 1966 года. Перепечатано в «Постыдных наслаждениях» с незначительными изменениями и одной элизией.

СОМНЕНИЕ НА БРЕГЕ ДЕЛАВЭРА

Впервые опубликовано под заголовком «Сон» в «*The New Yorker*» 3 сентября 1973 года за подписью «Лили Макнил» — это еще один псевдоним Бартелми. Перепечатано в «Постыдных наслаждениях» под нынешним заголовком.

МНЕ УЖЕ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ...

Впервые опубликовано под рубрикой «Заметки и комментарии» без подписи, «*The New Yorker*», 10 октября 1977 года. В авторские сборники ранее не входило.

ВЕЛИКИЕ ПРЕНИЯ

Впервые опубликовано в «*The New Yorker*» 3 мая 1976 года. В авторские сборники ранее не входило.

ЧИК-ЧИК

Впервые опубликовано в «*The New Yorker*» 28 августа 1965 года. Перепечатано в «Постыдных наслаждениях».

МНН

Публикуется впервые. Текст был обнаружен на компьютерном диске в начале 1990 года. Бартелми работал над ним в 1989-м, вероятно имея в виду публикацию под рубрикой «Заметки и комментарии». На сколько доработан этот черновик, неизвестно.

ПРЕКРАСНЫЕ САМОДЕЛЬНЫЕ СУПЫ ДОНАЛДА БАРТЕЛМИ

Впервые опубликовано в сборнике «Поваренная книга великого американского писателя» (*The Great American Writer's Cookbook*) под ред. Динна Фолкнера Уэллза (*Oxford, Miss.: Yoknapatawpha Press, 1981*). Уэллз заказал Бартелми рецепт для включения в книгу, куда также входили среди прочих тексты Нормана Мейлера («Фаршированные грибы»), Юдоры Уэлти («Эггног Чарлза Дикенса»), Уокера Пёрси («Соленый стейк»), Джона Хоукса («Вепрь»), Джона Барта («Пять рецептов Чезапикской бухты») и Э.Л. Доктору («Чудо его растворимой картошки»). Несмотря на предисловие Крейга Клэрборна и двух стойких ассистентов, проверявших эти рецепты на себе, читателям следует сознавать, что писатели часто питаются второпях. В авторские сборники ранее не входило.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Впервые опубликовано в «*Harper's*», декабрь 1970 года. В авторские сборники ранее не входило.

ГЕЛИОТРОП

Впервые опубликовано без заголовка и подписи под рубрикой «Заметки и комментарии» в «*The New Yorker*» 1 апреля 1974 года. Впоследствии перепечатано уже как «Гелиотроп» в «Постыдных наслаждениях» с незначительными изменениями.

СЕРДИТЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Впервые опубликовано в журнале «*Fiction 2*», № 2, 1973. Перепечатано в «Постыдных наслаждениях» со значительной перестановкой абзацев и прочими мелкими изменениями.

КОРНЕЛЛ

Впервые появилось в виде сопроводительного текста в «Каталоге выставки Джозефа Корнелла», Галерея Лио Кастелли, Нью-Йорк (февраль—март 1976). Перепечатано в «*Ontario Review 5*» (осень/зима 1976) и еще раз в 1983 году как промежуточная глава в книге «Ночным ко многим дальним городам» (*Overnight to Many Distant Cities, Putnam's, 1983*).

Я, В ДАННЫЙ МОМЕНТ...

Впервые опубликовано как промежуточная глава в книге «Ночным ко многим дальним городам».

ТЕПЕРЬ, ПОВЗРОСЛЕВ...

Впервые опубликовано как промежуточная глава в книге «Ночным ко многим дальним городам».

ГОВОРЯ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ТЕЛЕ...

Впервые опубликовано как промежуточная глава в книге «Ночным ко многим дальним городам».

ЖЕНЩИНА, СИДЯЩАЯ НА ПРОСТОМ ДЕРЕВЯННОМ СТУЛЕ...

Впервые в таком виде опубликовано как промежуточная глава в книге «Ночным ко многим дальним городам». Некоторые фрагменты ранее публиковались в «Подарках» («*Penthouses*», декабрь 1977).

ТОТ ПАРЕНЬ В ПОДСОВКЕ...

Впервые опубликовано как промежуточная глава в книге «Ночным ко многим дальним городам».

ПОТРЕБОВАЛИ БОЛЬШЕ СТРУКТУРЫ.

Впервые опубликовано как промежуточная глава в книге «Ночным ко многим дальним городам».

НАЦИЯ КОЛЕС

Впервые опубликовано в «*The New Yorker*» 13 июня 1970 года. Перепечатано в «Постыдных наслаждениях», четвертый и пятый абзацы представлены местами. Здесь воспроизведен вариант, печатавшийся в «*Нью-Йоркере*».

ЦЕЛОВАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА

Впервые опубликовано в «*The New Yorker*» 1 августа 1983 года. В авторские сборники ранее не входило.

А ТЕПЕРЬ ДАВАЙТЕ ПОХЛОПАЕМ «ШОУ ЭДА САЛЛИВЭНА!»

Впервые опубликовано в «*Esquire*», апрель 1969 года. Перепечатано в «Постыдных наслаждениях».

БЛАЖЕНСТВО...

Публикуется впервые. Дата написания неизвестна. Однако в 1990 г. текст нашли среди неиспользованных черновиков работ, связанных с романом «Мертвый отец» (*The Dead Father*; рус. пер. М. Немцов, М.: Додо Пресс, Фантом Пресс, 2017), что делает возможным период написания 1973–1975 гг.

ПОВРЕЖДЕНИЕ МОЗГА

Впервые опубликовано в «*The New Yorker*» 21 февраля 1970 г. Перепечатано в «Городской жизни» (*City Life, Farrar, Straus and Giroux, 1970*) со значительными изменениями. В «Повреждение мозга» входит не публиковавшаяся в авторских сборниках басня «Проблема синего цветка», «*Harvest 31:2*», май 1967 года.

МНОГИЕ ЗАМЕЧАЛИ...

Впервые опубликовано под рубрикой «Заметки и комментарии» без подписи, «*The New Yorker*», 13 июня 1970 года. Части этого текста впоследствии вошли в текст «Летя в Америку» («*The New Yorker*», 4 декабря 1971), который сам стал частью «Какого-то фильма» («Печаль», *Sadness, 1972*). Заголовок «Какой-то фильм» сменился на «Тот самый фильм» в авторском сборнике «Сорок рассказов» (*Forty Stories, 1987*), но в иных отношениях тексты идентичны. Историю создания текста «Какой-то фильм» в варианте «Печали» — также существует рассказ для «*Нью-Йоркера*» с тем же названием (26 сентября 1970) — библиограф Бартелми называл «самым сложным из всех рассказов Бартелми». Если коротко, то это произведение для «Заметок» было разрезано и перемонтировано с текстами «Летя в Америку» и «нью-йоркеровским» «Каким-то фильмом», чтобы получился «Какой-то фильм» «Печали». Более того, часть текста «Летя в Америку», не использованная в «Каким-то фильме» «Печали», впоследствии была воскрешена в виде «Двух часов до занавеса» (опубликованных в «Постыдных наслаждениях» и перепечатанных здесь), а другие части «Летя в Америку» были использованы в «Мертвом отце». «Многие замечали...» в своем первоначальном виде в авторские сборники не входило.

ГЛОТАНИЕ

Впервые опубликовано в «*The New York Times*» на странице авторских колонок 4 ноября 1972 года. Перепечатано в «Постыдных наслаждениях» с незначительными изменениями.

МОЛОДЫЕ ВИЗИТЫРЫ

Впервые опубликовано под рубрикой «Заметки и комментарии» без подписи под заголовком «Придуманная история» в *The New Yorker* 10 февраля 1973 года. Перепечатано под нынешним заголовком в «Постыдных наслаждениях». Правописание слова «визитыры» — отсылка к необычному «роману» девятилетней Дейзи Эшфорд³⁴⁶ «Молодые визитыры», опубликованному в 1919 году.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ СКАЗАЛА МНЕ...

Впервые опубликовано под рубрикой «Заметки и комментарии» без подписи, *The New Yorker*, 11 августа 1986 года. В авторские сборники ранее не входило.

ТА КОСМОПОЛИТНАЯ ДЕВУШКА

Впервые опубликовано в *The New Yorker* 16 июля 1973 года за подписью «Лили Макнил». Перепечатано в «Постыдных наслаждениях».

THE ТМЕНИЕ

Впервые опубликовано в *The New Yorker* 2 марта 1963 года. «L'Lapse» — первая публикация Бартелми в этом журнале. Перепечатано в «Постыдных наслаждениях» с незначительными изменениями.

ПОБОЛЬШЕ НУЛЯ

Впервые опубликовано в *The New Yorker* 7 июля 1986 года за подписью «Уильям Уайт». В авторские сборники ранее не входило.

ИСТОРИЯ ДО СИХ ПОР:

Впервые опубликовано в *The New Yorker* 1 мая 1971 года. В авторские сборники ранее не входило.

ОБРАЗ ЗАЙКИ, УТРАТА ОНОГО: СЛУЧАЙ БИТСИ С.

Впервые опубликовано в «Постыдных наслаждениях».

ДВА ЧАСА ДО ЗАНАВЕСА

Впервые опубликовано как часть текста «Летя в Америку» (*The New Yorker*, 4 декабря 1971), затем под нынешним заголовком вошло в «Постыдные наслаждения».

КОРОЛЕВСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Впервые опубликовано в *The New York Times* 3 ноября 1973 года за подписью «Лили Макнил». Перепечатано в «Постыдных наслаждениях» с незначительными изменениями.

ЛИК ЧЕЛОВЕЧИЙ

Впервые опубликовано в *The New Yorker* 30 мая 1964 года. В авторские сборники ранее не входило.

ПУСТОШЬ

«Пустошь» — неопубликованный текст, найденный в бумагах Бартелми в 1990 году. Существует два варианта. Тот, что не публикуется здесь, длиннее примерно на две машинописные страницы и — напоминая «Заметки к "Бесплодной земле"» Т. С. Элиота — организован с привязкой к «страницам» воображаемого либретто Лайонела Барта. Бартелми, очевидно, отказался от такого замысла организации текста и сократил материал для варианта, публикуемого здесь.

Хотя датировать произведение с абсолютной точностью оказалось невозможным, допустимо лишь сказать, что текст был написан между 1964 и 1967 годом, с большой вероятностью, что написан он был в 1965-м.

Британский поэт-песенник и композитор Лайонел Барт не знал нотной грамоты, однако сочинил в конце 1950-х — 1960-е годы некоторое количество популярных, почти популярных и вовсе не популярных мюзиклов. Большинство их адаптировалось из хорошо известных источников, им давались новые названия с задышливым восклицательным знаком для лучшей выразительности: «Заприте своих дочерей!» (по пьесе Хенри Филдинга «Насилье за насильем») была поставлена в 1959 году, за ней последовал ударный «Оливер!» — по мотивам «Оливера Туиста» Дикенса — в 1960-м (Нью-Йорк — 1963-й с Наградой киноакадемии за лучший фильм в 1968-м); «Блиц!» появился в 1962-м; «Мити Мей» — в 1964-м, и «La Strada» по мотивам фильма Феллини «Дорога» — в 1965-м. В 1969-м Барт предложил оперетту «Лайонел», основанную на событиях его собственной карьеры и жизни!

Бартелми ссылается на свою неопубликованную «Пустошь!» в тексте «Игры — враги красоты, истины и сна», — сказала Аманда, когда Хектор предлагает Аманде сыграть в «Бродвейский провал», игру непродуманной музыкальной комедии»

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ

Впервые опубликовано в *Harper's*, июнь 1973 года. Перепечатано в «Любителях» (*Amateurs, Farrar, Straus and Giroux*, 1976) без коллажей и еще раз — с коллажами — в «Сорока рассказах». Для этого издания коллажи восстановлены.

ДРАКОН

Впервые опубликовано под рубрикой «Заметки и комментарии» без подписи, *The New Yorker*, 26 февраля 1972 года. С незначительными изменениями перепечатано в «Постыдных наслаждениях».

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

Впервые опубликовано в *The New Yorker* 11 июля 1970 года. Ранее в авторские сборники не входило.

ФОТОГРАФИИ

Впервые опубликовано в *The New Yorker* 28 января 1974 года. Перепечатано в «Постыдных наслаждениях».

МЫ ЗАГЛЯНУЛИ В «СТЭНХОУП»...

Впервые опубликовано под рубрикой «Заметки и комментарии» без подписи, *The New Yorker*, 25 декабря 1978 года. Ранее в авторские сборники не входило.

ЧТО Ж, У НАС ВСЕХ БЫЛИ ПЛАСТИНКИ УИЛЛИ И УЭЙДА...

Впервые опубликовано в *Harper's*, июнь 1979 года, с иллюстрациями Джеймса Стивенсона. Без иллюстраций перепечатано как промежуточная глава в «Ночным ко многим дальним городам».

ПО ВСЕМУ ФРОНТУ С «ЕЖЕГОДНИКОМ»

Впервые опубликовано в *The New Yorker* 21 марта 1964 года. С незначительными изменениями перепечатано в «Постыдных наслаждениях».

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ НЕДОМЫСЛИЕ

Впервые опубликовано в *The Atlantic*, февраль 1976 г. с иллюстрациями Эдварда Сорела. Здесь публикуется только текст. Ранее в авторские сборники не входило.

ПРИЗ ДАССО

Впервые опубликовано в *The New Yorker* 12 января 1976 года. Ранее в авторские сборники не входило.

ПЬЕСЫ

Пьесы, вероятно, требуют здесь особого внимания, поскольку они практически неизвестны. При жизни Бартелми пьес не публиковал, хотя довольно много текстов написал в драматической форме. Многие, разумеется, возникают как рассказы в диалогах в «Замечательных днях» (*Great Days, Farrar, Straus and Giroux, 1979*), «Сорока рассказах» и других местах. Три пьесы, публикуемые здесь — лишь одна из них, «Белоснежка», похоже, действительно предназначалась к постановке на сцене, — представляют собой переработки и перемонтажи рассказов, которые Бартелми уже публиковал. Они включены в настоящий том из-за того значительного интереса, который представляют, но еще и потому, что существенно отличаются от тех прозаических произведений, на основе которых созданы.

Помимо этих трех, однако, Бартелми написал около семнадцати разнообразных драматургических инсценировок, большинство которых повторяют прозаические варианты почти дословно. С Уинном Хэндменом из театра «Американское место» он сотрудничал по крайней мере в четырех отдельных случаях: «Белоснежку» полноформатно читали на репетициях в 1976 году; в 1975-м «Американское место» поставило «Солому на ветру: ревю различных авторов и композиторов», куда вошли инсценировки «Фотографий» и «Школы»; в 1976 году случились «Разговоры с Доном Б.: развлечение под музыку, получаемое от произведений Доналда Бартелми», куда вошли среди прочего инсценировки «Той космополитной девушки» и «Воздушного шара». Тот же театр весной 1983 года представил полноформатную постановку «Замечательных дней» на главной сцене. В инсценировку «Замечательных дней» входили «Мамуля», «На ступенях Консерватории», «Бабушкин домик», «Извинение», «Утро», «Замечательные дни» и «Прыжок». Все эти тексты за исключением «Бабушкиного домика» ранее публиковались в прозе — в книге «Замечательные дни». «Мамуля» была инсценировкой рассказа, впервые опубликованного в 1987 году в «Нью-Йоркере», а затем ставшего частью «Новой музыки» (первая половина которой, следует заметить, была и изначально написана как до сих пор не опубликованный рассказ «Бассейн»). «Бабушкин домик» ранее печатался в «Шестидесяти рассказах» (*Sixty Stories*; рус. пер. А. Пчелинцев, СПб.: Симпозиум, 2000).

«Изумруд» — инсценировка рассказа, впервые опубликованного в «Эсквайре» и перепечатанного в «Шестидесяти рассказах», — предлагалась в программу «Национальный телевизионный театр» «Корпорации общественного вещания» в 1981 году. В сценарии «Изумруда», написанном Бартелми и Харрисоном Старром, авторы предполагают, что инсценировку первоначального рассказа предстоит обогатить и развить, чтобы воспользоваться преимуществами визуальных эффектов, предлагаемых этим медиа, но к тому же, что еще важнее, для того, чтобы придать ощущение значимости присутствию или отсутствию лифа и волшебного в современной жизни. Инсценировка, рассчитанная на «Национальный телевизионный театр», очевидно, не продвинулась дальше черновика (существует незавершенная 24-страничная машинопись вместе с множеством страниц заметок), но есть и полная версия «Изумруда» — дословно воспроизводящая первоначальный рассказ, — и в марте 1992 года ее поставил театр «Кардиффский великан» в Чикаго. Два «Изумруда» могут оказаться двумя разными, хотя, возможно, и связанными между собой проектами.

Некоторые другие драматургические работы — вроде «Друзей семьи» и «Консерватории» — Бартелми писал для программы «Пьеса для уха» Национального общественного радио, они обсуждаются ниже.

ДРУЗЬЯ СЕМЬИ

«Друзья семьи» были написаны как пьеса для радио в начале 1970-х годов. В ней перемешаны фрагменты рассказов «Для меня, парня, чья единственная радость — любить тебя, моя сладость» и «Большой эфир 1938 года: работа — из

авторского сборника «Возвращайтесь, доктор Калигари»), а также присутствующий с реплики «Дифференциация» и заканчивающийся репликой «Быть может — пшикалка радости?». Публикуется впервые.

КОНСЕРВАТОРИЯ

«Консерватория» была написана как пьеса для радио в 1970-е годы. В ней использованы смонтированные фрагменты рассказов «На ступенях Консерватории» и «Замечательные дни», оба — из сборника «Замечательные дни». Публикуется впервые.

БЕЛОСНЕЖКА

Публикуется впервые. Инсценировка Бартелми «Белоснежки» началась в 1974 году с почти дословным использованием строк из опубликованного романа (*Snow White, Atheneum Books, 1967*; рус. пер. М. Пчелинцев, М.: Эксмо, 2004). Между 1974 и 1976 годом он переписал пьесу как минимум один раз — значительно ее сократил и ввел совершенно новый материал. В 1976-м Бартелми переработал ее снова — с помощью режиссера театра «Американское место» Уинна Хэндмена — для репетиционной читки, которая состоялась в присутствии зрителей в театре «Американское место» в Нью-Йорке 10 июня. Целью читки, как отмечалось в программе, было предоставить Бартелми «возможность участвовать в репетициях, увидеть свою пьесу вместе со зрителем и, есть надежда, воспользоваться таким опытом для дальнейшего совершенствования пьесы и самого себя как драматурга». Бартелми, очевидно, результатом доволен не остался. Он письменно поблагодарил Хэндмена 21 июня: «Опыт был для меня бесценен. Я не только понял, до чего скверную пьесу написал, но и получил то, что считаю неоценимой помощью в понимании, как ее можно улучшить». Несмотря на настоящие Хэндмена продолжать работу над пьесой, Бартелми, очевидно, решил, что с него хватит. Трудно, разумеется, сказать, почему именно Бартелми решил, что пьеса его настолько «скверная», хотя следует отметить, что авторы часто бывают обескуражены трудностями инсценировки и драматизации, не связанными с написанным текстом. Читатели, сдастся нам, сочтут чтение самой пьесы поистине интересным и важным дополнением к роману, из которого она выросла³⁴⁷.

Для настоящего издания взят тот текст, который использовался для читки и был любезно предоставлен мистером Хэндменом. Машинопись несет на себе следы множеств исправлений в последнюю минуту. Большинство сценических ремарок Хэндмена — поскольку они были предназначены конкретно для нью-йоркской постановки — опущено, все сценические ремарки самого Бартелми сохранены.

КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКА

- 1 Роберт Лоуэлл Кувер (р. 1932) — американский писатель-постмодернист, преподаватель.
- 2 2-е Кор. 11:19.
- 3 Эмброуз Гуиннетт Бирс (1842–1914?) — американский писатель, журналист, остроумец, солдат Гражданской войны.
- 4 Артур Шварц (1900–1984) — американский композитор и кинопродюсер. Хауард Диц (1896–1983) — американский поэт-песенник и либреттист. Вместе они создали не менее 12 оперетт для сцены и кино, во многих сыграл, станцевал и спел Фред Астэр (Фредерик Остерлиц, 1899–1987).
- 5 «Dairy Queen» (осн. 1940) — американская сеть кафе-мороженоых и ресторанов быстрого питания.
- 6 «Astrodome» — первый в мире многоцелевой крытый стадион в Хьюстоне, построен в 1962–1965 гг.
- 7 Буйволиное байю (*Buffalo Bayou*) — река, протекающая через Хьюстон. Имеется в виду Космический центр им. Линдона Джонсона — центр НАСА по разработке пилотируемых космических кораблей, обучению астронавтов и подготовке пилотируемых космических полетов, центр управления и контроля космических полетов. Построен в 1963 г. к юго-востоку от Хьюстона.
- 8 Сэр Джон Барбиrolли (Джованни Баттиста Барбиrolли, 1899–1970) — британский дирижер и виолончелист, в 1964–1967 гг. — главный дирижер Хьюстонского симфонического оркестра.
- 9 Пер. Н. Бутыриной и В. Столбова.
- 10 «Hee Haw» — американское телевизионное эстрадное шоу с кантри-музыкой и юмором, первоначально выходило на канале CBS с 1969 по 1971 г.
- 11 Кой Лютер (Льюк) Перри 3-й (р. 1966) — американский актер телевидения и кино.
- 12 Дама Кири Жанетт Те Канава (Клэр Мэри Тереза Рострон, р. 1944) — новозеландская оперная певица, сопрано. Уилли Хью Нелсон (р. 1933) — американский кантри- и рок-музыкант.
- 13 Майкл С. Овиц (р. 1946) — американский предприниматель, инвестор и филантроп, сооснователь «Агентства художников-творцов» (Creative Artists Agency) в 1975 г., считается одним из самых влиятельных агентов в мировой поп-культуре.
- 14 «Trans Am» — особая комплектация американского автомобиля «Pontiac Firebird», в которой с 1969 г. выпускалось четыре поколения этих машин.
- 15 Сэмюэл Джон «Молния» Хопкинз (1912–1982) — американский певец кантри и блюза, гитарист, пианист и автор песен. «Baby, Please Don't Go» — один из самых популярных блюзовых стандартов, восходит к американским песням XIX в. о рабстве. Песня была популяризована Большим Джо Уильямсом в 1935 г., Хопкинз записал ее в 1947-м.
- 16 «Rounder Records» (осн. 1970) — американская звукозаписывающая компания, специализирующаяся на выпуске музыки фолк, блюз, блюграсс и т. д.

- 17 Имеется в виду Гринич Виллидж, культовый богемный район Нью-Йорка.
- 18 Блески, сверканья (*исп.*) Также «Brillo Pad» — американская торговая марка стальных мочалок для чистки посуды, запатентованных в 1943 г.
- 19 «Британский химический театр» (*лат.*) — аннотированная коллекция британской алхимической литературы, составленная и изданная в 1652 г. британским антикваром, политиком, астрологом и алхимиком Элайасом Эшмолом (1617–1692).
- 20 Служба внутренних доходов — Налоговое управление США, федеральное ведомство, учрежденное в 1862 г. с целью сбора налогов и контроля за выполнением налогового законодательства США, входит в состав Министерства финансов.
- 21 Имя персонажа отсылает нас к Франциску Ксаверию (Франсиско Хавьер, Франциско де Хасса и Аспиликуэта, 1506–1552), католическому святому и миссионеру, одному из основателей Общества Иисуса (ордена иезуитов).
- 22 Слова из британско-американской песни «Yankee Doodle» времен Семилетней войны и Американской революции (опубл. в 1780-е годы).
- 23 «Lutèce» (1961–2004) — французский ресторан на Манхэттене, основанный Андре Сюрмэном и Андре Сольтнером.
- 24 «Rolling Rock» — марка американского лагера, запущенная в 1939 г.
- 25 «Christmas Club» — сберегательная программа, предлагавшаяся несколькими банками США во время Великой депрессии. Разработана казначеем «Карлайлской (Пенсильвания) трастовой компании» Меркелом Лэндисом в 1909 г.
- 26 Алгол (от *англ.* algorithmic language — алгоритмический язык) — название ряда языков программирования, применяемых при составлении программ для решения научно-технических задач на ЭВМ. Разработан комитетом по языку высокого уровня IFIP в 1958–1960 гг.
- 27 Джон Бёркс «Диззи» Гиллесли (1917–1993) — американский джазовый трубач, композитор, певец и руководитель оркестра.
- 28 Орвилл Прескотт (1906–1996) — американский книжный критик, главный книжный обозреватель газеты «The New York Times» (1942–1966).
- 29 Ма (*яп.*) — пустота, пауза, философское понятие перерыва во времени и пространстве.
- 30 Джон Кеннет (Кен) Гэлбрейт (1908–2006) — канадско-американский экономист, общественный деятель, дипломат, ведущий пропагандист американского либерализма XX в. Джойс Кэрол Оутс (р. 1938) — американская писательница, прозаик, поэтесса, драматург, критик.
- 31 Кристофер Леманн-Хаупт (р. 1934) — американский журналист, критик и романист.
- 32 Имеется в виду Джон Энтони Бёрджесс Уилсон (1917–1993) — британский писатель и композитор, обильно публиковавший свои рецензии среди прочего в британской воскресной газете «The Observer» (осн. 1794).
- 33 Имеется в виду американский журнал книжных рецензий «Kirkus Review», основанный в 1933 г. Вирджинией Кёркэс (1893–1980) и первоначально называвшийся «Бюллетенем службы книжных магазинов Кёркэс».

- ³⁴ Элиот Фримонт-Смит (1929–2007) — американский литературный критик, один из основателей американской некоммерческой организации «Национальный кружок книжных критиков» (осн. 1974) — профессиональной ассоциации редакторов книжных обзоров и критиков.
- ³⁵ Американское издательство «Simon & Schuster, Inc.», основано Ричардом Лио Саймоном (1899–1960) и Максом Линколном Шустером (1897–1970) в 1924 году.
- ³⁶ «The New School» (осн. 1919) — частный некоммерческий исследовательский университет в Нью-Йорке.
- ³⁷ «Paul Stuart» (осн. 1938) — американская марка мужской и женской одежды, основана галантерейщиком Ралфом Остроувом и названа в честь его сына Пола Стюарта Остроува.
- ³⁸ «Figurines» — американская марка диетических батончиков, выпускавшаяся компанией «Pillsbury» в 1970-е годы.
- ³⁹ Все торговые марки пищевых продуктов и названия франшиз, упоминаемые в этом тексте, реальны.
- ⁴⁰ Джордж Сигал (1924–2000) — американский художник, известный многофигурными скульптурными композициями.
- ⁴¹ «Crazy Eddie» — американская розничная сеть потребительской электроники, осн. в 1971 г. предпринимателями Эдди и Сэмом Энтарами. Гровер Уошингтон-мл. (1943–1999) — американский джазовый саксофонист, игравший джаз-фанк и соул-джаз.
- ⁴² «Balducci's Food Lover's Market» — американская сеть розничной торговли специализированными продуктами питания, осн. в 1916 г. Луисом Балдуччи.
- ⁴³ Престижное здание по адресу Пятая авеню, 1, в Нью-Йорке.
- ⁴⁴ «semiotext(e)» — американский журнал, впоследствии независимое издательство, основанное в 1974 г. группой студентов семиотики Университета Колумбия. «praxis» — независимый журнал, выходивший в Беркли, Калифорния, в 1975–1978 гг. Всего вышло четыре номера.
- ⁴⁵ Американский союз защиты гражданских свобод (осн. 1920) — организация социалистов-пацифистов.
- ⁴⁶ Кресло и оттоманка Имза — массово производимая мебель в стиле модерна, разработаны четкой американских дизайнеров Чарлзом Ормондом Имзом (1907–1978) и Бернис Александрой (Рей) Кайзер-Имз (1912–1988) в 1956 г. Барселонское кресло — кресло в модернистском стиле, разработано в 1929 г. немецко-американским архитектором Людвигом Мисом ван дер Роэ (Мария Людвиг Михаэль Мис, 1886–1969) и немецким дизайнером Лилли Райх (1885–1947).
- ⁴⁷ Роланд Дейвид Смит (1906–1965) — американский скульптор и художник, абстрактный экспрессионист.
- ⁴⁸ Марсель Лайош Брейер (1902–1981) — немецкий и американский архитектор-модернист и дизайнер венгерского происхождения.
- ⁴⁹ Ле Корбюзье (Шарль Эдуар Жанере-Гри, 1887–1965) — французский архитектор швейцарского происхождения, пионер архитектурного модерна и функционализма, представитель архитектуры интернационального стиля, художник и дизайнер.
- ⁵⁰ Пьер Луиджи Нерви (1891–1979) — итальянский инженер и архитектор, прозванный «отцом железобетона», изобрел и ввел в строительную

- практику армированные конструкции. Алвар Хуго Хенрике Аалто (1898–1978) — финский архитектор и дизайнер, крупнейшая фигура в архитектуре Финляндии, «отец модернизма» в Северной Европе.
- Йозеф Нойтра (1892–1970) — австрийский и американский архитектор, один из родоначальников модернизма XX в. Готтлиб Элиэль Сааринен (1873–1950) — финский архитектор и дизайнер, основоположник стиля модерн («национальная романтика») в финской архитектуре (или же его сын Ээро Сааринен, 1910–1961, один из крупнейших архитекторов и дизайнеров мебели XX в.). Луис Исидор Кан (Иц-Лейб Шмуловский, 1901–1974) — американский архитектор еврейского происхождения, один из авторов градостроительного плана Филадельфии.
- ⁵¹ Фрэнк Ллойд Райт (1867–1959) — американский архитектор-новатор, оказал огромное влияние на развитие западной архитектуры в первой половине XX в., создал «органическую архитектуру» и пропагандировал открытый архитектурный план. Роберт Вентури (р. 1925) — американский архитектор, один из родоначальников архитектурного постмодернизма. Паоло Солери (1919–2013) — итальянский архитектор.
- ⁵² Сабато («Симон») Родиа (1879–1965) — итало-американский художник, создатель «Башен Уоттса» (*Nuestro Pueblo*, «Наш народ», исп.) — парка из 17 скульптурных структур в районе Лос-Анджелеса Уоттс (1921–1954), который считается одной из вершин «аутсайдерского искусства» Америки. Антони Пласид Гийем Гауди-и-Корнет (1852–1926) — каталонский архитектор, самый известный представитель «каталонского модернизма». Эдвард Дарелл Стоун (1902–1978) — американский архитектор-модернист.
- ⁵³ Фредерик Ло Олмстед (1822–1903) — американский архитектор, ландшафтный дизайнер и журналист.
- ⁵⁴ Зд.: вспоминая о прошлой славе (лат.). Выражение восходит к работе римского историка Гая Саллюстия Криспа (ок. 86–35 до н. э.) «О заговоре Катилины» (40-е гг. до н. э.).
- ⁵⁵ «Drano» — американское средство для прочистки труб, выпускается с 1969 г.
- ⁵⁶ Закон Хэтча был принят в 1939 г., дополнен в 1940 г.; он ограничивал ежегодные расходы партийных политических комитетов суммой в 5 млн долларов, а индивидуальные пожертвования в пользу национального политического комитета суммой в 5 тыс. долларов; по закону, любому государственному служащему штата запрещалось получать какие-либо выплаты из национальных фондов, использовать свое служебное положение для оказания политического влияния, в том числе и на избирателей в ходе предвыборных кампаний.
- ⁵⁷ «Служу» (нем.), девиз Принца Уэльского, который, по легенде, Эдуард Вудсток, «Черный принц» (1330–1376), старший сын короля Англии Эдуарда III, принц Уэльский, правитель Аквитании, поимствовал у побежденного им Иоганна Люксембургского (Яна Слепого, 1296–1346), графа Люксембурга, короля Чехии и титулярного короля Польши, после битвы при Креси 26 августа 1346 г.
- ⁵⁸ Подрядник, секретарь (верс). В Британской Индии так называли местных преподавателей языка и секретарей, нанимаемых европейцами.

- 59 «*Occidental Petroleum*» (осн. 1920) — американская транснациональная нефтяная и газодобывающая корпорация.
- 60 Тому Самому.
- 61 Зд. овощ, а не поэт.
- 62 Артур Онкен Лавджой (1873–1962) — американский философ и историк идей.
- 63 Скорее всего имеется в виду итальянский писатель Карло Кассола (1917–1987).
- 64 Иоханн Иоахим Винкельманн (1717–1768) — немецкий искусствовед, основоположник современных представлений об античном искусстве и археологии.
- 65 Американская писательница и поэт, в первую очередь знаменита своим романом «Маленькие женщины» (*Little Women*, 1868) и его продолжением «Маленькие мужчины» (*Little Men*, 1871).
- 66 Бенито Пабло Хуарес Гарсия (1806–1872) — мексиканский политический и государственный деятель, национальный герой Мексики. Был известен как «мексиканский Джордж Вашингтон» — отец и строитель современной Мексики, отстаивавший независимость страны и внедривший важные прогрессивные и антиклерикальные реформы.
- 67 Явно исполнялось на мотив традиционного американского спиритчуэла «*Nobody Knows the Trouble I've Seen*», впервые опубликованного в 1867 г.
- 68 Себастьян Кабот (Себастьяно Кабото) — итальянский мореплаватель, путешественник, первооткрыватель.
- 69 Роберт Эдвард Ли (1807–1870) — американский военный, генерал армии Конфедеративных Штатов Америки, командующий Северовирджинской армией и главнокомандующий армией Конфедерации один из самых известных американских военачальников XIX в.
- 70 Фраза про (изначально) ежа и лисицу восходит к древнегреческому поэту Архилоху («Много знает лиса, еж [же] одно — но важное», пер. А. Поплавской). Этот текст дошел до потомков благодаря Зенобию — собирателю пословиц (Шв.), считавшему его пословицей, упомянутой Архилохом и цитируемой Гомером. Эразм Роттердамский включил это выражение в переводе на латынь («*Multa novit vulpes, verum echinus vult vulpem*») в свой сборник греческих и латинских поговорок «*Adagia*» (1500), а в 1953 году использовал сэр Исая Берлин в эссе «Еж и лисица».
- 71 Протокола ради стоит отметить, что служанку, прачку, кухарку и няню-кусестер звали Табитой (Тэбби) Эйкройд (ок. 1771 — 1855), она служила семейству Бронте с 1824 г.
- 72 «Кроличий мяч» в 1910–1920-е годы в американском бейсболе называли особенно энергичные подачи. «Кроличий удар» — удар ребром ладони сзади по шее. «Валлийский кролик» — гренок с расплавленным сыром.
- 73 «*Zero Population Growth*» (осн. 1968) — общественная организация, выступающая за контроль рождаемости, информирует граждан о последствиях неконтролируемого прироста населения. В 2002 г. переименована в «*Population Connection*».
- 74 «*Warlike Concertos*» — пьеса для фортепиано британского композитора Ричарда Стюарта Эддиссала (1904–1977), написанная для фильма

- режиссера Брайана Демонда Хёрста «Опасный свет луны» (*Dangerous Moonlight*, 1941).
- 75 «*Cornish Rhapsody*» — пьеса британского композитора Хьюберта Чарлза Бата (1883–1945), написанная для фильма режиссера Лесли Арлиста «История любви» (*Love Story*, 1944).
- 76 «*Grit*» (осн. 1882) — еженедельная газета (ныне журнал), популярная в сельских районах США на протяжении почти всего XX в.
- 77 Марк Шорер (1908–1977) — американский писатель, ученый и литературный критик. В 1961 г. вышла его книга об американском писателе и драматурге Хэрри Синклере Льюисе (1885–1951), первом американском писателе — лауреате Нобелевской премии по литературе (1930) «Синклер Льюис: американская жизнь».
- 78 «*Ingram M11*» — имеется в виду «*MAC11*» (*Military Armament Corporation Model 11*), американский малогабаритный пистолет-пулемет, разработанный Гордоном Ингрэмом в начале 1970-х. «*Stroh*» — австрийская маркапряного рома, существует с 1832 г.
- 79 Джозел Майлз Порте (1933–2006) — американский литературовед, специалист по жизни и творчеству американского эссеиста, поэта, философа-трансценденталиста, религиозного и общественного деятеля Ралфа Уолдо Эмерсона (1803–1882). Эрик Хейфиц (р. 1941) — американский литературовед, американист и преподаватель.
- 80 Парафраз строки стихотворения ирландского поэта Уильяма Батлера Йейтса (1865–1939) «Озерный остров Иннишфри» (1888), пер. В. Чистякова.
- 81 Имеются в виду священные связки талисманов — предметов, обладающих, по поверьям индейцев, сверхъестественной силой (кремниевые ножи, птичьи когти, клювы, перья, части тела животных, вампумы), завернутых в куски кожи.
- 82 Пляска духа — обряд мессианского культа, распространенный в 1870–1890-е годы среди многих индейских племен на западе США; создан пророком Вовокой. Попытка пресечь распространение его учения, американская армия учинила массовое истребление индейцев племени сиу у ручья Раненое Колено. Обряд возрожден в мае 1974 г. в резервации Розовый Бутон, Южная Дакота, Вороньим Псом.
- 83 Имеется в виду четвертая оперетта композитора Артура Салливана (1842–1900) и либреттиста Уильяма Гилберта (1836–1911) «Корабль Его Величества “Передник”», или Девница, полюбившая моряка» (1878).
- 84 Уильям Рэмзи Кларк (р. 1927) — американский юрист, правозащитник и гражданский активист, в 1967–1969 гг. Генеральный прокурор США.
- 85 «*Lucchese Boot Company*» — американский обувной производитель «Lucchese» — американский обувной производитель в Сан-Антонио итальянским иммигрантом Сэмом Луччезе-ст. в 1883 г.
- 86 «Джон Дир» — торговая марка американского производителя сельскохозяйственного, строительного и лесодобывающего оборудования «*Deere & Company*», основана изобретателем Джоном Диром в 1837 г.
- 87 Сэр Амфред Джуэл (Фредди) Изр (в рус. trad. Айер, 1910–1989) — британский философ, логический позитивист.
- 88 «*Azusa Trail*» — ежегодный фестиваль весны в Хьюстоне, отмечается с 1935 г.

- ⁸⁹ «Weed Eater» — компания по производству газонокосилок, осн. в Хьюстоне в 1971 г. изобретателем триммера Джоржем Баллагом.
- ⁹⁰ Филип Кортелью Джонсон (1906–2005) — американский архитектор-модернист и постмодернист, представитель «интернационального стиля».
- ⁹¹ Американский писатель О. Хенри (Уильям Сидни Портер, 1862–1910) работал в газете «Houston Post» (1880–1995) в 1895–1896 г.
- ⁹² Ассоциация молодых христиан — неполитическая международная организация, американское отделение осн. в 1851 г. Американская автомобильная ассоциация (осн. 1902) — некоммерческая федерация клубов автомобилистов Северной Америки. Американский легион — американская организация участников различных войн; осн. в 1919 г. участниками Первой мировой войны. Лига искусств (осн. 1954) — американская организация визуальных художников. Американское общество папоротника (осн. 1893) — общество ботаников и любителей папоротников. Турнверейн — общее название немецких спортивных союзов, созданных для развития «национальной гимнастики» в начале XIX в. при оккупации Германии Наполеоном; в США они продолжают существовать в местах расселения немецких иммигрантов, в частности — в Техасе. Американская федерация труда (АФТ) — Конгресс производственных профсоюзов (КПП) — крупнейшее профсоюзное объединение США, само по себе не профсоюз, не участвует в переговорах, создано в 1955 г. путем слияния ранее существовавших независимо друг от друга крупных профсоюзных объединений АФТ и КПП. Совет великих книг (осн. 1947) — региональное подразделение Фонда великих книг, независимой некоммерческой образовательной организации. Верный орден лося (осн. 1888) — североамериканское братство (первоначально только мужское) и общество взаимной поддержки. Американская федерация планирования семьи (осн. 1916) — общественная организация, выступающая за право на контрацепцию и аборты. Ассоциация китайских торговцев Онь Леон (осн. 1893) — китайское тайное общество (тонь). Национальная организация клубов матерей близнецов (осн. 1960) — американская некоммерческая организация поддержки многодетных семей. Менса (от лат. стол, осн. 1945) — международная организация интеллектуалов.
- ⁹³ «The Galleria» — крупный торговый центр в Хьюстоне, открыт в 1970 г.
- ⁹⁴ Джоралд Д. Хайнз (р. 1925) — владелец частной хьюстонской компании-строительщика «Hine Interests Limited Partnership» (осн. 1957).
- ⁹⁵ Йохан Хейзинга (1872–1945) — нидерландский философ, историк, исследователь культуры. Роже Кайуа (1913–1978) — французский писатель, эссеист, философ, социолог.
- ⁹⁶ «St. Louis Browns» (1902–1953) — американская профессиональная бейсбольная команда Высшей лиги, осн. в 1901 г. как «Milwaukee Brewers», с 1954 г. носит название «Baltimore Oriole». Перемены названий связаны с переездами команды из города в город.
- ⁹⁷ Пер. С. Степанова.
- ⁹⁸ Пер. Я. Проштейна.

- ⁹⁹ Джордж Херман «Детла» Рут-мл. (1895–1941) — американский профессиональный бейсболист. Также известен под кличками «Бамбини» и «Султан удара».
- ¹⁰⁰ Кенисо Маунтин Лэндис (1866–1941) — американский юрист, федеральный судья (1905–1922), с 1920 г. — первый Уполномоченный по бейсболу. Известен тем, что отлучил девятых игроков команды «Чикагские Белые Носки» от организованного бейсбола за сговор с целью проиграть чемпионат 1919 г.
- ¹⁰¹ Пер. С. Степанова.
- ¹⁰² Пер. С. Степанова.
- ¹⁰³ «Gashouse Gang» — бейсбольная команда «Сент-Луисских Кардиналов» в 1934 г. Прозвана так за неопрятный внешний вид, которым они внушали ужас соперникам.
- ¹⁰⁴ Джордж Херолд Сизлер (1893–1973) — американский профессиональный бейсболист.
- ¹⁰⁵ Пер. А. Сергеева.
- ¹⁰⁶ Пер. А. Сергеева.
- ¹⁰⁷ «St. Louis Cardinals» (с 1892) и «Philadelphia Athletics» (1901–1954) — американские профессиональные бейсбольные команды.
- ¹⁰⁸ «Hot Club de France» — французская организация любителей джаза, основана в 1931 г. с целью пропаганды «классического» джаза. Гитарист Жанго Ренарт и скрипач Стефан Граппелли (1908–1997) играли в ансамбле клуба «Quintette du Hot Club de France» в 1934–1939 гг.
- ¹⁰⁹ Роберт Мозес «Левша» Гроув (1900–1975) — профессиональный баскетбольный питчер. Джеймз Эмори Фокс (1907–1967) — американский профессиональный бейсболист, игрок первой базы. Гордон Стэнли «Мики» Кокрен (1903–1962) — американский профессиональный бейсболист, управляющий команды и тренер.
- ¹¹⁰ Джонни Леонард Рузевелт «Перчик» Мартин (1904–1965) — американский профессиональный бейсболист и управляющий команды.
- ¹¹¹ «Chicago White Sox» (с 1903) — американская профессиональная бейсбольная команда.
- ¹¹² Грегори Бейтсон (1904–1980) — британский антрополог, общественный лингвист, семиотик и кибернетик.
- ¹¹³ Джеймз Хенри Лэндис (1934–2017), Мануэль Джозеф «Джим» Ривера (р. 1921), Алфонс Юджин Смит (1928–2002), Луис Эрнесто Апариса Монтьель (р. 1934) — американские профессиональные бейсболисты.
- ¹¹⁴ «Los Angeles Dodgers» — американская профессиональная бейсбольная команда, в 1884–1957 гг. называлась «Brooklyn Dodgers».
- ¹¹⁵ «PEN International» — международная правозащитная неправительственная организация, объединяющая профессиональных писателей, поэтов и журналистов, осн. в Лондоне в 1921 г.
- ¹¹⁶ Виллем де Кунинг (1904–1997) — нидерландский художник и скульптор второй половины XX в., один из лидеров абстрактного экспрессионизма.
- ¹¹⁷ «Ebbets Field» (1913–1957) — стадион в Нью-Йорке, служил базой бейсбольной команды «Бруклинские хитрецы».

- 118 Питер Корнелис (Пит) Мондриан (1872–1944) — американский художник нидерландского происхождения, один из основоположников современной абстрактной живописи.
- 119 «Cincinnati Reds» (с 1890) — американская профессиональная бейсбольная команда.
- 120 Эрнесто Натали Ломбарди (1908–1977) — американский профессиональный бейсболист.
- 121 Алфред Мануэль «Билли» Мартин (1928–1989) — американский профессиональный бейсболист (второй игрок на базе) и управляющий команды. *Pace Gallery* — галерея современного искусства, основана в Бостоне коллекционером, торговцем и кинорежиссером Арнолдом Глимхером в 1960 г. В 1963 г. переехала на Манхэттен.
- 122 Джордж Майкл Стайнбрэннер 3-й (1930–2010) — американский предприниматель, владелец бейсбольной команды «Нью-Йоркские Янки».
- 123 Отсылка к книге американского психолога и психиатра Эрика Бёрна (1910–1970) «Игры, в которые играют люди» (*Games People Play*, 1964), в основе которой лежит его работа, посвященная транзакционному анализу.
- 124 Отсылка к американской патриотической песне «*America the Beautiful*» (опубл. 1910), музыка Сэмюэла О. Уорда, слова Кэтрин Ли Бейтс.
- 125 Генерал-лейтенант сэр Оливер «Папаша» Военжох (*Daddy Warbucks*) — персонаж комикса «Сиротка Энни» (*Little Orphan Annie*) американского художника Херолда Грея, впервые появился в 1924 г.
- 126 Херберт Маршалл Маклюэн (1911–1980) — канадский философ, филолог, литературный критик, теоретик современных средств массовой коммуникации и информации.
- 127 Имеется в виду американский экономист Мартин Шубик (р. 1926). Его книга «*Game Theory and Related Approaches to Social Behavior*» впервые вышла в 1964 г.
- 128 Имеется в виду, конечно, английская рок-группа «*The Rolling Stones*» (с 1962).
- 129 Имеется в виду американская художница Маргарет Кин (Пегги Дорис Хокинз, р. 1927), чьи работы первоначально приписывались ее тогдашнему мужу Уолтеру Стэнли Кину (1915–2000).
- 130 Говоря строго, «Довольно» можно считать последними словами Израиля («и сказал Израиль: довольно, еще жив сын мой Иосиф; пойду и увижу его, пока не умру», Быт. 45:28). Последними записанными словами немецкого философа Иммануила Канта (1724–1804) принято считать «*Es ist gut!*» («Хорошо»).
- 131 Уильям Кидд (ок. 1654–1701) — шотландский мореплаватель и английский капер. Подобное обращение к толпе собравшихся действительно приписывается ему, когда он стоял с петлей на шее.
- 132 Одна из (неподтвержденных) приблизительных версий того, что Д. Н. Толстой произнес на смертном одре. На самом деле по шести имеющимся записям тех, кто присутствовал при его кончине, ничего подобного он не говорил.
- 133 Примером это американский предприниматель и политик Хорас Остин Уорнер Табор (1830–1899) произнес перед смертью жене Элизабет

- Маккорт «Маленькой Важенке» Табор (1854–1935) по поводу рудника Несравненный. История жизни этой пары стала темой оперы композитора Дагласа Мура и либреттиста Джона Летуша «*The Ballad of Baby Doe*» (1956).
- 134 Администрация общих служб — независимое федеральное ведомство, создано в 1949 г. Осуществляет административно-хозяйственное руководство всей системой материального обеспечения органов исполнительной власти США в центре и на местах.
- 135 Чарлз, 1-й маркиз Корнуоллис (1738–1805) — британский военный и политический деятель, управляющий колоний. В американской Войне за независимость капитулировал объединенным американским (под командованием генерала Вашингтона) и французским войскам 19 октября 1781 г.
- 136 Континентальный конгресс — законодательный орган будущих США во время и после Войны за независимость (1774–1776).
- 137 Джозеф Лестер (Джоди) Пауэлл-мл. (1943–2009) — пресс-секретарь Белого дома в администрации 39-го президента США (1977–1981) Джеймса Эрла (Джимми) Картера-мл. (р. 1924).
- 138 «Банда четырех» — идеологический ярлык, используемый в официальной китайской пропаганде и историографии для обозначения группы высших руководителей Коммунистической партии Китая, выдвинувшихся в ходе Культурной революции 1966–1976 гг. и ставших наиболее приближенными к Мао Цзэду лицу в последние годы его жизни. Согласно официальной версии, после смерти Мао члены «банды четырех» намеревались узурпировать высшую власть, но были разоблачены и арестованы. В состав группы входили последняя жена Мао актриса Цзян Цин (1914–1991), а также Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и Ван Хунвэнь.
- 139 *Blue Cross* — неприбыльный страховой полис, предлагаемый Ассоциацией Голубого Креста и Голубого Щита, покрывает часть расходов, связанных с пребыванием в больнице. Идея такого страхования впервые появилась в 1929 г.
- 140 Вероятно, следует расплести эту шутку Бартелми. Он имеет в виду две известные техасские компании — «*Bell Helicopter*», основанную в Форт-Уорте в 1935 г., производителя аэрокосмических устройств и в частности вертолетов; и «*Howell Instruments*», основанную там же в 1951 г. и производящую авиационные приборы. «*Bell & Howell*», тем не менее, — компания, производящая киноаппаратуру, основана в Иллинойсе в 1907 г. В 1949–1964 гг. ее президентом был Чарлз Хартинг (Чак) Пёрси (1919–2011), в 1966 г. избранный в Сенат от Республиканской партии, где участвовал в работе Комиссии по международным связям, а впоследствии и возглавлял ее. В 1977 г. вместе с сенатором-республиканцем Хьюбертом Хорейшо Хамфри-мл. (1911–1978) выдвинул инициативу по созданию Альянса за сохранение энергии.
- 141 Джордж Уошингтон Карвер (1861/1864–1943) — афроамериканский ботаник и изобретатель, химик, педагог и проповедник, предлагавший выращивать вместо пострадавшего годного хлопчатника арахис, на основе которого разработал 105 рецептов. Так же в качестве альтернативной

- культуры предлагал батат (и тоже изобрел множество способов его переработки и применения).
- ¹⁴² Джеймс Херолд Уилсон (1916–1995) — британский политик-лейборист, премьер-министр Великобритании (1964–1970, 1974–1976).
- ¹⁴³ Скорее всего, отец Хоан Куинь (1901–1976?), вьетнамский католический активист, организатор сопротивления коммунистическому режиму Хо Ши Мина на севере Вьетнама. Погиб в тюрьме.
- ¹⁴⁴ Дейвид Дин Раск (1909–1994) — Государственный секретарь США (1961–1969).
- ¹⁴⁵ Джордж Луис Чувало (р. 1937) — канадский профессиональный боксер-тяжеловес хорватского происхождения.
- ¹⁴⁶ Чарлз М. Хаар (1921–2012) — американский юрист, сторонник правилительственного регулирования городского строительства.
- ¹⁴⁷ Кристофер Коламбэс (Крис) Крафт-мл. (р. 1924) — американский аэрокосмический инженер.
- ¹⁴⁸ Бэрри Моррис Голдуотер (1909–1998) — американский политик-конструктор, предприниматель и писатель, кандидат на президентских выборах 1964 г. Джон Влиет Линдзи (1921–2000) — американский политик, юрист, впоследствии — мэр Нью-Йорка (1966–1971). В 1971 г. перешел из Республиканской партии в Демократическую.
- ¹⁴⁹ Ани Дик Обот — нигерийский «святой последних дней», мормонский пророк, в 1965 г. инициировавший раскол нигерийского религиозного движения с Церковью святых последних дней в США.
- ¹⁵⁰ Питер Сидни Эрнест Лофорд (Эйлен, 1923–1984) — британский актер, всю жизнь живший и работавший в США.
- ¹⁵¹ Уильям Путнэм Банди (1917–2000) — американский юрист и разведчик, советник по международным делам в администрациях президентов Кеннеди и Джонсона, сыграл одну из основных ролей в планировании Вьетнамской войны.
- ¹⁵² Ралф Уолдо Эллисон (1913–1994) — американский писатель, критик и ученый.
- ¹⁵³ Вальтер Хальштайн (1901–1982) — немецкий политик и государственный деятель ФРГ, юрист, первый президент Европейской экономической комиссии (1958–1967).
- ¹⁵⁴ Бертран Артур Уильям Расселл (1872–1970) — британский философ, математик и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1950). В 1967 г. совместно с Жаном-Полем Сартром провел неофициальный частный трибунал по расследованию военных преступлений, совершенных во Вьетнаме.
- ¹⁵⁵ Дэниэл Марвин Бёрмен (1928–1967) — американский юрист, преподаватель и писатель.
- ¹⁵⁶ Сай Смагил (Канд Ахмед, 1921–1978) — алжирский политический деятель, националист.
- ¹⁵⁷ Чэнь И (1901–1972) — китайский военный и политический деятель, министр иностранных дел КНР в 1958–1972 гг.
- ¹⁵⁸ ЧП — член парламента. Принц Филип, герцог Эдинбургский (р. 1921) — супруг королевы Великобритании Елизаветы II.

- ¹⁵⁹ Жозеф Зузарте Мурунби (1911–1990) — кенийский политик, министр иностранных дел Кении (1964–1966), второй вице-президент страны в 1966 г.
- ¹⁶⁰ Людвиг Вильгельм Эрхард (1897–1977) — западногерманский экономист и государственный деятель, федеральный канцлер ФРГ в 1963–1966 гг.
- ¹⁶¹ Уоррен Эдвард Спан (1921–2003) — американский профессиональный бейсболист, питчер-левша.
- ¹⁶² Основная тарифная шкала — базовая шкала ставок заработной платы для различных категорий федеральных государственных служащих; состоит из 15 категорий, выделенных в зависимости от сложности и ответственности работы. В своем нынешнем виде введена в 1949 г.
- ¹⁶³ Вообще, «Пантажис» — сеть театров-варьете в США и Канаде, основанная в первые годы XX в. американским артистом мюзик-холла, продюсером и импресарио Александром Пантажисом (Перикл Пантажис, 1867–1936).
- ¹⁶⁴ Амин аль-Хафез (1921–2009) — сирийский политический деятель, председатель Национального совета революционного командования, председатель Президентского Совета Сирии (1963–1966). Гамаль Абдель Насер Хусейн (1918–1970) — египетский государственный и политический деятель, второй президент Египта (1956–1970).
- ¹⁶⁵ Карлос Фредерико Вернек де Ласерда (1914–1977) — бразильский журналист и политик. Роберто де Оливейра Кампос (1917–2001) — бразильский экономист, дипломат, политик и писатель.
- ¹⁶⁶ Франсиско Альберто Кааманьо Деньо (1932–1973) — доминиканский военный и политический деятель, революционный президент-конституционалист в апреле-августе 1965 г.
- ¹⁶⁷ Хэрри Хёршфилд (1885–1974) — американский карикатурист, юморист и радиоведущий, был известен как «еврейский Уилл Роджерз». Пол Роджерз Скревэн (1914–2001) — американский политик, был президентом Городского совета Нью-Йорка в 1962–1966 гг. Его супруга Брайди Маккесси Скревэн скончалась в 1989 г.
- ¹⁶⁸ Марсель Карне (1906–1996) — французский режиссер, поэтический реалист.
- ¹⁶⁹ Ралф Суаймер (1914–1998) — британский игрок в спортивный бридж.
- ¹⁷⁰ Мишель де Гросурди де Сен-Пьер (1916–1987) — французский журналист и писатель.
- ¹⁷¹ Роберт Сарджент Шрайвер-мл. (1915–2011) — американский дипломат, политик, общественный активист.
- ¹⁷² Джеймс Уильям Фулбрайт (1905–1995) — американский сенатор-демократ, председатель Комитета по международным делам (1959–1974).
- ¹⁷³ Морис Кув де Мюрвиль (1907–1999) — французский дипломат и политик, министр иностранных дел (1958–1968) и премьер-министр Франции в 1968–1969 г., голлист.
- ¹⁷⁴ Мёрри Кауфман (1922–1982) — американский радиоведущий и диск-жокей, рок-н-рольный импресарио.
- ¹⁷⁵ Пол Каразера Джоунз (1901–1981) — американский политик-демократ.

- 176 Лал Бахадур Шастри (1904–1966) — второй премьер-министр независимой Индии (1964–1966).
- 177 Судя по всему, имеется в виду развод русско-французского художника Марка Шагала (1887–1985) с Вавой (Валентина Григорьевна Бродская, 1905–1993) — их брак продлился с 1952 по 1958 г.
- 178 Джордж Алфред Браун, барон Джордж-Браун (1914–1985) — британский политик, глава Лейбористской партии (1960–1970).
- 179 Джон Джордж Дифенбейкер (1895–1979) — канадский политический и государственный деятель, адвокат, 13-й премьер-министр Канады (1957–1963), лидер официальной оппозиции Ее Величества (1956–1957, 1963–1967).
- 180 Роже Раппансо — генеральный секретарь Каннской ассоциации пляжных операторов.
- 181 Мухаммед Аюб Хан (1907–1974) — главнокомандующий вооруженными силами и президент Пакистана (1958–1969).
- 182 Бернар Бюффе (1928–1999) — французский художник-экспрессионист (мизерабилист). Речь здесь о том, что в конце 1950-х Бюффе расписал холодильник, продаваемый с аукциона в благотворительных целях, но подписал только одну секцию из шести, полагая все это единой работой. Когда через несколько лет Бюффе увидел, что на аукционе продается только одна (подписанная им) секция, он в 1960 г. подал в суд на владельца галереи Ферсинга и выиграл дело: суд запретил продавать его работу по частям и присудил художнику символическую компенсацию в 1 (новый) франк.
- 183 Георг Пихт (1913–1982) — немецкий философ, теолог и педагог.
- 184 Леонард Джеймс Каллахэн, барон Каллахэн Кардиффский (1912–2005) — британский политик-лейборист, канцлер казначейства (1964–1967), министр внутренних дел (1967–1970), Премьер-министр Великобритании (1976–1979).
- 185 Роберт Р. Кёрлен (1922–1996) — американский хирург-ортопед, один из пионеров американской спортивной медицины.
- 186 *Congress of Racial Equality* (CORE) — Конгресс расового равенства (КОР), общественная организация афроамериканцев; основана в 1942 г. Джеймсом Леонардом Фармером-мл. (1920–1999), американским гражданским активистом и правозащитником.
- 187 У Тан (1909–1974) — бирманский дипломат и третий Генеральный секретарь ООН (1962–1971).
- 188 Хуари Бумедьен (1932–1978) — алжирский государственный, военный и политический деятель, полковник, один из лидеров антиколониальной борьбы алжирского народа.
- 189 Георгиос Папандреус ст. (1888–1968) — греческий политик, премьер-министр Греции (1944–1945, 1963, 1964–1965).
- 190 *Ming the Merciless* (с 1934) — главный злодей комикса и мультимедийной франшизы «Flash Gordon», созданный американским художником Александром Гиллеспи (Алексом) Реймондом (1909–1956).
- 191 «The Volage» — знаменитая гостиница с постоянными жильцами в Верхнем Ист-Сайде Нью-Йорка, построена в 1920-е, преобразована в жилой дом в 1985 г.

- 192 «*Defenders of the Earth*» (1985) — американский мультипликационный сериал, в котором против Мина сражаются герои трех различных комиксов: Гордон, Призрак из «*The Phantom*» (с 1936) и «*Mandrake the Magician*» (с 1934) американского художника Ли Фолка (Леон Харрисон Гросс, 1911–1999), а также помощник Мандрагора Лотар, сын Вспыха Рик Гордон, дочь Фантома Джедда Уокер, приемный сын Мандрагора Кшени и сын Лотара Эл-Джей. Мина озвучивал американский актер Питер Ренадей (Пьер Лоран Ренуде, р. 1935).
- 193 Дейл Арлен — героиня «Вспыха Гордона», романтический интерес самого Гордона. Д-р Ханс Зарков — его соратник, блистательный ученый, разработавший ракету для борьбы с Мином.
- 194 *Strategic Defence Initiative* — стратегическая оборонная инициатива (СОИ, «звездные войны») была провозглашена американским президентом Рональдом Рейганом 23 марта 1983 г. Проект предназначался для разрушения ядерных ракет противника лазером или лучом частиц вне атмосферы. Мощные лазеры и высокопроизводительные компьютеры предполагалось разместить на искусственных спутниках Земли, чтобы перехватывать советские межконтинентальные баллистические ракеты на их траектории. Разработка ПО для СОИ оказалась сверхсложной задачей, и проект к 1987 г. провалился, но сильно способствовал развитию в области компьютерных технологий как в США, так и в СССР.
- 195 *Agent Orange* (по цвету маркировки на контейнерах) — вид отравляющего вещества (дефолиант), применявшегося ВВС США во время войны во Вьетнаме в 1964–1973 гг.
- 196 «*Consolidated Edison Co.*» (осн. 1823) — компания коммунального энергоснабжения, монопольно обслуживающая Северо-Восток США.
- 197 *Fancy Dan* — персонаж комиксов «Вселенной “Марвела”», создан художниками Стэном Ли и Стивом Дитко, впервые появился в комиксе о Человеке-Пауке как участник группы сверхгероев в 1964 г. Лайонел Мордекэй Триллинг (1905–1975) — американский литературный критик, писатель, преподаватель.
- 198 В основе этой фразы — «*The quick brown fox jumps over the lazy dog*», английская панграмма, содержащая все буквы алфавита. Первоначально использовалась для проверки работоспособности пишущих машинок и телетайпов, сейчас же чаще применяется для визуализации шрифтов и проверки компьютерных клавиатур. Впервые появилась в 1885 г.
- 199 Реализм (или драматургия) кухонной мойки — термин, описывающий движение в культуре Великобритании, которое существовало в конце 1950-х — середине 1960-х годов в театре, литературе, кинематографе и на телевидении. Его последователи характеризуются использованием стилистики социального реализма и углубленным рассмотрением внутренних проблем рабочего класса Великобритании.
- 200 «*Harrods*» (осн. 1834) — самый известный универсальный магазин Лондона, считается одним из самых больших и фееричных универсальных магазинов мира.
- 201 Издательство «Остров» (нея). Осн. в Берлине в 1901 г.
- 202 Святой Карл I Фландрский (Добрый) (ок. 1084–1127) — граф Фландрии в 1119–1127 гг., сын Кнуда IV, короля Дании, и Аделы Фландрской, дочери Роберта I, графа Фландрии. Карл Смелый (1133–1177) — последний

- герцог Бургундии из династии Валуа, сын герцога Филиппа Доброго Карл IV Красивый (1294–1328) — французский король (1322–1328), последний представитель старшей ветви династии Капетингов на французском троне.
- 203 Уиджи (Артур Феллиг, 1899–1968) — американский фоторепортер польского происхождения, работал в Нью-Йорке в 1930–1940-е и прославился тем, что раньше других репортеров появлялся на месте происшествия.
- 204 Роберт Эдам (1728–1792) — шотландский архитектор-неоклассик, дизайнер мебели и интерьеров.
- 205 Томас Гейнзборо (1727–1788) — английский живописец, график, портретист и пейзажист. Кес ван Донген (1877–1968) — нидерландский художник, один из основоположников фовизма.
- 206 Аршская бумага — высококачественная бумага для акварелей и гравюр, с 1492 г. производилась в деревне Арш (Вож, Франция).
- 207 Сибил Мохой-Надь (1903–1971) — историк искусства и архитектуры, жена венгерского художника и фотографа Ласло Мохой-Надя.
- 208 Ив Клён (Кляйн, 1928–1962) — французский художник, «новый реалист».
- 209 Жорж Дюмениль де Ла Тур (1593–1652) — французский художник, работавший в Лотарингии, крупнейший караваджист XVII в., мастер светотени.
- 210 Владимир Евграфович Татлин (1885–1953) — русский и советский живописец, график, дизайнер и художник театра, один из крупнейших представителей русского авангарда, родоначальник конструктивизма.
- 211 Гавайское название углохвостого спинорога.
- 212 Оливия Матильда (Виви) Лённ (1872–1966) — финский архитектор, первая женщина в истории Финляндии, открывшая собственное архитектурное бюро.
- 213 Чандигарх — столица штата Пенджаб, Индия, спроектированная Ле Корбюзье в 1950 г. Бразилиа — столица Бразилии, спроектированная в 1956 г. архитекторами Лусио Костой и Оскаром Нимейером. Имеется в виду «Талиесин-Уэст» — «западная» усадьба архитектора Ф. Л. Райта в пригороде Финикса, Аризона, ультрасовременный архитектурный и ландшафтный комплекс с террасами и искусственными водоемами, чье строительство началось в 1937 г. «Восточный» дом архитектора, известный как «Талиесин-Ист», находится в поселке Спринг-Грин, Висконсин.
- 214 Чарлз Гудьир (1800–1860) — американский химик-самоучка, изобретатель и предприниматель. Патент на вулканизированную резину получен им в 1844 г.
- 215 Тамми Уайнетт (Вирджиния Уайнетт Пью, 1942–1998) — американская кантри-певица, автор песен.
- 216 Эндрю Джексон (1767–1845) — американский военный и государственный деятель, седьмой президент США (1829–1837).
- 217 Объединенный комитет начальников штабов — консультативный орган Президента, Совета национальной безопасности и министра обороны США по военным вопросам. Создан в 1942 г., входит в структуру Министерства обороны.

- 218 У индейцев Великих равнин — обрядовый головной убор из оленьих перьев, чьи концы часто украшаются конским волосом; по бокам свисают длинные красные ленты, по спине почти до земли спускается шкура кожи, на которую также крепятся перья; ее нижний конец для удобства может надеваться на руку. Такой головной убор иногда украшается рогами бизона.
- 219 Долли Ребекка Партон Дин (р. 1946) — американская кантри-певица и актриса, автор песен, продюсер, мультиинструменталист, предприниматель. Лоретта Линн (Уэбб, р. 1932) — американская кантри-певица, автор песен. Джин Дуэйн Кэркпатрик (Джордан, 1926–2006) — американский дипломат и политолог, советник по международной политике в администрации президента Рейгана, посол США в ООН (1981–1985).
- 220 «The Ed Sullivan Show» — американская эстрадная телепрограмма, шедшая по каналам CBS с 1948 по 1971 г. Ведущий — американский спортивный журналист Эдвард Винсент Салливан (1901–1974).
- 221 Гэри Льюис (Гэри Херолд Ли Левич, р. 1946) — американский популярный музыкант и певец, сын комического актера Джерри Льюиса. Его состав «Gary Lewis & the Playboys» существовал с 1964 по 1970 г.
- 222 «Copacabana» — нью-йоркский ночной клуб, впервые открыт в 1940 г.
- 223 Доналд Джей Риклз (1926–2017) — американский комический актер и писатель.
- 224 Джерри Вейл (Дженаро Луис Витальяно, 1930–2014) — итало-американский эстрадный певец и актер.
- 225 Дьюи «Свинина» Маркэм (1904–1981) — американский черный комический артист, певец, танцор и актер.
- 226 Джо Энн Уорли (р. 1937) — американская, преимущественно комическая, актриса, участница американской комедийной телепрограммы «Rowan & Martin's Laugh-In», шедшей на NBC с 1968 по 1973 г.: программу вели американские комические актеры Дэниэл Хейл (Дэн) Роуэн (1922–1987) и Томас Ричард (Дик) Мартин (1922–2008). «Funny Girl» (1964) — бродвейская оперетта Джули Стайн, либретто Боба Меррилла. Экранизирована Уильямом Уайлером в 1968 г. с Барброй Страйсэнд в главной роли.
- 227 «Doodletown Pipers» (1966–1987) — американская вокальная группа с переменным составом (до 30 человек).
- 228 Родни Марвин (Род) Маккьюэн (1933–2015) — американский популярный поэт, певец, актер и автор песен.
- 229 Джордж Денис Патрик Карлин (1937–2008) — американский сатирик, комический актер и писатель.
- 230 Имеется в виду марка зубной пасты «Блеск» (Gleem), выпускавшейся в 1950–1960-х гг. компанией «Проктер-и-Гэмбл» в 1952–2014 г. Реклама «Gleem» утверждала, что в ней содержится секретный активный компонент «GL-70», убивающий бактерии и запахи изо рта, но подтверждение этому так и не было получено; по всей вероятности, «секретный компонент» был просто рекламным ходом.
- 231 Мэри Хопкин (р. 1950) — валлийская фолк-певица, «открытая» Полом Маккартни и подписанная им на «битловский» лейбл «Apple» в 1968 г.
- 232 Строки из песни «Morning of My Life», написанной Барри Гиббом («The Beatles») в 1965 г.

- 233 «Дорогой длиною» — русский романс, написанный в 1924 г. композитором Борисом Фоминым (1900–1948) и поэтом Константином Подревичским (1888–1930). Существует также вариант текста Павла Германа. Под названием «*Those Were the Days*» (1968) с английским текстом американского музыканта и драматурга, преподавателя архитектуры Джина (Евгения) Раскина (1909–2004) песня стала популярна во всем мире.
- 234 Катание яиц — славянская и германская пасхальная игра, заключающаяся в скатывании пасхальных яиц с небольшой горки или по специальным дорожкам, шиферным листам. Символизирует камень, скатившийся с Гроба Господня перед воскрешением Христа.
- 235 75-мм полевая пушка образца 1897 г. — основная французская легкая полевая пушка времен Первой мировой войны (1914–1918).
- 236 Пёрл Рид Места (Скёрвин, 1889–1975) — американская светская львица, посол США в Люксембурге (1949–1953).
- 237 Эд Эймз (Эдмунд Дантес Юрик, р. 1927) — американский популярный эстрадный певец и актер. Хелен Хейз Макартур (Браун, 1900–1993) — американская, преимущественно театральная, актриса. «*On Reflection*» — вторая книга ее воспоминаний, вышла в 1968 г. Среди прочего в ней говорится о возврате актрисы в лоно Римской католической церкви.
- 238 Том Джоунз (р. 1928) — американский поэт и либреттист. Харви Лестер Шмидт (р. 1929) — американский композитор и художник-иллюстратор. Речь идет об их песне «Чаша моя преисполнена» (*My Cup Runneth Over*) по мотивам Пс. 22:5 из оперетты «*I Do! I Do!*» (1966), ставшей популярной в исполнении Эда Эймза.
- 239 «*Dear World*» (1969) — бродвейская оперетта композитора и либреттиста Джерри Хёрмена по пьесе Жана Жироду «Безумица из Шайо».
- 240 Действительный случай в октябре 1968 г. 25-летний техник студии Аллен Витч неверно подсоединил монитор, и фильм, предназначенный для его частного просмотра, шел в эфире около 15 мин.
- 241 «*Barcalounger*» — мягкое кресло для отдыха, первоначально выпускавшееся американской компанией «Баркало».
- 242 Противоречивая реклама тонких сигарет «Силва», разработанная в конце 1960-х — начале 1970-х агентством Ф. Уильяма Фрида (1928–2003): «Сигареты — как женщина. Лучшие — тонкие и богатые».
- 243 Иоанн, 8:32.
- 244 «*Great Expectations*» (1860–1861) — тринадцатый роман Чарльза Дикенза.
- 245 «*Masters of War*» (1962–1963) — антивоенная песня Боба Дилана на основе английской народной песни «*Nottamun Town*».
- 246 Имеется в виду «Международное детективное агентство Уильяма Дж. Бёрнза», учрежденное Уильямом Джоном Бёрнзом (1861–1932), американским частным детективом, директором Бюро расследований США (1921–1924), для борьбы с рабочим движением в США. «Люди Бёрнза» стало именем нарицательным, как «пинкертоны».
- 247 «*Finlandia*, Op. 26» (1899–1900) — симфоническая поэма финского композитора шведского происхождения Юхана Юлиуса Христиана Сибелюса (1865–1957).
- 248 Исидор Файнстин Стоун (1907–1989) — американский радикальный писатель и журналист-расследователь.

- 249 Существует некоторое количество мифов о Филомеле, и здесь автор явно имеет в виду их все сразу. Терей, второй супругой которого она стала, правил то ли фракийским племенем одрисов, то ли всеми фракийцами, и вырезал ей язык, а то ли соловьем, то ли ласточкой она стала волею богов, чтобы избежать его преследований.
- 250 Рамон «Монго» Сантамария Родригес (1917–2003) — афрокубинский джазовый перкуссионист, композитор.
- 251 Фраза из рекламного ролика «Алка-Зелцера» (1972), созданного Хауи Коэном и Бобом Паскуалиной.
- 252 Восточный зал — один из залов Белого дома, резиденции Президента США, где помимо официальных и протокольных мероприятий проходили заупокойные службы по президентам. Одна из самых известных легенд, связанных с Восточным залом, — история о том, как жена президента Эдамза Эбигейл сушила в нем белье на веревке, поскольку строительство Белого дома еще продолжалось и специального помещения для стирки не было.
- 253 Все виды вооружений, марки и производители оружия, упоминаемые в этом тексте, реальны.
- 254 Комиссия по ценным бумагам, создана актом Конгресса США в 1934 г. в целях предотвращения повторений биржевых крахов, подобных обвалу 1929 г., вызвавшему Великую депрессию; вводит правила торговли на биржах США и следит за их соблюдением.
- 255 Пятеро сыновей основателя девелоперской фирмы «*Tishman Realty & Construction*» (1898) Джулиуса Тишмена (1864–1935).
- 256 Межрайонная скоростная система перевозок — наиболее загруженная линия метрополитена Нью-Йорка, соединяет Бруклин с Бронксом через Манхэттен.
- 257 Фрэнсис Боузли Краузер-мл. (1905–1981) — американский журналист и кинокритик, 27 лет проработал в газете «*The New York Times*».
- 258 Ханс Мемлинг (1433/1435–1494) — фламандский живописец немецкого происхождения, один из наиболее значительных художников Фландрии второй половины XV в.
- 259 «*Cedars-Sinai Medical Center*» (осн. 1902) — некоммерческая больница и образовательно-исследовательское учреждение в Лос-Анджелесе.
- 260 Сумочка для туалетных принадлежностей, названная именем американского кожевника Чарльза Доппелта, чья компания разработала эту модель в 1919 г.
- 261 «*Fred Segal*» (осн. 1961) — американская сеть (исходно — западно-голландская) розничной торговли одеждой и аксессуарами.
- 262 Сокр. от «Куэйлуд» (*Quaalude*, с 1962) — американской торговой марки метаквалона, снотворного средства класса хиназолинонов.
- 263 Бюро по делам индейцев создано в 1824 г. при Военном ведомстве США, в 1849 г. передано в Министерство внутренних дел; занималось главным образом вопросами торговли с индейцами и перемещением их в резерваты; ныне занимается всеми вопросами, связанными с американскими индейцами.
- 264 *Lone Ranger* (с 1933) — иконографический персонаж вестернов (на радио, телевидении, в книгах, комиксах и кино), борец с преступностью.

- 265 Глория Мари Стайнем (р. 1954) — американский журналист, политический активист, феминистка.
- 266 Винсент Томас Ломбарди (1913–1970) — американский профессиональный футболист и тренер.
- 267 Джоозеф «Мелкий Джо» Картрайт — персонаж американского телевизионного вестерн-сериала «Бонанза» (1959–1973).
- 268 Эллиот Ли Ричардсон (1920–1999) — американский юрист и политик, Генеральный прокурор при администрации Никсона. Подал в отставку, не желая выполнять распоряжение Никсона уволить особого следователя Арчибалда Кокса (1912–2014) во время Уотергейтского скандала 1973 г. Уильям Дойл Ракедхаус (р. 1932) — американский юрист и правительственный чиновник, глава Агентства по охране окружающей среды (1970–1973, 1983–1985), во время Уотергейта был назначен и. о. директора ФБР, чуть позднее — заместителем Генерального прокурора. Ушел в отставку вместе с Ричардсоном.
- 269 Инкрис Мэзер (1639–1723) — пуританский священник, один из руководителей колонии Массачусетского залива, администратор Гарвардского колледжа и один из инициаторов Сэлемского процесса над ведьмами.
- 270 Сдержки и противовесы — принцип взаимозависимости и взаимоограничения трех ветвей государственной власти в США, основывающийся на положениях Конституции о разделении властей. Этот принцип был развит Томасом Джефферсоном в его «Заметках о штате Вирджиния» (1784).
- 271 «The Flying Wallendas» — европейско-американская цирковая труппа, как правило, работавшая без страховки. Основана немецким акробатом Карлом Валлендой (1905–1978) в 1922 г.
- 272 «Moran Shipping Agencies» (осн. 1937) — американское пароходство со штаб-квартирой в Провиденсе, Род-Айленд.
- 273 Рой Хэлстон Фроуик (1932–1990) — американский модельер-минималист.
- 274 «Triangle Publications» (1946–1988) — американская медиа-группа, одно время публиковавшая среди прочего двухнедельный журнал с телепрограммой «TV Guide» (осн. 1948).
- 275 Форт Тикондерога — крепость на северо-востоке штата Нью-Йорк, построенная французами в 1755 г., в ходе Войны с французами и индейцами и Войны за независимость неоднократно переходила из рук в руки.
- 276 Парафраз Ос. 13:14, 1 Кор. 15:55.
- 277 Сэр Кеннет Маккензи Кларк (1903–1983) — британский историк искусства, директор музеев и галерей, телеведущий.
- 278 Сэмфорд Коуфалс (Браун, р. 1935) — американский профессиональный бейсболист, штурман-левша.
- 279 «The Star Spangled Banner» — государственный гимн США на музыку Джона Стаффорда Смита (ок. 1773) и стихи Фрэнсиса Скотта Ки (1814).
- 280 Пер. К. С. Фарая
- 281 Фредерик Дж. Хоффман (1909–1967) — американский литературовед, преподаватель
- 282 Этел Мёрвен (Этел Агнес Циммерманн, 1908–1984) — американская актриса и певица

- 283 Сэр Реджинальд Кари (Ренс) Хэрчисон (1908–1990) — британский актер театра и кино
- 284 «The Rise and Fall of the Third Reich» (1960) — история нацистской Германии, написанная американским военным журналистом Уильямом Лоренсом Ширером (1904–1993).
- 285 Пер. С. Степанова
- 286 Пер. С. Степанова.
- 287 Пер. К. С. Фарая. Душа моя (фр.).
- 288 Пер. Я. Пробштейна.
- 289 Клайв Селзби Ревилл (р. 1930) — новозеландский режиссер и актер.
- 290 Пер. С. Степанова.
- 291 Дейвид Меррик (Давид Ли Маргулис, 1911–2000) — американский театральный продюсер.
- 292 Пер. С. Степанова.
- 293 «Суини среди соловьев», пер. Е. Финкеля и А. Сергеева.
- 294 Пер. К. С. Фарая.
- 295 Сэр Херманн Бонди (1919–2005) — англо-австрийский математик и космолог. Томас Голд (1920–2004) — австро-англо-американский астрофизик. Сэр Фред Хойл (1915–2001) — британский астроном.
- 296 «Мерцбау» (1923–1937) — проект по реорганизации интерьера собственного дома в Ганновере, предпринятый немецким художником и писателем Куртом Херманном Эдуардом Карлом Юлиусом Швиттерсом (1887–1948).
- 297 «Sergeant Preston of the Yukon» — американский приключенческий телесериал, выходивший с 1955 по 1958 г.
- 298 Португепя названа в честь британского военного, ее изобретшего, — сэра Сэмюэла Дж. Брауна (1824–1901).
- 299 Формула, входящая к аттическим мистериям — культу Аттиса, юноши необычайной красоты, родом из Фригии, возлюбленного Кибелы.
- 300 Гиблая часовня — место соблазнения колдуньей Хеллавис Ланселота Озерного в «Смерти Артура» Томаса Мэлори (рус. пер. И. Бернштейн). Также упоминается в «Бесплодной земле» Т. С. Элиота.
- 301 Уэст-Пойнт (с 1802) — Военная академия Сухопутных войск США. Сэндхэрт (с 1946) — Военное училище сухопутных войск Великобритании.
- 302 Во тьме (с отсылкой к Иоанн. 1:5: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его») между прочим для вида, первый среди равных (лат.).
- 303 «G. Schirmer, Inc.» — американские издательство нот и музыкальной литературы, основано в 1861 г. Главным издателем Ширмером-ст. (1829–1893).
- 304 В японском фольклоре «кодoku» — разновидность волшебства, при которой колдун сажает в банку несколько ядовитых насекомых и ждет, когда они прикончат друг друга. Оставшееся в живых насекомое затем используется в различных целях — как для отравления, так и в качестве амулета на счастье.
- 305 «The Stanhope» — гостиница с постоянными жильцами в Нью-Йорке на Пятой авеню, построенная в 1926 г. и отданная сицилийско-американским архитектором Розарио Канделой. В 2005 г. преобразована в жилой дом.

- ³⁰⁶ «Turnbull & Asser» — англо-американская фирма-производитель дорогой мужской одежды, основана в 1885 в Лондоне трикотаажником Реджиналдом Тернбуллом и торговцем Эрнестом Ассером.
- ³⁰⁷ Томас Пирсолл Филд Ховинг (1931–2009) — американский управляющий музеев, директор Музея искусств Метрополитэн (1967–1977), основанного в 1870 г. Организация участия Мета во всемирных показах выставки «Сокровища Тутанхамона» (1972–1981) считается вершиной его карьеры.
- ³⁰⁸ Оуэн Уистер (1860–1938) — американский писатель, историк, «отец» вестерна.
- ³⁰⁹ Административный указ (указ Президента) — подзаконный акт, издаваемый Президентом США в рамках полномочий, данных ему Конституцией США, имеет силу закона и не требует одобрения Конгрессом. Нумерация указов введена с 1907 г., причем отсчет указов ведется со времен администрации Эйбрахэма Линкольна.
- ³¹⁰ Лоран Кассегрен (1629? — 1693) — французский католический священник и оптик, разработал схему телескопа-рефлектора, отличающуюся от предложенной ранее Ньютоном.
- ³¹¹ Чертов остров — один из трех островов архипелага Иль-дю-Салю, в 13 км от побережья Французской Гвианы. В 1852–1952 гг. служил тюрьмой для особо опасных преступников.
- ³¹² Имеется в виду Хауард Зефф (1927–2009) — американский режиссер, создатель телевизионной рекламы и рекламный фотограф.
- ³¹³ Строка из арии «Golden Days» из оперетты Зигмунда Ромберга «The Student Prince» (1924), либретто Дороти Доннелли.
- ³¹⁴ «Playtex» (с 1947) — американская торговая марка женского белья, детских и гигиенических продуктов.
- ³¹⁵ Отсылка к стихотворению валлийского поэта Дилана Томаса (1914–1953) «In the White Giants Thigh» (1950).
- ³¹⁶ «Jingle Bells» (1857) — популярная рождественская песня американского композитора Джеймса Лорда Пирпонта (1822–1893).
- ³¹⁷ «Daisy Bell (Bicycle Built for Two)» (1892) — популярная песня британского композитора Хэрри Джекера (Френка Дина, 1857–1922). Считается, что песня вдохновлена одной из любовниц короля Эдварда VII Дейзи Гревилл, графиней Уорикской (1861–1938).
- ³¹⁸ «Good Humor» — американская торговая марка мороженого-эскимо (на палочке, облитого шоколадом), изобретенного Кристианом Нелсоном в 1919 г.
- ³¹⁹ День флага — национальный праздник США, отмечается 14 июня в память о том, что в этот день в 1777 г. Конгресс утвердил «звездно-полосатый флаг» в качестве государственного флага США. Первая общественная инициатива по введению этого праздника относится к 1885 г.
- ³²⁰ Теодор Хендрик ван де Вельде (1873–1937) — голландский гинеколог, сексолог, директор Института гинекологии в Гарлеме. Получил международную известность после того, как в 1926 г. вышла его книга «Идеальный брак» (*Het volkomen huwelijk*), исследующая чувственность и эротичность в семейных отношениях. В 1932 г. Римской католической церковью книга была внесена в Индекс запрещенных книг, выдержав

- к тому времени в Германии 42 издания. Перевод на английский язык был выпущен 46 раз, и его суммарный тираж достиг полутора миллиона экземпляров. В Швеции вплоть до 1960-х годов книга считалась порнографической, и на ее распространение были наложены «ограничения».
- ³²¹ Бак Роджерз — герой одноименного комикса (1928) американского художника Филипа Френсиса Ноултона (1888–1940) и фантастико-приключенческого киносернала (1939).
- ³²² Тьюзди Уэлд (Сьюзен Кор Уэлд, р. 1943) — американская актриса.
- ³²³ Отторино Респиги (1879–1936) — итальянский композитор. На второй стороне упомянутой пластинки (1972) записана его третья сюита «Старинные песни и танцы» (1932) в исполнении оркестра Берлинской филармонии под управлением Херберта фон Караяна.
- ³²⁴ «How High the Moon» — джазовый стандарт композитора Моргана Льюиса на слова Нэнси Хэмилтон. Впервые прозвучал в музыкальном ревю «Two for the Show» (1940).
- ³²⁵ Оони — традиционный титул правителей города Ифе на юго-западе Нигерии, одного из важнейших очагов древней цивилизации в Западной Африке. В XII–XIX вв. Ифе был городом-государством народа йоруба, до сих пор почитается как прародина этого народа.
- ³²⁶ Бартоломеус Спрангер (1546–1611) — фламандский художник, живший и работавший в Италии и Чехии. Картина «Вулкан и Майя» создана им между 1575 и 1580 г.
- ³²⁷ Пьетро Риччи (1606–1675) — итальянский художник барокко. Его картина «Танкред и Эрминия» (1660) создана по мотивам рыцарской поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», XIX, 103–114.
- ³²⁸ «Смеющийся кавалер» (1624) — портрет художника «золотого века» голландской живописи Франца Халса (1582/1583–1666).
- ³²⁹ Картина (1664) итальянской художницы Элизабетты Сирани (1638–1665).
- ³³⁰ Один из вариантов названия картины (1812–1820) швейцарско-английского живописца, графика, историка и теоретика искусства Иоганна Генриха Фюссли (Хенри Фюзели, 1741–1825).
- ³³¹ «Value Line» (осн. 1931) — американское финансовое агентство, публикация составной индекса «Вэлью Лайн»; ежедневный инвестиционный обзор агентства оказывает влияние на американский фондовый рынок.
- ³³² «Damfino» — название яхты из короткометражного фильма «The Boat» (1921) американского комического актера и режиссера Джозефа Френка «Бастера» Китона (1895–1966).
- ³³³ «Knoll, Inc» — американская дизайнерская фирма и производитель конторской мебели и аксессуаров, основана в 1938 г. немецким иммигрантом Хансом Г. Ноллом (1914–1955).
- ³³⁴ Фернандо Сор (Хосе Ферран Сор-и-Мунтанес, 1778–1839) — каталонский классический гитарист-виртуоз и композитор, один из самых знаменитых классических гитаристов XIX в. Франсиско Таррега-и-Эшеа (1852–1909) — каталонский классический гитарист и композитор. Андрес Сеговия Торрес (1893–1987) — испанский гитарист, считается «отцом современной академической гитары».

- ³⁵⁵ Джузеппе Берто (1914–1978) — итальянский прозаик, драматург и сценарист. Наталия Гинзбург (1916–1991) — итальянская писательница. Курцио Малапарте (Курт Эрих Зукерт, 1898–1957) — итальянский писатель, журналист, кинорежиссер. Карло Эмилио Гадда (1893–1973) — итальянский писатель. Джорджо Бассани (1916–2000) — итальянский прозаик и поэт, известный своей прозой из жизни феррарских евреев. Томмазо Ландольфи (1908–1979) — итальянский писатель, критик и переводчик.
- ³⁵⁶ Чарлтон Хестон (Джон Чарлз Картер или Чарлтон Джон Картер, 1923–2008) — американский актер и консервативный политический активист.
- ³⁵⁷ Фамилия заимствована у датского скульптора и дизайнера Йенса Харальда Квистгора (1919–2008).
- ³⁵⁸ Отсылка к фолк-песне «*This Land Is Your Land*» на слова (1940) американского фолксингера Вудро Уилсона (Вуди) Гатри (1912–1967). Мелодия восходит к баптистскому гимну «*Oh, My Loving Brother*».
- ³⁵⁹ Из работы З. Фрейда «Самая распространенная форма деградации в эротической жизни» (1905), вошедшей в «Три очерка о теории сексуальности» (1912).
- ³⁴⁰ Добрый друг (фр.). Американская марка бытовых неабразивных чистящих средств, чья формула была разработана в 1886 г.
- ³⁴¹ «*Liberation*» (1956–1977) — американский журнал, в 1960-е связанный с движением «новых левых».
- ³⁴² «*Miller High Life*» — марка светлого пива, выпускается американской компанией «*Miller Brewing Company*» (осн. 1855).
- ³⁴³ Лина Вертмюллер (Арканджела Феличе Ассунта Вертмюллер фон Эльгт Эспаньол фон Браухич, р. 1928) — итальянская сценаристка и кинорежиссер.
- ³⁴⁴ Лоренс Кёрр Оливье (1907–1989) — английский актер и режиссер театра и кино. Экранизировал «Гамлета» в 1948 г.
- ³⁴⁵ Строка из стихотворения Джорджа Гордона, лорда Байрона (1788–1824) «*Fare Thee Well*» (1816).
- ³⁴⁶ Дизи Эшфорд (Маргарет Мэри Джулиа Девлин, 1881–1972) — английская писательница, знаменитая в первую очередь своим детским «романом», напечатанным с сохранением авторской пунктуации и орфографии.
- ³⁴⁷ Следует заметить, что «Белоснежка» все же была поставлена на сцене — как «трагическая оперетта» (Op. 34) нидерландского композитора, дирижера, либреттиста и поэта Михи Хамела (р. 1970). Либретто, правда, было написано им самим (2004–2007).

Благодарности издателей перевода на русский язык

Издательства «Додо Пресс» и «Фантом Пресс» сердечно благодарят соиздателей из Москвы, Тель-Авива, Магадана, Варны, Риги, Владивостока, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Перми, Тюмени, Дзержинска, Киева, Минска, Этобико, Мюнхена, Омска, Воронежа, Харькова, Волгограда, Ванкувера, Холмска, Кишинева, Новосибирска, Могилева, Хабаровска, Южно-Сахалинска, Берлина, Братска, Калининграда, Самары, Лесного, Курска, дер. Степково, Череповца, Ростова-на-Дону, Делфта, Ельца, Барнаула, Омска, Кемерово, Кёльна, Набережных Челнов, Астрахани, Екатеринбурга, Иркутска, Архангельска, Йошкар-Олы, Пудожа, Гатчины, Ирпenea, Челябинска, Железногорска, Северодвинска, Костромы, Кирова, Бердска, Добрянки, Томска, Всеволожска, Пекина, Дублина, Казани, Орла, Чернушки, Ульяновска, Твери, Брянска, Brentфорда.

Пылкий благодарный привет Ярославу Зайцеву, Дмитрию Худолееву, Артёму Гордину, Олегу Крючку и Сергею Шершенкову за громадный вклад в это издание.

Отдельное спасибо нашим партнерам — школе современного ирландского языка *Cairde Thar Toim*, фестивалю *Irish Week*, дизайнерской мастерской ÓZU, московскому бару *Howard loves craft*, ювелирной мастерской «Неординарное соотношение», парфюмерам Кате Порутчик и Маше Головиной, а также интернет-платформе «Планета» за всестороннюю поддержку подписной кампании.

Доналд Бартелми

УЧЕНИЕ ДОНА Б.

Сатиры, пародии, басни,
рассказы в картинках и пьесы

Перевод с английского *Максима Немцова*

Редактор *Шаши Мартынова*

Бета-читатели *Алексей Клепиков, Катерина Романенко*

Корректоры *Елена Кочугова, Евдокия Кукшина*

Оформление обложки *Владимира Камаева*

Верстка *Иды Копыт*

Подписано в печать 05.09.2018. Формат 60×90/16.

Гарнитура «NevaС», Заказ № 8724.

Печать офсетная. Тираж 1500 экз.

Издательство «Додо Пресс»

<http://dodopress.ru>

Издательство «Фантом Пресс»

<http://phantom-press.ru>

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография».

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-905409-20-2

ISBN 978-5-86471-788-2

9 785905 409202 >

9 785864 717882 >